

С. В. Ченнык

ИСТОРИЯ

51-го пехотного
Литовского полка:

ОТ ФИНСКИХ СКАЛ
ДО БЕРЕГОВ ТАВРИДЫ

создано с
росмолодёжь
гранты

С. В. Ченнык

**История
51-го Литовского полка:
от финских скал
до берегов Тавриды**

Севастополь

2022

УДК 94(48).071-073

ББК 63.3(2)

Ч43

создано с
росмолодёжь
гранты

Ч43 **Ченнык, Сергей Викторович**
История 51-го Литовского полка: от финских скал до берегов Тавриды. / С. В. Ченнык. — Севастополь : Альбатрос, 2022. — 440 с. : ил.
ISBN 978-5-907360-44-0

В книге подробно описан боевой путь 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка от формирования до завершения существования в годы Гражданской войны.

Книга предназначена историкам, краеведам и всем интересующимся военной историей Российской Императорской армии.

УДК 94(48).071-073
ББК 63.3(2)

*Книга посвящается памяти
Назаренко Сергея Ивановича,*

фельдфебеля клуба «51-й пех. Литовский Е.И.В.Н.Ц. полк»
Профессиональный военный, он всегда интересовался историей своей Родины. Выйдя на пенсию, увлеченно занялся военно-исторической реконструкцией. В том числе изучением и популяризацией истории 51-го Литовского полка.

Военно-историческая реконструкция

Военно-историческую реконструкцию воспринимают по-разному: для кого-то это актеры-аниматоры; кто-то видит в этом проявление нарциссизма; кто-то считает это глупым хобби (уж лучше бы рыбалкой занимались); для кого-то это действительно просто хобби, в котором можно собраться с единомышленниками и друзьями и интересно провести время; для кого-то это возможность погрузиться в эпоху и проникнуться ощущением другого времени, уйдя от тревог окружающей действительности, а для кого-то — один из способов изучения истории и эпохи.

В своем проекте мы хотим показать, что планомерное и вдумчивое занятие военно-исторической реконструкцией помогает всесторонне изучать выбранную эпоху: начиная от предметов материальной культуры, окружающей обстановки и заканчивая пониманием образа мышления и мотивов поступков людей того или иного времени.

На долгое время про существование 51-го пехотного Литовского полка Русской императорской армии просто забыли, и лишь в начале XXI в. о нем вспомнили, и изучение его стало важным делом для нескольких человек, и в первую очередь — для военного историка Сергея Викторовича Ченныка. Благодаря его усилиям память о полке, который более 100 лет верой и правдой сражался «За Веру, Царя и Отечество» вновь стала достоянием общественности. Чуть позже появился и клуб военно-исторической реконструкции «51-й пехотный Литовский полк», который регулярно проводит мероприятия, направленные на популяризацию изучения истории России начала XX в.

Эта книга издается в рамках проекта «51-й пехотный Литовский полк на службе Отечеству. Реконструкция как способ вовлечения подростков в изучение истории», реализуемого при поддержке Федерального агентства по делам молодежи.

Эта книга — тот теоретический фундамент, на основе которого строятся дальнейшие поиски информации о полке: в архивах и интернете, путем опроса потомков чинов полка, изучения зарубежных документов, мемуаров и т. д. Все эти данные накладываются на места и постройки, которые и сейчас рядом с нами: исторический центр Севастополя, к строительству которого привлекался Литовский полк при адмирале М. П. Лазареве; 10-я батарея в Севастополе, на которой резервные батальоны Литовского полка отражали бомбардировку города

англо-французским флотом в 1854 г.; крепость Керчь, которую солдаты-литовцы строили более десяти лет вместе с другими полками; полковое офицерское собрание в Симферополе, в котором сейчас находится художественный музей; Ливадийский дворец, где полку в 1909 г. вручили юбилейное Георгиевское знамя и где литовцы несли службу по охране императорской семьи и т. д.

Одновременно с этим история подразделения, появившегося в 1809 г. на берегах Балтийского моря, в крепости Свеабург, вышла далеко за пределы Крыма и России. Полк принимал участие в наполеоновских войнах и заграничном походе 1813–1814 гг., в подавлении Польского мятежа, в покорении Кавказа, в венгерском походе, в боях с турками в Закавказье, в Великой войне на территории Галиции, современной Словакии, на Румынском фронте, его представители были в частях Русского экспедиционного корпуса... А закончилась история полка трагическими страницами Гражданской войны и Исходом 1920 г.

Полк менял места дислокации, названия, структуру, но всегда сохранял свои традиции и верность долгу. История этого полка представляет собой как бы концентрацию истории армии России XIX — начала XX вв., и к этой истории есть прекрасный информативный предметный материал, особенно для крымчан и симферопольцев. Этим проектом мы хотим показать, что история — это не сухая наука о прошлом, а непрерывный процесс, многие события которого циклично повторяются. Изучать ее может быть еще увлекательнее, если глубже погрузиться в изучение материальной культуры, географии, фактов, событий, персоналий. Пример такого подхода может быть применен во многих городах России для вовлечения подростков, как в изучение своей малой родины, так и истории и традиций российской армии, исторического процесса в целом.

С уважением,
руководитель проекта «51-й пехотный Литовский полк на службе Отечеству. Реконструкция как способ вовлечения подростков в изучение истории»
Андрей Назаренко
https://vk.com/crimea_partizan

Исторический очерк военной службы 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка

...История полка — это памятник, ему воздвигнутый тем или другим поколением, в назидание будущим преемникам, чтобы каждый из примеров прошлого вызывал любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах.

Александр III, император России

Эта книга — хочется верить, первая, но не последняя из серии, посвященной воинским формированиям, истории которых неразрывно переплелись с Крымом. Таких за многолетнюю историю полуострова было много — десятки, если не сотни, а может, и тысячи. Что там говорить, всегда в решающий час именно вмешательство армии определяло судьбу нашего благодатного края, его дальнейший путь развития, его жизнь и даже государственную принадлежность.

Наш рассказ мы начинаем с полка, судьба которого больше других связана со столицей полуострова — Симферополем. Это 51-й пехотный Литовский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк, с 1874 г. составивший гарнизон города и принимавший участие почти во всех войнах, которые вела Россия в XIX и XX столетиях.

Придя в Крым в середине XIX в., литовцы покинули его, уйдя в изгнание в 1920 г. вместе с остатками Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Но до сих пор их след можно найти в судьбах жителей, названиях улиц и даже в архитектуре Симферополя. Множество тайн и загадок, мифов и легенд, вымышленных и правдивых историй окружает память полка.

Работа над предполагаемой серией началась в преддверии 100-летия начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.), последствия которой уничтожили страну и перевернули мир. Августовские пушки 1914 г. вдребезги разнесли мечты и надежды многих наших соотечественников, в том числе служивших в рядах Русской императорской армии. Последовавшее затем безумие Гражданской войны на десятилетия разделило единый народ некогда великой страны по политическим, наци-

ональным и другим признакам. К сожалению, ее последствия мы ощущаем до настоящего времени.

Надеемся, что наш скромный вклад в сохранение памяти об этих кровавых днях будет с интересом воспринят всеми, кому дорого прошлое и небезразлично настоящее и кто желает иметь достойное будущее.

Мы благодарны всем, кто поддержал проект и с удовольствием называем их: Музей Шереметьевых (Киев), М. Борисов (Москва), М. Хайруллин (Москва), М. Корба (Словакия), А. Бегма (Симферополь).

*С уважением, Сергей Ченнык,
автор, президент благотворительного фонда
«Военная слава Крыма», главный редактор
военно-исторического журнала «Military Крым»*

К ЧИТАТЕЛЮ

Каждая войсковая часть обязана верить в вечность и славу свою и не должна забывать, что настанет время, когда и наши дни будут называться началом прошлого столетия.

*Эпиграф на обложке печатного образца
Описи музея — главного документа каждого пол-
кового музея Российской армии до 1917 г.*

Крым славится не только многочисленными подвигами военного времени — он не менее славен армейскими буднями. Сегодня не каждый знает о том, что полуостров на долгое время стал домом для нескольких старейших и прославленных полков Русской императорской армии.

До 1918 г.¹ на территории полуострова, входившего в Таврическую губернию, были расквартированы части 13-й пехотной дивизии Одесского военного округа: 49-й пехотный Брестский полк (Севастополь), 50-й пехотный Белостокский полк (Севастополь), 51-й пехотный Литовский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк (Симферополь и Евпатория) и 52-й пехотный Виленский Его Императорского Высочества Великого князя Кирилла Владимировича полк (Феодосия).

В гарнизон Севастополя входила 13-я артиллерийская бригада той же дивизии. Кроме этого в Симферополе находился и единственный в своем роде Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк.

В Симферополе дислоцировался штаб 7-го армейского корпуса, включавшего в себя кроме 13-й, 34-ю пехотную дивизию. Хотя она и не стояла гарнизонами в Крыму (ее штаб находился в Екатеринославе²), но три из четырех ее полков отличались «крымскими» именами: 133-й пехотный Симферопольский полк, 134-й пехотный Феодосийский полк, 135-й пехотный Керчь-Еникальский полк, 136-й пехотный Таганрогский полк.

---

1 Если быть совершенно точными — то до ноября 1920 г., времени ухода Русской армии генерала П. Н. Врангеля в эвакуацию из Крыма.

2 В настоящее время — Днепр (Украина).

С берегов Тавриды офицеры и солдаты этих частей ушли на Великую войну 1914 г. и многим из них не суждено было вернуться обратно. Отдать им должное за совершенный забытый подвиг во имя потомков, ныне живущих, за десятилетия забвения — вот цель, которую я ставлю перед собой, приступая к работе над серией книг.

Первым (надеюсь, что не последним) мы публикуем исторический очерк 51-го пехотного Литовского полка. В его основу положен изданный в 1909 г. фундаментальный труд полковника Генерального штаба, бывшего офицера-литовца К. К. Павлюка «История 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. 1809–1909 гг.» с незначительными дополнениями и изменениями. В основном они относятся к периодам Первой мировой войны, государственного переворота 1917 г., Гражданской войны в России, эмиграции и настоящего времени.

Павлюк Константин Константинович (Косьмич) (1864–?) — русский военный деятель, летописец Литовского пехотного полка. Родился в Севастополе. Окончил Севастопольское реальное училище. В 1883 г. поступил в Одесское пехотное юнкерское училище, откуда был выпущен в 1885 г. подпоручиком в 51-й пехотный Литовский полк, дислоцировавшийся в Симферополе. С 1885 по 1898 г. служил в 51-м пехотном Литовском полку. С 1889 г. — поручик. С 1895 г. обучался в Николаевской академии Генерального штаба, которую окончил по первому разряду в 1898 г. и был причислен к Генеральному штабу. С 1898 г. — штабс-капитан. В 1898–1899 г. состоял при Одесском военном округе. В 1899 г. переведен в Генеральный штаб. С 1899 по 1903 г. — старший адъютант штаба 34-й пехотной дивизии. С 1900 г. — капитан. В 1901–1902 г. отбывал цензовое командование ротой в 133-м пехотном Симферопольском полку. В 1903–1904 г. — старший адъютант штаба 7-го армейского корпуса. С 1904 г. — подполковник. С 1904 г. — полковник. В 1904–1905 г. — начальник штаба Очаковской крепости. С 1905 по 1911 г. — старший адъютант штаба Одесского военного округа. В 1908 г. отбывал цензовое командование батальоном в 57-м пехотном Модлинском полку. В 1909 г. отбывал цензовое командование батальоном в 15-м стрелковом полку. С 1911 г. — начальник штаба 3-й пехотной дивизии. Был награжден орденами Св. Станислава III и II ст. ст. и Св. Анны III ст.

Литовцам повезло с историографом. Полковник К. К. Павлюк считается одним из лучших из их плеяды в русской армии. К сожалению,

сегодня не часто вспоминают имя этого выдающегося офицера, прекрасного исследователя. Потомки совершенно забыли его вклад в отечественную военную историографию. В тоже время его труд был высоко оценен современниками.

В 1909 г. собрание Одесского отделения Императорского военно-исторического общества избрало К. К. Павлюка хранителем военно-исторического музея, который со временем предполагалось учредить в Одессе и в котором намеревались собрать предметы, имеющие отношение к боевым событиям, совершавшимся в пределах округа. Одно из выступлений полковника на собрании общества, озаглавленное «О составлении полковых историй», было посвящено опыту историографии воинских частей.

На рубеже XIX и XX вв., словно бы ощущая близкий конец «старого мира» и стремясь сохранить хоть какую-то овеществленную память о прошлом, командиры большинства полков русской армии, в том числе 51-го пехотного Литовского, поспешили издать полковые истории. Хотя полковые истории (первоначальное название — «полковые сказки») были известны с XVII в., расцвет их выпуска в печать приходится на последние десятилетия существования императорской России. Это же время — конец XIX и первые полтора десятилетия XX вв. — время бурного развития отечественного книгоиздательского дела. Толчком для написания историй полков стал приближающийся 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. В указанный период полковые истории печатались числом не менее десяти изданий в год в разных городах Российской империи (Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Варшава, Тифлис³ и др.), чаще всего там, где дислоцировался полк. К началу Первой мировой войны большинство полков могли похвастаться документальными летописями своего боевого пути, от начала формирования до 1914 г.

Несмотря на то что в большинстве случаев летописи составлялись не профессиональными историками, в силу богатства собранного материала (случаи из боевой жизни, письма, схемы, рисунки) зачастую именно они служат основой для написания истории войн и сражений. Это не удивительно. Многие авторы были не просто офицерами того или иного полка, а были лучшими из лучших, цветом российской военной науки, выпускниками Академии Генерального штаба. Они никогда не воспринимали порученную работу как синекуру, а относились к ней

---

3 В настоящее время — Тбилиси (Грузия).

как к выполнению долга перед памятью о прошлом. Офицеры стремились оставить пример для будущих поколений защитников государства Российского. Благодаря их титаническим усилиям многие полковые истории как источниковая база без преувеличения уникальны.

Нередко страницы этих трудов сохраняют детальные описания военных кампаний, которые в современном обществе практически забыты. Почетные места в историях полков занимают рассказы о ратных подвигах офицеров, солдат и боевых подразделений. У каждого полка российской армии были свои герои, и их свершения были отмечены занесением в те самые полковые истории, о которых мы сейчас ведем речь.

Эти произведения — а многие из них отличались высоким литературным и историко-познавательным уровнем — составили целый пласт российской военной культуры. При их чтении в сознании читателя возникает обширная картина жизни, быта, нравов, культурного уровня и интересов самых различных слоев российского общества. Ведь офицеры, и в том числе офицеры-литовцы, не всю жизнь носили военный мундир. Они часто становились чиновниками, жандармами, известными деятелями культуры и науки, дипломатами, промышленниками, пионерами авиации и сельского хозяйства, религиозными адептами... Имена многих из них навеки вошли в отечественную историю. Мало кто не знает имени писателя С. Н. Сергеева-Ценского. Служба в полку стала одним из важных этапов его жизни. Офицером полка был штабс-капитан Д. Г. Андреади — один из первых выдающихся русских летчиков, имя которого в России начала XX в. звучало не менее громко, чем имя первого космонавта Ю. А. Гагарина в СССР.

Приступая к работе над книгой, К. К. Павлюк не ограничился официальными документами и полковым архивом, но и обратился через газеты «Русский инвалид» и «Крым» к бывшим ветеранам-литовцам с просьбой прислать свои воспоминания о службе в полку. Собрав обильный документальный материал, автор проделал огромный труд по его обработке и публикации. Достаточно сказать, что далеко не каждый даже гвардейский полк имел двухтомную историю.

В качестве предисловия автор истории 51-го пехотного Литовского полка использовал слова из приказа императора Александра III, изданного после войны с Турцией 1877–1878 гг.: «Это источник к изучению его [полка] прошлой жизни, это средство к сохранению основных бытовых традиций и боевых преданий и к поддержанию славы и чести, приобретенных службой Царю и Отечеству предшественниками. История

полка — это памятник, ему воздвигнутый тем или другим поколением, в назидание будущим преемникам, чтобы каждый из примеров прошлого вызывал любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах»⁴.

Надеемся, что книга будет интересна всем, кому дорога история нашего Отечества, история Крыма и, конечно, его столицы — Симферополя, чья судьба теснейшим образом переплетена с судьбой 51-го пехотного Литовского полка и с судьбами многих служивших в нем людей.

И хотя, как пишет К. К. Павлюк, «не принадлежит, значит, полк к семье “птенцов гнезда Петрова”, сражавшихся на полях полтавских, не подвизался он на полях битв под знаменами Елизаветы, участвуя в борьбе с великим Фридрихом, не попал в “стаю славную екатерининских орлов”, поражавших врагов Отечества под предводительством Румянцева, не попал в число “чудо-богатырей” славного вождя воинства русского Суворова; ни на берегах Кагула и Рымника, ни под стенами Очакова и Измаила, ни на полях Италии, ни в горах Альпийских не было Литовского полка, ныне существующего...», для нас он свой, хотя бы потому, что судьба его теснейшим образом переплетена с Крымом, с Симферополем. В течение многих лет в его рядах большинство солдат и офицеров составляли жители Тавриды, люди разных национальностей. Это были наши соотечественники и земляки.

В память о них и пишется этот труд.

---

4 Здесь и далее (если не указано иное) цитаты из истории 51-го пехотного Литовского полка приведены по изданию: Павлюк К. К. История 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. 1809–1909 гг.: В 2-х тт. Одесса, 1909.

НАЧАЛО

Пришлось войти ему в семью
Российских доблестных полков,
И начал службу он свою
На севере среди снегов,
Среди финляндских хладных скал...

*К. К. Павлюк, автор истории
51-го пехотного Литовского полка*

Почему «Литовский»?

Официальной датой формирования Литовского полка считается 22 октября⁵ 1809 г. Однако история его начинается задолго до этого дня.

Для начала попытаемся доходчиво объяснить читателю, почему в названии полка мы слышим название одной из балтийских территорий — ныне суверенной, далекой от России и не самой дружественной нам страны, — и какой смысл в этом заложен. Этот вопрос я смело отношу к наиболее часто задаваемым в настоящее время в отношении 51-го полка⁶.

На деле все просто. В Русской императорской армии (как и во многих других, кстати) название полка имело не меньшее воспитательное и эмоционально-психологическое значение, чем «штатные» символы империи: Царь, Вера, Знамя. Существует немало версий относительно критериев, согласно которым подбирались названия для полков и соединений регулярных вооруженных сил. Уже начиная с XVII в. при выборе наименований воинских частей между собой конкурировали два принципа — персонифицированный (когда пехотные или кавалерийские полки называли по именам командиров) и географический. В Петровскую эпоху последний окончательно возобладал, однако само его содержание трактуется с разных позиций.

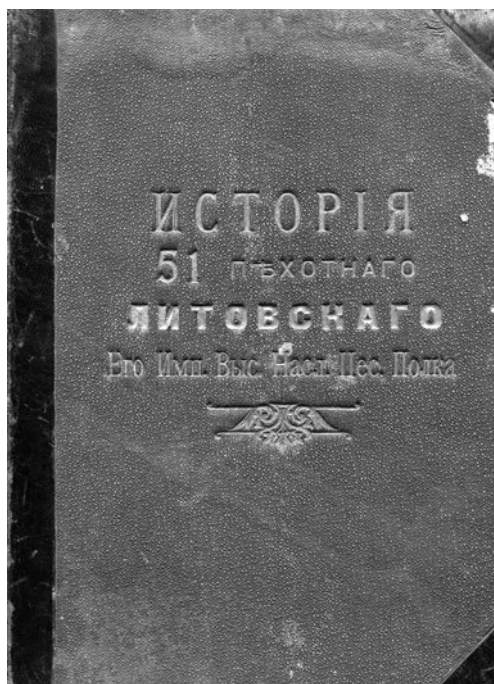
5 Здесь и далее все даты до января 1918 г. приведены по юлианскому календарю (старый стиль).

6 Почему-то большинство считает, что в полку служили исключительно литовцы, и переубедить их в этом не так легко.

До XVIII в. почти все полки назывались по именам их шефов⁷ или полковников, что приводило иногда к путанице в военном делопроизводстве из-за частой смены полковых командиров. Знамена для них составлялись, «как господин ротмистр укажет», то есть символика была довольно произвольной⁸.

Когда при Петре I началась активная военная реформа, полки были «прикреплены» к определенным провинциям, получив соответствующие имена. Военное столкновение России со Швецией, названное позже Северной войной⁹, привело не только к реорганизации русской армии на шведский манер, но и к появлению на ротных знаменах и воинской амуниции русских полков территориальной символики — гербов древних русских княжеств и земель.

*Обложка книги К.К. Павлюка.
Издана штабом Одесского военного круга
в Одессе в 1909 г.*

- 7 Статус шефа полка появился в русской армии еще при Петре I, потом продолжился при Петре III. Павел I применял к своей армии те же принципы, что и его отец, Петр III. Когда в полк назначался шеф, он исполнял обязанности командира полка (если находился при полку), а командир становился его замом. Первый батальон (эскадрон) в полку назывался по имени шефа, а последний — по имени командира. Когда шеф был не при полку, его должность становилась почетной, но не совсем номинальной: руководил полком командир, а за недостатки в полку отвечал и шеф тоже.
- 8 Шелковников М. Знаки боевого братства (о знаках рязанских полков XVIII — нач. XX вв.) // Герадика.ру. URL: <https://sovet.geraldika.ru/article/2710> (дата обращения: 30.09.2022).
- 9 Северная война (1700–1721) — война России (в составе Северного союза) против Швеции за выход к Балтийскому морю. После поражения под Нарвой (1700) Петр I реорганизовал армию, создал Балтийский флот. В 1701–1704 гг. русские войска закрепились на побережье Финского залива, взяли Дерпт, Нарву и другие крепости. В 1703 г. был основан Санкт-Петербург. В 1708 г. шведские войска, вторгшиеся на русскую территорию, потерпели поражение у Лесной. Полтавская битва 1709 г. окончилась полным разгромом шведов и бегством Карла XII в Турцию. Балтийский флот одержал победы при Гангуте (1714), Гренгаме (1720) и др. Завершилась Ништадтским миром 1721 г.

К этой мысли молодой царь пришел не сразу. Приступив в самом конце XVII в. к созданию новых регулярных полков, Петр I по устоявшейся традиции присваивал им обычно имена «полковников» — полковых командиров (Драгунский Морелия полк) или шефов (Драгунский генерал-фельдмаршала Шереметева полк). В этом случае царь следовал как традиции большинства европейских армий того времени, так и русскому обычаю: большинство прежних стрелецких и солдатских полков именовалось по своим командирам.

Исключение составил ряд полков, именовавшихся по подмосковным селам и слободам, в которых эти полки расквартировывались или формировались: Преображенский и Семеновский «потешные» полки, Бутырский выборный солдатский (существовал с середины XVII в.) и Преображенские драгунские полки (последние вскоре тоже стали именоваться по полковникам). В 1700 г. бывшие «потешные» получили почетное наименование полков лейб-гвардии, то есть в буквальном переводе «телохранителей» монарха; в последующем эта почетная приставка являлась составной частью наименований большинства гвардейских частей Русской императорской армии. Даже сменив впоследствии места расквартирования, оба первых гвардейских полка, как и Бутырский пехотный полк, сохранили свои имена — в память о местах, ставших колыбелью новой регулярной армии.

Постепенно географический принцип наименования полков возобладавал, то есть полки стали именоваться по городам и территориям. Один из дореволюционных военных историков так отзывался о причинах подобных перемен: «Мысль Петра Великого назвать полки по именам русских земель и дать им знамена с гербами провинций, которыми назывались, была мыслью глубоко обдуманной. Служа под этими знаменами, солдат считал себя принадлежащим к великому государству, интересы которого защищал»¹⁰.

Следует отметить, что наименования давались не по простой прихоти самодержца, как это может показаться на первый взгляд, — здесь всегда старались придерживаться определенной системы, хотя это не всегда получалось.

Еще одно достаточно распространенное мнение о том, что в русской армии многие полки получали наименования по местам сражений, в ко-

---

¹⁰ Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1893. Т. 2. С. 41.

торых они отличились, следует считать заблуждением. Так, при Петре I среди регулярных полков не было ни одного, именованного «Полтавским», хотя в этом решающем сражении Северной войны их участвовало несколько десятков. Позже, в начале XX в., действительно существовали Кагульский, Рымникский, Бородинский и ряд других пехотных полков, названных в память побед российского оружия, но все эти полки были сформированы спустя долгое время после этих сражений (порой на 100 и более лет позже) и, естественно, не могли в них отличиться.

В 1727 г. по инициативе обер-директора над фортификацией генерала Б. К. Миниха полкам российской армии, которые назывались по именам шефов, присвоили «территориальные» названия.

Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович) (1683–1767) — русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. До 1721 г. служил инженером во французской, гессен-дармштадтской, гессен-кассельской и польско-саксонской армиях. В 1721 г. перешел на русскую службу на должность инженер-генерала. В 1728–1732 гг. — генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии. С 1732 г. — президент военной коллегии, генерал-фельдмаршал. В 1734 г. руководил осадой Гданьска. Во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. командовал войсками в Крыму и Бессарабии.

Большинство регулярных полевых полков в начале XVIII в. получали имена по городам европейской части России, что, впрочем, не означало, что они формировались или располагались в этих городах. Нижегородский пехотный полк, к примеру, был сформирован в 1700 г. в селе Преображенском под Москвой и за последующие 100 лет лишь в 1727–1729 гг. и в 1775–1777 гг. квартировал в Нижнем Новгороде.

В конце 1703 г. в Казани был сформирован пехотный полк, названный в 1708 г. Копорским. Как свидетельствует история полка, он не только не участвовал в боях за Копорье, но и никогда, вплоть до своего переименования в 1784 г. в Витебский, не дислоцировался в районе этой древней крепости.

По какому же тогда принципу полевые полки получали «географические» имена в петровское время?

10 марта 1708 г. большинству пехотных полков дали наименования в честь русских городов и областей, что явно было связано с новым административным делением России на губернии и провинции.

В первую очередь царь Петр «раздал» те названия, которые перечислялись в его титуле: «Московский, Киевский, Новгородский, царь Казанский» и т. д.»¹¹

В большинстве своем, как уже отмечалось, полки имели имена старинных русских городов, расположенных в центре, на северо-западе страны и в Поволжье: Московские пехотный и драгунский, Владимирские пехотный и драгунский, Новгородские пехотный и драгунский и т.д. Именно эти районы являлись основным источником комплектования регулярных войск, поскольку на них ложилась основная тяжесть рекрутских наборов того времени. Однако надо еще раз подчеркнуть, что это вовсе не значило, что полки, именовавшиеся Московским, Казанским и т. д., пополнялись именно москвичами или казанцами. Совершенно неверно распространенное мнение, что с тех пор в Воронежском, например, полку, служили только воронежцы, а, как в нашем случае, в Литовском — исключительно литовцы. Чаще всего было совсем наоборот: регулярная армия России практически никогда не комплектовалась по территориальному принципу.

Хотя исключения и были: Татарский уланский полк в 1807–1833 гг. действительно всегда состоял из литовских татар, Крымский конный полк предназначался для службы в нем крымских татар, а лейб-гвардии Финский стрелковый батальон — финнов.

Наименования полка не оценивались как «звучные» или «неказистые» — они могли быть только «родными» или «чужими». Имя полка — «родное и дорогое уже по одному своему звуку»¹². Об этом говорили многие русские исторические персонажи. Приведем в качестве примера воспоминания князя С. Р. Воронцова¹³:

Чтобы солдаты больше полюбили знамена, под которыми они сражались, он [Петр I] дал русским полкам имена русских земель, и в полку было знамя с гербом той земли, именем которой назывался полк. Через это солдат почитал себя принадлежностью государства, так как он служил в полку, носившем имя одной из частей государства; а когда полки прозвались именами

11 Зезюлинский Н. Ф. К родословию 34 пехотных полков Петра I. Пг., 1915. С. XV, XIX.

12 История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. СПб., 1896. С. 365.

13 Воронцов Семен Романович (1744–1832) — граф, государственный и дипломатический деятель, генерал от инфантерии.

генералов, те же солдаты считали, что они принадлежат этим генералам, которые были их начальниками и именами которых назывались полки. Когда я имел несчастье командовать корпусом, возвратившимся из Голландской экспедиции¹⁴ и навещал наших солдат в Портсмутском госпитале, на мои вопросы, из какого они полка, я выслушивал ответы: «Прежде был такого-то полку; а теперь не знаю, батюшка, какому немцу дан полк от государя». И слова эти сопровождались тяжким вздохом.

Имя полка не менялось, и от этого возникало соревнование между полками; славные подвиги, совершенные в полку такого-то имени, сохранялись по преданию во всем войске и возбуждали другие полки к таковым же. Кто не знает, что полки Астраханский и Ингерманландский всегда отличались перед прочими во время войн Петра Великого? Все русское войско знает, что мы победили во время сражения при Гросс-Егерсдорфе, благодаря первому гренадерскому полку, что этот же полк и третий гренадерский наиболее отличились в сражении при Цорндорфе, что Ростовский полк показал чудеса храбрости в Пальцигской битве, что первому гренадерскому полку принадлежит честь победы в сражениях при Франкфурте и Кагуле. Все эти полки, по преданию, знали славу своего имени и ревностно оберегали ее. Я сам был свидетелем, как на другой день после одного дела под Силистрией¹⁵, где отличился первый гренадерский полк, когда фельдмаршал Румянцев, проезжаясь вдоль этого полка, благодарил гренадеров за их геройскую храбрость, они ему закричали в ответ: «Чему ты дивишься, когда мы инако были?»

Меня уверяют, что зло, о котором я говорю, более не существует, и что полкам возвращены их прежние названия; но я распространился здесь об этом из опасения, чтобы у нас опять не возвратились к вредному прусскому и австрийскому обычаю...

Подражая иностранцам в том, что у них было хорошего, Петр Великий не подражал им в воинском одеянии. Он хорошо знал, что в Пруссии солдаты на две трети суть иностранцы-наем-

14 Русско-английская экспедиция 1799 г. в Голландию — один из эпизодов так называемых революционных войн. Император Павел I, войска которого в это время уже действовали против французов в Северной Италии, согласился на предложение Англии о совместных действиях в Голландии.

15 В настоящее время — Силистра (Болгария).

ники, и что потому там больше заботились о сбережении денег, нежели о сбережении людей. От этого он дал войскам своим сапоги и шинели, чего нет у пруссаков (по причине дороговизны)¹⁶.

Князь С. Р. Воронцов прав: в боевых донесениях доклады об успехах той или иной воинской части звучали и как прославление имени того города или той области государства, имя которой они носили. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. императору было отправлено сообщение об успешной акции генералов А. П. Струкова и М. Д. Скобелева, в котором между прочим писалось: «Уланы и драгуны, носящие названия двух российских столиц, после лихого боя овладели второй столицей Оттоманской империи — Адрианополем¹⁷, который со своим округом вошел теперь в район территорий, занятых войсками Вашего императорского величества»¹⁸.

Нужно отметить, что в России связь с полком, носившим имя того или иного района империи, поддерживалась всегда, даже если этот полк не имел естественной связи с ним, то есть не дислоцировался или не комплектовался из уроженцев. Связь эта носила чаще всего характер спонсорской поддержки. Например, во время Крымской войны в Томский егерский полк постоянно отправлялись подарки или просто поздравительные письма из Томска¹⁹.

Но вернемся к нашему полку, для чего нам придется перенестись туда, откуда все начиналось, — к холодным скалам финских берегов сурового Балтийского моря.

Свеаборгский гарнизонный полк

19 февраля 1711 г. по повелению императора Петра I создаются гарнизонные войска, сформированные из городских стрельцов, солдат, рейтар и др., а также из неспособных к полевой службе чинов из новых регулярных полков. Они предназначались исключительно для внутренней службы в городах и крепостях в мирное время: занимали

---

16 Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске. 1802 г. // Русский архив. 1876. Т. 11. С. 346–347.

17 В настоящее время — Эдирне (Турция).

18 Андреевский Е. К. Из записок 1877–1878 гг. // Русская старина. 1915. Т. 162. С. 300.

19 Провинциальные известия // Северная пчела. 1854. № 286. С. 1360.

Медаль «За переход на шведский берег». 1809 г.

внутренние караулы, гауптвахту, командировали части для набора и сопровождения рекрутов, конвоировали арестантов, высылались для подавления мелких бунтов, ловили бродяг и воров, искореняли корчемство²⁰, охраняли казначейства, здания государственных учреждений, соляные промыслы и т. п.

С 1716 г. гарнизонные части стали играть роль запасных — в них готовили рекрутов для пехоты, а иногда выделяли из их состава кадры для формирования или пополнения новых частей. Почти все время своего существования гарнизонные (отдельные) полки и батальоны, а также внутренняя стража являлись резервом сухопутной армии, которая черпала из них подготовленное пополнение. Кроме всего перечисленного, гарнизонные части являлись вооруженной силой в руках губернатора в случае необходимости поддержания порядка в губернии.

Каждый из гарнизонных батальонов состоял из двух рот, в полку было два батальона. При императоре Павле I гарнизонные полки именовались по фамилиям шефов, которыми были коменданты городов и крепостей. По действовавшему в то время уставу полк имел шефа в чине генерал-майора и полкового командира в чине полковника. И только с вступлением на российский престол Александра I гарнизоны вновь стали именоваться по городам и крепостям.

²⁰ Корчемство — тайная выделка, провоз и продажа предметов, обложенных акцизом или составляющих привилегию казны (вино, пиво, соль и др.). Чаще всего под корчемством подразумевались тайный провоз и продажа вина.

Чтобы читателю было понятно значение термина «шеф полка», сошлемся на работу известного российского военного историка А. А. Подмазо «Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825)».

История появления шефов в полках российской армии начинается во времена царствования императора Петра III, который, будучи приверженцем прусской военной доктрины Фридриха Великого, ввел 25 апреля 1762 г. в русской армии, по образу и подобию прусской, должности шефов полков, повелев полкам называться по именам своих шефов. Екатерина II в том же году отменила название полков по шефам, а вместе с этим упразднила и должности шефов в русской армии. Позднее она вновь ввела эту должность, но она была чисто почетной, ни к чему не обязывающей и ограничивалась инспекторскими функциями. К тому же шеф не числился в штатах полка.

Вступивший в 1796 г. на престол Павел I в числе прочих преобразований по образцу прусской армии в корне изменил понятие шефа полка. В соответствии с новым воинским уставом от 29 ноября 1796 г. шеф считался старшим в полку начальником, действительно ответственным за полк и за всякого рода упущения в нем. Таким образом, значение шефа в то время вполне соответствовало современному понятию о должности командира полка. Кроме того, шеф, как и другие офицеры, в отличие от екатерининских времен, был не только включен в штатное расписание, но и обязан был постоянно находиться при полку. Значение же полкового командира тогда соответствовало нашему понятию о деятельности заместителя командира полка, имеющего широкие полномочия контрольного и исполнительного характера, но весьма ограниченного в проявлении инициативы.

Следуя дальше по пути «опруссачивания» русской армии, Павел I изменил и названия полков по именам их шефов. Прежние названия полкам вернули в царствование Александра I, но институт шефства был сохранен без изменений. Реорганизация армии, начатая в начале XIX в., привела к созданию множества новых генеральских должностей, в результате чего шефов полков стали назначать по совместительству командирами бригад, дивизий и т. д. Постоянное присутствие шефа при полку стало необязательным, и все чаще его обязанности исполнял коман-

дир полка. Видя дальнейшую нецелесообразность в разделении должностей шефа и командира полка, император 1 сентября 1814 г. издал приказ «господам генералам не быть уже впредь шефами полков, кроме корпуса Гвардейского, на который правило сие не распространяется, а потому всем шефам генеральских чинов в армии сдать полки свои на законном основании старшим штаб-офицерам в полках».

Позднее шефы в полках появились снова, но уже не в виде должности, а в качестве почетного наименования, добавляемого к названию полка. В конце XVIII — начале XIX вв. и полковой шеф, и командир полка назначались и снимались только по высочайшему приказу. На время отсутствия шефа его должность по совместительству исполнял командир полка, и на это специального приказа не требовалось.

Когда же в полку по каким-либо причинам не было командира или он не был назначен, полком командовал старший из наличного состава штаб-офицер либо специально прикомандированный приказом главнокомандующего по армии офицер из другого полка (чаще всего из лейб-гвардии). В обоих случаях офицер числился командующим полком, а должность командира полка считалась вакантной²¹.

В феврале 1711 г. царскими указами были сформированы Шлиссельбургский²² и Кексгольмский²³ гарнизонные батальоны, а также Рижский гарнизонный цитадельный полк²⁴. В царствование Екатерины II

-
- 21 Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825). М., 1997.
  - 22 Шлиссельбургский батальон был учрежден в 1796 г. По шефам полк назывался гарнизонным полком Колобакина, Плуталова. Входил в сборный гарнизонный полк Плуталова, затем вновь выделен в 1801 г. как Шлиссельбургский гарнизонный батальон. В 1809 г. пошел на формирование других гарнизонных полков.
  - 23 Кексгольмский батальон был создан в 1711 г. и с этого времени нес службу в Кексгольме (в настоящее время — Приозерск (Ленинградская обл.)). В 1732 г. был развернут в гарнизонный полк и оставлен в той же крепости. В 1809 г. пошел на формирование других гарнизонных полков.
  - 24 Рижский гарнизонный цитадельный полк, он же гарнизонный солдатский полк Белинского, был создан в Смоленске в 1711 г., затем переведен в Ригу (с 1727 г. называется Рижским). В 1764 г. был расформирован на четыре Рижских гарнизонных батальона. Рижский гарнизонный полк воссоздали в 1797 г. как полк генерал-майора Толя. С 1801 г. — Рижский полк. Расформирован в 1811 г.

в 1764 г. произошло переформирование гарнизонов в отдельные батальоны — пограничные и внутренние. В этот период Шлиссельбургский и Кексгольмский батальоны были сведены в один, получивший название 2-й Фридрихсгамский гарнизонный батальон. Именно эти части стали прародителями Свеаборгского, впоследствии Литовского, полка.

В 1809 г. закончилась война со Швецией²⁵. По условиям Фридрихсгамского мирного договора, подписанного в 1809 г., Финляндия до реки Торнео²⁶ становилась Великим княжеством в составе Российской империи: «Русские войска... вступили в Финляндию для ее окончательного покорения в собственность и державное обладание империи Российской»²⁷. Российско-шведская морская граница пролегла теперь через Ботнический залив. Крепость Свеаборг²⁸, над которой русский флаг поднялся еще 26 апреля 1808 г., оказалась в тылу.

Шведы воздвигли это укрепление в XVIII в. на островах Варгшер (в переводе со шведского — «волчьи шхеры») после ряда поражений в войне с Россией. Строительство крепости началось в 1748 г. и продолжалось почти сорок лет. Основные строительные работы были завершены в 1760-х гг. Крепостная система, состоявшая из укрепленного военно-морского порта перед Гельсингфорсом²⁹ и форпоста около пограничного города Ловииза, создавалась в противовес усилившейся угрозе с юга. Ее предназначением было удерживание русских войск от вторжения на территорию Финляндии, которая входила в те времена в состав Шведского королевства. Построенная на семи скалистых островах, расположенных на расстоянии 3 километров от материка, крепость прикрывала Гельсингфорс и подступы к нему. В середине XIX в. русские военные моряки, посетившие Свеаборг, называли его не иначе, как «щит Гельсингфорса и всей Южной Финляндии»³⁰. За мощь ее укрепления и важное стратегическое положение крепость также величали «се-

---

25 Русско-шведская война (1808–1809) была начата Россией по требованию Наполеона и в соответствии с Тильзитским миром, поскольку Швеция не присоединилась к континентальной блокаде Англии. Фридрихсгамский мирный договор между Россией и Швецией завершил эту войну, окончившуюся поражением шведских войск.

26 Торнео — река между Финляндией и Швецией, составляющая вместе со своим притоком Муонио границу между Финляндией и Швецией.

27 Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // Военный сборник. 1908. № 2. С. 1–23.

28 В настоящее время — Суоменлинна (Финляндия).

29 В настоящее время — Хельсинки (Финляндия).

30 Милюков А. П. Очерки Финляндии // Морской сборник. 1856. Т. XXIV. № 11. С. 305.

верным Гибралтаром». Таким образом, крепость Свеаборг была самым могучим фортификационным сооружением в этой части Европы, способным отразить атаку крупного соединения противника.

Весной 1808 г. русские войска в Финляндии осадили Свеаборг. 8 марта русские батареи начали бомбардировку крепости. Главные же силы пехоты и кавалерии командовавший русской армией генерал Ф. Ф. Буксгевден расположил вдоль берегов, заблокировав сообщение гарнизона с внешним миром.

Буксгевден Федор Федорович (Фридрих Вильгельм) (1750–1811) — русский военный и государственный деятель, граф, генерал от инфантерии. Происходил из древнего нижнесаксонского рода, известно-го с конца XII в., представители которого в XIII в. переселились в Ливонию. В 1764 г. поступил в артиллерийский и инженерный корпус, но еще кадетом отправился на войну с Турцией. За храбрость, проявленную при штурме Бендер (1770), произведен в инженер-прапорщики. При штурме Браилова (1771) тяжело ранен и награжден орденом Св. Георгия IV ст. С 1772 г. — адъютант генерал-фельдцейхмейстера князя Г. Г. Орлова; в январе 1777 г. женился на внебрачной дочери Г. Г. Орлова и Екатерины II Наталье Алексеевне Алексеевой (1758–1808). Во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг. в чине бригадира (с 1789 г.) состоял при командующем Балтийским гребным флотом принце К. Нассау-Зигене. За отличия при Роченсальме³¹ (1789) награжден орденом Св. Георгия III ст. и в 1790 г. произведен в генерал-майоры. Во время подавления восстаний в Польше (1793–1794) командовал дивизией. После взятия штурмом Праги (предместья Варшавы) А. В. Суворов назначил Ф. Ф. Буксгевдена комендантом Варшавы, фактически передав ему управление всей Польшей. В 1795 г. королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом II возведен в графское достоинство. Павел I, благоволивший Ф. Ф. Буксгевдену (жена Ф. Ф. Буксгевдена была близкой подругой его фаворитки Е. И. Нелидовой), в 1796 г. произвел его в генерал-поручики, назначил петербургским военным губернатором и в 1797 г. возвел в графское достоинство Российской империи. В 1798 г. был уволен со службы и уехал в Германию.

После вступления на престол Александр I вызвал Ф. Ф. Буксгевдена в Россию и в 1803 г. вновь принял на военную службу, присвоив ему чин генерала от инфантерии. С началом кампании 1805 г. поставлен во главе

31 В настоящее время — Котка (Финляндия).

вспомогательной Волынской армии, направленной на усиление основных войск союзников и давления на французов с севера. При Аустерлице командовал левым флангом русско-австрийской армии. Несмотря на яростные атаки французской кавалерии Ф. Ф. Буксгевден отступил только после получения приказа. В начале кампании 1806–1807 гг. ему поручили командование корпусом (2-й армией). После победы при Пултуске (1807) отозван из армии и назначен рижским военным губернатором. Считая, что в его удалении из армии виноваты наговоры Л. Л. Беннигсена, вызвал его на дуэль (Л. Л. Беннигсен от поединка отказался). После Тильзитского мира (1807) сменил генерала Л. Л. Беннигсена на посту главнокомандующего армией. За успехи в Финляндии награжден орденом Св. Георгия II ст. В 1809 г. заставил капитулировать крепость Свеаборг, а затем очистил Финляндию от шведских войск. Несмотря на ряд побед заключил со шведами перемирие, которое, однако, не было принято Александром I. После замены уехал в Эстляндию.

Шведский комендант заключил с осаждающими двухмесячное перемирие, уступив Ф. Ф. Буксгевдену часть прилегающей местности и островов. Русские войска спешно соорудили там батареи, переведя тем самым Свеаборг из осадного положения в строгую блокаду.

21 апреля Буксгевден послал свеаборгскому коменданту послание с требованием сдачи крепости. Тот, долго не упираясь, ответил согласием, и на следующий день на гельсингфорсском мысу под звуки военной музыки большая часть гарнизона сложила оружие. В течение нескольких дней русские войска занимали укрепленные районы вокруг Свеаборга. Последним прибыл комендант с ключами и флагом.

26 апреля донесшийся из Свеаборга пушечный выстрел возвестил о поднятии над крепостью русского флага. Таким образом, в результате умело и вовремя предложенного перемирия и искусных переговоров парламентариев крепость сдалась фактически без боя. Шведский гарнизон покинул Свеаборг, и его заменили русские войска.

В начале XIX в. России было необходимо закрепить за собой новозавоеванные финские земли. После ликвидации угрозы со стороны Швеции и подписания в июне 1807 г. Тильзитского мирного договора³²

32 Тильзитский мир был заключен в 1807 г. между императором Александром I и Наполеоном после поражения русской армии под Фридландом в ходе Русско-прусско-французской войны (1806–1807), где Россия выступала на стороне Пруссии.

с Францией у России начались разногласия с Англией, которая была возмущена присоединением России к Континентальной блокаде³³. Неожиданно для Петербурга Британия сама начала агрессивные действия, блокируя, хоть и нерешительно, балтийское побережье империи. Возникла необходимость в его защите и наращивании войсковой группировки.

Своим именованным указом Александр I повелел Военной коллегии после окончания Русско-шведской войны 1808–1809 гг. учредить в Свеаборге четырехбатальонный гарнизонный полк «по важности завоеванных в новой Финляндии крепостей». В соответствии с указом императора Военная коллегия 24 сентября 1809 г. издала приказ о формировании Свеаборгского гарнизонного полка. Формирование полка из 2-го Фридрихсгамского и Вильманstrandского гарнизонных батальонов спешно началось 13 октября 1809 г. и завершилось 22 октября. Батальоны состояли из четырех мушкетерских рот. Согласно установленному порядку, 1-й батальон считался шефским, 2-й — полкового командира, 3-й — старшего штаб-офицера и т. д.

Первым шефом полка стал генерал-майор К. П. Гавро, исполнявший также должности свеаборгского и гельсингфорского коменданта. 24 февраля 1810 г. полковым командиром был назначен полковник Шиллер³⁴.

Гавро Константин Павлович (?-?) — русский военачальник. Состоял на службе с 1782 по октябрь 1826 гг. С 1792 г. — премьер-майор, с 1798 г. — подполковник, с 1799 г. — полковник, с 1800 г. — генерал-майор. В 1809–1811 гг. — шеф Свеаборгского гарнизонного полка. До этого: командир Севастопольского мушкетерского полка (1798–1800), шеф Софийского мушкетерского полка (1800–1801), шеф Фридрихсгамского гарнизонного полка (1802–1805), шеф Роченсальмского гарнизонного полка (1805–1809). Кавалер ордена Св. Георгия IV ст. (1811).

Полк расквартировали в крепости Свеаборг, возложив на него гарнизонно-караульную службу, в том числе охрану Свеаборгского финского острога. Весной 1809 г., меньше чем через год после сдачи Свеаборга,

33 Присоединение России к Континентальной блокаде против Англии оговаривалось в секретном соглашении, дополнявшем Тильзитский мирный договор. Россия должна была полностью отказаться от торговли со своим главным партнером, которым была Англия. В частности, условия мирного договора предписывали России полностью исключить экспорт пеньки в Великобританию.

34 Приказ от 24 февраля 1810 г. // Приказы Военного министра. 1810 г. СПб., 1810.

в Финляндию приехал Александр I, чтобы лично осмотреть новую крепость. Император остался доволен увиденным, констатируя, что столь сильную крепость «построил шведский лев для российского орла».

Таким образом, Свеаборг получил новое рождение как морская база России на Балтийском море. Русский писатель А. П. Милюков так писал о крепости:

Свеаборг расположен на семи островах, из которых самый значительный Варг-О. На нем находятся все главные сооружения — казармы, арсеналы, комендантский дом. Вид этой твердыни, построенной на граните из одного только гранита, производит впечатление тяжелое. Грозно встают над водою ее громадные стены, выложенные из огромных каменных обломков или высеченные в цельных скалах; мрачно глядят отовсюду бесчисленные чугунные орудия. После веселого города, где кипит мирная жизнь, где все одушевлено трудом или удовольствиями, эти чугунные пушки, как череп на египетских пирах, напоминают вам о войне, разрушении и смерти. Куда не оборотишься, везде видишь только гранит и железо, везде сверкают штыки часовых и гремят цепи колодников³⁵.

Кстати, в Свеаборге в семье морского врача в 1811 г. родился выдающийся русский литературный критик В. Г. Белинский, а после окончания военно-инженерного училища в Свеаборг на полтора года был командирован старший брат Ф. М. Достоевского — М. М. Достоевский, впоследствии сам литератор, занимавшийся издательским делом.

Униформа, снаряжение и вооружение Свеаборгского гарнизонного полка

В начале XIX в. обмундирование солдат гарнизонных полков состояло из двубортного мундира фракного покроя, с несшитыми фалдами, изготовленного из грубого сукна темно-зеленого цвета.

Мундирный воротник высотой до 2,5 вершка³⁶ у чинов Свеаборгского полка был желтого цвета. Обшлага по цвету ворот-

35 Милюков А. П. Указ.соч. С. 305.

36 Вершок — старинная русская мера длины, равная 4,45 см.

ника. Обкладка на полах и фалдах — красного цвета. Красными были и погоны. Для строевых чинов Свеаборгского полка на них полагалось иметь вышитое белым гарусным шнуром число «10». Пуговицы полагались плоские, из белого метала. Всего на мундире крепилось 25 пуговиц.

Под мундиром на шее полагалось носить черный галстук на холстяной подкладке. Панталоны были узкие, из белого сукна. На зимние панталоны снизу нашивалась кожаная обшивка — краги, застегивающиеся на семь пуговиц, пришиваемых сбоку ниже колен. Летние панталоны шились из фламандского (фламского) полотна с козырьками и носились при помощи помочей.

Сапоги с короткими голенищами и тупым носом изготавливались из мягкой кожи. Кивер круглый, высотой 4,5 вершка, изготавливался из черного сукна, а затем обшивался черной кожей с пришитым лакированным козырьком. На кивере, спереди сверху, крепился репеек, изготавливаемый из дерева и обшитый сукном и кожей. Спереди на кивере крепилась трехцветная матерчатая кокарда.

Шинель шилась из некрашеного темного или светло-серого сукна, со стоячим воротником желтого цвета, застегивалась на семь пуговиц и могла одеваться на фуфайку или полушубок. В неморозные дни мундир под шинель не надевался, а помещался за спину, выше пояса, между рубахой и шинелью. В летнее время шинель сворачивалась в скатку и надевалась через левое плечо. Края шинельной скатки стягивались белым кожаным ремешком.

Нестроевым нижним чинам вместо мундира полагалось носить суконный сюртук длиной до колен с 18 пуговицами и серые панталоны. Снаряжение нижних чинов состояло из портупей, патронной сумки, ранца. Портупея была из лосиной выбеленной кожи, шириной в 2 вершка, носившаяся через правое плечо. К портупее пришивалась небольшая лопасть для тесака и штыковых ножен.

Патронная сумка из черной глянцевой кожи, в виде ящика, с перевязью, аналогичной портупее, носилась через левое плечо ниже пояса. В сумке помещались патроны к ружейным зарядам и, в отдельном мешочке, разные принадлежности для чистки ружья. Сумка закрывалась кожаной крышкой-лопастью. На крышке патронной сумки герб не полагался.

Ранец был четырехугольный, из черной яловичной кожи, с холстяной подкладкой. Он носился на трех мягких выбеленных лосиных ремнях, шириной в 1,5 вершка, с простроченными краями, причем ремни имели выгиб у каждого плеча, чтобы не терли мундир. Сверху на ранец при помощи двух белых кожаных ремешков, привязывалась жестяная фляга — манерка.

Вооружение нижних чинов гарнизонных частей состояло из гладкоствольного, дульнозарядного ружья (фузеи), с кремневым замком и трехгранным штыком образца 1808 г. Скорострельность ружья составляла не более двух выстрелов в минуту, а прицельная дальность не превышала 60 шагов. Эффективный огонь можно было вести на дистанцию не более 70 сажений³⁷. Свыше 120 сажений он оказывался мало действенным. Современники утверждали, что на дистанции 300 шагов от стрелявших можно было без особого риска ходить под выстрелами. К ружью полагался погонный ремень, для носки его в походе, красного цвета, лакированный.

Для предохранения ружья от дождя и сырости использовались огнивный чехол из красной юфти и «полунагалище»³⁸ для замка, тоже из красной юфти. Каждому нижнему чину полагался также тесак с медным эфесом, который вкладывался в ножны из нечерненой кожи с железным наконечником. Унтер-офицерам гарнизонных полков, кроме подпрапорщиков, полагались алебарды с древками кофейного цвета.

Офицеры носили мундир аналогичного с нижними чинами покрою, но изготовленный из более дорогого материала, с серебряными эполетами на красном суконном подбое и с числом «10», выложенным из серебряного пришивного шнура. Уже после того как полк был сформирован, офицерам разрешили носить двубортные сюртуки из темно-зеленого сукна, с воротником, обшлагами, подбоем и пуговицами тех же цветов, как и на мундире. Головным убором для них служила шляпа с петлицей из узкого серебряного галуна и с высоким султаном. Нагрудный офицерский знак не полагался.

37 Сажень — старинная русская мера длины, равная 2,13 м.

38 Полунагалище — ружейный чехол, футляр. Если нагалище покрывало все ружье, то полунагалище закрывало лишь его замок и казенную часть.

На вооружении офицеров имелась шпага с прямым клинком, золоченым эфесом, в ножнах глянцевого цвета с золоченым наконечником.

Что касается содержания снаряжения, то в уставе того времени по этому поводу говорилось: «Белье, ранцевые ремни, перевязь сумы и портупею белить, суму лакировать, все медные и железные вещи чистить так, что бы они светились и за исполнением всего этого строго наблюдать начальникам».

По этому поводу автор полковой истории полковник К. К. Павлюк привел такой случай из жизни русской армии:

— Как это, дяденька, чистить амуницию? — спросил молодой солдат умудренного опытом ветерана.

— Ах, ты, неуч, мужик сиволапый, возьми, да потри солдатской костью, да покрепче! — отвечал старый солдат.

Солдатской костью на языке служивых начала XIX в. назывался локоть, он и был главным инструментом чистки снаряжения до блеска³⁹.

Комплектование

Характер офицерского и рядового состава полка был весьма специфическим. Офицеры и рядовые не выделялись особыми качествами, так как на службу в гарнизонные части назначались, как говорит полковая история, те, «кого по своим свойствам можно причислить ко второму, так сказать, сорту». Это было обычное явление на фоне всего офицерского состава русской армии того времени, отличавшегося однородностью в происхождении, но не отличавшегося глубокой образованностью и технической подготовкой.

В гарнизонные части нередко переводили из полевых войск худших офицеров, в наказание за проступки, а также по болезни, из-за полученных ранений. Второсортность отмечалась даже в перспективах и содержании. Жалование офицеры получали меньшее, чем в полевых полках, а права на последующее производство в чин приобретали не иначе как за особые отличия. Вследствие последнего обстоятельства в гарнизонных полках нередко можно было встретить 60-летних прапорщиков.

39 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 1. С. 12.

Среди нижних чинов тоже хватало тех, кто по своим физическим недостаткам («раненые, хилые, одержимые разными болезнями или обладавшие физическими недостатками») был совершенно негоден к полевой службе⁴⁰. Даже рекрутов сюда брали только тех, кто был полностью не пригоден в другие полки или кто до такой степени надоедал своим помещикам, что те были готовы на все, лишь бы отправить буяна в армию, или, как это тогда называли, «сдать под красную шапку»⁴¹.

Полевые полки имели право брать из гарнизонных частей личный состав для восполнения своих потерь или некомплекта. Естественно, забирали лучшее, что было. В свою очередь, армейские полки «сбывали» в гарнизоны слабосильных, болезненных и истинный бич армии того времени — «порочных людей». Эта категория была представлена бывшими крепостными крестьянами, которые отличались склонностями к различным асоциальным проявлениям. Часто помещики, чтобы не создавать проблему с отправкой этих людей на каторжные работы в Сибирь, сдавали их по рекрутскому набору в армию, избавляя себя от беды и одновременно выполняя план мобилизации. Но и здесь «порочные люди», не имея шансов попасть не то чтобы в элиту — гвардейские или гренадерские части, но даже в армейские полки, оседали в гарнизонных частях, становясь постоянной головной болью для командиров, которых никто не избавлял от ответственности за состояние дисциплины.

Проблем с такими солдатами хватало. Пьянство было делом обычным. Так, в крепости Свеаборг за 1810–1811 гг. «от вольной продажи вина... внесено в казну откупщиками 30 447 рублей». Учитывая тогдашнюю продажную стоимость ведра водки — 4 рубля, можно легко сосчитать, что гарнизон крепости выпил за два года не менее 7,6 тыс. ведер водки, или около 93 тыс. литров, не считая казенной порции — 4 чарки (1 чарка — 0,01 ведра, то есть 123 грамма) в неделю. Как следствие — настоящая эпидемия так называемой водянки, или асцита, то есть цирроз печени, от которого только в 1812 г. в Гельсингфорсском военном госпитале скончалось более 100 человек⁴².

---

40 Возраст нижних чинов — от 19 до 60 лет и даже более.

41 Под красную шапку отдавать — отправлять в армию по рекрутскому набору.

42 Шкваров А. Межкультурные браки в Финляндии в XIX в. Ч. 2. // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2013/04/04/80> (дата обращения: 30.09.2022).

Помимо смертельной опасности, которую пьянство представляло для личного состава, оно явно отрицательно влияло и на несение службы. Так, унтер-офицер Захаров, конвоируя команду арестантов из Свеаборга в Гельсингфорс, позволил им зайти по пути в кабак, совместно напиться, что явилось причиной побега троих из них при следовании по льду залива. Виновный был бессрочно разжалован в рядовые⁴³.

Немало проблем создавал тяжелый балтийский климат, в котором вновь сформированному полку приходилось нести службу. Военнослужащие пребывали в исключительно тяжелых условиях. Их ожидали суровые военные будни, которые отличались неукоснительной регламентацией, детально расписанной уставом 1796 г.

Почти ежедневно проводились разводы караулов с участием всего офицерского состава полка. Кроме крепостных караулов, приходилось осуществлять охрану Свеаборгского финского острога. Исполнение этой обязанности еще больше разлагало солдат. При несении службы внутри казематов им приходилось нередко контактировать с заключенными, в результате чего они часто попадали под их влияние.

В такой унылой рутине прошел весь 1810 г. Единственным скрасившим его событием стало получение полком знамен — по одному на батальон. Имевшиеся до этого знамена частей, обращенных на формирование этой единицы, в полк, видимо, не попали.

Знамя Свеаборгского гарнизонного полка

Знамя литовцев имело тайны своего рождения. В 2006 г. из музея-панорамы «Бородинская битва» в отдел произведений прикладного искусства Государственного НИИ реставрации передали для проведения реставрационных работ знамя пехотное, шелковое, с двусторонней росписью. По предварительным исследованиям, знамя с такой расцветкой — зеленый Георгиевский крест и желтые углы и средник — могло принадлежать Свеаборгскому гарнизонному полку⁴⁴.

На шелковом знамени с зеленым крестом и желтыми углами имеется роспись: черный двуглавый орел в центральном круге окаймлен золотым лавровым венком и увенчан короной; одно

43 Там же.

44 Ермакова Н. В. Знамя времен Александра I // Музеи России. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2008/Ermakova.pdf (дата обращения: 30.09.2022).

крыло орла поднято, другое опущено, на его головах — императорские короны, в когтях — золотые перуны; на углах в золотых лавровых венках под коронами — вензеля Александра I.

Именно цвет креста и углов с вензелями позволили выдвинуть предположение о принадлежности знамени. Документ отмечает, что Свеаборгскому гарнизонному полку были «сделаны и отправлены 1810 года ноября 15 дня»⁴⁵ три цветных знамени с зелеными крестами и желтыми углами, имеющими вензеля императора. Эта запись позволяет утверждать, что переданное на реставрацию знамя действительно является одним из знамен, «построенных» для Свеаборгского гарнизонного полка в 1810 г.

За участие в военной кампании 1809 г. полку пожаловали белое знамя, которое являлось полковым, и три цветных — по одному знамени на каждый батальон. Знаменное полотно того времени было размером 2 на 2 аршина⁴⁶ и шивалось из девяти кусков. Рисунок цветного знамени Свеаборгского полка состоял из зеленого креста и желтых углов. Посредине полотна помещался оранжевый круг диаметром 14 вершков, в котором масляными красками был нарисован черный двуглавый орел с одним поднятым и другим опущенным крылом. На головах орла находилось по короне, а в лапах он держал молнии. Круг с обеих сторон окаймлялся двумя нарисованными лавровыми ветвями. Внизу ветви были обвиты лентами. В верхней части, между концами ветвей, была изображена большая императорская корона. Знаменное древко высотой в 5 аршин, по установленному для гарнизонных частей положению, выкрашивалось в кофейный цвет. Полотно прибивалось к древку специальными гвоздями с золотыми круглыми шляпками.

В царствование Александра I на знаменах полагалось иметь навершие в виде копья высотой 6,5 вершка с государственным орлом в середине, но для Свеаборгского полка в навершие был установлен вензель Александра I. На трубку навершия привязывалась лента-тесма с кистями на концах. Лента-тесма изготавливалась из серебряных нитей с добавлением черных и оранжевых шелковых нитей.

45 Там же.

46 Аршин — старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

Интересен тот факт, что при Александре I гарнизонным полкам (в отличие от полков тяжелой пехоты) полагались знамена без золотой набивки по углам, то есть без императорских вензелей. Почему же Свеаборгскому полку, единственному из гарнизонных, были пожалованы знамена с вензелями?

Добавление на знамени гарнизонного полка вензельного изображения в венке из лавровых ветвей, безусловно, указывает на особый знак монаршего расположения. В соответствии со сформированной в начале XIX в. традицией вручения наградных знамен, вензеля на знаменах Свеаборгского полка можно считать своеобразными коллективными наградами. Полк был укомплектован людьми, часть из которых участвовала в военных операциях в Финляндии, поэтому знамена с вензелями стали наградами за боевые подвиги, совершенные в 1809 г.⁴⁷

Свеаборгский гарнизонный полк был расформирован 17 января 1811 г., и на следующем этапе исследования требовалось выявить историю бытования знамен полка после его расформирования. В труде Г. С. Габаева «Роспись русским полкам 1812 года» удалось обнаружить, что в 1812 г. под знаменами Свеаборгского гарнизонного полка сражался Литовский пехотный полк. Старое знамя находилось в Литовском полку до 28 февраля 1817 г., то есть до замены знамен полка на знамена нового образца⁴⁸.

---

47 Ермакова Н. В. Указ.соч.

48 Габаев Г. С. Роспись русским полкам 1812 года. К., 1912.

СОЗДАНИЕ ЛИТОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА

Суровый край: его красам,
Пугаяся, дивятся взоры,
На горы каменные там
Поверглись каменные горы...

Е. А. Баратынский, русский поэт

Структура полка

Вскоре нудной крепостной службе пришел конец. Причиной стала вновь нависшая над Россией угроза войны со старыми противниками — французами. В преддверии «грозы 1812 года» русская армия нуждалась в увеличении своего численного состава во всех родах войск и особенно в пехоте. В 1811 г. Александр I принял решение о формировании 13 полевых полков из 52 гарнизонных, направив в них лучших солдат, а остальных распределить по 39 вновь образуемым губернским, или внутренним, полубатальонам.

На основании высочайшего приказа от 17 января 1811 г. из 12 рот Свеаборгского гарнизонного полка был сформирован Литовский мушкетерский полк в составе трех батальонов. Из четырех батальонов прежнего состава полка отобрали лучших людей на три батальона.

Однако уже 22 февраля того же года полк был переименован в Литовский пехотный. Имя свое «новорожденный» традиционно получил от одной из областей, входящих в состав Русского государства, — во исполнение завета Петра Великого. Вместе с Подольским полком Литовский полк вошел в состав 21-й пехотной дивизии, расположенной в Финляндии для охраны западных границ России «в виду возможности разрыва с Францией».

Надо сказать, что наименование «Литовский» было к тому времени не новым в армии. Полк с таким названием существовал в ее составе и раньше, но за три месяца до формирования «нашего» Литовского полка он был переименован в 33-й егерский, а в 1833 г. — расформирован.

Знамена Свеаборгского полка, которые «имели такой же вид, какой были присвоен знаменам полевых пехотных полков», также перешли к литовцам. Высочайших грамот на эти знамена не было.

С 22 февраля 1811 г. в пехотных полках русской армии батальоны стали именоваться по номерам. Батальон пехотного полка состоял из четырех рот. Первая рота именовалась гренадерской, остальные — мушкетерскими. В состав гренадерских рот подбирались наиболее физически и морально подготовленные солдаты из состава мушкетерских рот. В рекомендациях по отбору, изложенных в уставе 1811 г., по этому поводу говорилось: «В гренадеры и стрелки выбираются люди, невзирая на рост. Отлично доброе поведение, постоянство и терпение в трудах, мужество и храбрость в опасностях суть единые права к сему выбору»⁴⁹.

Гренадер требовалось разделять по росту на две части. Высокие и видные составляли непосредственно гренадерский взвод. Малорослые — взвод стрелков. Служба в этих подразделениях считалась почетной. Малейший проступок, исключая ошибки в обучении, влек за собой лишение звания стрелка или гренадера.

1-й и 3-й батальоны полка считались действующими и наиболее подготовленными, а 2-й батальон — запасным. Он оставался в месте постоянной дислокации полка, а личный состав его мушкетерских рот предназначался для пополнения мушкетерских рот 1-го и 3-го батальонов. Гренадерская рота 2-го батальона считалась боевой и выступала в поход совместно с 1-м и 3-м батальонами и при необходимости входила в состав сводного гренадерского батальона дивизии.

По штату пехотному полку полагалось иметь 2457 человек личного состава. Из них — один шеф полка в звании генерал-майора или полковника, шесть штаб-офицеров, 54 обер-офицера, 120 унтер-офицеров, девять музыкантов, 39 барабанщиков, шесть флейтистов, 1980 рядовых, 53 нестроевых, 39 мастеровых, 56 обозных (фурлейтов), 94 денщика. Кроме этого в полку необходимо было иметь двух врачей или лекарей, одного аудитора⁵⁰ и одного священника.

Однако, судя по всему, отправка людей для комплектования Литовского пехотного полка затягивалась. Рекрутов не отправляли сразу в полк; вначале они проходили через рекрутские депо, которые располагались в разных частях России и в которых собиралось иногда до 3 тыс. человек в каждом. Для пополнения полков 21-й дивизии рекрутами в городе Олонец создали Олонецкое рекрутское депо, которое в ноябре

49 Воинский устав о пехотной службе. Ч. 1. О строевой службе. СПб., 1811. С. 3.

50 Аудитор — чиновник, на которого в полку возлагалось ведение дел по военно-судебной части.

1811 г. было разделено на шесть батальонов, получивших наименование четырех резервных батальонов полков. Командовать депо назначали одного из лучших штаб-офицеров дивизии. Позднее 4-е резервные батальоны передали из состава 21-й дивизии на формирование полков 38-й пехотной дивизии.

Роты, а также несколько штаб-, обер- и унтер-офицеров Свеаборгского полка, не вошедшие в Литовский полк, были отправлены в Нижний Новгород, Ярославль, Владимир и Кострому, где вошли в состав губернских рот, из которых впоследствии были сформированы гарнизонные полубатальоны. Командир Свеаборгского полка полковник Шиллер был переведен командиром в Нижегородский гарнизонный полубатальон.

Литовский пехотный полк формировался при непосредственном участии и под наблюдением генерал-лейтенанта графа Ф. Ф. Штейнгеля, ставшего впоследствии командиром Финляндского пехотного корпуса.

Штейнгель Фаддей Федорович (1762–1831) — русский военный и государственный деятель. В 1812 г. — генерал-губернатор Финляндии и командир Финляндского корпуса. 6 сентября 1812 г. ему был дарован титул графа Российской империи. В сентябре 1812 г. корпус под его командованием сражался у Гросс-Экау и Бауска, способствуя взятию Полоцка. В дальнейшем действовал в составе 1-го отдельного корпуса генерала П. Х. Витгенштейна и принимал участие в сражениях при Чашниках, Смоленах, на реке Березине и во взятии Эльбинга. В начале 1813 г. его корпус находился при обложенном Данциге. Отличился в деле при Кубличах. За войну 1812 г. награжден орденом Св. Александра Невского и золотой шпагой «За храбрость» с алмазами. В 1814 г. вновь приступил к исполнению обязанностей генерал-губернатора Финляндии. Портрет Ф. Ф. Штейнгеля авторства Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца.

Шефом полка назначили бывшего командира Санкт-Петербургского гренадерского полка (впоследствии — лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк) полковника барона Ф. Ф. Розена 4-го. К этому времени Ф. Ф. Розен был уже заслуженным боевым офицером, принимавшим участие в войне со Швецией и Польшей, а также участником знаменитого Прейсиш-Эйлау-ского сражения. По отзывам современников, это был человек «отличный, хорошо образованный, дельный, благородный и с хорошим боевым опытом».

Розен 4-й, Федор Федорович (Фридрих Отто) (1767–1851) — русский военачальник, барон. С 1814 г. — генерал-майор. В 1832 г. — комендант Севастополя. С 1833 г. — генерал-лейтенант. С 1845 г. — генерал от инфантерии. Был награжден орденами Св. Анны I ст. (1814) с алмазами, Св. Владимира III (1812) и II ст. ст., Св.Георгия IV ст. (1811), знаком отличия «За XXXV лет беспорочной службы». Кавалер ордена Св. Иоанна Иерусалимского, также имел прусский орден «За заслуги». Портрет Ф. Ф. Розена 4-го авторства Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца.

Недокомплект командного состава постепенно восполнялся, и полк превращался в настоящую боевую часть. Из Свеаборгского в Литовский полк перевели одного штаб-офицера (майор Дунан) и 33 обер-офицера из числа наиболее способных к полевой службе. Из свиты императора по квартирмейстерской части были переведены три обер-офицера: поручик Чайковский и подпоручики братья Маскатиныевы. В полк также поступили 18 молодых прапорщиков — выпускников 2-го кадетского корпуса. Из 21-й пехотной дивизии в полк перевели семь офицеров (из Невского пехотного полка — майоры Арцыбашев и Озеров, из Петровского — майор Броун и два капитана, а также два капитана из 44-го егерского полка)⁵¹.

Если «новые» офицеры были неплохого качества, то «ветераны гарнизонной службы» принесли с собой все дурные привычки Свеаборгского полка, решительно не желая с ними проститься. Чтобы не тратить время на перевоспитание, в течение 1811 г. от них избавились по разным причинам: семеро были исключены по болезни, двое — за пьянство, двое уволены по причине плохой аттестации в кондуитных списках⁵².

В середине марта 1811 г. полк был уже полностью сформирован, но только 15 октября высочайшим приказом в часть был назначен командиром — офицер Петровского пехотного полка майор (затем — подполковник) Л. Б. Сергеев⁵³. Он находился в должности с 15 октября 1811 г. по 19 марта 1818 г.

51 21-я пехотная дивизия состояла из Невского, Петровского, Литовского и Подольского пехотных полков.

52 Кондуитный список — документ, в котором отражалась степень усердия офицера по службе, его рвение, поведение и служебные показатели.

53 Подмазо А. Указ соч. С. 32.

Когда полк стал полноценной пехотной частью, его личный состав приступил к обучению тактике линейной пехоты, прежде всего — действиям в ротных и батальонных колоннах, развернутом строю и каре. Эти действия отрабатывались в ходе батальонных и ротных учений; кроме того, усиленно изучались индивидуальные ружейные приемы и стрельба. Однако основное место в подготовке солдата того времени занимала строевая муштра, которая готовила солдат к парадам и была бесполезна при ведении боевых действий.

Демидов Николай Иванович (1773–1833) — русский военный и государственный деятель. Происходил из рода известных горнозаводчиков, записанного в дворянские книги Рязанской губернии, был сыном бригадира И. И. Демидова от брака его с Е. Г. Тепловой. Со дня рождения записан на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, причем через три года произведен в сержанты. В действительную службу вступил прапорщиком в 1790 г. Последовательно получил чины капитана (1798) и полковника (1799).

В 1803 г. произведен в генерал-майоры и зачислен в лейб-гвардии Измайловский полк, с назначением шефом Петровского пехотного полка. В начале 1807 г., во время войны с Францией, действовал с Петровским пехотным полком в Пруссии. В 1808 г. направлен в Финляндию, где ему было поручено с двумя пехотными батальонами и двумя казачьими сотнями нести охрану Вазы⁵⁴. В 1808 г. награжден орденом Св. Георгия III ст. Участвовал в сражениях при Куортане 30 августа и при Оравайсе 2 сентября, за что удостоен ордена Св. Владимира III ст.

В начале 1809 г., по непосредственному назначению императора Александра I, ему было поручено охранение Аландских островов. В том же году назначен начальником 21-й пехотной дивизии в Финляндии, где и оставался до октября 1817 г., когда получил в командование 1-ю гренадерскую дивизию. В 1816 г. произведен в генерал-лейтенанты. В декабре 1825 г. назначен генерал-адъютантом. В 1826 г. — присутствующим в Правительствующем сенате. В январе — феврале 1826 г. совершил инспекционную поездку в Житомир и Киев в связи с восстанием Черниговского пехотного полка и для расследования по делу о тайных обществах. В мае того же года на него была возложена ревизия округа военных поселений гренадерских полков короля Прусского и графа

54 В настоящее время — Вааса (Финляндия).

А. А. Аракчеева. Во время коронации императора Николая I командовал отрядом пехоты гвардейского корпуса в Москве.

В декабре 1826 г. назначен членом комитета для составления воинского устава и главным директором Пажеского и всех кадетских корпусов, Дворянского полка, Императорского военно-сиротского дома и Императорского Царскосельского лицея с состоявшим тогда при нем благородным пансионом, а также членом совета о военных училищах. Проявил себя дурно: Н. С. Лесков в рассказе «Кадетский монастырь» пишет о тех событиях, весьма нелестно рисуя образ Н. И. Демидова. Ввиду особых обстоятельств, сложившихся во время банкета, император Николай I дал приказ «подтянуть» дисциплину — вот там Н. И. Демидов и отличился крайне дурными, невыгодными для российского офицерства мерами.

В 1828 г. произведен в генералы от инфантерии. В 1828 — начале 1830 гг. начальствовал над войсками, остававшимися в Санкт-Петербурге по выступлении гвардии в поход против турок. В 1828 г. награжден знаком отличия за 30 лет беспорочной службы, кроме того имел орден Св. Александра Невского. В 1832 г. поехал для излечения болезни на Кавказские Минеральные Воды, где умер 4 июня 1833 г.

С 6 ноября 1811 г. Литовский полк совместно с Невским пехотным полком составили 2-ю бригаду 21-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Н. И. Демидова. 1-ю бригаду этой же дивизии составляли Подольский и Петровский пехотные полки. В свою очередь, 21-я пехотная дивизия совместно с 6-й и 25-й пехотными дивизиями вошла в состав так называемого Особого Финляндского корпуса. Все полки корпуса расквартировались на территории Финляндии.

Униформа, снаряжение и вооружение Литовского пехотного полка

Став пехотным, Литовский полк вынужден был переобмундировываться по пехотному образцу. Основной покрой мундира, панталон и шинели остался прежним, однако старый серебряный приборный цвет был заменен на золотой. Желтые воротники гарнизонных полков заменялись на красные, а красные погоны — на желтые, так как Литовский полк являлся третьим полком в дивизии. На кивера мушкетерам спереди была добавлена медная гренада с одним огнем (у гренадер — с тремя),

а также этишкеты в виде белых шнуров с кистями и густой цилиндрический султан из конского волоса высотой до 9,5 вершка, закругленный сверху. У унтер-офицеров султан был установлен черный с белым верхом, у рядовых — весь черный (нижним чином стрелковых взводов гренадерских рот султан не полагался), у ротных барабанщиков и флейтистов — красный, у полкового и батальонных барабанщиков и у музыкантов — красный с белым верхом.

Снаряжение нижних чинов пехотных полков было такое же, как и у нижних чинов гарнизонных войск, но только на крышки патронных сумок стали крепиться гренады с тройным огнем в гренадерских ротах и с одним — в мушкетерских. В пехотных полках только солдаты гренадерских рот имели право носить усы.

К этому времени в пехотных полках алебарды остались только у фельдфебелей. Унтер-офицеры были вооружены такими же кремневыми ружьями, как и рядовые, и в связи с этим они получили и патронные сумки, и прочую амуницию. Кроме этого унтер-офицеры, по образцу прусских унтер-офицеров, носили трости. У подпрапорщиков и портупей-прапорщиков трость являлась единственным «оружием», так как они не имели ни ружей, ни алебард.

Офицерам, кроме шляпы, разрешалось ношение кивера, аналогичного солдатскому киверу, но с серебряными этишкетами, кистями, гайками и репейками с вышитым на них императорским вензелем. Султаны носились только офицерами гренадерских рот. Кроме этого офицерам полагались серебряные шарфы с длинными концами, на которых висели кисти. Также были положены шейные (нагрудные) офицерские знаки образца 1808 г. в виде полумесяца с ободком и с накладным орлом. Знак носился у самого воротника мундира на черной ленте с оранжевыми каемками, концы которой заправлялись под эполеты. У прапорщиков знак был весь серебряный, у подполковников — серебряный с золотым ободком, у поручиков — серебряный с золотым орлом, у штаб-офицеров серебряный с золотым ободком и орлом, у капитанов — золотой с серебряным орлом, у штаб-офицеров — весь золотой. Знак надевался только вместе с шарфом. Вместо галстуков офицеры носили черные шелковые

платки. Перчатки были без краг. Обер-офицерам также полагался ранец солдатского образца, которые они надевали только тогда, когда все войска были с надетыми ранцами.

Барабанщики носили барабаны на широких выбеленных перевязях. У флейтистов для ношения флейт имелись медные футляры с гербом, которые носились на белом лосиновом ремне.

У унтер-офицеров, музыкантов, барабанщиков, флейтистов, нижних чинов гренадерских рот и нижних чинов, исполняющих обязанности артельщиков, на тесаках имелись темляки из шерсти на бельевой тесьме. В каждом батальоне темляки были особых цветов, с различием рот.

В начале 1811 г. было решено упростить форму и сделать ее более приспособленной к военным действиям. Так, для строевых чинов были введены удобные фуражные шапки, у офицеров с козырьком, у нижних чинов — без. В пехоте шапки шились из темно-зеленого мундирного сукна с красным околышем. Вокруг тульи и околыша вшивалась выпушка, различная по цвету в каждом батальоне и гренадерской роте. В мушкетерских ротах на околыше краской проставлялся номер роты. Унтер-офицерские трости упразднились, а у фельдфебелей алебарды заменялись ружьями со штыками. Кивер стал ниже, с расширением кверху и вогнутым с боков, на подбородочный ремешок была добавлена чешуя. Мундирный воротник тоже стал ниже. Офицерские сапоги и солдатские краги были установлены до колен. Офицерам разрешили вместо серебряных иметь бельевые этишкетты, шарфы, темляки и шишки к киверам, а эполеты теперь вместо галуна могли быть обложены бронзой.

Боевая учеба

После завершения формирования полк немедленно приступил к боевой подготовке, которую приходилось сочетать с нудной гарнизонной службой. Еще в 1810 г. от командиров требовали: «Главное в военных экзерцициях занятие солдата должно быть в цельной стрельбе». Устав для пехоты 1811 г. уже прямо говорил о значении точной стрельбы как одного из главных «успехов военных».

При всем желании научить солдата точной стрельбе было трудно. Даже если не брать в расчет низкие баллистические характеристики

оружия, «имевшего вместо прицела на казенной части железный брусок с прорезью», на само обучение стрельбе в год по положению 1810 г. отпускали шесть боевых патронов и 40 холостых. 60 патронов, находившихся в сумках солдата, считались неприкосновенным запасом. Не было даже хорошего материала для изготовления мишеней, и чаще всего их делали из дров. Имевшие высоту 2,75 вершка, они окрашивались черной краской. В середине и по верхнему краю наводились две белые поперечные полосы шириной 4 вершка. Стрелять учили с расстояния 120, 240 и 360 шагов. В первых двух случаях целились в среднюю полосу, в последнем — в верхнюю. В каждой роте вели список лучших стрелков.

Однако все это почти не имело смысла. Солдата большей частью учили не стрелять из ружья, а чистить, или как тогда говорили, «полировать» его. Кроме того, все полки страдали дурной привычкой слегка ослаблять винты, чтобы ружье было «с темпом» и гремело при выполнении строевых ружейных приемов.

Особое внимание уделялось строевой подготовке, выправке и «позитуре» солдата. Занимались ей очень тщательно. Преступлением считалось выставить хоть немного вперед плечо, согнуть колено. Живот подбирался, грудь возможно более выставлялась вперед, и вся тяжесть корпуса приходилась на носки. Во время поворота солдат хлопком по месту, где висел тесак (на перевязи слева), обозначал его удержание. В маршировке достигалось невиданное совершенство. Среди солдат в пехоте попадались такие «фронтовые профессоры», которые могли плавно пройти тихим шагом со стаканом воды, поставленным на кивер, и не пролить при этом ни капли. Чтобы научить солдата не сгибать ноги в коленях, под них подвязывали лубки. Садиться на колени, сгибаться в поясице, колебаться корпусом категорически запрещалось.

Не менее трудной была караульная служба, которая стала для полка привычным делом еще в его недалеком гарнизонном прошлом. В учебе завершился для полка 1811 г. — первый год существования с именем Литовского.

Приказ военного министра

Санкт-Петербург, декабря 16 дня 1811 год

№ 75-й

Его императорское величество при осмотре нижних чинов пехотных полков: Литовского, Подольского, Брянского и Воронежского, заметив, что в бока ранцев вставлены распорки из

лубков, высочайше указать соизволил предписать всем войскам, чтобы они в построении вещей соблюдали в точности утвержденные формы. По чему предлагаю вышеупомянутым полкам лубки из ранцев выпороть.

Подписал военный министр Барклай де-Толли

В октябре все того же 1811 г. генерал-лейтенант граф Ф. Ф. Штейнгель в ходе инспекторской проверки осмотрел вверенные ему войска и нашел Литовский полк «в полной исправности». За это было объявлено «монаршее благоволение» полковнику Ф. Ф. Розену и командиру 21-й пехотной дивизии генерал-майору Н. И. Демидову. Такое же благоволение получили 11 декабря все войска, находившиеся в Финляндии и на Аландах, «за доброе обхождение с обывателями».

26 ноября шеф литовцев полковник барон Ф. Ф. Розен был награжден орденом Св. Георгия IV ст. за беспорочную выслугу в офицерских чинах 25 лет и перед самым Новым годом уволен в двухмесячный отпуск.

В ОГНЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Затем монарх его призвал
Разить Отечества врагов,
Дерзнувших Русь поработить;
И вот на берегах Двины,
Отчизны верные сыны,
Литовцы стали уж служить.

К. К. Павлюк

Крещение огнем

В начале 1812 г. Литовский полк, продолжавший квартировать в Свеаборгской крепости и нести караульную службу, доукомплектовали молодыми офицерами (прапорщиками) — выпускниками кадетских корпусов и Дворянского полка⁵⁵.

10 мая 1812 г. барон Ф. Ф. Розен, оставаясь шефом полка, получил назначение командиром 2-й бригады 21-й пехотной дивизии, а вскоре и войска получили приказ готовиться к походу. Наступило время литовцам пройти боевое крещение в пламени наполеоновских войн. А началось все вполне обыденно...

К лету 1812 г. полк в составе своей 21-й пехотной дивизии впервые покинул крепость Свеаборг и прибыл к городу Або, где расположился лагерем Финляндский корпус. 18 августа все полки дивизии, в том числе Литовский, прошли смотр в присутствии Александра I и принца-регента Швеции Карла-Юхана (бывший маршал Франции Ж.-Б. Бернадот).

Бернадот, Жан-Батист Жюль (Jean-Baptiste Jules Bernadotte, 1763–1844) — маршал Франции. Отличился во время войн революционной Франции. Командовал дивизией в битве при Флерюсе (1794), был командиром корпуса, посланного укрепить французскую армию в Италии (1797). Ж.-Б. Бернадот встал во главе военного ведомства в период Директории. Командовал корпусом в битвах под Аустерлицем, Йеной, Ваграмом. Уволен Наполеоном I в 1813 г. После этого воз-

55 Дворянский полк — военно-учебное заведение, существовавшее в России в 1807–1855 гг. Преобразован в Константиновский кадетский корпус.

главлял шведскую армию в войне против Франции (1813). Стал шведским королем под именем Карла XIV Юхана (1818–1844). Основатель династии Бернадотов.

Там же, в Або, Александр I принял решение об отправке войск Финляндского корпуса для усиления 1-го Отдельного корпуса генерал-лейтенанта графа П. Х. Витгенштейна, прикрывавшего дорогу на Петербург.

Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842) — российский военный деятель. Родился в военной дворянской семье. Службу начал в 1781 г. в лейб-гвардии Семеновском полку. Боевое крещение получил в войне с Польшей, когда в 1795 г. во главе эскадрона захватил батарею противника. После перевода на Кавказ отличился при взятии Дербента. Командовал полком в кампаниях 1805 г. и 1806–1807 гг. Во время Отечественной войны 1812 г. командовал корпусом, прикрывавшим Петербург. Успешно участвовал в контрнаступлении русской армии, однако при переправе Наполеона через Березину его нерешительные действия облегчили французам отступление.

П. Х. Витгенштейн выступал за гуманное обращение с нижними чинами, был лично храбр и любим солдатами. После смерти в 1813 г. М. И. Кутузова был назначен главнокомандующим. К ведению крупных военных операций оказался неспособным: проиграл битвы при Лютцене и Бауцене и был заменен М. Б. Барклаем-де-Толли. Был тяжело ранен, вернулся в армию после взятия Парижа. В 1826 г. произведен в фельдмаршалы. В 1828 г., в начале войны с Турцией, назначен главнокомандующим русскими войсками, но фактически никакой роли в военных действиях не играл и после падения Варны подал в отставку. Жил в своем имении. В 1834 г. прусский король в память былых заслуг возвел его в княжеское достоинство. Умер во время поездки на лечение за границу.

После начала боевых действий из десяти находившихся в Финляндии полков 6-й и 21-й дивизий (Азовского, Низовского, Брянского, Невского, Петровского, Подольского, Литовского пехотных и 3-го, 2-го и 44-го егерских) было выделено по одному сильному (численностью в 1 тыс. человек) батальону для действия в составе десантного отряда генерала-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля.

С сентября для пополнения некоторых полков также начали формировать «сильные» батальоны. В каждом таком батальоне состояло

80 унтер-офицеров, один батальонный барабанщик, 16 барабанщиков, восемь флейтистов и 920 рядовых. Первые сильные батальоны предназначались для полков 6-й и 21-й дивизий, позднее еще один батальон сформировали для Воронежского пехотного полка.

После лагерей в Або Литовский полк неожиданно возвратили в Свеаборг, и 24 августа 1-й батальон полка, полностью укомплектованный за счет 2-го батальона, был посажен там же, в Свеаборге, на купеческие суда и морем перевезен в Ревель⁵⁶. 26 августа 1812 г., в день Бородинской битвы, войска Финляндского корпуса высадились на эстляндский берег, а оттуда в пешем порядке прибыли к Риге. Пробыв там до 23 сентября, корпус выступил в Белоруссию, к Полоцку, к месту действия корпуса П. Х. Витгенштейна, который в начале октября вступил в тяжелые бои с войсками маршала Франции Л. де Гувиона Сен-Сира и нуждался в помощи.

Гувион Сен-Сир, Лоран де (Laurent de Gouvion-Saint-Cyr, 1764–1830) — маркиз, маршал Франции. Дворянского звания по рождению не имел (получил его от Наполеона I); его отец был кожевником, мать — прачкой. По образованию и первоначальному роду деятельности — художник, однако, несмотря на обучение в Римской академии художеств, добиться признания не смог из-за ограниченных художественных способностей. Поступил на военную службу во время революции, быстро завоевав популярность у солдат, стал занимать выборные офицерские должности в «волонтерских революционных батальонах» и в 1794 г. имел уже звание дивизионного генерала. С отличием участвовал в революционных войнах. В 1804 г. был назначен французским послом при мадридском дворе. В 1808 г., во время войны на Пиренейском полуострове, командовал корпусом, но за нерешительность при осаде Жироны был лишен командования.

В 1812 г. командовал 6-м корпусом и за действия против П. Х. Витгенштейна был возведен в чин маршала. В 1813 г. сформировал 14-й корпус, с которым оставался в Дрездене, когда Наполеон с главной армией отступил от Эльбы. Узнав об исходе сражения под Лейпцигом, пытался соединиться с войсками Л. Н. Даву, занимавшими Гамбург, но эта попытка ему не удалась, и он вынужден был сдать генералу М. Л. Булатову.

56 В настоящее время — Таллин (Эстония).

Во время военной службы часто делал блокнотные зарисовки бытовых, бивачных сцен, иногда делал даже шаржи на генералов — противников сначала революционной, а потом бонапартистской Франции. Нарисовал несколько шаржей на А. В. Суворова, с военным искусством которого познакомился лично, находясь в составе армии генерала Ж. В. Моро, разбитой при городе Нови в Северной Италии. С 1817 по 1819 гг. — военный министр Франции. Обладал хорошими стратегическими способностями. Похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Утром 7 октября литовцы в составе авангарда под командованием генерал-майора Б. Б. Фока подошли к Полоцку, однако из-за отсутствия мостов не смогли переправиться на правый берег реки Двины. В этот день у реки Ушач полк принял боевое крещение. Небольшой авангард Ф. Ф. Штейнгейля выполнял основную задачу, в то время когда основные войска П. Х. Витгенштейна остановились в 12 километрах позади, на реке Ушач.

Фок Борис Борисович (1760–1813) — российский военачальник, генерал-лейтенант. Службу начал в 1775 г. сержантом Бомбардирского полка. В 1785 г. произведен в подпоручики. С 1786 г. — флигель-адъютант. Участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., Русско-шведской войны 1788–1790 гг., подавления Польского восстания (1792). В 1799 г. был произведен в генерал-майоры. В 1800 г. вышел в отставку. В 1807 г. вернулся на службу и в кампанию 1807 г. командовал Астраханским гренадерским полком. В 1808 г. вновь вышел в отставку. В 1811 г. был принят на службу и в 1812 г. назначен шефом Санкт-Петербургского гренадерского полка и командиром бригады 1-й гренадерской дивизии. Участвовал в сражениях при Витебске и Смоленске. В Бородинском сражении лично возглавил атаку трех гренадерских полков и за отличия был награжден орденом Св. Георгия III ст. При Тарутине и Малоярославце командовал 24-й пехотной дивизией. В 1812 г. вышел в отставку. Умер в 1813 г.

Л. де Гувийон Сен-Сир, намереваясь не допустить соединения русских корпусов и сбросить полки Финляндского корпуса в реку, сначала атаковал их кавалерией, но, не добившись желаемого, дополнительно направил против них еще три пехотных и один кирасирский полки. Однако русские смогли отбить атаки, а затем и оттеснили противника к Полоцку.

В донесении генерал-лейтенанта И. Н. Эссена⁵⁷ говорилось: Неприятель открыл канонаду против правого нашего фланга. Квартирмейстерской части полковник граф Галатей, находящийся при сем авангарде, почел сию атаку за фальшивую, и что настоящую атаку неприятель намерен предпринять на наш левый фланг, чтобы, заняв дорогу идущую из Экау, стараться отрезать наш авангард. Истина сего вскоре обнаружилась. Неприятель потянулся всеми силами своими на наш левый фланг и стал переправляться в брод через бывшую тут речку, чтобы занять потом дорогу, идущую из Экау. Генерал-майор Вельяминов препоручил оборону сего фланга полковнику графу Галатею. Первые два покушения были скоро отражены стрелками Литовского пехотного полка и казаками подполковника Лощина полка⁵⁸.

Сражение под Полоцком, продлившееся три дня, было ожесточенным. Солдаты и офицеры Литовского полка в первом для них сражении проявили отменную стойкость. Это было замечено, и в благодарность за службу высочайшим приказом от 22 октября всем нижним чинам полка было пожаловано по 5 рублей ассигнациями. В результате сражения под Полоцком русские отбросили часть войск Л. де Гувиона Сен-Сира в Виленскую губернию, возложив их преследование на войска Ф. Ф. Штейнгеля.

Для литовцев испытания только начинались. В следующий раз скрестить штыки с противником им пришлось в тяжелом для русских сражении 19 октября у деревни Чашники.

После поражения под Полоцком 2-й французский корпус отступил и 17–19 октября соединился на реке Уле с 9-м корпусом маршала Виктора. Это повысило боевой дух французских войск: солдаты 2-го корпуса были обрадованы соединением со значительными подкреплениями и желали реванша, а войска Виктора, еще не участвовавшие в сражениях, хотели отличиться. Корпус Виктора, который вошел в Россию только 3 сентября как резервное соединение, был в отличном состоянии. Вой-

---

57 Эссен 1-й, Иван Николаевич (Магнус Густав) (1758–1813) — российский генерал-лейтенант. В 1812 г. — военный губернатор Риги и ливонский генерал-губернатор, командовал Рижским корпусом.

58 Донесение И. Н. Эссена от 22 сентября (4 октября) 1812 // Известия о военных действиях 1812–1814 гг. По материалам периодической печати.

Памятник на могиле солдат Литовского полка, погибших и умерших от ран при осаде Данцига (современного Гданьска). Польша. Установлен в 1898 г.

ска же 6-го корпуса хоть и были истощены, но прошли испытание боем и считались стойкими и опытными.

Перрен Клод-Виктор (Claude-Victor Perrin, 1764–1841), известный как «маршал Виктор», — маршал Франции (1807), герцог Беллуно (1808), пэр Франции (1815). Военную службу начал в 1781 г. барабанщиком Гренобльского артиллерийского полка. Затем около 10 лет служил солдатом в артиллерии, не имея никаких перспектив на продвижение по службе. Весной 1812 г. был отозван из Испании и назначен командиром 9-го корпуса Великой армии, созданной для войны с Россией. Корпус Виктора в начале войны находился во втором эшелоне французской армии, а к осени был выдвинут на усиление ее левого крыла. В октябре — ноябре 1812 г. потерпел поражение от русских войск в сражениях под Чашниками и при Смолянах. Затем прикрывал переправу остатков Великой армии через реку Березину. При этом одна из его дивизий, отрезанная от главных сил корпуса, в полном составе попала в плен к русским. Виктору, проявившему в сражении на

Березине большое мужество, стойкость и самоотверженность, вместе с маршалом Удино в полной мере принадлежит честь спасения остатков Великой армии Наполеона от неминуемой гибели на болотистых берегах этой реки. В начале декабря командовал арьергардом французской армии, который полностью был уничтожен русскими войсками в районе Молодечно и далее по дороге на Вильно. Революция 1830 г., в результате которой были свергнуты Бурбоны, поставила крест и на государственной карьере Виктора. Отошел от дел и тихо удалился на покой, последние годы жил частной жизнью. Похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже.

18 октября дивизия П. Мерля заняла позицию у Чашников. Князь Л. М. Яшвиль с авангардом расположился около французов и доложил о готовности противника к сражению. Действительно, Виктор, сосредоточив у Чашников большую часть сил двух корпусов, был готов драться. Он также отдал предписания войскам, еще не успевшим расположиться у Чашников, прибыть как можно поспешнее. Такой приказ получили Г. Дендельс (под его началом было две дивизии), шедший от Бешенковичей, и кавалерия. Г. Дендельс пришел на речку Лукомль в ночь с 18 на 19 октября, но сумел привести только одну дивизию, а кавалерия выступила только утром 19 октября. Виктор, лишенный помощи 4 тыс. пехотинцев и 2 тыс. кавалеристов, отложил наступление до сосредоточения всех своих сил.

Яшвиль Лев Михайлович (1772–1836) — российский военный деятель, генерал от артиллерии. Родился в семье мелкого владетельного грузинского князя из рода Иашвили. Еще мальчиком был привезен с Кавказа и определен в 1784 г. в артиллерийский кадетский корпус, откуда был выпущен в 1786 г. штык-юнкером в Бомбардирский полк. В 1787 г. принял участие в Первой турецкой войне. Участвовал в защите Кинбурна и осаде Очакова. За отличия произведен в подпоручики и поручики. После заключения мира с турками был направлен в Польшу, где с 1792 по 1795 г. принимал участие в боях при Тикочине, Песочном, Мациовицах, осаде Варшавы и взятии ее предместий. За отличие в сражении при Мациовицах получил орден Св. Владимира IV ст., а при взятии Праги — Св. Георгия IV ст. С 1794 по 1799 г. служил в конной артиллерии, а в 1799 г. в чине капитана был переведен в гвардию. Произведенный в 1800 г. в полковники конно-артиллерийского батальона,

он с 1801 по 1803 г. служил вторично в гвардии. В кампании 1805 г. участвовал в сражении с французами под местечком Вишавью. Отличился под Гейльсбергом⁵⁹, за что был награжден орденом Св. Георгия III ст. За отличия при Прейсиш-Эйлау⁶⁰ и Гутштадте⁶¹ получил дважды золотое оружие. Кроме того ему был пожалован прусский орден «За заслуги». В 1808 г. произведен в генерал-майоры. Во время Отечественной войны 1812 г. действовал под начальством П. Х. Витгенштейна, сражаясь при Якубове, Клястицах и преследуя неприятеля до реки Дриссы. За отличия награжден чином генерал-лейтенанта. В 1813 г. был назначен начальником артиллерии главной действующей армии, находился в заграничном походе через Пруссию в Саксонию. За сражение при Лютцене награжден орденом Св. Александра Невского, а за Бауцен — алмазами к тому же ордену. За блестящее состояние артиллерии при осмотре ее государем в Шампани отмечен награждением орденом Св. Владимира I ст. В 1816 г. был назначен начальником артиллерии 1-й армии и занимал эту должность в течение 17 лет. В 1819 г. произведен в генералы от артиллерии. В 1832 г. назначен членом Военного совета. Расстроенное здоровье побудило его в 1833 г. просить увольнения от службы впредь до выздоровления. Награжден в том же году орденом Св. Андрея Первозванного. Скончался 1 мая 1836 г. Похоронен в Киевском Выдубицком монастыре.

Генерал П. Х. Витгенштейн, не зная о появлении свежего корпуса Виктора, решил предпринять атаку 19 октября. Его войска располагались за авангардом Л. М. Яшвиля, в 3 верстах⁶², у селения Слободы. С рассветом русские двинули в бой свои силы: 13 батальонов, три ополченческих дружины, 15 эскадронов и два казачьих полка при 28 орудиях. Казаки сбили вражеские посты, затем в 7 часов утра князь Л. М. Яшвиль с пятью егерскими батальонами перешел речку и атаковал французов, занимавших местечко. Однако, встретив сильное сопротивление многочисленного противника, был вынужден отойти.

Вскоре прибыли основные силы П. Х. Витгенштейна: корпус Ф. Ф. Штейнгеля построился правее авангарда, а корпус Г. М. Берга

59 В настоящее время — Лидзбарк-Варминьски (Польша).

60 В настоящее время — Багратионовск (Калининградская обл.).

61 В настоящее время — Добре-Място (Польша).

62 Верста — старинная русская мера длины, равная 1,067 км.

остался в резерве. Ф. Ф. Штейнгель решительно атаковал неприятеля в лесу, но этот штурм был отбит. Атаку повторили большими силами, и на этот раз успешно. Французы, очистив лес, преследуемые Сводным драгунским и Сводным гусарским полками, отступили за речку Лукомль.

Последующие действия ограничились артиллерийской перестрелкой, а на следующий день неприятельские войска отступили. В сражении при Чашниках наши войска потеряли около 400 человек убитыми и ранеными. Среди них значительную часть составили литовцы. Противник только пленными потерял более 800 человек; всего — около 1200.

Потери не оказались напрасными. Победа под Чашниками оказала неблагоприятное действие на французскую армию. Виктор не смог отбросить войска П. Х. Витгенштейна за линию Западной Двины и этим обеспечить безопасное отступление армии Наполеона. П. Х. Витгенштейн еще более приблизился к главной коммуникации противника. Появилась возможность для совместных действий с П. В. Чичаговым и М. И. Кутузовым. В ходе боя личный состав Литовского полка, выдвинувшийся из резерва, усилил правый фланг русских войск, чем предотвратил готовившуюся на него атаку французской кавалерии.

К этому времени в свои полные права вступила та самая зима, от которой пришлось сильно постпрадать вторгшемуся в Россию неприятелю. Морозы опускались до минус 20 градусов, но снабжение было налажено хорошо. Подвижной магазин в 3 тыс. обывательских подвод регулярно подвозил войскам корпуса достаточное количество продовольствия и фуража из пределов Псковской губернии.

До конца войны Литовский пехотный полк оставался в составе корпуса П. Х. Витгенштейна. 13 ноября литовцы с основными силами были направлены к Борису, на помощь войскам адмирала П. В. Чичагова. 15 ноября полк принял участие в бою у мызы Старый Борисов с французскими войсками под командованием графа Л. Партуно.

Пленные, взятые ранее, показали, что в Борисове еще оставалась целая французская дивизия (на деле еще и два кавалерийских полка, общей численностью около 4 тыс. человек). П. Х. Витгенштейн приказал корпусу Ф. Ф. Штейнгеля занять позицию левее авангарда, а сам отправил к французам парламентаря с предложением войскам, находившимся у города, сложить оружие.

Л. Партуно, отказавшись от капитуляции, решил воспользоваться ночной темнотой и попытаться спастись. Бригадам Л. Камюса и А. Де-

летра, находившимся на левом фланге, было послано приказание искать брод и пытаться перейти на правый берег Березины где-либо выше или ниже места их расположения. Вначале удача сопутствовала неприятелю. Французам удалось даже присоединить несколько рот, оторвавшихся во время боя, и незаметно пройти через линию русских войск. Но затем, двигаясь ночью по незнакомой местности без проводника, они сбились с направления, блуждали некоторое время в окружающих лесах и болотах, постепенно приближаясь к Борисову, пока движение им не перекрыли казаки. Не видя больше возможности к сопротивлению, Л. Партуно приказал своим измотанным войскам сложить оружие.

После боя за Старый Борисов полк получил новую передышку и почти две недели не участвовал в боевых действиях. Единственный раз, когда литовцам пришлось повоевать, было столкновение с французами у Смолянца 2 ноября, в котором Литовский полк весь бой простоял на фланге в прикрытии, не выпустив в сторону неприятеля ни одного заряда.

Поход в Европу

21 ноября полк в составе авангарда под командованием генерал-майора Е. И. Властова, переправился на правый берег Березины, начав преследование отступающих остатков Великой армии.

Властов Егор Иванович (1769–1837) — русский военачальник, генерал-лейтенант. Был подобран сиротой в Константинополе⁶³ во время первой архипелагской экспедиции русского флота. Воспитание получил в греческой гимназии (Корпус чужестранных единоверцев), откуда 18 марта 1790 г. был выпущен на военную службу подпоручиком и сразу же отправлен на театр военных действий со шведами, а в 1792–1794 гг. — на войну с поляками. За отличие в сражениях дважды повышался в чинах. В 1806 г. был назначен командиром 24-го егерского полка. В 1806–1807 гг. участвовал в боях с французами под Пултуском, Прейсиш-Эйлау и Гейльсбергом, где получил ранение ядром в грудь. В 1807 г. пожалован чином полковника с назначением шефом 24-го егерского полка. В 1808 г. отличился в сражениях со шведами, за что был награжден орденом Св. Георгия III ст. В начале 1812 г., коман-

63 В настоящее время — Стамбул (Турция).

дуя 3-й бригадой 5-й пехотной дивизии, входил в 1-й пехотный корпус 1-й Западной армии генерала П. Х. Витгенштейна. Сражался в боях с французами под Якубовым, Клястицами и Головчицей и за отличие был произведен в чин генерал-майора. Затем назначен начальником авангарда корпуса, участвовал в штурме Полоцка. В 1813 г. возглавлял егерскую бригаду в битвах с наполеоновскими войсками при Дрездене и Лейпциге. Отличился во время штурма укреплений Парижа, за что в 1815 г. был награжден чином генерал-лейтенанта. После войны командовал дивизией.

Само сражение на Березине прошло без участия полка, который занимался разоружением пленных. 17 ноября полк вышел к реке, где несколько дней назад жестко страдали отступавшие из России войска неприятеля. Много уже повидавшие ветераны-литовцы увидели жуткую картину разгрома, способную тронуть самую затвердевшую солдатскую душу:

Мосты, по которым неприятель перешел через Березину пылали; река же, по коей плыли льдины, до такой степени была запружена трупами, что по ним можно было переходить с одного берега на другой; а около Студянки все пространство, равное квадратной версте, было загромождено экипажами, фурами, повозками, между которыми, среди награбленной добычи, тоже лежали кучи тел, ползали раненые и умиравшие, бродили голодные, полузамерзшие люди; среди них видны были женщины и дети; тут же некоторые, разведя огни, грелись около них, погруженные в бесчувствие. При виде наших войск все эти несчастные проявляли только лишь одну мысль — о куске хлеба, который они выпрашивали у солдат со слезами, находившиеся же там офицеры неприятельские предлагали за сухарь деньги, часы и другие драгоценные вещи, которые они сумели сохранить при себе во время гибельного отступления... Всего захвачено было тогда в плен у Студянки войсками графа Витгенштейна до 5000 человек; сверх того нам досталось 12 орудий, множество зарядных и патронных фур и обоз с огромной добычей, преимущественно с предметами роскоши, вывезенными неприятелем из Москвы. Встречались лошади, покрытые вместо чепраков, обрывками риз, сундуки, сколоченные из образов, священные

сосуды... Тут же вся эта добыча, за исключением церковных вещей, отдана была по приказанию графа Витгенштейна в распоряжение наших солдат и ратников...⁶⁴

7 декабря полк включили в отряд генерал-адъютанта П. В. Кутузова. 9 декабря с целью занятия Тильзита⁶⁵ литовцы переправился через реку Неман и вступили в пределы Прусского королевства. В состав русского авангарда, кроме литовцев, входили: 24-й егерский полк, батальон 23-го егерского полка, Сводный и Финляндский драгунские полки, казачий Платова 4-го полк, восемь орудий батарейной роты № 28 и восемь орудий легкой роты № 11.

Это был трудный марш, потребовавший много сил от солдат и офицеров полка:

Тяжел был и для нас поход в суровую зимнюю пору, при жестоких, доходивших до 30 градусов, морозах... Переходы приходилось обыкновенно делать большие, по дурным дорогам, заваленным глубоким снегом, и терпеть часто недостаток в съестных припасах, которые не успевали подвозить за войсками; употреблять воду приходилось большей частью зараженную гниением брошенных в нее трупов людей и животных, что, в связи с другими тяжелыми условиями походной жизни, порождало усиленную заболеваемость в войсках. Продолжительный зимний поход способствовал также быстрому изнашиванию одежды и обуви как у офицеров, так и у нижних чинов, почему те и другие носили что попало, лишь бы защитить себя от холода. На соблюдение форменности в одежде смотрели сквозь пальцы: из солдат иные шли в полушубках, другие закутывались в тряпье, на одних были валенки, на других — кеньги⁶⁶; вместо киверов на головах солдат нередко можно было встретить меховые шапки; офицеры шли в тулупах и двойных валенках, закутывая голову платками. Все это помогало мало, и в рядах войск было значительное число людей с отмороженными частями тела; почти у каждого что-нибудь да было тронут морозом; бы-

---

64 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 1. С. 41.

65 В настоящее время — Советск (Калининградская обл.).

66 Кеньги (швед. kangok) — меховая обувь, надеваемая поверх прочей обуви.

вали нередко случаи и полного замерзания, особенно во время ночлегов на биваках, несмотря на то, что костры в таких случаях горели обыкновенно всю ночь. Сильные холода служили также причиной употребления в походе вина в значительном количестве, что тоже вызывало немало заболеваний.

Несмотря на все это, войска наши шли вперед бодро, дух их был превосходен в виду торжества над врагом, неопрятность же солдат, небритых, с отмороженными щеками и носами, не видевших давно крыш, закопченных дымом биваков и сражений, с усами, покрытыми обледенелым инеем, с простреленными шапками и шинелями, — являлась благородным безобразием, знаменовавшим понесенные чрезвычайные трудности⁶⁷.

В тяжелых осенне-зимних погодных условиях, литовцы с боями прошли более 1 тыс. верст, приобрели боевой опыт, показав себя стойкими и отважными воинами, но на этом для них война не завершилась. 14 декабря полк принял участие в сражении у прусской деревни Пиклупенен, а 22 декабря вместе с Тенгинским пехотным полком отличился в сражении под Лабиау⁶⁸. 23 декабря полк двумя батальонами вступил в Кенигсберг⁶⁹.

Город был к тому времени очищен от неприятеля, отошедшего к Висле. В плену оказалось 1,3 тыс. человек, а также до 8 тыс. раненых и больных, брошенных неприятелем. Самым ценным трофеем стали огромные запасы провианта и снаряжения, а также освобожденные русские пленные, захваченные в недавнем не самом удачном деле у Пилкупенена.

Так закончился для Литовского полка 1812 г., в котором его солдаты и офицеры хотя и не совершали выдающихся подвигов, но ни в чем не отставали от других частей на поприще чести и славы.

Пруссия. 1813 г.

Новый 1813 г. полк встретил в Кенигсберге, где получил пополнение, боеприпасы, а также новые мундиры с панталонами, шинели и гал-

---

67 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 1. С. 42.

68 В настоящее время — Полесск (Калининградская обл.).

69 В настоящее время — Калининград.

стуки на 514 человек. Но самым долгожданным событием была возможность отдохнуть и привести полк в порядок.

Пользуясь долгожданной передышкой, командование полка провело мероприятия по поддержанию здоровья людей, измотанных долгими маршами и низкими температурами. Поступил приказ выдавать мясную и винную порцию нижним чинам натурой три раза в неделю. Больных предписали выписывать из лечебных учреждений лишь при полном выздоровлении; выздоровевших — некоторое время в полку не обременять службой, пока организм окончательно не окрепнет.

В карманах нижних чинов завелись деньги. Все они после перехода границы империи получили полугодовое денежное жалование, а с 1 января 1813 г. в полку стали выдаваться еще и порционные деньги, так как действия проходили на разоренной войной территории.

Вместе с другими полками 21-й дивизии литовцев включили в состав корпуса генерал-лейтенанта Ф. Ф. Левиза. Тем самым полк принял участие в блокаде крепости Данциг⁷⁰, которую защищал французский гарнизон энергичного генерала Ж. Раппа⁷¹. В ходе блокады литовцы в составе отдельного отряда были расположены на острове Нерунг. Корпус Ф. Ф. Левиза насчитывал лишь 12 тыс. человек при 59 орудиях и первое время ограничивался наблюдением за неприятелем.

Левиз оф Менар Федор Федорович (1767–1824) — русский военачальник, генерал-лейтенант. Родился 6 сентября 1767 г. в городе Гапсале⁷², в окрестностях которого был расквартирован полк под командованием его отца — генерал-майора Ф. И. Левиз оф Менара. В 1772 г. записан на службу в Московский карабинерский полк капралом. С 14 лет начал службу адъютантом в штабе своего отца, в Казанском кирасирском полку. В 1786 г. переведен в Нарвский пехотный полк в чине поручика. Командуя ротой, принял участие в войне со Швецией (1788–1790). В бою под Фридрихсгамом⁷³ атакой на правое крыло шведской позиции обеспечил победу своему отряду. Все чины до полковника включительно получил за отличие. После окончания войны в Поль-

70 В настоящее время — Гданьск (Польша).

71 Рапп Жан (Jean Rapp; 1771–1821) — французский военачальник периода наполеоновских войн, граф, один из самых преданных Наполеону генералов; с 1805 г. — дивизионный генерал.

72 В настоящее время — Хаапсалу (Эстония).

73 В настоящее время — Хамина (Финляндия).

ше служил в Рижском и Самогитском карабинерных полках. В 1797 г. произведен в полковники. Через четыре месяца стал генерал-майором с назначением шефом Казанского кирасирского полка. В 1800 г. неожиданно был уволен со службы Павлом I. Вновь поступив на службу в 1801 г., вышел в отставку по болезни. В 1805 г. вновь вступил в службу и был назначен шефом Ярославского мушкетерского полка. Особо проявил себя в сражении под Аустерлицем и получил в награду орден Св. Владимира III ст. В кампании 1806–1807 гг. командовал авангардом корпуса генерал-лейтенанта И. Н. фон Эссена. Отличился в сражении под Пултуском и был награжден орденом Св. Анны I ст., а в декабре 1807 г. — чином генерал-лейтенанта. В кампании 1810 г. назначен в Молдавскую армию, где получил в командование корпус. Участвовал в осаде Силистрии и Шумлы⁷⁴. Однако болезнь заставила его в 1811 г. уволиться со службы «с мундиром и пенсионом половинного жалования». В 1812 г. вновь был принят на службу. Командуя отрядом в корпусе генерал-лейтенанта И. Н. Эссена, оборонял Лифляндию. Участвовал в стычках и столкновениях с войсками противника. В ноябре 1812 г. был награжден орденом Св. Георгия III ст. «в воздаяние отличных подвигов мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск 10-го августа под Ригою». В кампании 1813 г. участвовал в блокаде Данцига, завершившегося его капитуляцией. За это дело был награжден орденом Св. Александра Невского, а так же золотой шпагой с надписью «За храбрость», украшенной алмазами. При осаде Данцига брал с собой в траншеи старшего сына, 11-летнего Августа. В октябре 1814 г. был уволен со службы «за болезнями, с мундиром». Поселившись в Дерпте⁷⁵, он через четыре года был избран предводителем Лифляндского дворянства. Умер в 1824 г.

К этому времени полк свели в один батальон, но и в том недоставало людей для полного состава. Убыль была большой. Когда полк выступал на войну, в его составе насчитывалось 1308 человек, а к февралю 1813 г. по разным причинам в полку оставалось всего 164 человека.

Наступившая весна незначительно избавила от трудностей. Войска продолжали страдать от болезней. Только с прибытием 11 апреля генерала от кавалерии герцога Виртембергского, брата императрицы Марии

74 В настоящее время — Шумен (Болгария).

75 В настоящее время — Тарту (Эстония).

Федоровны, назначенного командовать осадным корпусом под Данцигом, жизнь полка улучшилась: снабжение наладилось, дополнительные запасы пополнялись за счет разрешенных реквизиций.

Через два дня после прибытия нового начальника русских войск Ж. Рапп выслал на остров Нерунг отряд из 4 тыс. пехотинцев и 500 кавалеристов при восьми орудиях для фуражировки. Литовцы стойко держались, но, не получив подкрепления, с боем отступили. Когда французы, выполнив задачу, ушли обратно в крепость, литовцы вернулись на свои позиции. Имея в своих рядах (даже с вернувшимися в строй) всего 274 человека, они не могли успешно противостоять неприятелю. Хотя полку придали 195 человек из дружины Санкт-Петербургского ополчения, толку от этого пополнения было мало, и ополченцев использовали исключительно как полковой резерв. Вскоре к полку прибыл резервный батальон майора Броуна, сформированный в Санкт-Петербурге генералом П. Я. Башуцким⁷⁶ из рекрутов последнего набора, произведенного в конце 1812 — начале 1813 гг.

К этому времени Литовский полк внешне совсем не походил на то, каким он был, когда отправлялся на войну год назад. Нижние чины батальона за неимением положенного форменного сукна, были в одежде, пошитой из серого крестьянского сукна. Численность формирования катастрофически падала, а нерегулярные пополнения из рекрутских батальонов ситуации не спасали. Из отправленных из России 1017 человек до Данцига дошло меньше половины. Непогода, болезни и банальное дезертирство уменьшали воинские части — особенно те, что состояли из непривычных к службе новобранцев, — стремительнее, чем неприятельские пули. Да и качество рекрутского набора было не самым лучшим, а многие ветераны полка к тому времени покоились в братских могилах, оставляемых на долгом военном пути. В частности, погибшие и умершие от ран и болезней солдаты Литовского полка были похоронены в братской могиле возле Данцига. На ней в 1898 г. был установлен памятник, увенчанный крестом. Свой же, «родной» резервный батальон Литовского полка до начала 1813 г. оставался в Финляндии и лишь весной получил приказ выдвигаться к полку. С трудом добравшись до Риги, батальон надолго застрял в ней по причине весенней распутицы.

---

76 Башуцкий Павел Яковлевич (1771–1836) — русский генерал, участник наполеоновских войн, Санкт-Петербургский комендант, сенатор, член Верховного уголовного суда над участниками восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

29 апреля 21-я дивизия, уже находившаяся под начальством генерал-майора В. Д. Лаптева, из-под Данцига была направлена в Силезию на юг Пруссии, где вошла в состав отряда генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винцингероде. Этот отряд, в свою очередь, входил в состав Северной армии. Из Литовского, Невского и Подольского пехотных полков создали бригаду, которую возглавил шеф литовцев барон Ф. Ф. Розен. В это время в полку находилось 30 штаб- и обер-офицеров и 525 нижних чина.

Лаптев Василий Данилович (1758–1825) — русский военачальник, генерал-лейтенант. Участник Отечественной войны 1812 г. В звании генерал-майора в отставке формировал Московское ополчение. В августе 1812 г., командуя 8-м пешим казачьим полком, прибыл в армию, после чего был назначен командиром 2-й бригады 11-й пехотной дивизии. Участник Бородинского сражения, в ходе которого получил контузию в шею, однако поле боя не покинул. Командуя 23-й пехотной дивизией, осенью 1812 г. участвовал во взятии Вязьмы. В июне 1813 г. командовал 21-й и 24-й пехотными дивизиями в составе Северной армии, участвовал в боях под Берлином и при Денневице. 8 октября 1813 г. за отличие в сражении при Лейпциге был произведен в генерал-лейтенанты. В 1814 г. в сражении при Краоне получил тяжелое ранение в ногу. Портрет В. Д. Лаптева авторства Д. Доу, находится в Военной галерее Зимнего дворца.

К концу июля полк прибыл к Берлину, а затем совершил марш к Лейпцигу, где 6 и 7 октября принял участие в штурме города. Это сражение впоследствии получило название Битва народов, однако полку участвовать в нем не довелось: он находился в резерве. За участие в последовавшем взятии Лейпцига шеф полка барон Ф. Ф. Розен получил чин генерал-майора.

Винцингероде Фердинанд Федорович (1770–1818) — русский военачальник. В 1812 г. — генерал-майор, генерал-адъютант. В сентябре 1812 г. за отличие был произведен в генерал-лейтенанты. Войну начал командиром Обсервационного корпуса в Смоленске. После оставления Москвы корпус Ф. Ф. Винцингероде прикрывал Санкт-Петербург. В октябре, в Москве, попал в плен, но при конвоировании был отбит отрядом урядника Дудкина у местечка Радошковичи Минской губер-

нии. Награжден орденами Св. Александра Невского, Св. Георгия II ст., Св. Владимира II и I ст. В 1813 г., командуя 2-м пехотным корпусом, участвовал в сражениях при Калише и у Гросс-Гершена. Затем, командуя российским корпусом в составе Северной армии, участвовал в сражениях при Лютцене, Гросс-Беерне, Денневице и Лейпциге. За отличие произведен в генералы от кавалерии. В 1814 г. сражался в Силезской армии Г. Л. Блюхера, принял капитуляцию Суассона. В 1815 г. принимал участие во 2-м походе во Францию. Портрет Ф. Ф. Винцингероде авторства Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца.

Далее полк в составе Северной армии через города Бремен и Дюссельдорф совершил марш к границе Франции и к началу 1814 г. вступил на ее землю. С 12 по 17 февраля полк находился на постое в городе Реймс. Барон Ф. Ф. Розен получил назначение комендантом этого города. 18 февраля литовцы в составе корпуса прибыли к городку Суассону для усиления армии фельдмаршала Г. Л. Блюхера и 23 февраля у деревни Краон участвовали в сражении между войсками армии Г. Л. Блюхера и французской армии под командованием императора Наполеона I.

Перед сражением пехота союзников в батальонных колоннах была построена в три линии по обе стороны дороги Краон — Ворон. Полки 21-й дивизии входили в отряд генерал-лейтенанта графа М. С. Воронцова, возглавившего пехоту первой и второй линии. Литовцы находились во второй линии. В 9 часов утра около 100 французских орудий начали обстрел отряда М. С. Воронцова, затем в атаку пошла французская пехота. Основной удар производился двумя колонами под командованием маршала М. Нея на левый фланг русских войск. Первые две атаки удалось отбить. Наполеон усилил войска М. Нея резервами, после чего французской пехоте удалось подойти вплотную к нашим войскам. По приказу М. С. Воронцова русские полки левого крыла были брошены в штыковую контратаку и смогли отбросить французов. К 14 часам накал сражения усилился.

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — русский государственный и военный деятель, граф, князь (с 1845), светлейший князь (с 1852). В кампанию 1812 г. вступил генерал-майором, командиром 2-й сводно-гренадерской дивизии, входившей в состав 2-й Западной армии. Участник сражений под Миром, Романовом, Салтановкой, Шевардином, Смоленском и Бородином. В Бородинском сражении получил

ранение в ногу и за отличие был награжден орденом Св. Анны I ст. с алмазами. Был назначен командующим авангардом 3-й Западной армии. В феврале 1813 г. произведен в генерал-лейтенанты. В составе Северной армии участвовал в сражениях под Гросс-Беереном, Денневицем, Лейпцигом, Касселем, а в 1814 г. — под Краоном. За отличие в войне 1812–1814 гг. награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Георгия II ст. Портрет М. С. Воронцова авторства Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца.

Уступая противнику в численности, русские были крайне утомлены, в результате чего Г. Л. Блюхер приказал М. С. Воронцову выйти из боя и отвести войска к Лаону. Осознавая, что в сложившейся обстановке войска при отходе понесут большие потери, М. С. Воронцов пытался переубедить фельдмаршала, однако приказание было повторено, после чего отряд М. С. Воронцова под постоянными нападениями кавалерии противника начал медленный отход. По имеющимся данным, в ходе этого сражения Литовский полк потерял убитым прапорщика⁷⁷ Блофильда и раненым поручика Яковлева.

К 24 февраля войска армии Г. Л. Блюхера сосредоточились у Лаона, где 25 и 26 февраля полк опять принял участие в сражении. За отличие, проявленное в этих сражениях, шеф полка генерал-майор барон Ф. Ф. Розен был награжден орденом Св. Анны I ст., командир Литовского полка Л. Б. Сергеев — орденом Св. Анны II ст., полковой адъютант поручик Яровой-Роевский — орденом Св. Анны III ст., штабс-капитаны Маскашиньев 1-й и Алексеев, прапорщики Клуген и барон Розен — Св. Владимира IV ст. с бантом, а прапорщик Бреккер произведен в подпоручики.

18 марта армия Г. Л. Блюхера подошла к Парижу, но Литовский полк, состоя в резерве, участия в штурме Парижа не принимал. 25 марта Наполеон отрекся от престола, и война была окончена. По окончании военных действий полк направился к городу Суассон, где остановился на отдых в Амбалани. Там несколько человек из состава нижних чинов полка, отличившихся в ходе войны, удостоились перевода в гвардию.

29 апреля полк выступил из окрестностей Данцига и двинулся в Силезию, где были сосредоточены главные силы союзников. Литовцы находились там, когда начались переговоры с Наполеоном о пере-

⁷⁷ Хотя в списках он значится в звании капитана.

мирии, заключенном 23 мая в селении Глесвице. По договору военные действия прекращались до 8 июля.

21-я пехотная дивизия, которой в это время командовал генерал-майор В. Д. Лаптев, вошла в состав отряда генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винцегероде, составившего правый фланг русских войск, и расположилась возле Познани в пределах герцогства Варшавского. В полку в это время состояло 30 офицеров и 525 нижних чинов. Полковой шеф барон Ф. Ф. Розен принял под командование бригаду, состоявшую из трех полков — Невского, Литовского и Подольского.

Солдаты использовали передышку для восстановления физических и нравственных сил. Впервые полку разрешили расположиться на квартирах — хоть и тесных, но теплых. Только авангардные части оставались на биваках. Добрались до полка выздоровевшие больные и раненые, позволив отправить на лечение других, не нарушая общую численность полка.

К этому времени вооружение полка было истрепано не меньше, чем его солдаты. Часто ружья просто отказывались стрелять, вынуждая пехоту полагаться на штык, что приводило к излишним потерям. Из-за длительного периода эксплуатации и отсутствия необходимого ухода многие образцы вооружения нуждались в экстренном ремонте. Чтобы избавиться от этой напасти, специально прибывшие офицеры провели калибровку ружей и их ремонт.

Летом 1814 г. Литовский полк в составе 21-й дивизии начал возвращение на родину. 1 сентября 1814 г. в армейских полках звание полкового шефа было упразднено, и Литовский полк лишился своего славного шефа — барона Ф. Ф. Розена.

11 января 1815 г. полки 21-й пехотной дивизии вошли в Санкт-Петербург, где были представлены военному министру князю А. И. Горчакову 1-му. 13 февраля полк прибыл к месту своей постоянной дислокации в земли Финляндии. Там его ждали 2-й запасной батальон и 5-я резервная рота (называемая слабосильной). 1-я и 3-я мушкетерские роты разместились в деревнях Сиббовского прихода, в 55 верстах от Гельсингфорса, а остальные две роты со штабом полка — непосредственно в Гельсингфорсе. Позднее полк дислоцировался следующим образом: полковой штаб и 2-я мушкетерская рота — в Гельсингфорсе; 2-й батальон и 1-я гренадерская рота — в крепости Свеаборг; 1-я и 3-я мушкетерские роты — в окрестностях Гельсингфорса (1-я — в деревнях Бомбю, Гансбю и Помпа; 3-я — в деревнях Морсбю и Никсбю); 3-й

батальон — в деревне Тусбю. 5-я резервная рота была расформирована 27 марта 1815 г. В течение 1815 г. подразделения полка неоднократно меняли место своей дислокации.

Хотя полк и принимал активное участие в боевых действиях, никакими коллективными боевыми наградами за войну 1812–1814 гг. он награжден не был. Вскоре после возвращения в Свеаборг полку были присланы серебряные медали «В память Отечественной войны 1812 года» на Андреевской ленте, которые вручались всем строевым чинам армии, флота и ополчения (от генерала до нижних чинов), участвовавшим в военных действиях с французами в пределах Отечества. На момент вручения медалей таких нижних чинов «оказалось в полку всего лишь 131 человек», что свидетельствует о больших потерях литовцев в 1812–1814 гг.

В СОСТАВЕ ОСОБОГО ЛИТОВСКОГО КОРПУСА

Идет полк с музыкой — земля под ним дрожит и трясется, идет и бьет повсюду врагов отечества: турок, немцев, поляков, шведов, венгерцев и других инородцев. И все может понять и сделать русский солдат: укрепление соорудить, мост построить, мельницу возвести, пекарню или баню смастерить.

А. И. Куприн, Юнкера, 1932 г.

Создание Литовского корпуса

В Финляндии полк приступил к размеренной армейской жизни, занимаясь военной и строевой подготовкой, неся привычную караульную службу. В связи с тем что жалование нижних чинов⁷⁸, увеличенное в военное время, с переходом на мирный быт уменьшилось, некоторых нижних чинов стали отправлять на «частные» работы. К таким, например, относилась разгрузка судов в Гельсингфорсской гавани. Возникли проблемы с санитарным состоянием. Особые проблемы вызвало распространение чесотки. Для борьбы с ней принимались все меры, особое внимание уделялось чистоте. В некоторых случаях больных изолировали.

В 1814 г. из Литовского полка в 6-ю пехотную дивизию был выделен 3-й батальон, а на его место поступил запасной батальон Низовского пехотного полка из той же 6-й пехотной дивизии. 4-й батальон Литовского полка был упразднен 8 августа 1814 г., а в 1815 г. полк пе-

---

78 Размер жалования в то время был следующим для нижних чинов: фельдфебель — 33 рубля в год; портупей-прапорщик, прапорщик и каптенармус — 17 рублей; младшие унтер-офицеры — 14 рублей; полковой и батальонные барабанщики — 13 рублей; рядовые и ротные барабанщики — 9 рублей 50 копеек. Нестроевые: оружейный мастер — 204 рубля; полковой писарь и ложник — 60 рублей; вагенмейстер, надзиратель больных и батальонные писари — 38 рублей; старший фельдшер — 30 рублей; младшие фельдшеры — 24 рубля; казначейский и квартирмейстерский писари — 17 рублей; остальные нестроевые — 9 рублей 50 копеек; профосы и фурлейты — 8 рублей; денщики — 7 рублей 30 копеек. Жалование выдавалось к первому числу каждого третьего месяца.

решил на новый штат в количестве 3356 человек, из которых в каждой гренадерской роте было установлено по 264 человека, а в мушкетерских — по 262 человека.

Большую проблему в то время представляло обеспечение полка вооружением. Оружие у литовцев было различным даже по калибру. В 1-м батальоне находились преимущественно английские ружья, обладавшие большей дальностью. К 1815 г. было приказано иметь в полку ружей и амуниции на 2,7 тыс. человек. В каждом батальоне полагалось ружей на 64 унтер-офицера и 836 рядовых, в каждой роте — на 225 человек.

При этом тесаков одинакового типа имелось лишь на 992 человека. Ножны для тесаков и штыков полагалось иметь черные лощеные. Из-за этого в полку было отменено вооружение рядовых, кроме ружья, еще и тесаком. Последние были оставлены только для гренадерских рот. Тесаки распределялись следующим образом: 240 — для унтер-офицеров, девять — для музыкантов, 51 — для барабанщиков, шесть — для флейтистов, 627 — для гренадер и стрелков, 36 — для артельщиков, один — для надзирателя больных, три — для батальонных фельдшеров, 12 — для цирюльников, один — для обозного и шесть — для писарей.

22 августа 1814 г. цвет погон в полку был заменен с желтого на светло-синий. Приведение в однообразие униформы офицеров вызвало немало проблем. Вернувшись из-за границы, многие из них не имели в наличии всех необходимых вещей. Поэтому им было приказано принять самые строгие меры к соблюдению установленной формы одежды. Те, кто не соблюдал правила, аттестовались в кондукитном списке как «нерачительные в хозяйстве».

Нужно сказать, что в то время начальство контролировало жизнь офицеров не только по службе, но и частную. Например, холостым предписывалось иметь все домашние вещи форменного образца, не менять часто квартир, не разыгрывать в лотерею чего-либо, соблюдать время обеденного и вечернего «стола» и прочее. За несоблюдение установленных правил и порядка накладывались взыскания. К их числу относились тогда такие, например, как бессменное несение службы не в очередь, иногда в продолжении нескольких дней подряд, содержание под арестом на хлебе и воде, а также неувольнение в отпуска. Причем отпуска продолжительностью более четырех месяцев вообще никому из офицеров не разрешались, так как считалось, что, находясь долго в отпуске, они «находят случай привыкать к тому, что ни званию, ни че-

сти офицера не соответствует». Иногда практиковали назначение субалтерн-офицеров на службу за унтер-офицеров, а ротных командиров — за прапорщиков.

В 1816 г. Александр I обратил внимание на скудность жалования офицеров и принял решение о его увеличении. Рескрипт об этом был объявлен 12 декабря 1816 г., в день рождения императора: «Мы видели в жаловании вашем скудность и несоразмерность настоящим в жизни нуждам и давно желали содержание ваше увеличить, но обширные и необходимо нужные государственные надобности по сие время сделать сие не дозволяли». Таким образом, с 1 января 1817 г. офицеры стали получать жалование по новым окладам: полковник — 1820 рублей в год, подполковник — 900 рублей, майор — 780 рублей, капитан — 700 рублей, штабс-капитан — 690 рублей, поручик — 600 рублей, прапорщик — 480 рублей.

Это была приятная новость для Литовского полка, в рядах которого к тому времени оставалось еще много офицеров, получивших раны и увечья в ходе недавней кампании. Такими были штабс-капитан Алексеев, поручик Яковлев, подпоручик Лазовский, прапорщики Харламов, барон Розен и другие. В 1816 г. из полка убыло 30 офицеров. В их числе — раненый при Краоне поручик Яковлев. Кроме того, убыли два капитана, уволенные «за учиненную между собою драку».

По результатам освободительного похода Александр I присоединил к России большую часть земель бывшего герцогства Варшавского, созданного Наполеоном. По решению Венского конгресса 1814–1815 г. в Российской империи создавалось автономное Царство Польское. Александр I даровал полякам право иметь свою конституцию и национальную армию. В 1815 г. императорским указом была создана польская королевская гвардия в Варшаве. Кроме этого, в результате последней войны к России также были присоединены прибалтийские и западно-белорусские земли.

Следующим шагом императора стало решение сформировать Особый (Отдельный) Литовский корпус из частей русской армии. Указ о его создании был подписан 17 июля 1817 г. Предполагалось, что корпус одновременно и станет резервом для Польской армии, и поспособствует нейтрализации осязательных антироссийских настроений в польском обществе и войске. Наместником в Польше и главнокомандующим русско-польской армией в Польше и Литве был назначен брат императора цесаревич Константин Павлович.

Литовский корпус состоял из двух пехотных дивизий (восемь пехотных и четыре егерских полка) и приданной ему в 1818 г. Литовской уланской дивизии (четыре полка). В конце 1817 г. для личной безопасности Константина Павловича был реорганизован гвардейский отряд, расположенный в Варшаве.

Литовскому полку предстояло перейти в Литовский корпус. 1 февраля 1817 г. приказом генерал-фельдмаршала М. Б. Барклая-де-Толли Литовский и Подольский пехотные полки вошли в состав 4-й пехотной дивизии 1-й армии и подлежали переводу в Литву. Эти два полка должны были составить 2-ю бригаду 4-й пехотной дивизии. Полки этой дивизии предполагалось расквартировать в Гродненской губернии, а штаб дивизии — в городе Вильно⁷⁹. Местом дислокации Литовского полка был определен город Лида.

Знамя 3-го батальона Литовского полка

3-му батальону Литовского полка (бывшему запасному батальону Низовского пехотного полка) было пожаловано простое знамя нового образца, установленного в 1816 г. Рисунок нового знамени в основном был прежним: цвет креста оставался зеленым, как и у всех пехотных полков, а углы стали белыми. Изменилось изображение орла: теперь он изображался с обоими опущенными крыльями и под одной короной. На груди орла добавлялся красный щит с московским гербом с изображением Св. Георгия Победоносца. В правой лапе орел держал перун⁸⁰, а в левой венки. Навершие оставалось прежней, копьеобразной, формы, но орел в нем уже был аналогичный орлу со знаменного полотна; он опирался на часть венка. Трубка навершия оставалась восьмигранной, высотой 5,75 вершка.

С 5 мая 1817 г. Литовский пехотный полк начал поэтапно производить посадку на военные корабли Балтийского флота. 4 мая все тяжелые грузы были доставлены на пристань Гельсингфорса, и 5 мая началась их погрузка на палубы и в трюмы. Следом на борт поднялись солдаты и офицеры. На тот момент в полку было четыре штаб-офицера, 39 обер-офице-

79 В настоящее время — Вильнюс (Литва).

80 Перуны — стрелы молний, грозное мифическое оружие древнегреческого бога Зевса, которым он победил титанов.

ров, 232 унтер-офицера, 64 музыканта, 2365 рядовых и 110 нестроевых чинов. Личный состав разместился на шести 74-пушечных кораблях:

- «Норд-Адлер»: 1-я гренадерская и 1-я мушкетерская роты (капитан Алексеев);
- «Любек»: 2-я и 3-я мушкетерские роты (майор Броун);
- «Чесма»: 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская роты (майор Андреев);
- «Нептунус»: 5-я и 6-я мушкетерские роты (поручик Борисов 2-й);
- «Три святителя»: 3-я гренадерская и 7-я мушкетерская роты (майор Гамперт);
- «Дрезден»: 8-я, 9-я мушкетерские роты и штаб полка (подполковник Сергеев).

Помимо личного состава на корабли погрузили весь полковой обоз: 12 провиантских фур, 12 патронных ящиков, полковую казну, полковую канцелярию, церковную фуру, казначейскую фуру, три лазаретных кареты, аптеку и полуфуру с инструментами для полковых мастерских. У солдат отобрали боевые патроны, провианта взяли на неделю, а остатки его были сданы в магазины Гельсингфорса.

10 мая «Нептунус» и «Три святителя» пришли в Ревель, а 11 мая в порт вошли остальные корабли. Четыре дня полк провел в Ревеле, приводя себя в порядок после морского перехода. В первые дни пребывания на берегу заболели 53 человека; их отправили в Ревельский сухопутный госпиталь. Некоторые нижние чины, оказавшись на новом месте, бежали, что, «впрочем, составляло тогда заурядное явление».

15 мая полк вышел из Ревеля и через Пернов⁸¹ отправился в Вильно. Большая часть пути шла вдоль берега Финского залива, вид которого за время стоянки в Гельсингфорсе стал для солдат привычным. Сами же эстляндские места тоже были знакомы солдатам и офицерам, «покрытым славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года», которых в полку было тогда немало.

При совершении похода по команде «отмыкай штык» отмыкались штыки на ружьях. Для движения был установлен специальный барабанный бой, как, например, «генерал-марш», бившийся только в походе, когда войска, расположенные для ночлега в населенном пункте, нужно было заблаговременно разбудить, чтобы подготовиться к выступлению. Затем бился «сбор», по которому войска выходили на место сбора. По-

81 В настоящее время — Пярну (Эстония).

сле этого бился «фельдмарш», указывавший, что войска должны начинать движение. Во время движения этот бой указывал на приближение начальника, что означало, что войска должны были идти в порядке. Нужно сказать, что в тот период, когда полки часто меняли места дислокации и походы были явлением обыденным, подобная тщательная организация была жизненно необходимой.

Во время похода начались дожди. В результате особенно страдала белая амуниция солдат, представлявшая «на груди солдата как бы двойные вериги из толстой кожи». Будучи вычищенной, она «имела в строю весьма эффектный вид, являясь будто выточенной из слоновой кости; но в сырое время, особенно после дождя, наведенный на амуницию посредством чистки глянец растворялся, и она принимала такой вид, что смотреть на нее было отвратительно». Тем не менее при подходе к Риге в полку все вычистилось, амуниция была приведена в порядок, все чины были в полной походной форме, офицеры «в ранцах». 7 июня через форштадтский шлагбаум литовцы вступили в город.

После короткого отдыха в Риге полк через Бауску, Поневеж⁸², Вилкомир⁸³ начал марш на Вильно. Прибыв в город, полк 24 июня был осмотрен виленским военным губернатором, генералом от инфантерии А. М. Римским-Корсаковым, а к 1 июля добрался до места своего нового расквартирования в Лиде. Штаб полка расположился в самом городе, а батальоны и роты — в деревнях Лидского уезда.

На новом месте

5 июля 1817 г. на основании высочайшего приказа 4-я дивизия была переименована в 28-ю пехотную дивизию, однако уже 12 июля высочайшим приказом Литовский пехотный полк был причислен к 27-й пехотной дивизии под командованием героя войны 1812 г. генерал-майора Е. Я. Савоини. Кроме литовцев в эту дивизию вошли Виленский пехотный полк, с которым Литовский составил 2-ю бригаду, а также Брестский и Белостокский пехотные полки, составившие 1-ю бригаду дивизии. В дивизию также вошли 47-й и 48-й егерские полки, сформировавшие 3-ю бригаду. 14 августа 1817 г. командование Литовским корпусом принял барон Ф. Ф. Винцингероде.

82 В настоящее время — Паневежис (Литва).

83 В настоящее время — Укмерге (Литва).

Савоини Еремей Яковлевич (1776–1836) — российский военачальник итальянского происхождения. Уроженец Флоренции; российское подданство принял в 1821 г. Принимал участие в русско-турецких войнах и проявил себя при взятии Гаджибея, Бендер и Измаила. Войну 1812 г. начал полковником, командиром бригады. В декабре 1812 г. за отличие был произведен в генерал-майоры. Участвовал в сражениях под Салтановкой и в Смоленске, а также в Бородинском сражении, где был ранен картечью в ногу и пулей в руку. Отличился в делах у Жерновки и под Красным. В 1813 г. участвовал в блокаде крепости Модли, в сражении под Дрезденом и в штурме Лейпцига. В 1814 г. отличился при блокаде Гамбурга. В 1821 г. принял российское подданство. В 1825 г. был удостоен звания генерал-лейтенанта Русской императорской армии. В 1829–1833 гг. — командующий 4-м пехотным корпусом; занимал должность председателя комитета для рассмотрения проекта положения о взыскании и пополнении недостатков при сдаче полков. В 1833 г. был произведен в генералы от инфантерии и назначен членом генерал-аудиториата города. Награжден орденом Св. Георгия III ст. и золотой шпагой «За храбрость» с алмазами. Скончался в Санкт-Петербурге и был с почестями похоронен на Смоленском евангелическом кладбище. Портрет Е. Я. Савоини авторства Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца.

Когда цесаревич Константин Павлович изъявил желание осмотреть вновь сформированный Литовский корпус, Литовский полк прибыл в Белосток, где в августе в составе дивизии принимал участие в смотре.

После этого полку было установлено новое место расквартирования в городах Кобрине, Брест-Литовске⁸⁴ и частично в селах и деревнях Гродненской губернии. Литовцам пришлось вновь менять свои зимние квартиры. Условия квартирования полка как на прежнем, так и на новом месте оставались крайне тяжелыми, к тому же условия службы сказывались на физическом и моральном состоянии нижних чинов. В 1817 г. в полку наказаниями палками и розгами подверглись 72 нижних чина, их которых 64 человека — за попытку побега и самовольные отлучки.

Высочайше было решено полкам Особого Литовского корпуса установить в обмундировании элементы литовского наци-

84 В настоящее время — Брест (Беларусь).

онального костюма и национальные цвета. Таким образом, полкам корпуса вместо золотого и желтого был пожалован белый и серебряный приборный цвет, а цвет воротников, обшлагов и выпушек заменялся на желтый. Цвет клапанов и лацканов на мундире также заменялся на желтый. Офицерам присваивались плоские пуговицы, а изображение Св. Георгия Победоносца на нагрудном щите государственного орла шейного (нагрудного) офицерского знака заменялось на изображение литовского всадника — Погоня. Цвет погон оставался светло-синим, но с 28 августа 1817 г. на погонах и эполетах Литовскому полку надлежало носить число «27» (номер дивизии). Ввиду недостатка средств переобмундирование как офицеров, так и нижних чинов полка затянулось до конца 1819 г.

Особое внимание уделялось взаимоотношениям с местным населением. Контролируя соблюдение нижними чинами дисциплины, тишины, порядка и спокойствия, ротные командиры должны были неотлучно находиться в расположении своих частей. Строжайше действовал приказ «жителей не угнетать». Даже во внешнем виде солдат и офицеров требовалось неукоснительное соблюдение всех правил. Так, офицерам разрешалось бывать в Белостоке во время проходившего там смотра войск не иначе как в киверах и «в лучшей и приличной званию офицерскому одежде».

В конце 1817 г. командир дивизии за допущенные нарушения в содержании полкового лазарета и личную неисполнительность в своих приказах указал на нерадивость командира Литовского полка подполковника Л. Б. Сергеева. В январе 1818 г. тот, выказывая свою обиду и сославшись на плохое состояние здоровья, не прибыл после излечения в полк. За это Л. Б. Сергеева отстранили от командования полком. Освободившуюся должность временно принял майор Виленского пехотного полка М. И. Курош⁸⁵. Однако уже 24 января его заменил подполковник (потом полковник) Брестского пехотного полка М. Ф. Никитин 2-й. 17 марта 1818 г. был выпущен высочайший приказ о назначении его командиром Литовского пехотного полка. М. Ф. Никитин 2-й находился в этой должности с 17 марта 1818 г. по 28 февраля 1829 г.

---

85 Курош Михаил Иванович (?–1831) — участник войны 1812–1814 гг., кавалер орденов Св. Владимира IV ст. с бантом и Св. Анны IV ст. Был награжден золотой саблей «За храбрость».

Никитин 2-й, Михаил Федорович (1780–1852) — командир Литовского пехотного полка в 1818–1829 гг. Образование получил в Сухопутном кадетском корпусе, из которого был выпущен 5 июля 1798 г. прапорщиком. Участвовал в войнах с французами в 1805 и в 1806–1807 гг. офицером 8-го егерского полка. При Аустерлице был «ранен черепком французской гранаты в голень правой ноги с повреждением кости и взят в плен неприятелем на поле сражения, а из плена сего отпущен февраля 2 дня 1806-го с прочими офицерами и нижними чинами и, возвратясь в Россию марта 18 дня в полк, сочтен был в достоинстве, а за отличия, оказанные в кампании, пожалован всемилостивейше в капитанский чин». За отличия в сражении при Пултуске и Гейльсберге был награжден орденом Св. Анны III ст. и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

В 1812 г. служил в Белостокском пехотном полку в чине майора. Отличился в боях на Волыни, за которые получил орден Св. Владимира IV ст. с бантом. Прошел заграничную кампанию 1813–1814 гг., где был удостоен ордена Св. Анны II ст. и прусского ордена «За заслуги». В январе 1814 г. при штурме французских батарей у Бриенна-ле-Шато получил тяжелое ранение в голову. За храбрость в этом сражении произведен в подполковники.

С 1820 г. — полковник. 13 февраля 1823 г. был награжден орденом Св. Георгия IV ст. за 25 лет службы в офицерских чинах. С 1829 г. — генерал-майор, состоящий при начальнике 24-й пехотной дивизии генерал-лейтенанте Е. Я. Савоини. Участник Польской кампании 1831 г., за что был награжден орденом Св. Станислава I ст. и назначен командиром бригады 24-й пехотной дивизии. В 1834–1846 гг. (до выхода в отставку из-за потери слуха от ранения 1814 г.) — командующий 2-й бригадой 16-й пехотной дивизии. В 1846 г. «января 6-го сего года уволен от службы за болезнью с мундиром и пенсионом полного жалования». Последние годы жизни провел в городе Козельце Черниговской губернии, где и умер 1852 г.

Новый командир предпринял ряд действенных мер для улучшения быта солдат, обучения их грамотности, повышению строевой и боевой подготовки полка. По его распоряжению ротные учения проводились ежедневно по три часа. В мае 1818 г. бригадный командир генерал-майор Л. Н. Энгельгардт, проведя проверку боевого и хозяйственного состояния полка, объявил благодарность М. Ф. Никитину, отметив, что «полк на-

чинает преобразовываться». В том же месяце полк снова был переведен в Лидский уезд. Не успев надлежащим образом разместиться на новых квартирах, полк вновь подвергся осмотру, но уже командиром дивизии Е. Я. Савоини. И опять литовцы показали себя с наилучшей стороны.

В апреле 1819 г. в пехотных полках русской армии стала вводиться должность застрельщиков. Их набирали из наиболее способных к ружейной стрельбе, «расторопных и понятливых» нижних чинов полка из расчета два унтер-офицера и 14 рядовых из каждого взвода роты. Кандидат на место застрельщика должен был из шести выданных ему пуль попасть в цель не менее чем тремя пулями с расстояния не менее 100 и не более 150 шагов. Обучение застрельщиков в Литовском полку началось только 4 июля следующего года, когда из Варшавы в полк вернулся поручик барон Розен, проходивший там подготовку по действиям и управлению застрельщиками. Под его начальством в Лиде были собраны застрельщики из двух полков бригады. Для их обучения правилам рассыпного строя в штаты полков дополнительно вводились 27 горнистов.

Форма горнистам присваивалась аналогичная форме барабанщиков. Им выдавались сигнальные рожки из желтой меди, с рельефным изображением на наружной стороне раструба государственного герба — орла. Рожок носился на белых кожаных ремнях, изнутри выкрашенных красной краской.

С 1820 г. в пехотных полках вводилась должность жалонеров — по два на роту. Их задача заключалась в обозначении линии построения войск при проведении смотров и учений. Для этого каждый жалонер имел специальный знак-флажок, который вставлялся в ствол ружья. Первоначально в Литовском полку на эти должности назначались только портупей-прапорщики⁸⁶ и прапорщики из дворян.

В начале 1820 г. на укомплектование Литовского полка, как и всего Отдельного Литовского корпуса, стали прибывать рекруты, набранные из западных губерний России — Виленской, Гродненской и Минской. Нижние чины, набранные до этого из центральных губерний России, переводились в 14-ю пехотную дивизию, расположенную в Витебской губернии. Это было первое с 1813 г. поступление рекрутов в полк.

86 Портупей-прапорщик — в русской армии в 1798–1859 гг. звание унтер-офицера из дворян.

В это же время в войска Литовского корпуса стали в большом количестве поступать на правах вольноопределяющихся⁸⁷ местные польские и литовские шляхтичи и обыватели. С осени, согласно приказа по полку, запрещалось представлять нижних чинов русской национальности к производству в унтер-офицеры, а следовало представлять только лиц литовской или польской национальности. По этой причине в 1820 г. в Литовском полку основную массу рядового и унтер-офицерского состава составляли лица римско-католического вероисповедания. В связи с этим 15 сентября 1820 г. в полк был зачислен римско-католический священник Франц Климович, а состоявшего при полку до этого православного священника Василия Лебедева перевели в Псковскую епархию. Для проведения православных обрядов в Литовский полк должен был приезжать православный священник 48-го егерского полка. Таким образом, с 1820 г. в полку перестала существовать православная церковь, а православные иконы из полковой церкви были переданы непосредственно в роты.

20 мая 1820 г. на основании высочайшего повеления номер дивизии с 27-го заменялся на 24-й. С этого момента на погонах и эполетах литовцев число «27» изменилось на «24».

17 июня того же года цесаревич Константин Павлович, будучи в Лиде, провел смотр Литовского полка, а затем присутствовал на учении полка, после которого выразил полку свое благоволение как за фронт, так и за состояние обмундирования и снаряжения.

В начале 1821 г. Литовский полк поменялся местом дислокации с Виленским полком. В декабре литовцы прибыли в Вильно, где заняли квартиры, ранее занимаемые виленцами.

В феврале 1821 г., находясь на Лайбахском конгрессе⁸⁸, Александр I предложил императору Австрии Францу военную помощь. Там же было принято решение о направлении в Италию русской армии, в состав которой в полном составе предполагался и Особый Литовский корпус. Первоначальной датой готовности войск к выступлению определялось

---

87 Вольноопределяющийся — военный служащий в русской и иностранных армиях в XIX — начале XX вв., добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования и несший ее на льготных условиях.

88 Лайбахский конгресс — международный конгресс, проходивший с 26 января по 12 мая 1821 г. Был создан по поводу революционного движения и провозглашения конституции в Неаполе. В нем участвовали монархи, принадлежавшие к Священному союзу (императоры русский и австрийский и король прусский), а также посланники французский и английский.

27 марта. В полку закипела подготовительная работа. К отправлению в поход готовились 1-й и 3-й батальоны полка, доукомплектовывавшиеся за счет 2-го батальона. К началу апреля полк был полностью готов. Однако выступить в Италию литовцам было не суждено. 9 апреля Александр I сначала приостановил выдвижение, а затем отменил поход.

31 мая полк убыл в летние лагеря под город Скидель Гродненской губернии. До настоящего времени в Гродно сохраняется здание, которое некоторое время занимало одно из подразделений Литовского полка. На плане города 1823 г. оно обозначено как «каменный магазин при конюшне». В большинстве документов XIX и начала XX вв. это здание называлось «цехгауз» или «цеихгауз». Но иногда, особенно на планах начала XIX в., сохранялось старое название «каменный магазин» или «каменный сарай». В разные годы здание занимали различные воинские формирования: в 1824 и 1834 гг. — Гродненский гарнизонный батальон, в 1827 г. — Литовский пехотный полк.⁸⁹

Лагерные занятия окончились смотром полка цесаревичем, и опять командиру полка и всем батальонным командирам было объявлено высочайшее благоволение. Остаток 1821 г. и весь 1822 г. полк провел в учениях и смотрах.

История с Пуциным

В 1823 г. событием для литовцев стал перевод в полк рядового Н. Н. Пуцина, бывшего капитана лейб-гвардии Литовского полка, разжалованного высочайшей конфирмацией.

Пуцин Николай Николаевич (1792–1848) — русский военачальник, генерал-лейтенант, начальник Дворянского полка. Происходил из дворян Псковской губернии, сын секунд-майора Н. И. Пуцина. Образование получил в Пажеском корпусе, откуда был выпущен в 1811 г. прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г. Ранен в Бородинском сражении в левую ногу пулей навывлет. 19 декабря 1812 г. получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В Заграничном походе 1813 г. был в сражениях при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Диппольдт-Вальде, Кульме и Лейпциге.

89 По состоянию на 2022 г. в здании с современным адресом: ул. Дзержинского, 1а, находится один из популярных гродненских ресторанов.

Награжден в 1816 г. прусским орденом «За заслуги». С 1817 г. служил в Литовском корпусе в Варшаве, в лейб-гвардии Литовском полку.

С 1822 г. — капитан, командир 2-й гренадерской роты. После известного скандала в прежнем звании 18 сентября 1823 г. был возвращен в армейский Литовский пехотный полк. Переведенный высочайшим приказом с чином капитана в лейб-гвардии Литовский полк (1826), в 1828 г. получил чин полковника. В 1830 г. получил бриллиантовый перстень по случаю рождения у него сына Павла, воспитанником которого от купели был император Николай Павлович.

3 февраля 1831 г., вскоре после начала Польского восстания 1830–1831 гг., был назначен временным военным комендантом города Седльца. 20 июля был назначен комендантом Ломжи, представлявшей важный стратегический пункт. Находился там до подавления восстания, после чего вернулся в свой полк. За усмирение мятежа получил орден Св. Анны II ст. (1832) и польский орден *Virtuti Militari* («За воинскую доблесть») III ст. В 1834 г. был назначен командиром Вологодского пехотного полка, 8 марта того же года получил назначение на должность командира Дворянского полка. С 1836 г. — генерал-майор. За беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах был награжден орденом Св. Георгия IV ст. В 1847 г. сдал полк и уехал за границу, долго лечился и ослеп. В начале 1848 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Умер в том же году. Похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге вместе в женой, сыном Михаилом и дочерью Ольгой.

Летопись Литовского полка дает свой вариант истории блестящего гвардейского офицера, приведенного судьбой к «серой шинели»:

Пуцин вышел в гвардию из камер-пажей. Попав затем на службу в сформированный в Варшаве лейб-гвардии Литовский полк, он своими блестящими способностями и умом обратил на себя внимание цесаревича Константина Павловича, который полюбил Пуцина и называл его нередко в разговоре по имени и отчеству. Среди офицеров полка Пуцин также пользовался всеобщим уважением как человек образованный и дельный и как отличный товарищ. Еще в 1821 г., когда в полку произошла неприятная история в виде неприличной ссоры между собою двух старших капитанов, и состоялось решение офицеров удалить их из полка, как марающих мундир одного, Пуцин, потребованный

по этому делу с прочими ротными и батальонными командирами к цесаревичу, бывшему против удаления виновных капитанов, стал смело настаивать на том, чтобы таковое удаление состоялось, сказав: «Вы, ваше императорское высочество, шеф нашего полка, и, если кто ведет себя неприлично нашему мундиру, того просим мы удалить из полка. Я имею честь носить один мундир с вашим высочеством и знаю, что вы не допустите замарать его⁹⁰».

Дальнейший разговор закончился тем, что цесаревич вспылил, приказал арестовать Н. Н. Пущина и в 24 часа судить его военным судом. После этого офицеры полка решили через полкового командира довести до сведения цесаревича о том, что все бывшие у его высочества капитаны являются участниками в возражениях и ответах Н. Н. Пущина и что все они просят одинаково судить их с ним. Тогда цесаревич снова потребовал офицеров к себе, принял их милостиво и между прочим сказал: «Не удивляюсь, что вы, господа, стараетесь выручить вашего товарища из несчастья. Я сам люблю, уважаю Николая Николаевича. Я горжусь такими офицерами, как капитан Пуцин. Я хочу с ним помириться». «После этого его высочество послал за Пуциным и по прибытии его со словами “все забыто”, разорвал состоявшийся о нем приговор суда и расцеловал всех присутствовавших офицеров».

Но это было только начало событий. Непосредственным начальником Н. Н. Пущина в полку был командир 2-го батальона полковник П. Е. Варпаховский, человек недалекий и малообразованный, склонный к грубости и к тому же заядлый карточный игрок — «карточный вампир». С ним у Н. Н. Пущина возник конфликт: не сдержав себя, капитан в грубой форме ответил на грубость П. Е. Варпаховского.

Перед началом батальонного ученья роты 2-го батальона, которым командовал П. Е. Варпаховский и в котором Н. Н. Пуцин командовал 2-й гренадерской ротой, занимались под командованием своих ротных командиров. Один из рядовых передней шеренги 5-й мушкетерской роты сбил темп при выполнении команды «на караул». П. Е. Варпаховский, заметив это, подскакал к роте и приказал влечь виновному несколько ударов тесаком. Ротный командир штабс-капитан Габбе, стоя во фронте, заметил на французском языке батальонному командиру, что он наказывает лучшего солдата во всей роте и что этот солдат в течение

90 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 1. С. 134.

всей своей службы не только никогда не подвергался столь унижительному наказанию, но даже и дурного слова не слышал ни от одного из своих начальников. П. Е. Варпаховский на это ответил Габбе по-русски, что он его арестует, если тот будет продолжать свои объяснения о солдате. Услышав это, Н. Н. Пуцин остановил свою роту в 30 шагах от батальонного командира и, скомандовав ей стоять вольно, закричал своим громким голосом: «Я тебя... я тебя... горохового шута, проучу, я тебе покажу, картежнику, кто ты!»

Дальше конфликт пошел по нарастающей. П. Е. Варпаховский лично обострил его, потребовав у Н. Н. Пуцина объяснений, к кому относятся его слова. Затем на место прибыл командир бригады, принявший решение арестовать офицера, а шпагу его передать цесаревичу. Цесаревич приказал вернуть шпагу Н. Н. Пуцину и вызвал его к себе в Бельведерский дворец в Варшаве. При встрече конфликт попытался уладить сам цесаревич, но ему это не удалось. В воздухе пахло дуэлью. Н. Н. Пуцин упорно отказывался помириться с П. Е. Варпаховским, считая условия примирения неприемлемыми.

После долгих препирательств Н. Н. Пуцин судом был приговорен к расстрелу, однако Константин Павлович лично ходатайствовал перед Александром I, и расстрел заменили на разжалование в рядовые с лишением чина и орденов. Уже будучи рядовым Литовского пехотного полка, Н. Н. Пуцин без каких либо поблажек продолжал также с усердием относиться к службе и добросовестно, в полном объеме тянул солдатскую лямку. Он сам вызывался на тяжелые работы, без чьей-либо помощи чистил амуницию и оружие. Об этом постоянно доносили цесаревичу. Тот вообще недолюбливал страдавших барством офицеров и потому относился к поведению разжалованного капитана с величайшим уважением, сообщал об этом императору и надеялся на снисхождение.

Жизнь в полку тем временем шла своим чередом. Зиму литовцы провели в гарнизоне Лиды, размещаясь в сложных условиях. Весной начались занятия, показавшие, что за время зимнего бездействия выучка нижних чинов упала. Для проведения учений в составе бригады батальоны перешли в Белицу, оставив склады в Лиде и выделив для их охраны четырех унтер-офицеров от полка и четырех рядовых от каждой роты во главе с подпоручиком Корякиным. Долгое время литовцы потратили на изучение изменений к «Воинскому уставу о пехотной службе», вышедших в 1823 г. Устав был переполнен во многом бесполезными нововведениями, вскоре отмененными.

Цесаревич, намереваясь показать Александру I качества подчиненных ему войск, упросил брата провести высочайший смотр Польской армии и Особого Литовского корпуса. 17 сентября 1823 г. на поле вблизи города Брест-Литовска были собраны войска армии и корпуса. В общей сложности на смотре присутствовало 80 батальонов, 67 эскадронов, 236 орудий — всего 81 тыс. человек. При этом к собственно Литовскому корпусу относились 36 батальонов, 24 эскадрона, восемь артиллерийских батарей и артиллерийских рот — всего 38 468 человек. Вместе с Александром I на смотре и маневрах присутствовали великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович, прусский принц Вильгельм и польский князь Радзивил со свитой польских и русских генералов. Александру I войска представлял лично цесаревич. Император остался доволен состоянием войск.

При осмотре Литовского пехотного полка Александр обратил внимание на рядового Н. Н. Пущина и даже поздоровался с ним. По ходатайству Константина Павловича бывший офицер получил прощение императором, ему возвратили прежнее звание, и в этом звании он был оставлен в Литовском пехотном полку. Это был один из лучших офицеров: достаточно сказать, что именно ему была поручена учебная команда полка. Служба в рядах литовцев стала прекрасным стартом для дальнейшей блестящей карьеры Н. Н. Пущина.

Всю свою жизнь он хранил серебряный рубль, полученный от императора за отличие на смотре под Брестом. Согласно сведениям из официальной летописи полка, Александр I сказал сопровождавшим его офицерам: «Господа, Николай Николаевич Пущин был примерным офицером всей нашей русской армии, а теперь он образец солдата. Я горжусь иметь под своим начальством столь достойного сослуживца».

Однако существует и другая версия истории, произошедшей с Н. Н. Пущиным, куда менее романтическая. Ее удалось обнаружить в журнале «Исторический вестник»:

Этот офицер [Пущин] служил в Литовском полку, известен был как хороший служака, отличившийся в Отечественную войну; но однажды тоже в Варшаве на смотре перед цесаревичем с Пущиным случился эпизод, едва не окончившийся трагически. Будучи недоволен учением, цесаревич подошел к Пущину и стал выговаривать ему как ротному командиру, при чем схватил за желтые отвороты и, рванув за них, сказал: «Ты недостойн их

носить». Трудно объяснить, что случилось с бедным Пущиным; он пришел в такое состояние, что начал срывать с себя все бывшие на нем офицерские принадлежности и кричал: «Когда этого я не достоин носить, так вот же!..»

Об этом происшествии цесаревич тотчас же донес государю; но через несколько часов ему стало жаль хорошего офицера, им к тому же почти невинно обиженного, и вот скачет другой курьер с новым донесением, что виноват не Пущин, а он, цесаревич Константин Павлович, причем второму курьеру приказано было во что бы то ни стало нагнать первого и отобрать от него первоначальное донесение. Но первый курьер прибыл раньше второго, и государь, прочитав донесение, приказал разжаловать Пущина в рядовые без выслуги и с лишением дворянского достоинства.

Все дальнейшие просьбы самого цесаревича и других лиц, уважавших и знавших Пущина, не помогли. Государь Александр Павлович отвечал, что «преступление это совершено перед фронтом», а потому простить его он не может.

Наконец в 1820-х гг. раз на смотре государь сказал своему августейшему брату: «Я всем так доволен, что не знаю, что сделать для тебя». Цесаревич ответил: «Если так, то я просил бы об одной милости». Государь, как бы предугадывая желание брата, сказал: «Обо всем, кроме помилования Пущина». Тогда, по словам очевидцев, Константин Павлович упал на колени перед государем и, умоляя его, даже поцеловал его сапог. Императору это крайне не понравилось, но он простил Пущина⁹¹.

Этот случай оказался не единственным: в Литовский полк и позднее поступали разжалованные в рядовые офицеры гвардейских полков Литовского корпуса.

Военная повседневность

Летние дивизионные маневры и смотр в 1824 г. Литовский полк провел в палаточных лагерях у деревни Скидель, после чего его отпустили на зимние квартиры. На таких смотрах инспектирующему представ-

---

91 Ширяев Н. Из записной книжки старожила // Исторический вестник. 1895. Т. 69. С. 899–900.

лялись нижние чины для получения нарукавных нашивок. Еще в 1815 г. нижним чинам, прослужившим «беспорочно» 25 лет, было установлено нашивать на левый рукав мундира угол из желтой тесьмы, называемый нашивкой. В марте 1825 г. высочайше было установлено, что такая же одна нашивка теперь полагалась за десятилетнюю беспорочную службу, за 15 лет полагалось две, а за 20 лет — три. Солдат мог быть лишен нашивок только за порочащее его поведение.

В сентябре 1824 г. в полку было решено провести проверку меткости ружейной стрельбы у нижних чинов и унтер-офицеров. В то время для обучения солдата стрельбе выделялось всего три патрона и три пули в год. При такой подготовке стрельба подразделений велась не по цели, а фактически только по направлению. К тому же состояние ружей, служивших скорее даже не для стрельбы, а для проведения с ними различных строевых приемов, не позволяло вообще говорить о какой-либо точности в стрельбе. Стволы ружей были испорчены постоянной чистой песком и толченым кирпичом.

Осенью этого же года 2-й батальон Литовского полка переименовали в 3-й, а 3-й — во 2-й. Таким образом, резервным теперь стал 3-й батальон. При этом цвет репейков, помпонов и темляков у нижних чинов сохранился прежний: в новом 2-м батальоне — белый со светло-синим, а в 3-м — белый с зеленым.

В конце почти каждого года выслужившие свой срок унтер-офицеры производились в прапорщики, а фельдфебели — в подпоручики, после чего при отсутствии вакансий в полку они переводились в другие, как правило, гарнизонные полки и батальоны. Лучшие солдаты полка переводились в гвардию, как правило, в лейб-гвардии Литовский полк или в армейский Литовский уланский полк, а оттуда лучшие нижние чины переводились в Литовский полк на унтер-офицерские должности. Так, десять нижних чинов отправлялись в гвардейские полки, стоявшие в Варшаве, при том выбирались лучшие из поляков.

С конца 1824 г. и на протяжении 1825 г. в полк прибыло 324 рекрута из Виленской, Минской и Волынской губерний. Однако, боясь усиления в частях корпуса польского национализма, командование со временем решило пополнить их русскими рекрутами, для чего в 1829 г. в полк поступили рекруты из Тульской губернии, а в 1830 г. — из Тверской и Владимирской губерний.

Что касается «польского вопроса» вообще, то он был весьма актуальным для полка. Литовский корпус вообще отличался своим особым

Свято-Владимирский мужской монастырь на территории древнего Херсонеса

менталитетом. Он служил законодателем военной моды во всем: обычаях, униформе, фронтовых привычках. Вместе с этим внутри частей царил польский дух. Прибывшие в корпус офицеры генерального штаба были поражены, не услышав в полках ни одного русского слова, при этом «встречая на каждом шагу очевидные знаки недоброжелательности и грубости со стороны тамошних польских помещиков».

В 1825 г. из беглых в полк вернули 51 человека, один из которых находился в бегах пять лет. За этот период в полку умер 81 человек, в том числе один застрелившийся.

Следующие два года — 1826-й и 1827-й — прошли для полка в учениях, маневрах и смотрах в лагерях у деревни Скидель. Летом полк был вновь осмотрен цесаревичем и вновь отмечен в приказе с лучшей стороны, а командиру полка и батальонным командирам были объявлены высочайшие благоволения императора Николая I — первые для полка в новое царствование.

Дивизионные маневры 1828 г. литовцы провели в лагерях под Брест-Литовском. В ноябре того же года в полк был возвращен священник греко-русского вероисповедания. Им стал Дмитрий Пожарский.

В начале 1829 г. командиру полка полковнику И. Ф. Никитину за отличие было присвоено звание генерал-майора, после чего его назначили командиром 2-й бригады, а новым командиром полка 1 апреля стал офицер-литовец, полковник М. И. Курош.

В 1829 г. офицеры полка пожертвовали 89 рублей 50 копеек (по тем временам деньги немалые) на устройство в древнем Херсонесе на территории Севастополя памятника в честь принятия киевским князем Владимиром христианства. Эта была первая нить, связавшая литовцев с благословенной Тавридой, ставшей впоследствии их домом.

В 1823 г. в полках Литовского корпуса были введены круглые шерстяные помпоны на кивера различных цветов. У офицеров они были серебряными. В этом же году, согласно приказу царевича, офицеры заводили себе шинели серого сукна. С 1824 г. фалды шинелей строевых чинов стали сшиваться между собой.

В 1829–1830 гг. были установлены изменения в форме обмундирования для литовцев. Так, желтые обшлага на офицерских сюртуках были заменены на темно-зеленые с желтой выпушкой. Вместо гладких пуговиц всем строевым чином на мундирах, сюртуках и шинелях были установлены пуговицы с выпуклым изображением номера, присвоенного на киверный герб (с 20 мая 1820 г. это был номер 95). Шпаги у офицеров заменялись на полусабли с кривым клинком, рукояткой, обвитой золоченой проваркой, с золоченой дужкой, в ножнах из черной лакированной кожи с золоченым медным наконечником.

В мае 1830 г. устанавливались новые штаты армейских пехотных полков. Согласно им, в 1-м и 2-м батальонах как в мирное, так и в военное время полагалось пять штаб-офицеров, 36 обер-офицеров, 160 унтер-офицеров, один тамбур-мажор, 25 музыкантов, 34 барабанщика, 18 горнистов, четыре флейтиста, 1840 рядовых, один аудитор, один священник, один старший лекарь, один младший лекарь, один чиновник для обучения музыкантов, 29 нестроевых нижних чинов, 25 мастеровых, 21 фурлейт, 69 денщиков. В каждой гренадерской роте полагалось иметь по 263 человека, а в мушкетерской — 261 человека. Для 3-го батальона существовало два штата: мирный и военный. В мирное время он содержал 488 человек, в военное — 1116 человек.

ПЛАМЯ ПОЛЬСКОГО МЯТЕЖА

Затем чрез много лет опять
Пришлось на Гроховских полях
Полку за Родину стоять...

К. К. Павлюк

Гроховское сражение

Когда в Бельгии вспыхнуло восстание, целью которого было отделение этого региона от Нидерландского королевства, Николай I пообещал нидерландскому королю вооруженное содействие в подавлении мятежа. Литовский корпус начал готовиться к походу.

Однако побывать в Бельгии литовцам не довелось, поскольку 17 ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло Польское восстание. Часть войск Польской армии перешла на сторону восставших. Цесаревич чудом избежал смерти и с немногочисленными верными частями пробился на территорию России. С намерением усмирить восставших по указанию Николая I на границе с Польшей была создана особая действующая армия под командованием генерал-фельдмаршала графа И. И. Дибича-Забалканского. В состав армии было решено включить и Отдельный Литовский корпус, который 1 декабря 1830 г. переименовали в 6-й пехотный корпус.

25 ноября 1-й и 2-й батальоны Литовского полка вышли из Лиды к Белостоку, где должен был собраться весь корпус. Одновременно с этим 3-й батальон переместился в Гродно, а затем в составе отряда генерал-майора И. Ф. Никитина вошел на территорию Польши. В мае 1831 г. 3-й батальон литовцев совместно с 3-м батальоном Виленского пехотного полка были переданы для формирования Прагского пехотного полка 26-й пехотной дивизии.

16 февраля 1831 г. взамен убывшего 3-го батальона к полку присоединили резервный батальон фельдмаршала графа фон дер Остен-Сакена полка. Вместе с батальоном в Литовский полк передали и его знамя, пожалованное батальону 7 октября 1822 г. Здесь в официальной летописи полка у полковника К. К. Павлюка присутствует ошибка. Он считает, что одно из знамен Свеаборгского полка было передано вместе с 3-м резервным батальоном Литовского полка. На самом деле, по данным «Хроники российской императорской армии» (1852 г.), в Прагском пол-

Знак Ордена «Виртути
Милитари» (*Virtuti Militari*)
V ст. 1831 г.

ку находилось знамя, пожалованное Литовскому полку 28 февраля 1817 г.

В ночь на 25 января 1831 г. Литовский полк в составе войск корпуса выступил к границе. Движение сдерживала трудно проходимая грязь и, как следствие, отставание обозов. Армия двигалась к Варшаве медленно, тремя колоннами. Правую колонну составили части 6-го корпуса.

5 февраля корпус подошел к селению Добре, занятому 3-й Польской дивизией Я. Скржинецкого, одной из лучших частей восставших, к тому же усиленной тремя дополнительными батальонами. Завязалось упорное сражение. Восставшие, занимая выгодную позицию, оказали стойкое сопротивление, но все же были выбиты из селения и отошли.

В сражении активное участие приняли

застрельщики Литовского полка под командованием майора Мироненко и чины 1-го батальона. Полк потерял убитыми унтер-офицеров Соколовского и Носевича, а также рядовых Жипко и Пономаря; ранеными — одного унтер-офицера и восемь рядовых; без вести пропали пять рядовых.

На следующий день полк включили в состав авангарда генерал-лейтенанта Владека, и к 17 часам литовцы подошли к селению Окунев, где их обстреляла польская артиллерия. После обстрела поляки отошли, и Окунев заняли русские. Здесь командование корпуса решило оставить обозы и развернуть госпиталь, охрана которых была поручена 2-му батальону Литовского полка. Корпус, а с ним и 1-й батальон литовцев, продолжил движение к Варшаве. Ожесточенный бой произошел 7 февраля за предместье Варшавы — Прагу.

Восставшие успели хорошо оборудовать предместье для обороны, усилив его множеством артиллерийских орудий. Перед самой Прагой войска 6-го корпуса вышли из лесного массива и сразу же, у корчмы (селения) Вавр, попали под сильный обстрел артиллерии. Ф. Ф. Розен развернул корпус для атаки. Русская артиллерия развернулась на дороге, пехотные части — по обе ее стороны. 1-й батальон Литовского полка

Медаль «За взятие приступом Варшавы в 1831 году»

был выставлен с левой стороны дороги, сразу за Белостокским полком, а затем поставлен прикрывать орудия батарейной роты № 1 24-й артиллерийской бригады.

В ходе боя батальон выслал вперед застрельщиков, среди которых были поручики Протопопов и Русанов, подпоручики Андреянов и Сафаревич, а также полковой адъютант поручик Спиридонов. Именно они первыми из батальона вступили в бой. В ходе сражения Андреянов получил ранение в ногу, но поля боя не покинул. Мужество и храбрость проявили подпрапорщики А. Стецкевич и Ц. Дзежиц. Погиб субалтерн-офицер 3-й мушкетерской роты прапорщик Липинский 3-й. Получил пулю в ногу находившийся с 1-м батальоном командир полка полковник М. И. Курош. В ходе сражения батальон потерял убитыми одного обер-офицера, одного унтер-офицера и 15 рядовых; ранеными одного унтер-офицера и 60 рядовых. Были контужены один штаб-офицер, два обер-офицера, один рядовой. Без вести пропали один музыкант и восемь рядовых.

За боевые отличия, проявленные в сражениях 5 и 7 февраля, к наградам были представлены командир полка полковник М. И. Курош, командир 1-го батальона подполковник Завалевский, командир 1-й гренадерской роты капитан П. П. Артамонов, командир 1-й мушкетерской роты капитан Туловский, штабс-капитан Листовский, состоявший адъютантом при начальнике дивизии, поручики Спиридонов, Русанов и Протопопов, подпоручики Андреянов и Сафаревич. Из нижних чинов полка за отличия были представлены к производству в офицеры

один подпрапорщик, один фельдфебель из вольноопределяющихся, один кандидат и один унтер-офицер. К Знаку отличия Военного ордена⁹² представлялись один фельдфебель, шесть унтер-офицеров и 12 рядовых. Однако главнокомандующий приказал выдавать только по два знака на роту; таким образом, батальон получил всего восемь Знаков отличия Военного ордена.

13 февраля 1831 г. состоялось Гроховское сражение, в результате которого русские войска потеряли 9,4 тыс. человек, но поляки вынуждены были отступить за реку Висла в Варшаву. В этот день литовцы потеряли убитыми трех унтер-офицеров и 13 рядовых; ранеными — одного штаб-офицера (командир батальона полковник Завалевский), пятерых обер-офицеров (среди них тяжелое ранение получил и командир 1-й мушкетерской роты капитан Туловский), 14 унтер-офицеров, пятерых музыкантов и 141 рядового; контуженными — одного штаб-офицера, двух обер-офицеров, пятерых унтер-офицеров и 11 рядовых. Без вести пропали (скорее всего, перешли на сторону восставших) один унтер-офицер и 73 рядовых.

Впоследствии за участие в боях 5, 7 и 13 февраля получили награды: майор Мироненко, капитан Туловский, штабс-капитан Чернявский и поручик Протопопов — орден Св. Владимира IV ст. с бантом; подполковник Завалевский — орден Св. Анны II ст. с бантом; штабс-капитаны Листовский и Гертук, поручики Спиридонов и Русанов — орден Св. Анны III ст. с бантом; подпоручики Андриянов и Сафаревич, прапорщики Беланович и Елдатов — орден Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость». Капитан П. П. Артамонов был произведен в майоры, а поручикам Осмоловскому-Яроцкому и Бернадскому, а также прапорщику Орлицкому была объявлена высочайшая благодарность. Из нижних чинов в офицеры были произведены шесть портупей-прапорщиков, один унтер-офицер и один подпрапорщик. Знаками отличия Военного ордена были награждены К. Шадрин, Г. Андреев, Я. Наседкин, Е. Логинов, Т. Колосков, Г. Евстух, И. Давыдов, М. Поздевич и М. Зубков.

После сражения батальон расположился биваком на поле битвы.

---

92 Знак отличия Военного ордена (с 1913 г. — Георгиевский крест) — военная награда Российской империи для нижних чинов, учрежденная в 1807 г. и структурно причисленная к военному ордену Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Являлась высшей наградой для солдат и унтер-офицеров за боевые заслуги и храбрость, проявленную против неприятеля.

Гроховское поле, бывшее накануне ареною кровавого столкновения, представляло собою весьма печальную картину: от окрестных деревень и отдельных зданий оставались большею частью одни печи, с высившимися над горизонтом трубами; всюду валялось множество еще неприбранных трупов; раненые лошади или стояли одиноко, ожидая голодной смерти и истекая кровью, или едва перепрыгивали с места на место и ели замерзшую траву, вырывая ее из под тонкого слоя снега, покрывавшего землю. Тучи дыма стлались над нашими биваками, кругом же господствовала мертвая тишина, не было слышно ни одного выстрела. За Вислою, перед глазами наших солдат, раскидывалась Варшава...⁹³

Возникли проблемы с продовольствием. Фуражиры находили у местных жителей только картофель, который и стал главной пищей солдат. Последние, по словам очевидца:

...после непрерывных передвижений и боев, завернувшись в шинели, спали на земле по целым дням и ночам близ разложенных костров, поручая одному из своего кружка наблюдать за огнем, дабы пламя не охватило кого-либо во время сна; иные же, просыпаясь, сбрасывали с себя все до рубашки, чтобы избавиться от насекомых, и ходили по целым часам голыми. Нередко случалось, что пули с неприятельских аванпостов, расположенных весьма близко, залетали на биваки, убивали и ранили людей; равно опасны были и собственные пули, которые солдаты наши, выходя за биваки, беспрестанно выпускали по всем направлениям, не умея или ленясь разряжать ружья установленным способом; никакие строгие приказания не могли уничтожить этого, и самый проезд по Гроховскому полю сделался при таких условиях весьма рискованным. Все это, а равно порождавшиеся близостью неприятеля тревоги по несколько раз в сутки, в связи с обманутыми надеждами на близость окончания войны, распространяли в рядах нашей армии уныние, способствовали к распространению болезней и вели к истощению людей⁹⁴.

---

93 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 1. С. 189.

94 Там же. С. 193.

Вместо убитого в госпиталь полковника Завалевского командование 1-м батальоном принял майор Мироненко, а командование 1-й мушкетерской ротой вместо капитана Туловского — поручик Осмоловский-Яроцкий. 3-й ротой стал временно командовать поручик Бернацкий, сменивший больного штабс-капитана Келлера. Аудитор Седов, находившийся неотлучно при полке во время всего похода, стал «по собственному желанию, единственно из усердия к службе, сверх своих прямых обязанностей исправлять должность полкового адъютанта, заменив таким образом собою раненого в этом сражении и отправленного в госпиталь поручика Спиридонова».

1-й батальон целый день занимался приборкой трупов на поле недавнего сражения. Работа отягощалась тем, что наступила оттепель, пошел дождь с мокрым снегом. Раненых на повозках отвозили по большей части в Окуневский военный госпиталь. Лечебные заведения располагались в убогих населенных пунктах, где трудно было достать минимальное пропитание. Поэтому находившиеся в них голодали, лежа часто на тонкой соломенной подстилке, положенной прямо на голой земле. Раненые и больные офицеры, находясь в госпиталях, вместо натурального довольствия могли получать в день 45 копеек столовых денег.

К этому времени в полку осталось четыре штаб-офицера, 25 обер-офицеров, 134 унтер-офицера, 55 музыкантов и 1237 рядовых. 15 февраля в связи с переводом Окуневского госпиталя в Венгероу 2-й батальон полка соединился с 1-м батальоном. 26 февраля командование полком вновь принял прибывший из госпиталя полковник М. И. Курош.

Трагедия у Вавра

И. И. Дибич решил дать войскам отдых и приступил к подготовке переправы через Вислу и штурму Праги. Литовский полк уже в составе двух батальонов, совместно с Виленским пехотным и 47-м егерским полками, кавалерией, состоящей из Вольнского уланского полка и 15 сотен казаков, при десяти орудиях, был выделен в авангард корпуса. К 19 февраля полк подошел к Праге. Примечательно, что за все время марша в полку не было отставших.

В ночь с 18 на 19 марта поляки, воспользовавшись густым туманом, перешли Вислу и с превосходящими силами неожиданно атаковали авангард. Литовцы вступили в бой. Им было приказано выдвинуться вперед, к корчме Вавр, где они и стали, образуя резерв. Вскоре к полку

присоединился пикет, высланный ранее от 6-й мушкетерской роты, во главе с прапорщиком Аристовым.

Генерал Ф. К. Гейсмарн, подняв авангард, двинул один эскадрон Волынского уланского полка для поддержания передовой цепи казаков. Одновременно 47-й егерский полк занял высоту, находившуюся при выходе Окуневской дороги из леса. Рядом с егерями стали и остальные эскадроны улан. На шоссе у Гославской колонии (перед корчмой Вавр) расположился Виленский пехотный полк, прикрывая находившиеся там восемь орудий. Интервал между ними и егерями длиной почти в версту занимала только кавалерия. Литовский полк с двумя орудиями, находясь в резерве, имел возможность поддержать оба фланга.

Когда на русских обрушился удар польских дивизий А. Гелгуда и К. Малаховского, части авангарда начали отступать. Стало очевидным намерение поляков обойти русский авангард справа: отряд мятежного генерала М. Рыбинского двигался от Кавенчина двумя колоннами. 1-й и 5-й линейные полки с четырьмя эскадронами (полковник Дж. Раморино) наступали на 47-й егерский полк. 2-й и 6-й линейные полки (полковник Завадский) заходили в тыл русского авангарда. 47-й егерский полк упорно держался, но тройной перевес неприятеля вынудил его начать отход. Поляки усилили давление на шоссе и, подойдя к Грохову, направились на Ольховую рощу, стремясь соединиться с отрядом М. Рыбинского.

Это убедило Ф. К. Гейсмарна в невозможности держаться у Вавра. Он отправил срочное донесение: «Не часть, но вся польская армия наступает против меня». Одновременно он, чтобы прикрыть отступление Виленского полка, двинул к Выгоде Литовский полк с двумя орудиями, приказав ему держаться правее, чтобы не потерять связь с 47-м егерским полком. Виленцы, воспользовавшись поддержкой литовцев, отошли. 47-й егерский полк с приближением литовцев атаковал поляков в штыки. Егерь потеснили неприятеля, но вынуждены были отойти.

Атакой из Ольховой рощи полякам удалось окружить батальоны литовцев. Полк начал медленно отходить к шоссе и затем по нему отступать к Вавру. 2-й батальон отступал правее шоссе, 1-й — по шоссе. Застрельщики прапорщика Аристова вели постоянную перестрелку с неприятелем. Это отступление продолжалось около 2 верст.

В столкновении особенно пострадала 6-я мушкетерская рота. Ее командир штабс-капитан Либек был ранен ружейной пулей в спину и вывезен с поля сражения. Субалтерн-офицеры роты поручик Бо-

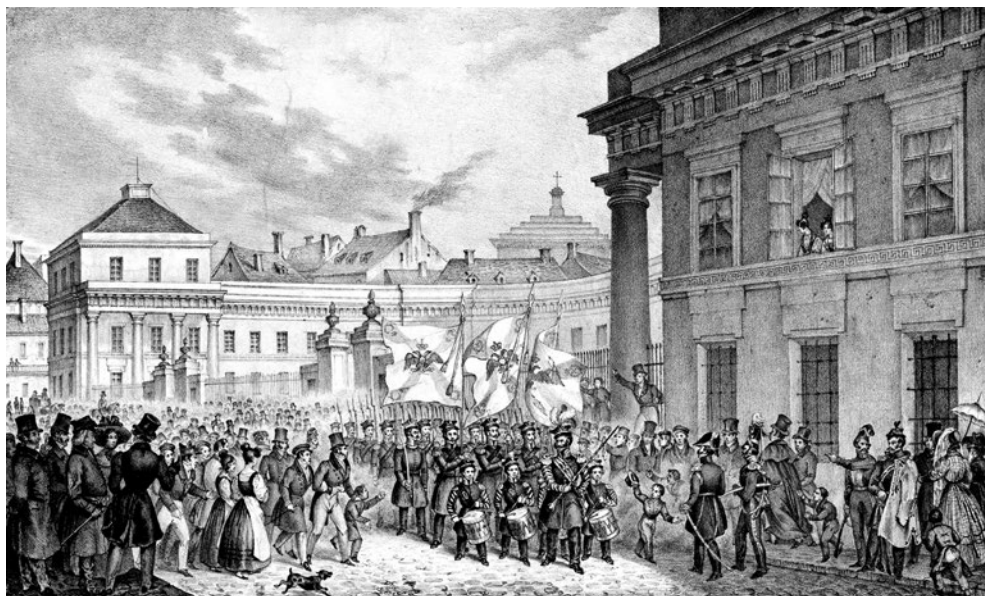
дынский и подпоручик Богданский были убиты. Прапорщика Аристова ранили пулей в левую ногу; был ранен и офицер 2-й роты прапорщик Скиндер. Храбрый командир полка М. И. Курош был смертельно ранен. Это обстоятельство «обескуражило предоставленный самому себе полк, и в нем тотчас же проявился упадок духа», что не могло не сказаться на моральном состоянии солдат, которые начали сдаваться в плен. Только меньшая часть полка во главе с майором Мироненко, прапорщиками Симановым, Ясинским, Туган-Барановским, Орлицким и Петровским смогла пробиться из окружения и уйти в лес. В ходе боя исполняющий обязанности полкового адъютанта аудитор Серов смог под непрерывным обстрелом организовать спасение полкового обоза и документации.

Как свидетельствует полковая история, «таково было страшное несчастье, разразившееся в роковой день 19 марта 1831 г. над полком, который подвергся полному разгрому, потеряв большую часть личного состава своих двух батальонов». Полк потерял убитыми четырех обер-офицеров, 27 унтер-офицеров, девять музыкантов и 190 рядовых. Были ранены один штаб-офицер, три обер-офицера, два унтер-офицера и 153 рядовых. Попали в плен два штаб-офицера, 12 обер-офицеров, 74 унтер-офицера, 22 музыканта, 661 рядовой и трое нестроевых, в том числе и полковой священник. Кроме указанных выше, были убиты поручик Осмоловский-Яроцкий и поручик Никифоров.

Особым позором для полка явилась потеря знамен обоих батальонов и двух приданных полку орудий. Последние командовавший ими офицер пытался спасти, но увязнув в грязи не смог вытащить, вдобавок сам был исколот штыками и попал в плен. Знамя первого батальона являлось полковым. Это было именно то знамя, которое вручили полку в 1811 г. при его формировании из Свеаборгского гарнизонного полка. Знамена были единственной и поэтому уникальной наградой гарнизонным частям за все время их существования. Знамя 1-го батальона развевалось перед ним «в достопамятную эпоху войн 1812–1814 гг. при Чашниках, под Данцигом, Лейпцигом, Краоном и под стенами Парижа».

Нужно сказать, что поляки максимально задействовали моральный эффект, достигнутый взятием полковых символов литовцев. В Великую Субботу 1831 г. захваченные у Литовского полка знамена торжественно пронесли по улицам Варшавы. Все они, в том числе и взятые позже, были помещены в кафедральном соборе Варшавы. В конце августа 1831 г. их передали в крепость Модлин, где они впоследствии были взя-

Пронос Русских знамен, потерянных в сражении у Вавра по улицам Варшавы в Великую Субботу 1831 г. Художник Войцех Коссак (Wojciech Koszak). Национальный музей в Варшаве. 1931 г.

ты русскими войсками. Позже знамена вернулись в Россию, но в полки переданы не были.

Спасти удалось только навершие знамени 1-го батальона, которое унтер-офицер И. Гордючий успел снять с знаменного древка, а затем, уже в плену, передал унтер-офицеру Л. Тимофееву, прятавшему его у себя все время пребывания у поляков. Возвратившись из плена, Л. Тимофеев, прикомандированный к 3-му Морскому полку, представил начальству спасенное И. Гордючим навершие знамени 1-го батальона Литовского полка. Об этом было немедленно донесено императору, и Николай I повелел навершие вернуть в полк, насадить на древко и хранить при полку. Древко с навершием вручили воссозданному 1-му батальону литовцев. Унтер-офицер Л. Тимофеев за спасение навершия был произведен в прапорщики «куда способным окажется», при том что унтер-офицер И. Гордючий остался без награды.

В том же самом сражении 19 марта 1831 г. русские полки лишились еще трех знамен. 4-й Польский уланский полк, атаковав 49-й и 50-й егерские полки, взял два батальонных знамени (1-го и 2-го батальонов) 50-го полка и одно (1-го батальона) — 49-го. Егеря попытались отбить

знамена, но не смогли. Возможно, потерял знамя и батальон Брестского пехотного полка⁹⁵.

Доукомплектование

Потерпевший поражение 6-й корпус был вынужден отойти к Минску. Фактически Литовский пехотный полк перестал существовать (после боев в строю остались шесть офицеров и 236 нижних чинов, считая нестроевых). Из остатков полка создали команду застрельщиков в количестве 183 человек, командование над которой принял майор Мироненко. Храброму полковнику М. И. Курошу не суждено было пережить позор полка. Он скончался 11 апреля в Мендзыржецком военном госпитале от полученных ранений.

Команда застрельщиков постепенно стала пополняться выздоравливающими. 3 мая в количестве 259 человек она соединилась с частями 6-го корпуса, в его составе прибыв в Брест-Литовск. Ко всеобщему удивлению, высочайшего приказа о расформировании полка не последовало. Полк стал возрождаться. На его пополнение прибыли чины 1-го и 2-го пехотных корпусов и рекруты: уроженцы Санкт-Петербургской, Олонецкой, Архангельской и Симбирской губерний.

Местом расквартирования полка установили деревню Чернявчины, расположенную в 17 верстах от Брест-Литовска. 17 мая командиром полка назначили полковника Белостокского пехотного полка Ф. А. Масловского 1-го. Он был боевым офицером, имевшим боевые награды за предыдущие войны: ордена Св. Владимира IV ст. с бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» и Св. Анны II ст.

На доукомплектование Литовского полка поступили три прапорщика из Дворянского полка. Пять портупей-юнкеров, проходивших службу в полку, были произведены в офицеры. На офицерские должности поступили офицеры из других пехотных полков.

В этот период полк проходил постепенное переобмундирование, так как в соответствии с высочайшим повелением от 9 мая 1831 г. прежний двубортный мундир, установленный для

---

95 Некоторые современные исследователи утверждают, что Литовский полк потерял свои знамена в сражении при Дембе-Вальке. Это не совсем точно. В формулярных списках офицеров бой 19 марта 1831 г. именуют «сражением между Прагою и Дембе-Вальке и отступлением... произведенным от Вавра до Дембе-Вальке».

пехоты в 6-м корпусе, был заменен на однобортный с девятью плоскими пуговицами (с 1826 г. плоские пуговицы были установлены для всех пехотных и егерских полков русской армии). Лацканы отменялись, а белый серебряный прибор заменялся на золотой. Сукно воротников, клапана рукавов и выпушка по борту мундира с желтого цвета заменялись на красный. Выпушка на швах панталон также заменялась с желтой на красную.

С 25 по 30 мая 1831 г. полк принимал участие в очищении Беловежской Пущи от мятежных отрядов, пытавшихся пробиться в Польшу.

29 мая от холеры скончался граф И. И. Дибич, и уже 4 июня главным командующим был назначен генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, возобновивший военные действия и готовивший армию к взятию Варшавы. Первоначально Литовский полк в составе двух батальонов оставался в резерве, но 23 августа совместно с полками 24-й пехотной дивизии, которой с 17 августа командовал генерал-лейтенант К. К. Фези, вошел в пределы Царства Польского. Дивизия, как и прежде, входила в состав 6-го корпуса барона Ф. Ф. Розена, действовавшего против польского корпуса генерала Дж. Раморино.

Преследование неприятеля затянулось. В первых числах сентября в корпус прибыл начальник главного штаба 1-й армии генерал-лейтенант А. И. Красовский, возглавивший авангард 6-го корпуса, в который входили и литовцы. 3 сентября авангард у села Вржеловцы столкнулся с польским арьергардом, пытавшимся задержать русские войска. При этом Литовский полк, по приказанию А. И. Красовского, обошел правый фланг поляков, вынудив их отходить к Юзефову. Там сражение возобновилось. Литовцы под командованием Ф. А. Масловского, перейдя бурную реку, в штыки атаковали польскую конницу, чем способствовали отходу противника. 4 сентября сражение продолжилось. Поляки были прижаты к австрийской границе, затем перешли ее и на территории Австрии были интернированы.

В сражении 3–4 сентября в полку были ранены и контужены 12 солдат. 18 нижним чинам были пожалованы знаки отличия Военного ордена. Всем строевым чинам, участвовавшим в победе над неприятелем, пожаловали по 2 рубля ассигнациями.

На этом участие Литовского полка в Польской кампании не закончилось. Литовцы в составе сводных батальонов 24-й пехотной дивизии были переданы для усиления войск генерала Ф. В. Ридигера и уже под его начальством приняли участие в боях в юго-западной части Польши.

В Опатовцах полк освободил из плена часть своих офицеров и нижних чинов, попавших в плен в сражении при Вавре.

К концу сентября 1831 г. военные действия на территории Польши завершились. Литовский полк еще некоторое время находился на юге страны, где приводил себя в порядок, а 19 октября начал марш на родину. Полку было установлено новое место расквартирования в местечке Белая Церковь Васильковского уезда Киевской губернии, куда он прибыл и 17 ноября.

Постепенно в часть стали возвращаться из командировок и госпиталей чины полка. Из польского плена освободили унтер-офицера Л. Тимофеева, спасшего наверху знамени 1-го батальона. Всего же из плена вернулись 42 нижних чина полка, которые были переведены в другие полки, а пять солдат, добровольно вступивших в войска восставших, были приговорены к повешению, но смертную казнь позднее заменили наказанием шпицрутенами.

7 ноября 1831 г. Николай I в память о подавлении польского мятежа учредил к ношению в петлицы всем генералам, штаб- и обер-офицерам и нижним чинам, принимавшим участие в кампании, знак польского ордена *Virtuti militari*. 21 июня 1832 г. знак получили пять штаб- и 43 обер-офицера Литовского полка, а также полковой священник П. Лаговский, штаб-лекарь Дзвонковский и аудитор Седов. Право на ношение такого знака среди нижних чинов полка имели 849 человек, но, так как к моменту поступления знаков в полк (декабрь 1832 г.) многие нижние чины убыли в другие воинские формирования, знаки надели только 395 литовцев.

В Белой Церкви полк простоял недолго и уже 9 декабря 1831 г. был переведен в Киев, где батальоны разместились в крепостных казармах. Там к литовцам присоединился 3-й резервный батальон, но ненадолго: в 1832 г. все резервные батальоны пехотных полков 24-й дивизии свели в резервную бригаду этой же дивизии. Командующим резервной дивизии 6-го корпуса был назначен генерал-майор Гартунь, а резервной бригадой 24-й и 25-й дивизий — подполковник Литовского полка Белов.

По состоянию на начало 1832 г. в Литовском полку 1-м батальоном командовал майор Мироненко, 1-й гренадерской ротой — штабс-капитан Либек, 1-й мушкетерской ротой — штабс-капитан Тихонов, 2-й мушкетерской ротой — штабс-капитан Гертук, 3-й мушкетерской ротой — штабс-капитан Келлер; 2-м батальоном командовал майор Афанасьев, 2-й гренадерской ротой — штабс-капитан Поплавский, 4-й мушкетер-

ской ротой — капитан Дымо, 5-й мушкетерской ротой — штабс-капитан Чернявский и 6-й мушкетерской ротой — капитан Киселевич. Командиром полка по-прежнему оставался Ф. А. Масловский. Командиром корпуса на тот момент был генерал от инфантерии Л. О. Рот, сменивший на этом посту 17 ноября 1831 г. барона Ф. Ф. Розена. Штаб дивизии располагался в Житомире, а штабы корпуса и 1-й армии — в Киеве.

Рот Логгин Осипович (1780–1851) — русский военачальник, участник Отечественной войны 1812 г. Награжден орденом Св. Георгия III ст. Участвовал в сражениях под Клястицами, под Полоцком и при Белом. В 1813 г. участвовал в сражениях под Лютценом, Бауценом, Пирной и Теплицем, в 1814 г. — в сражении при Арси-сюр-Обе и Фер-Шампенуазе. В ходе войны получил два ранения в ногу и одно в лицо. В январе 1813 г. за отличие был произведен в генерал-майоры, а в апреле 1814 г., также за отличие, — в генерал-лейтенанты. Портрет Л. О. Рота авторства Д. Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца.

В 1832 г. в полк из резервного батальона поступила очередная партия рекрутов, набранных в Подольской и Нижегородской губерниях. В Киеве полк в основном нес караульную службу и занимался муштрой. Солдат того времени должен был быть четким марширующим механизмом с идеально подогнанным обмундированием и амуницией. Примерно в это время произошли очередные изменения в униформе: офицерам полка шейные знаки старого образца заменили на новые, на которых литовского всадника, расположенного на груди орла, сменил святой Георгий Победоносец.

В феврале 1832 г. на смену Литовскому полку в Киеве пришел 48-й егерский полк. Литовцы с резервным батальоном вернулись в Белую Церковь.

Понимая, что, подавив восстание, власти тем не менее не смогли ликвидировать дух вольности поляков, и опасаясь новых волнений, Николай I решил превратить Киев в форпост, усилив его фортификационными сооружениями. Войскам 1-й армии приказали приступить к строительству Киевской крепости. 28 апреля Литовский полк в полном составе вновь прибыл в город, где литовцам пришлось сменить ружья на кирки и лопаты.

В сентябре 1832 г. в Киев прибыл Николай I. Он осмотрел крепость и провел смотр 24-й дивизии, в составе которой находился Литовский

полк. Царь остался доволен состоянием войск. Осенью генерал-майор Н. Н. Муравьев получил назначение послом в Константинополь, а на его место прибыл генерал-майор С. И. Маевский. В октябре полк получил распоряжение убыть на новые квартиры в Гайский уезд Подольской губернии и 4 ноября прибыл к новому месту дислокации. В 1832 г. 43 нижним чинам полка за 20 лет беспорочной службы пожаловали знаки отличия ордена Св. Анны.

В 1833 г. в обмундирование пехотных полков был внесен ряд изменений. Так, 6 января у обер-офицеров и нижних чинов были отменены суконные полуштиблеты и чехлы на патронных сумах, а также отменены темляки на тесаках унтер-офицеров и рядовых, которым они были положены, за исключением тех, у кого они были серебряные. 20 января всем строевым чинам были даны летние панталоны без пуговиц и козырьков на сапогах. 22 января у штаб- и обер-офицеров отменили шляпы и к постоянному ношению были установлены только кивера. Полковым и батальонным командирам, а также младшим штаб-офицерам и адъютантам разрешалось не подрезать хвосты у своих лошадей. В июне пехотным офицерам было разрешено ношение усов, при этом бакенбарды должны были быть не ниже уровня рта. В этом же году рядовым мушкетерских рот было запрещено ношение бакенбардов.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮГ

К чему только не применится русский солдат.

Н. Э. Гейнце, В действующей армии, 1904 г.

Несостоявшийся Дунайский поход

В 1832 г. осложнилась политическая обстановка в Турции. Египетский паша Мехмед-Али восстал против турецкого султана Махмуда и вторгся своей армией в пределы Анатолии. Султан обратился за помощью к Николаю I. По указанию императора в Одессе для оказания помощи султану и высадки десанта на Босфоре готовилась эскадра Черноморского флота. В качестве десанта планировалось использовать одну бригаду 26-й пехотной дивизии из состава 6-го пехотного корпуса в количестве 5 тыс. человек. Кроме этого, планировалось оставшуюся часть корпуса — 24-ю и 25-ю пехотные дивизии — направить в Константинополь сухим путем. К ним в пути должны были присоединиться 4-я уланская дивизия и сводная бригада 17-й пехотной дивизии, находившиеся после заключения Адрианопольского мирного договора в Молдавии и Валахии.

К середине февраля 1833 г. Литовский полк прибыл в Балту, где разместился в ожидании похода. 5 апреля, отслужив молебен в местной церкви, полк в составе семи рот выступил из Балты и 8 мая, перейдя русскую границу, вошел на территорию Дунайских княжеств. Совместно с Виленским пехотным полком литовцы дошли до крепости Силистрия. В связи с тем что между турецким султаном и египетским пашой был заключен мир, дальше следовать полку не пришлось. 14 сентября он вернулся в границы империи, где с полками своей дивизии, штаб которой находился в Кишиневе, расквартировался на территории Молдавии.

Находясь в Бельцах, полк был приведен к новому штату. Дело в том, что еще в декабре 1832 г. поступило высочайшее распоряжение о переводе всех пехотных полков корпуса, состоящих из двух действующих батальонов и одного резервного, на четырехбатальонный состав, при этом три батальона становились действующими. Для этого егерские полки дивизий, носящие цифровое наименование, подлежали расформированию, а их личный состав передавался в пехотные полки для

*Штаб-офицер егерских полков
в 1830–1843 гг.*

формирования третьих действующих батальонов.

5 августа 1833 г. на основании приказа, изданного в соответствии с положением от 28 января 1833 г., 24-я пехотная дивизия подверглась реорганизации, перейдя на четырехполковой состав, при этом первые два полка дивизии, составлявшие первую бригаду, оставались пехотными, а другие два переименовывались в егерские, с оставлением им прежних названий.

Таким образом, с 5 августа 1833 г. Литовский пехотный полк стал Литовским егерским полком⁹⁶. В него в качестве 3-го батальона вошел 2-й батальон 48-го егерского полка в полном

составе: два штаб-, семь обер-офицеров и 944 нижних чина, с лошадьми, оружием, патронами, частью полкового обоза и церковью. Вместе с батальоном в полк перешло и егерское знамя 2-го батальона 48-го егерского полка, с древком, окрашенным в черный цвет, а также одна серебряная труба с надписью: «За отличия при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года». С этого момента первые роты в батальонах Литовского полка стали именоваться карабинерными, а остальные — егерскими.

Резервный батальон Литовского полка оставался в составе резервной дивизии корпуса и именовался теперь 4-м. Новый батальон соединился с полком только 23 октября 1833 г., когда под командой батальонного командира подполковника Трапицина прибыл в Бельцы. В это же время 24-я пехотная дивизия получила новый номер — 16. Литовский полк, в свою очередь, получил номер 63.

96 Согласно данным В. К. Шенка, изложенным в «Справочной книжке императорской Главной квартиры. Гренадерские и пехотные полки» (СПб., 1909), переименование Литовского пехотного полка в Литовский егерский полк произошло 28 января 1833 г.

Каких-либо существенных различий в организации, вооружении и строевой подготовке между пехотными и егерскими полками в то время не существовало. Разве что при боевом применении дивизии в первую линию выделялись егерские полки для ведения стрелкового боя. Для этого все строевые чины этих полков обязаны были знать сигналы егерского и застрельщицкого учения. В них старались набирать солдат невысокого роста. Кроме того, пехотные длинноствольные ружья в полку были заменены короткоствольными.

По новому штату в полку должно было находиться 3224 человека строевых и 96 человек нестроевых чинов. В связи с тем что в егерских полках с 1830 г. полагалась роговая музыка, в Литовский егерский полк были переведены музыканты 47-го егерского полка с роговыми инструментами, а музыкантов Литовского полка с медными инструментами отправили в Брестский пехотный полк. Кроме того, в полк добавили одного горниста, а в батальоны — по одному барабанщику и одному горнисту.

Обмундирование егерей от пехоты отличалось только тем, что воротник, обшлага, обклад пол и фалд мундира были темно-зеленого цвета. Красными оставались клапаны на воротнике, выпушка воротника, обшлагов, борта и фалд мундира, а также выпушка в швах панталон. Погоны полагались светло-синие. Околыш у фуражных шапок — темно-зеленый. Воротник шинели тоже был темно-зеленый, с красной выпушкой. Ремни снаряжения были из белой юфтевой кожи, но вычерненные под лак.

На пуговицах литовцев и на накладном щитке киверного герба номер менялся с «95» на «63». На патронных сумках 3-го батальона полка медные цифры номера с точкой заменялись на гренады.

Поскольку корпус окончательно вывели с литовско-польской территории, было решено офицеров литовской и польской национальности из полков корпуса перевести в 4-й пехотный корпус. В сентябре из Литовского полка убыли капитаны Либек и Гертук, штабс-капитан Микуцкий, поручики Шмигельский, Сафаревич, Нарбут и Чиж, подпоручики Мильвид, Ясинский, Лютостанский, Павловский и Туган-Барановский.

В ноябре 1833 г. полк проинспектировал новый бригадный командир генерал-майор Л. И. Пинабель, выявивший ряд недостатков в стро-

евом отношении и содержании солдат. Однако стрельба полка была признана хорошей, так как из 24 выделенных в ротах патронов в мишень попадало в среднем по пять-шесть пуль.

В феврале 1834 г. приказом военного министра в полки вводились четвертые действующие батальоны. 11 апреля 1834 г. вновь сформированному 4-му батальону полка было пожаловано простое егерское знамя, поступившее в батальон 25 июня 1835 г. Оно представляло собой полотно, сшитое из восьми частей зеленого и голубого цвета, с оранжевым кругом в центре, в котором находился черный двуглавый орел. Круг окаймлялся двумя лавровыми ветвями. Надписи на знамени отсутствовали. Вместе со знаменем поступило навершие, подток, серебряные кисти и гвозди. Древо же надлежало изготовить в самом полку и выкрасить его в установленный для егерских знамен черный цвет.

Таким образом, с 1835 г. в полку имелось два знамени: в 4-м батальоне и в 3-м, бывшем 2-м батальоне 48-го егерского полка. Кроме этого, в полку имелось и знаменное древо без знаменного полотна, но с насаженным навершием, спасенным во время Польской кампании, — явление в русской армии уникальное.

Лето 1834 г. полк в составе дивизии, с дивизионной артиллерией, провел в учебных лагерях под местечком Тульчин. 30 августа новый командир 6-го корпуса генерал-адъютант А. И. Красовский проверил полк и, найдя его в надлежащем порядке, приказом по корпусу объявил командиру полка и всем штаб- и обер-офицерам полка благодарность. В декабре полк в составе корпуса осмотрел начальник штаба 1-й армии генерал-адъютант Н. Н. Муравьев.

В марте 1834 г. были приняты очередные изменения в форме одежды. 28 марта вводился новый образец тесака, с прямым клинком, имевшим пилу и обух, и с прибором из красной меди. Немного позднее были установлены новые цвета киверных репейков, а цифры на киверных гербах заменялись с прорезных на накладные. Для нижних чинов цифры изготавливались из олова, а для офицеров — из серебра.

С 26 сентября изменялся способ ношения ранцев. Теперь вместо трех устанавливалось только два плечевых ремня, при-

чем они пристегивались к верху ранца, перекрещивались на груди и, проходя под мышками, прикреплялись крючками к его низу. Шинель скатывалась в трубку, на нее надевался чехол, и она пристегивалась к ранцу ремнем. На стороне ранца, прилегающей к спине, полагалось иметь особый холщовый чехол или мешок для ношения в нем фуражной шапки.

26 апреля 1835 г. 6-й пехотный корпус был переименован в 5-й, в связи с чем последовало и переименование входящих в него дивизий. 16-я дивизия получила номер 13, а Литовский полк занял свое 51-е место среди всех пехотных полков Русской императорской армии, и число 51 стало для полка окончательным. Под этим номером полк просуществовал в Русской императорской армии до момента своего расформирования в 1918 г. и под этим же номером был возрожден в Добровольческой армии во время Гражданской войны в России. Новый номер дивизии также просуществовал до ее расформирования в 1920 г. В связи с присвоением нового номера в полку все прежние мундирные пуговицы заменялись на пуговицы с числом «51».

20 июля 1835 г. в Виннице состоялось торжественное вручение знамени 4-му батальону. В этот день, в 4 часа пополудни, все чины полка выстроились для участия в торжественной церемонии вручения знамени. В каждой роте полка были зачитаны статьи 94, 95 и 97 «Артикула воинского»⁹⁷, после чего командир полка полковник А. Ф. Масловский напомнил о долге каждого чина полка беречь и охранять знамя, не жалея своей жизни, как «священный залог, вверенный государем императором, мужественной и непоколебимой веры». Знаменное полотно было тут же прибито к древку гвоздями, присланными с полотном. На нем закрепили наверх и ленту, а затем перед новым знаменем нижних чинов полка привели к присяге. Присягу также принимали офицерские чины, недавно переведенные в офицеры, но еще не присягавшие. После этого знамя, врученное 4-му батальону, заняло место в его строю.

Летом 1835 г. Николай I пожелал осмотреть войска 1-й армии и провести с их участием маневры в лагерях под Белой Церковью. Полк стал готовиться к высочайшему смотру. 7 августа 1-й, 2-й и 4-й батальо-

---

97 «Артикул воинский» — свод военно-уголовного законодательства. Состоял из 24 глав и 209 статей. Содержал основные принципы уголовной ответственности, понятия преступления, вины, цели наказания, перечень отягчающих и смягчающих обстоятельств.

ны Литовского полка прибыли под Белую Церковь к месту сбора полков корпуса. Личный состав приступил к интенсивным тренировкам, которые не прекращались и в дождливые дни. Солдаты были сильно измотаны. Высочайший смотр состоялся 12 октября. В ходе церемониального марша солдаты корпуса, хоть и старались показать свою выправку, но вследствие сильного утомления сбили строевой шаг и прошли плохо. Император остался недоволен, что и высказал присутствовавшим на смотре генералам.

На следующий день Николай I осмотрел лагерь 13-й пехотной дивизии, а 14 октября лично провел линейные учения и маневры. Литовский полк в составе дивизии действовал в авангарде. Императору действия войск понравились и по окончании маневров он объявил всем полковым и батальонным командирам, а также всем штаб- и обер-офицерам корпуса высочайшее благоволение. Нижним чинам за усердие, проявленное на смотре и на учении, было пожаловано по 2 рубля ассигнациями, по 2 фунта говядины и по 2 чарки вина.

26 октября Литовский полк вернулся на зимние квартиры в Винницу, где вновь приступил к несению караулов и изматывающей строевой муштре. В конце года в полк прибыли девять обер-офицеров из расформированного Петровского пехотного полка.

В 1836 г. Николай I принял решение об откомандировании в Кавказский корпус⁹⁸, который вел боевые действия с горами, строевых офицеров из полков, размещенных в европейской части России. В том же году от Литовского полка на Кавказ убыл штабс-капитан Сахацкий, получивший в 1837 г. именное высочайшее благоволение за участие в экспедиции против горцев.

Новое место службы — Крым

В начале XIX в. Севастополь мало походил на черноморскую твердыню. Однако в связи с тем что в этот период Черноморский флот увеличивался количественно и усиливался качественно, для его обеспече-

---

98 Отдельный Кавказский корпус — воинское оперативное формирование Российской империи, предназначенное для выполнения задач на Кавказе как самостоятельном операционном направлении. Существовал с 1820 по 1857 гг. Был создан на базе Отдельного Грузинского корпуса (фактически Отдельный Грузинский корпус в августе 1820 г. был просто переименован). 6 декабря 1857 г. произошло переформирование Отдельного Кавказского корпуса в Кавказскую армию.

ния и обслуживания требовалась мощная база с развитой инфраструктурой.

В 1833 г. главным командиром Черноморского флота и портов был назначен адмирал М. П. Лазарев, разработавший план устройства порта и города Севастополя как главной военно-морской базы российского флота на Черном море и его опорного пункта для действий в Средиземном море. Местом расположения адмиралтейских строений, в частности, был выбран холм на восточном берегу Южной бухты. Чтобы подгото-

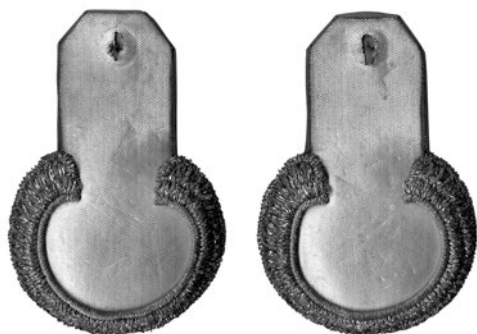
вить это место для возведения адмиралтейских построек, решили скрыть вершину холма, основу которого составляла скалистая порода. Так как объем строительных работ предполагался значительный, было решено в летнее время привлекать к работам и сухопутные войска, в том числе чинов 5-го пехотного корпуса. Полкам корпуса надлежало весной 1836 г. прибыть в Севастополь, комендантом которого с 1832 г. служил бывший шеф Литовского полка генерал-лейтенант барон Ф. Ф. Розен.

Литовцы прибыли в Севастополь в апреле 1836 г. и сразу приступили к работам по срытию холма. Одновременно им пришлось нести караульную службу в городе и самим возводить для себя жилые постройки, так как городские власти почти не оказывали сухопутным войскам никакой помощи, а местное население относилось к ним даже враждебно. Условия работы и жизни для солдат были тяжелыми. Во время работ на протяжении 1836 г. в полку умер прапорщик Слонов и 135 нижних чинов.

Осенью поступило распоряжение о возвращении войск на свои квартиры, и в конце сентября на судах Черноморского флота полки 13-й пехотной дивизии были перевезены в Одессу, а оттуда уже в пешем порядке литовцы убыли в Винницкий уезд. Полковые обозы из Севастополя в Винницу двигались сухим путем.

Обер-офицер и унтер-офицер егерских полков в 1833–1846 гг.

*Эполеты капитана 51-го пехотного
Литовского полка*

Во время следования полкового обоза к Николаеву старшему обозному офицеру стало известно о том, что там находится специальная комиссия, проверяющая обозы на предмет поиска железа и меди, украденных при проведении строительных работ в Севастополе. Эта комиссия первым осмотрела обоз Виленского егерского полка, в котором обнаружилась часть похищенного. Не въезжая в Николаев,

офицер осмотрел вверенный ему обоз и также обнаружил похищенные вещи. Солдаты объяснили, что железо и медь они приобрели у матросов. Желая избежать огласки, офицер приказал зарыть похищенное, что и было исполнено. В Николаеве комиссия ничего не нашла в обозе Литовского полка, но позднее все-таки этот факт получил огласку, и, как и стоило ожидать, было проведено следствие, результат которого доложили императору. В итоге всем командирам полков 13-й дивизии были объявлены выговоры за несоизмеримо большое число умерших и бежавших, а всех офицеров дивизии, поданных к награждению, вычеркнули из списка награжденных.

Весной 1837 г. полки дивизии снова были направлены в Севастополь, но уже через Одессу, откуда их перевезли к месту назначения морем. Снова потянулись тяжелые строительные будни...

19 августа того же года в Вознесенске состоялся грандиозный смотр войск, на который были собраны 350 эскадронов кавалерии с 18 конными батареями, а также 28 пехотных батальонов с 24 орудиями. От 5-го корпуса, в том числе и от Литовского полка, в смотре принимали участие пятые батальоны и составленные из бессрочно отпускных нижних чинов запасные батальоны полков. Командир 5-го батальона Литовского полка подполковник Наумов 1-й на период смотра был назначен командиром 2-го сводного полка, а командование над 5-м батальоном принял капитан Петров. По результатам смотра Наумова произвели в полковники, а Петрову объявили высочайшую благодарность.

10 сентября Николай I прибыл в Севастополь. На следующий день состоялся смотр войск 5-го корпуса. Император выразил недовольствие

строевой подготовкой, и, как результат, командир корпуса Ф. Ф. Розен подал в отставку. Командование принял генерал-лейтенант А. Н. Лидерс.

В октябре полк убыл на новые зимние квартиры в местечко Саврань Балтского уезда Подольской губернии. Туда же из Винницы перевели рекрутскую учебную команду. Соседняя Молдавия всегда славилась своим вином, и в полку участились случаи пьянства, которые не оставались без внимания со стороны командования. Перевоспитание виновных проводилось старым способом: для нижних чинов — розгами, для офицеров — арестом.

В 1837 г. была изменена форма офицерского шарфа. Теперь он изготавливался не из широкой, а из узкой серебряной тесьмы с тремя полосками светло-оранжевого и черного шелка. Шарф повязывался во всю его ширину между двумя нижними пуговицами мундира. Незначительно была изменена и конструкция офицерских эполет.

В том же году императорским указом было установлено, чтобы штаб- и обер-офицеры при отдаче воинской чести фуражную шапку не снимали, а честь отдавали прикладыванием кисти правой руки к козырьку фуражки.

В апреле 1838 г. Литовский полк снова через Одессу прибыл в Севастополь. В этот раз с полком прибыла его полковая церковь со старшим полковым священником, отцом Иоанном Мищенко. Осенью литовцы вернулись на зимние квартиры в Саврань. Штабполка расположился в самом местечке. Последние восемь лет в полку не было православного храма, а имеющаяся полковая церковь представляла жалкий вид, нуждаясь в восстановлении. По согласованию с местными властями полковую церковь разместили в Саврани в здании бывшего католического костела. В начале 1838 г. младшего полкового священника, отца Евфимия Левицкого, направили в Москву для приобретения икон и образов для иконостаса.

25 июня 1838 г. указом Николая I всем полкам и отдельным частям, имевшим срок службы 100 и более лет и не подвергшимся за это время расформированию, предписывалось иметь на знаменах особые знаки отличия в виде орденских лент с бахромой. На знаках отличия указывались год формирования

полка, год пожалования ему знамени и первоначальное наименование полка, данное ему при формировании. На концах ленты крепились кованые вензельные изображения имени государя, при котором полк был сформирован, и государя, пожаловавшего знамя. В тех полках, которые имели на знаменах надписи отличия, на ленты добавлялись надписи об этих отличиях. Для знамен армейских частей полагалась красная александровская лента — лента ордена Св. Александра Невского.

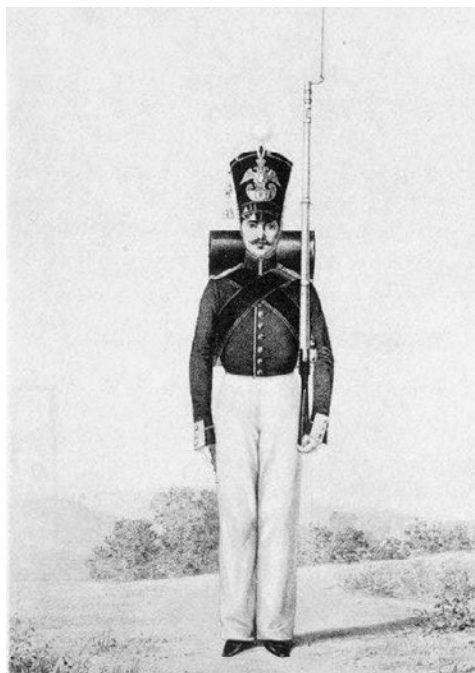
Тем же указом учреждались особые медные позолоченные скобы, на которых гравировались вензельное изображение имени государя — основателя полка, год формирования полка, первоначальное и настоящее наименования полка и год пожалования полку особой надписи отличия на знамя, а также текст этой надписи. Скобы крепились гвоздями на знаменном древке под знаменным полотном. В случае дальнейшего изменения наименования менялась и скоба, на которую дополнительно наносилось новое наименование. То же самое должно было быть и с лентами. В случае формирования полка из нескольких разных батальонов старшинство полка считалось по дате формирования более старого батальона.

На момент выхода этого указа в Литовском полку находились только знамена 3-го и 4-го батальонов, так как 1-й и 2-й батальоны лишились своих знамен в 1831 г. Так как ни 3-й, ни 4-й батальоны Литовского полка не имели 100-летнего срока службы, ни ленты, ни скобы полку пожалованы не были. Но в 1-м батальоне полка еще находилось знаменное древко со спасенным в 1831 г. наверху, и на это древко были пожалованы и лента, и скоба.

В марте 1839 г. первым трем батальонам Литовского полка поступило указание убыть в Севастополь. 4-й батальон оставался в Балте для несения караульной службы. 10 апреля батальоны прибыли в Севастополь и приступили к работам.

В марте 1839 г. у нижних чинов в пехоте ширина портупей и перевязей, а также ширина ранцевых ремней была уменьшена на 0,5 вершка — до 1,5 вершка. Барабанная перевязь осталась прежней, 2,5 вершка.

*Рядовой егерских рот егерских полков
в 1835–1844 гг.*

*Обер-офицер егерских полков
в 1835–1844 гг.*

Уже в Севастополе полк узнал о том, что 26 марта высочайшим указом командиру полка полковнику А. Ф. Масловскому за отличия по службе было присвоено звание генерал-майора с оставлением его в должности командира полка, но уже 22 сентября А. Ф. Масловского назначили командиром 2-й бригады 23-й пехотной дивизии. Заслуги А. Ф. Масловского перед полком были значительными: приняв полк в 1831 г., он фактически возродил его после катастрофы при Вавре.

В октябре 1839 г. строительные работы в Севастополе прекратились, но с целью экономии средств полк было решено из Крыма не выводить, отправив его на зимние квартиры на самом полуострове. 1-й и 2-й батальоны Литовского полка расположились в Перекопе, а 3-й в — Карасубазаре⁹⁹. В Перекопе пять рот заняли таможенные казармы, а остальные три расположились в ближайших к Перекопу деревнях. Оставшийся в Балте 4-й батальон на зиму перевели в Одессу, а в апреле 1840 г. — в Севастополь, где он соединился с полком.

⁹⁹ В настоящее время — Белогорск (Республика Крым).

Весной 1840 г. батальоны Литовского полка снова прибыли в Севастополь. В связи с тем что 12 батальонов постоянно расквартированной в Севастополе 15-й пехотной дивизии были отправлены на Кавказ, литовцам вместо строительных работ пришлось нести караулы. Кроме этого, полк выделил для откомандирования на Кавказ 311 нижних чинов. В полк же на замену им и в счет ранее образовавшегося недокомплекта поступило 803 рекрута.

3 марта 1840 г. командующим Литовским егерским полком назначили командира 4-го батальона подполковника П. П. Артамонова. Новый командир был ветераном полка: до назначения на должность командующего полком он прослужил в его составе 26 лет.

Артамонов Павел Петрович (?-?) — русский военачальник. Сын отставного аудитора. В семь лет был помещен в Императорский Военно-сиротский дом (впоследствии — Павловский кадетский корпус). В 1814 г. был выпущен прапорщиком в Литовский полк. За отличную службу был награжден орденом Св. Анны III ст. Будучи командиром 1-й гренадерской роты, за отличия в ходе Польской кампании был произведен в майоры. При Вавре попал в плен. После освобождения в ноябре 1831 г. вернулся в полк. Как лучшего штаб-офицера полка в июне 1832 г. П. П. Артамонова откомандировали в Образцовый полк, где в апреле 1834 г. за отличную службу произвели в подполковники. После возвращения в Литовский полк за отличие по службе был награжден орденом Св. Владимира IV ст.

В связи с обострением политической обстановки в Турции Николай I решил подготовить войска для проведения десантной операции на Босфоре. Планировалось, что Литовский полк будет включен в состав десанта, поэтому на зиму его разместили в Севастополе, в бараках на Северной стороне Севастопольской бухты. Однако поскольку Босфорская операция не состоялась, полк остался в Севастополе, но был приведен в мирное состояние.

В это время генерал-губернатор Новоросии и Бессарабии граф М. С. Воронцов благоустраивал Крым. В апреле 1841 г. 4-й батальон Литовского полка был выделен для строительства почтовой шоссейной дороги от села Дуванкой¹⁰⁰ до Севастополя, а осенью того же года 2-й батальон полка направили для усмирения убухов на Кавказ, где он во-

¹⁰⁰ В настоящее время — Верхнесадовое (Севастополь).

шел в состав отряда генерал-майора И. Р. Анрепа. 2-й батальон принимал участие в вооруженных стычках и в строительстве оборонительных сооружений на черноморском побережье. В ноябре батальон вернулся в Севастополь, а в следующем году все нижние чины 2-го батальона были переданы в Мингрельский егерский полк. В то же время 4-й батальон Литовского полка был переименован во 2-й, 4-й — заново сформирован, а 5-й и 6-й — переведены в кадровый состав. Знамя 4-го батальона стало батальонным знаменем 2-го, а в 4-й батальон передали знамя расформированного 5-го. Таким образом, в тот момент в полку находились знамена 2-го, 3-го и 4-го батальонов, а также знаменное древко с навершием 1-го батальона. В 1842 г. на все знамена и древко были пожалованы александровские ленты и знаменные скобы.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА КАВКАЗ

И меж Кавказа диких скал,
Когда вождя его сынов
Вождь славный русский Воронцов
В Дарго смириться посылал.

К. К. Павлюк

Начало кавказской эпопеи

В конце 1843 г. Николай I принял решение о направлении на Кавказ частей 13-й и 15-й пехотных дивизий и 14-й артиллерийской бригады. Причиной тому были значительная активизация действий отрядов мятежного имама Шамиля и ослабление войск Отдельного Кавказского корпуса: с августа до конца 1843 года отряды Шамиля захватили почти весь Дагестан, нанеся значительный урон в живой силе русской армии и захватив значительные припасы. Война с мятежным имамом выходила на новый уровень.

8 января 1844 г. 1-й, 2-й и 3-й батальоны литовцев были из Севастополя направлены на Кавказ, а в Севастополе, в бараке № 3 на Северной стороне, остался 4-й батальон полка. Там же оставили и полковой архив. Назначенные для похода части двинулись к Керчи, откуда 27 января судами Черноморского флота переправились на Тамань. Исключительно сильные морозы делали поход невероятно тяжелым. Страдали не только люди, но и лошади. 12 февраля литовцы добрались до станицы Усть-Лабинской, откуда им 14 февраля предстояло следовать к центру Кавказской линии¹⁰¹.

9 апреля полк прибыл в Нальчик, завершив трехмесячный переход из Севастополя на Кавказ. Командиру полка полковнику П. П. Артамонову была объявлена благодарность императора, за то что его часть прибыла с минимальными потерями и в прекрасном состоянии.

Неся боевую службу в центре Кавказской линии, литовцы впервые познакомились с ранее им неизвестным типом солдата, который вошел

---

101 Кавказская линия — система оборонительных сооружений на Северном Кавказе, создана российскими войсками в ходе военных действий против Турции и горцев в XVIII–XIX вв. Состояла из Кизлярской, Моздокской, Кубано-Черноморской и других линий. Сторожевую службу на них несли специально созданные казачьи войска.

в русскую военную историю под именем «кавказец». Привыкшим к жесточайшей регламентации мирного времени солдатам Литовского полка был удивителен тот дух разумной свободы, который царил в войсках Кавказа. Там закаленные в боях, лишениях и опасностях подразделения представляли собой смесь военного удалства и бесшабашности. Всякая принужденность и мелочность, от которых так страдали как нижние чины, так и офицеры в России, — отсутствовали. Дисциплина поддерживалась не страхом наказаний, а доверием к тем, кто в бою находился впереди. Война на Кавказе вырабатывала совершенно особый тип солдата.

Вот как писал об этом типе солдата один из офицеров — участников этой войны:

Кавказский солдат, воспитанный в бою, делавший правильную оценку каждому движению, каждому шагу своего противника, не давался в обман, выработав в себе убеждение, что недоверчивость к мирному, осторожность с непокорным — лучшее средство избежать неожиданности и не платить за малейших промах собственной же головой. Наш солдат-партизан, сообразив характер Кавказской войны, усвоил себе манеру горца и часто поражал его добытым опытом — его же собственным оружием и в нравственном, и в буквальном отношении. Весь секрет наших малых потерь заключается в очень нехитрой и несложной вещи. Мы обязаны ими постоянной войне и тому навыку в бою, который в течение продолжительной службы приобретал солдат. Он не уклонялся и не прятался от пуль, но он чутьем знал, где пуля должна пролететь и как она должна пролететь, и сам не отдавал себе в том отчета, никогда не рассуждая над этим, он изловчится очутиться у неприятеля на плечах или на завале таким образом, что сто пуль просвистят мимо него, а не одна не задевает. Для тактиков и для людей военных тут сказывается, прежде всего, бывалость воина, опытность его в боях с врагом, с которым ему приходится бороться, и непременно с одним и тем же врагом, одинаковые обстоятельства и условия все одной и той же долгой войны, тесный союз отдельных единиц данной части, в которой товарищ товарищу служит всегда наставником и пособником, наконец, находчивость, развитость солдат в военном деле и распорядительность офицеров.

Ничем подобным не могли похвастаться части 5-го корпуса, бывшие на Кавказ. Надо сказать, что российские войска на Кавказе четко делились на две категории. К первой относились так называемые кавказские войска. Это были солдаты и офицеры нескольких полков, которые постоянно или долго служили на Кавказе (Куринский, Кабардинский, Тифлисский полки). Именно эти полки воевали так, как надо. Они несли сравнительно небольшие потери и их действия отличались наибольшей эффективностью. Ко второй категории относились войска, недавно пришедшие из России. Они несли громадные потери при совсем незначительном успехе. Кавказские ветераны называли эти войска «российскими» и относились к ним снисходительно¹⁰².

В 1845–1846 гг. в Литовском полку служил майор И. С. Приходкин, вошедший в российскую военную историю своими умелыми действиями в ходе сражения на реке Альме 8 сентября 1854 г.

Приходкин Иван Семенович (?–?) — русский военачальник, полковник, командир Минского пехотного полка. Из дворян Черниговской губернии. Родового имени не имел. На военную службу поступил юнкером в 1813 г. в 22-й егерский полк. Участник Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Был в сражениях при Дрездене и Лейпциге. Участник похода в Данию. Награжден медалью «За взятие Парижа» (1814). За отличие по службе был произведен в прапорщики (1817). С 1818 г. — подпоручик. С 1820 г. — поручик. В том же году был переведен в резервный батальон 22-го егерского полка. С 1824 г. — штабс-капитан. С 1831 г. — капитан. В 1832 г. за отличие по службе был произведен в майоры. Командир батальона в Кременчугском полку. В 1835 г. за отличие по службе был произведен в подполковники. В декабре 1843 г. был уволен по болезни с военной службы полковником «с мундиром и пенсионом полного жалованья» Вновь определен на службу подпол-

102 О том, насколько настоящие кавказские войска сроднились с войной, насколько война на Кавказе стала для них чем-то родным, если так можно сказать, говорит следующий эпизод. Однажды в базарный день в одном из сел недалеко от крепости Грозной возникла драка между чеченцами и солдатами Апшеронского полка. На шум прибежали нижние чины Куринского полка и бросились на помощь горцам, объясняя впоследствии свое поведение так: «Как же нам не защищать чеченцев, они наши братья, вот уже двадцать лет, как мы с ними деремся». И это не анекдот, а событие, которое в различных вариантах описали многие современники и о котором есть официальный рапорт. То есть для тех солдат, которые 20 лет воевали в Чечне, чеченцы стали уже врагами-друзьями, чем-то таким, без чего жить уже совершенно нельзя.

ковником в 1844 г. В апреле 1845 г. был переведен в Литовский егерский полк. В 1846 г. назначен командиром Минского пехотного полка. За отличие в Альминском сражении 8 сентября 1854 г. произведен в генерал-майоры. В ходе этого сражения был ранен осколком гранаты в затылочную часть головы и контужен ядром в верхнюю часть левой стопы с повреждением кости большого пальца. В марте 1855 г. уволен со службы «за ранами, с мундиром и пенсионом полного содержания». Кавалер орденов Св. Георгия IV ст. (за выслугу 25 лет), Св. Владимира IV ст., Св. Анны II ст. с императорской короной и Св. Станислава II ст.

Рядовой егерских полков в 1844–1846 гг.

1-й батальон Литовского полка в составе Назрановского отряда был задействован на строительстве мостов, блокгаузов и укреплений на Военно-Грузинской дороге¹⁰³. С мая — апреля 1844 г. ему пришлось регулярно участвовать в сопровождении транспортов. При несении этой службы литовцы неоднократно вступали в перестрелки с горцами и принимали участие в нескольких малых экспедициях в Чечню. Уже 12–22 мая 1844 г. батальон участвовал в Гехинской экспедиции.

2-й батальон, прибывший 10 марта в станицу Екатериноградскую, выполнял охранные функции и тоже участвовал в строительных работах. 2-ю роту батальона под командованием капитана Кулеши откомандировали в Моздок для несения караулов. В этом батальоне случилась первая потеря литовцев в ходе Кавказской кампании: во время рубки леса погиб рядовой М. Луценко.

¹⁰³ Военно-Грузинская дорога — историческое название пути из Владикавказа в Тбилиси по долине реки Терек, через Скалистый хребет, по Дарьяльскому ущелью, по ущелью реки Байдарка, через Крестовый перевал Главного хребта Большого Кавказа, по долине реки Белая Арагви и по правобережью реки Кура. Протяженность — 208 км.

3-й батальон нес караулы в Нальчике (7-я егерская рота штабс-капитана Коржевского — в укреплении Черкесское).

Двум последним батальонам участвовать в боевых действиях не пришлось. Реальное участие в боях принял только 1-й батальон, которому нужно было вернуть себе знамя. В 1845 г. он совершил несколько экспедиций вглубь Чечни и Дагестана.

Даргинская экспедиция

Николай I хотел одним решающим ударом разгромить упорно сопротивлявшегося противника. План, разработанный в Петербурге, не отличался оригинальностью. Он был строг и лаконичен: «1) разбить, буде можно, скопища Шамиля; 2) проникнуть в центр его владычества; 3) в нем утвердиться». Однако опытные генералы и офицеры Кавказского корпуса понимали то, чего никак не могли уразуметь в Зимнем дворце: время многолюдных, обремененных обозами «экспедиций» прошло, опыт продемонстрировал их полную неэффективность. Тем не менее подготовка к походу началась.

Для осуществления высочайшего замысла на пост главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом и кавказского наместника назначили графа М. С. Воронцова, известного военачальника и государственного деятеля, героя войны 1812 г. Существовали опасения, что Михаил Семенович, которому уже исполнилось 64 года, не пожелает взваливать на себя столь обременительный груз. Но для Воронцова было немыслимо не преклониться перед священной волей самодержца. «Я был бы не русский, если бы посмел не пойти туда, куда царь велит», — такова была реакция графа на предложение Николая I.

В экспедицию на Кавказ 1-й батальон Литовского полка вышел под руководством своего командира подполковника Л. А. Дзековского¹⁰⁴, но вскоре тот выбыл из строя по болезни и был уволен из армии, и его сменил капитан Чирц — старший из ротных командиров. Вскоре на место Чирца был назначен майор Осипов, прикомандированный из Виленского полка, а с 29 апреля 1845 г. командовать батальоном стал майор Ф. М. Степанов из Белостокского полка.

¹⁰⁴ Дзековский Леон Антонович (?-?) — опытный офицер, награжденный орденом Св. Владимира IV ст. с бантом за кампанию 1831 г. и орденом Св. Георгия IV ст. за 25 лет выслуги в офицерских чинах.

Степанов Федор Макарович (1806 или 1807 — ?) — русский офицер. Происходил из обер-офицерских детей. Начал службу в 1825 г. рядовым в Копорском пехотном полку. 11 июня 1829 г. за отличие в сражении при Кулевче был произведен в прапорщики. Во время Польской кампании 1831 г. участвовал в сражениях при Вавре и Грохове. В 1841 г. «за отличие в экспедиции на восточный берег Черного моря» был награжден орденом Св. Анны III ст. с бантом.

В 1845 г. 1-й батальон литовцев численностью 715 человек вошел в состав Чеченского отряда, предназначенного для похода в Андию, труднодоступную часть Кавказа. Ротами командовали: 1-й карабинерной — штабс-капитан Трилицкий; 1-й егерской — капитан Скиндер; 2-й егерской — штабс-капитан Жмайлович; 3-й егерской — капитан Чирц. В составе Назрановского отряда 1-й батальон был заменен 3-м батальоном Литовского полка.

К 20 мая 1845 г. сбор войск отряда был закончен у крепости Грозной¹⁰⁵. В это время постоянно проходили стычки с горцами, в которых литовцам отводилась роль зрителей. Но вскоре и им пришлось принять непосредственное участие в тяжелых боях. В походе на Дарго было определено участвовать Чеченскому отряду под командованием генерала А. Н. Лидерса и Дагестанскому отряду под командованием генерал-лейтенанта князя В. О. Бебутова.

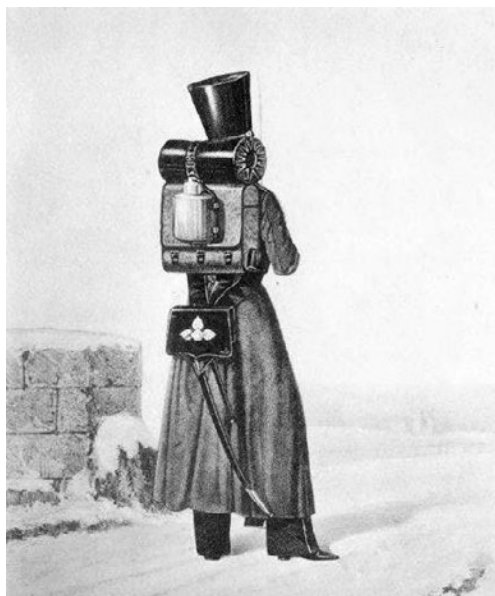
Официальной датой начала Даргинской экспедиции считается 31 мая 1845 г., когда Чеченский отряд вышел из крепости Внезапной. Дагестанский отряд начал движение из Темир-Хан-Шуры¹⁰⁶. Их соединение произошло 3 июня у селения Гертма.

В ходе экспедиции войскам пришлось участвовать в серьезных стычках и штурмовать сильно укрепленный аул Дарго, бывший резиденцией имама Шамиля. Прежде чем достичь цели, литовцам пришлось совершить труднейший горный марш, сравнимый по сложности с суворовским переходом через Альпы. Игнорирование природных и климатических особенностей горного края обернулось тяжкими испытаниями и потерями.

Генерал Д. В. Пассек, возглавлявший авангард главного отряда, решил вырваться вперед. Он занял вершину Зунумеер, находившуюся

105 В настоящее время — Грозный (Чеченская республика).

106 В настоящее время — Буйнакск (Республика Дагестан).

*Карабинер егерских полков
в 1833–1843 гг.*

в 15 верстах от горы Анчимеер. Солдаты отправились в этот боевой выход налегке, без ранцев, теплой одежды и необходимого запаса продовольствия.

Обычно русские солдаты на Кавказе отправлялись в поход обремененные тяжелой ношей. Кроме ружья и патронов солдат нес на себе холщовый мешок, заменявший ранец (у литовцев — в 1-м батальоне), с сухарным запасом, как правило, на шесть дней, шанцевый инструмент, шинель в скатке и иногда два-три полена дров. Это не только утомляло солдата, но и приводило к неоправданным потерям.

Между тем на смену жаркой погоде пришли сначала дожди, а потом и снегопад. Еще на перевале Кырк температура упала до минус 6 градусов. Еще ниже она была на Зунумеере. От холода страдали и войска, находившиеся у подножия горы, но у них все-таки имелись продовольствие и топливо, а самые тяжелые испытания выпали на долю отряда Д. В. Пассека, обосновавшегося на вершине. Тем не менее отряд оставался на горе, дабы отступлением не ободрить горцев. С большим трудом на вершину доставили продовольствие, дрова и спирт из Дагестанского отряда. Только 12 июня 1845 г. авангард смог присоединиться к главным силам, которые все еще располагались у перевала Кырк. После этого происшествия солдаты назвали гору Зунумеер «холодной горой». По разным данным, обморожения на вершине получили от 200 до 450 человек.

После соединения авангарда с главным отрядом войска продолжили движение к так называемым Андийским воротам — местности, считавшейся до того времени недоступной для русских войск. Операция по овладению неприятельскими завалами перед входом в ущелье и занятие Андии была назначена на 13 июня, однако сражаться войскам не пришлось. Когда утром того дня русские готовились к наступлению, выяснилось, что все селения Андии объаты пламенем. Шамиль заставил жителей покинуть свои жилища и поджег их, а сам со своими

мюридами отошел, предоставив отряду М. С. Воронцова без боя занять позиции на Буцуркальских высотах. Войска, перевалив Андийские ворота, расположились лагерем между аулом Анди и селением Гогатль¹⁰⁷.

Продовольствие было на исходе. По мере продвижения в глубину горной местности его подвоз (как, впрочем, и фуража и других припасов) становился все более затруднительным. Главнокомандующий возложил миссию по организации бесперебойной доставки провианта на командира Дагестанского отряда генерала В. О. Бебутова.

28 июня 1-я егерская рота Литовского полка сопровождала конвой с винной и мясной порциями, пожалованными главнокомандующим отряду у Андийских ворот. В ходе марша обоз попал под сильный обстрел горцев. Хотя ротный фельдфебель и нижние чины хотели ударить по нападавшим, командовавший ротой подпоручик Гоствицкий приказал отступить. В результате горцы отрезали роту от ее командира, штабс-капитана Скиндера, задержавшегося по делам службы и догнавшего свое подразделение с 20 моздокскими казаками. Считая необходимым пробиться к роте, храбрый офицер предпринял попытку сделать это, но был убит. Генерал А. Н. Лидерс, наблюдавший за боем, отправил на помощь литовцам роту Кабардинского егерского полка. Хотя горцы отступили, полк потерял, кроме штабс-капитана Скиндера, еще шесть нижних чинов убитыми и ранеными. Трое казаков погибли.

При разборе этого случая вышестоящие чины пришли к выводу, что в случившемся виновны и командир роты, и подпоручик Гоствицкий. Первый — потому что поспешил с выходом роты и разделил ее; второй — потому что растерялся и потерял управление солдатами. В резуль-

Штаб-офицер Бородинского егерского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка в 1845–1849 гг.

107 В настоящее время — Гагатли (Республика Дагестан).

тате подпоручик был предан военному суду и уволен со службы. Говоря о Гоствицком, граф М. С. Воронцов заявил: «Как я не виноват, что я храбр, так и он не виноват, что он трус».

В Андии войска графа М. С. Воронцова находились в течение 22 дней. Горцы постоянно тревожили и держали в напряжении русские части. С 21 июня по 1 июля они непрерывно участвовали в локальных экспедициях и боях местного значения. Наконец 4 июля в Гогатль прибыл большой транспорт с продовольствием, количество которого сделало реальным дальнейшие планы М. С. Воронцова. Распределив продовольствие, боеприпасы и другие материальные средства, граф приказал наступать на Дарго.

Рано утром 6 июля главные силы М. С. Воронцова выдвинулись по направлению к Дарго. В отряд входили десять с половиной батальонов, четыре роты саперов, три роты стрелков, две дружины пешей грузинской милиции, четыре сотни казаков, девять сотен конной милиции, два легких орудия, 14 горных орудий. В строю находились 7941 пехотинцев, 1218 всадников и 342 артиллериста — всего 9501 человек. От лагеря до последнего перевала перед Дарго надо было пройти 14 верст, и этот путь войска преодолели к полудню. Оставался самый опасный участок пути: русским частям требовалось пробиться через чащобы векового Ичкерийского леса.

Генерал А. Н. Лидерс атаковал горцев, засевших на опушке, и дал возможность авангарду пройти к первому завалу. Овладев им, передовой отряд стал продвигаться по дороге, пролежавшей на протяжении 3 или 4 верст через густой лес по узкому гребню хребта, имевшему местами ширины не более 2 или 3 саженьей, а с обеих сторон — крутые глубокие овраги, также покрытые густым лесом. Кроме того, дорога на всем протяжении была перекрыта огромными завалами, которые нельзя было обойти, поэтому приходилось их «брать с фронта».

В результате ожесточенного и кровопролитного боя русские войска пробились через Ичкерийский лес. Авангард под командованием генерала К. Я. Белявского спустился к пылавшему Дарго и занял его. Вместе с авангардом у аула расположился биваком главнокомандующий, прибывший с кавалерией. Остальные войска продолжали спуск в течение всей ночи.

Перед штурмом Дарго генерал А. Н. Лидерс, желая дать 1-му батальону Литовского полка возможность отличиться и вернуть себе знамя, ходатайствовал перед графом М. С. Воронцовым о назначении литов-

цев «в голову авангарда». 3 июля, осматривая 1-й батальон, А. Н. Лидерс объявил литовцам, что происшествие 28 июня, «так постыдно 1-й егерской ротой конченное, батальон в первом за сим сражении должен смыть с себя кровью».

6 июля 1845 г. литовцы, у которых в строю к тому времени было 508 человек (13 офицеров и 495 нижних чинов), несмотря на отчаянное сопротивление горцев, смогли преодолеть многочисленные завалы и одними из первых ворвались в Дарго. За это сражение 1-му батальону было пожаловано обещанное М. С. Воронцовым Георгиевское знамя с надписью «За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года». Это произошло 18 марта 1846 г., то есть спустя ровно 15 лет после его потери в бою с поляками¹⁰⁸.

В ходе штурма литовцы потеряли восемь нижних чинов убитыми и двух офицеров и 22 нижних чина ранеными. Всего же за время экспедиции литовцы потеряли убитыми и ранеными одного штаб-офицера, семь обер-офицеров и 234 нижних чина.

Командир батальона майор Ф. М. Степанов за сражение у Дарго был награжден орденом Св. Георгия IV ст. Таким образом, он стал первым в полку георгиевским кавалером, получившим этот орден не за выслугу лет, а за отличие в бою. 41 нижний чин получил знак отличия Военного ордена.

Несмотря на лишения, которым отряд подвергался в походе, и значительные потери в личном составе, войска своей храбростью и стойкостью оказались достойны всеобщей похвалы. Князь М. С. Воронцов по окончании военных действий обратился к полкам со следующими словами: «Воины главного действующего отряда! Наконец твердостью, усердием и неустранимостью вы исполнили трудный и славный подвиг, повеление государя нашего, ожидания России...»

Во время экспедиции на Кавказ, в соответствии с приказом военного министра № 63 от 9 мая 1844 г., произошли перемены в обмундировании Литовского полка. Вместо киверов были вве-

---

108 Объявлено в приказе военного министра № 53 от 20 марта 1846 г. и в высочайшем приказе от 30 марта 1846 г. Знамя поступило в полк в мае 1846 г. и было освящено по возвращению полка в Севастополь. Тогда же в полк поступили Александровские ленты и скобы для знамен 1-го и 4-го батальонов. В 1847 г. и 2-му батальону Литовского полка было пожаловано Георгиевское знамя с надписью «За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6-го июля 1845 года». Александровская лента и скоба к этому знамени, а также скоба к знамени 3-го батальона поступили в полк в 1847 г.

дены каски из черной лакированной кожи с двумя козырьками (спереди и сзади), металлическим прибором по цвету пуговиц (в Литовском полку — из желтой меди) и с прежним гербом. Новый головной убор этот был гораздо удобнее прежнего кивера: не так тяжел и меньше жал голову. Вскоре всем офицерским каскам была присвоена кокарда, укреплявшаяся с правой стороны под чешуей. Кокарду продолговатой формы и тех же цветов офицеры стали носить с начала 1844 г. на околыше фуражек над козырьком. Фуражки стали иметь одинаковые цвета (в Литовском полку — красные) как по краям околышей, так и по верхнему кругу. На околышах фуражек нижних чинов стали делаться просечки номера и названия роты, которые подкладывались желтым сукном.

В том же году офицерам было приказано не носить шарфы во время лагеря вне службы. Ранее они носились постоянно вне расположения части, даже вне строя и не при службе. Полковым горнистам в пехоте (штаб-горнистам) приказали при нахождении в строю верхом иметь шпоры. Отменено было правило, по которому офицеры, будучи в шинелях, должны были спускать их с плеча той руки, которая прикладывалась к головному убору при отдавании чести.

Вскоре все, кто возвращался в Россию с Кавказа, говорили о переменах в обмундировании, которые делал князь М. С. Воронцов — «о замене мундиров полукафтанами с поясами, киверов — меховыми шапками и ременных перевязей — легкими сумками, а коротеньких полусапожек — длинными по колено сапогами и, наконец, полушубками».

Сухарная экспедиция

Горцы, рассеявшиеся после захвата Дарго отрядом М.С. Воронцова, и не помышляли о прекращении сопротивления. Шамиль с окрестных вершин наблюдал за действиями русского отряда. Всю ночь и утро следующего дня лагерь М. С. Воронцова обстреливался ядрами, особенно из селения Белгатой. Главнокомандующий приказал генералу И. М. Лабынцеву выбить врага с белгатойских высот. 7 июля отряд И. М. Лабынцева перешел через реку Аксай и быстро выполнил задачу. Однако после его возвращения в лагерь противник снова занял левый берег Аксая.

Русские недаром сравнивали неприятеля с роем мух: их согнали, они разлетелись, а минуту спустя снова оказались на том же месте.

10 и 11 июля 1-я и 3-я рота литовцев участвовали в тяжелых боях с горцами во время сопровождения транспорта с продовольствием. Во время пребывания войск в Дарго колонну под начальством генерала Ф. К. Ключки-фон-Клугенау отправили навстречу транспорту, отправленному из Андии с продовольственными и другими припасами. Авангардом этой колонны командовал Д. В. Пассек.

Отряд, сформированный на скорую руку храбрым, но нераспорядительным Ф. К. Клугенау, между Анди и Дарго попал в хорошо организованную засаду, понеся тяжелые потери. Авангард отряда, увлекшись атакой завалов, оторвался от основных сил, и горцы обрушились на оставленный без защиты арьергард. В результате арьергард потерял два орудия и своего начальника, генерал-майора В. М. Викторова. Генерал Ф. К. Клугенау, осведомившись о тяжелом положении авангарда, послал ему на помощь роту, приостановил авангард и поручил Д. В. Пассеку распоряжаться боем. Только к 10 часам вечера Д. В. Пассек подошел к транспорту, и всю ночь бойцы занимались сдачей раненых и приемом провианта.

Утром войска выступили обратно. Авангардом по-прежнему командовал Д. В. Пассек. Он сумел ободрить упавшие духом войска так, что те распевали песни. Скинув шапку и перекрестясь, он громко сказал: «Благослови, Господи!» — и затем прибавил: «Марш, ребята, Бог не выдаст, свинья не съест». Авангард тронулся в 10 часов утра, а через пять минут начался бой, продолжавшийся более шести часов с невыразимым упорством и ожесточением. Авангард тихо подвигался к своей цели, неся громадные потери, нередко останавливаясь, расчищая путь и подтягивая вьюки. Когда он достиг «небывалого доселе завала из тру-

*Унтер-офицер егерских полков
в 1846–1849 гг.*

пов», доставшихся противнику накануне, головной батальон, вместо того чтобы, перейдя через него, остановиться и прикрыть расчищавших дорогу саперов, проскочил дальше. Таким образом, связь была нарушена, и неприятель, засев в оврагах и за завалами, открыл по саперам сильный огонь. Не видя другого средства сбросить противника с дороги, как идти напролом, Д. В. Пассек собрал роту навагинцев и бросился с ней вперед, но пал, смертельно пораженный пулей. К. К. Бенкендорф, бывший рядом с генералом в момент его гибели, сообщил его последние слова: «Прощай, моя бригада».

С большими потерями и при помощи отряда, высланного М. С. Воронцовым из Дарго, генерал Ф. К. Клугенау привел свое подразделение в главный лагерь. Тяжело раненных и убитых тащили на лубках при помощи веревок. Генерал В. А. Гейман писал: «На одном из таких лубков Пассек лежал со сложенными руками, в белой фуражке, с окровавленным, но совершенно спокойным лицом; он был привязан, и его тащили два донских казака волоком, как на снях». При спуске с одной горы от неосторожности останки командира соскочили с лубка и упали в глубокий овраг, из которого уже никак нельзя было поднять труп «для отдания и последней слезы, и последней чести героически павшему и любимому всеми начальнику».

Больше суток русские двигались под непрерывным обстрелом. Каждый шаг вперед оплачивался жизнями солдат и офицеров. Стрелки неприятеля, расположившись не более чем в 100 шагах от дороги, вели непрерывный огонь. Никто не мог остановиться и укрыться за камнями, так как те, кто прекращал движение и отставал, тут же становились добычей горцев. Из груза почти ничего не удалось спасти. Многие раненые и все убитые были оставлены на дороге.

Общие потери составили: два генерала (В. М. Викторов и Д. В. Пассек), 17 офицеров и 540 нижних чинов убитыми; 34 офицера и 738 нижних чинов ранеными; четыре офицера и 84 нижних чинов контужеными; один офицер и 122 нижних чинов пропали без вести. Литовцы потеряли двух унтер-офицеров и десять рядовых убитыми; одного офицера (прапорщика Пржездетского), одного унтер-офицера, одного музыканта и 51 рядового ранеными и контужеными. Без вести пропали 20 человек. Утрачены были казенные и ротные вьюки обеих рот, все лазаретное имущество.

Так завершилась операция, вошедшая в историю Кавказской войны под горьким названием Сухарной экспедиции. Солдаты прозвали ее «су-

харницей»¹⁰⁹. Для русской военной истории она вовсе не стала очередной яркой победой. Скорее, наоборот. Некоторые современные российские военные историки считают эту экспедицию крупнейшим военным поражением русской армии за всю историю Кавказской войны. Причина этого поражения заключалась совсем не в отсутствии храбрости и самоотверженности у войск, что вполне доказали литовцы. Даргинская экспедиция свидетельствовала о пагубном влиянии политической конъюнктуры при подчинении ей хода военных операций¹¹⁰. Потребовалась гибель более 3 тыс. русских солдат и офицеров, чтобы иллюзии Николая I рассеялись и он перестал вмешиваться в руководство военной кампанией на Кавказе.

14 июля батальон вновь продолжил движение вдоль урочища Кетечь-Корт к аулу Центора. В 8 часов утра из завалов у аула Гурдали по нему был открыт огонь. Литовцы несколько раз штыками выбивали неприятеля, передвигаясь от завала к завалу. К концу сражения они потеряли четыре офицера и 84 нижних чина убитыми и ранеными. Кстати, в этот день были отбиты потерянные во время Сухарной экспедиции патронные ящики и хирургические комплекты батальона.

Пока полк находился на Кавказе, 23 февраля 1845 г. к оставленному в Севастополе 4-му батальону был присоединен еще один батальон, получивший номер 5. Им стал 3-й батальон Углицкого егерского полка, прибывший в Крым из-под Москвы во главе со своим командиром, майором Петрашем. С батальоном поступило в полк и его знамя, пожалованное ему 12 мая 1833 г. Будучи егерским, оно имело черное древко и зеленое полотно с вензелевым изображением по углам имени императора Николая I. На скобе и на находившихся на нем двух Александровских лентах была надпись: «1708 года. Гренадерский Бильса полк. 1710 года. Санкт-Петербургский батальон городских дел. 1711 года. Рижского гарнизона Белинский и Губернаторский полки. 1838 года. Углицкого егерского полка 3-го батальона».

---

109 Князь М. С. Воронцов доносил императору: «В продолжение обоих этих дней все офицеры и нижние чины геройски исполняли свои обязанности в полном смысле этого слова. Ни трудная местность, ни разнообразные препятствия, ни многочисленный неприятель, ничто не могло поколебать их мужества».

110 Этот вывод был сделан еще более 2,5 тыс. лет назад выдающимся китайским военным теоретиком Сунь-цзы: «Побеждает только тот, кто знает, когда можно сразиться и когда нельзя; кто умеет руководить и большими, и малыми силами; у кого сверху донизу существуют единые желания; кто проявляет осторожность и ожидает неосторожности противника; тот, у кого полководец талантлив и государь не вмешивается в его управление».

Литовский полк выделялся среди прочих армейских полков того времени качественным офицерским составом. Согласно полковой истории, среди офицеров не было ни одного, выписанного из гвардии тем же чином за проступки. Все, за малым исключением, отличались высокой нравственностью¹¹¹. Нижние чины, однако, имели в своем составе много порочных¹¹², бывших бродяг, арестантов и беглых¹¹³.

16 декабря 1845 г. 2-й и 3-й батальоны Литовского полка были переданы в Кубанский егерский полк, включенный в формируемую на Кавказе 19-ю пехотную дивизию.

---

111 Исключения эти — поручик, пристрастный к «горячительным напиткам», и прапорщик «дурного поведения».

112 К этой категории в начале 1846 г. относились 208 человек, из которых 60 можно было считать «совершенно исправившимися», 114 — «подавали надежду на исправление» и 34 считались «безнадежными».

113 Всего в 1845 г. из полка бежало 32 человека.

ВЕНГЕРСКИЙ ПОХОД

Громил и венгров полк потом...

К. К. Павлюк

На отдыхе

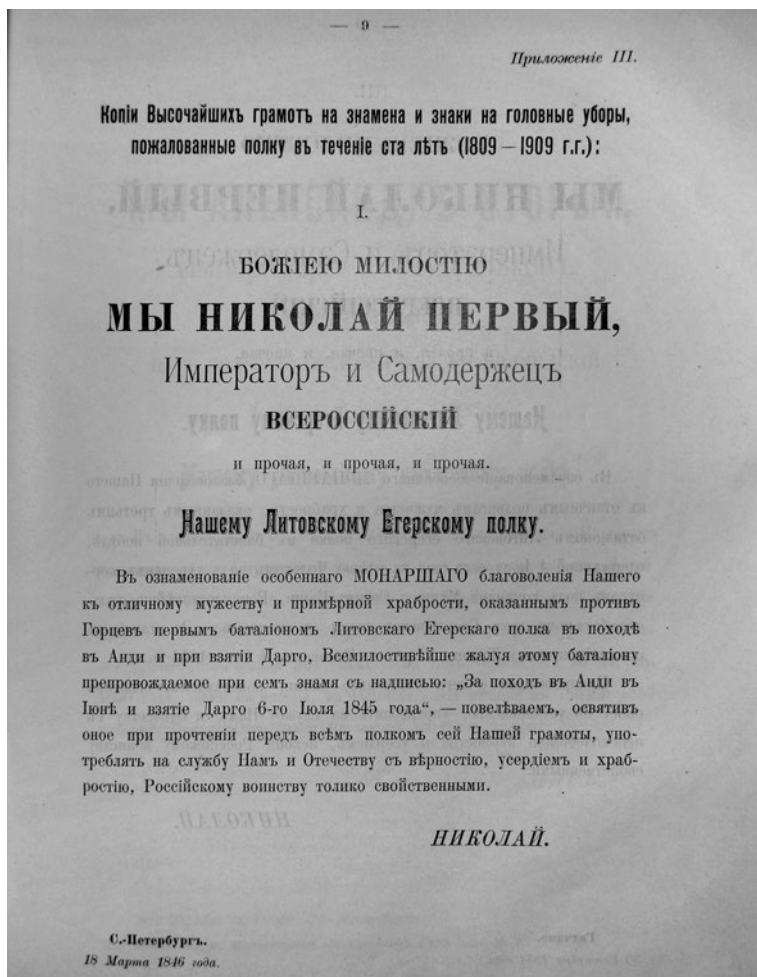
В 1846 г. 1-й батальон с полковым штабом вернулся в Севастополь. За боевую работу на Кавказе командир полка полковник П. П. Артамонов был награжден орденом Св. Владимира III ст. Командиром батальона снова стал герой Дарго майор Ф. М. Степанов, оправившийся к тому времени от ран. Из половины состава 1-го батальона был сформирован 2-й батальон полка. Его командиром назначили майора Жмайловича¹¹⁴. Таким образом, полк вновь состоял из четырех батальонов и имел в строю пять штаб-офицеров, 45 обер-офицеров, 262 унтер-офицеров, 119 музыкантов, 2717 рядовых, шесть лекарей, двух священников и 219 нестроевых чинов.

13 августа 1846 г. сформированный 2-й батальон по повелению императора получил вместо переданного в Кубанский егерский полк новое знамя. Оно было идентичным знамени 1-го батальона и имело такую же надпись. Это объяснялось тем, что 2-й батальон был сформирован из 1-го и, считалось, перенял его боевые заслуги и традиции.

1-й же батальон получил свое знамя в мае 1846 г., когда находился на пути в Крым. При этом предписывалось освятить его лишь по прибытии в Севастополь, куда 6 октября присланы были александровские ленты и скобы, пожалованные полку 25 июня 1838 г. Присланные ленты и скобы предназначались лишь для 1-го и 4-го батальонов, так как прежние 2-й и 3-й уже не были в составе полка, а для занявших их место скобы изготовить не успели. Каждая из лент имела золотую шитую кайму и золотую бахрому на концах. На лицевой стороне имелась вышитая золотом (по цвету пуговиц полка) надпись: «1711 года. Шлиссельбургский и Кексгольмский гарнизонные батальоны и Рижского гарнизона цитадельский полк». На той же стороне лент, внизу под бахромой и датой, помещались кованые вензеля Петра I, при котором были сформир-

---

¹¹⁴ Вскоре перешел в Брестский полк, а его место занял майор Толубеев, переведенный из Белостокского полка.

*Грамота на знамя, пожалованное 1-му батальону
Литовского егерского полка императором Николаем I в 1846 г.*

рованы указанные гарнизонные полки. Ленты имели сверху у перегиба бант, на котором была вышита дата «1838», означавшая год пожалования лент. На внутренней стороне лент вышивалась надпись «Литовского егерского полка 1-го (4-го) батальона». На противоположной стороне размещалось кованое изображение двуглавого орла.

31 января 1847 г. в Севастополе состоялось освящение знамени 1-го батальона. Была зачитана императорская грамота. С этого момента полк обрел полноценное знамя. Это случилось впервые с 1831 г., когда вместо утраченного знамени у полка осталось лишь древко с насаженным на него навершием.

Весной 1847 г. Литовский полк прибыл в Елисаветград¹¹⁵, где планировался смотр войск с присутствием императора. Пока литовцы находились в лагере, 26 июля было получено и 10 августа — освящено знамя 2-го батальона с надписью «За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года».

4 ноября полк вернулся в Севастополь, где для литовцев опять потянулась обычная мирная жизнь с караулами, смотрами и учениями.

В конце 1848 г. 13-я и 15-я пехотные дивизии с другими частями 5-го пехотного корпуса под начальством корпусного командира генерала А. Н. Лидерса были введены в Молдавию. Этому способствовала нестабильная политическая обстановка в Дунайских княжествах. Одновременно в Валахию вступили турецкие войска под командованием генерала Омер-паши. К началу 1849 г. никто в полку не сомневался, что вскоре 13-й дивизии, которой командовал к тому времени генерал-лейтенант И. А. Обручев, предстоит новый поход. К тому времени полк располагался в Одессе, в основном неся караульную службу.

В апреле 1849 г. литовцы получили александровскую ленту и скобу для знамени 2-го батальона и такие же на знамя 1-го батальона. Последние велено было изготовить еще в 1847 г. на основании императорского указа от 25 июня 1838 г., требовавшего, чтобы при пожаловании частям знамен с особой надписью, означающей оказанное им боевое отличие, таковая надпись имела и на лентах и скобах, присвоенных этим знаменам. Таким образом, с 1849 г. знамена 1-го и 2-го батальонов полка имели александровские ленты и скобы со следующими надписями: «1711 года. Шлиссельбургский и Кексгольмский гарнизонные батальоны и Рижского гарнизона цитадельский полк. 1846 года. За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года. 1846. Литовского егерского полка 1-го (2-го) батальона».

Вместе с упомянутыми лентами и скобами была получена скоба для знамени 3-го батальона с надписью, измененной в конце текста. Вместо слов: «1838. Углицкого егерского полка 3-го батальона» были помещены слова: «1845. Литовского егерского полка 3-го батальона». Получив новые ленты и скобы, старые полк сдал в Херсонский артиллерийский арсенал.

¹¹⁵ В настоящее время — Кропивницкий (Украина).

Сражение в Ойтузском ущелье

В 1848 г. в Венгрии вспыхнула революция. Молодой австрийский император Франц-Иосиф запросил у Николая I военную помощь. Просьба была удовлетворена, и 28 апреля вышел манифест об объявлении войны Венгрии. Войска под командованием генерал-фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича перешли границу, вступив в пределы Галиции и Буковины.

К концу мая литовцы были готовы к походу. Некомплект офицеров компенсировали за счет пополнения из других полков¹¹⁶. 27 мая полк выступил в поход. В строю находились три штаб-офицера, 52 обер-офицера, 297 унтер-офицеров, 148 музыкантов, 2963 рядовых.

Из Одессы полк направился в Тирасполь, где оставил в госпитале 15 больных нижних чинов. Границу империи на реке Прут первый эшелон литовцев перешел 7 июня, второй — 10 июня. При достижении Бырлада¹¹⁷ полк получил дальнейшее направление — в Трансильванию. Заняв позиции, литовцы перешли к размеренному укладу походной жизни. Тем временем сменился командир 2-го батальона: место майора Гулдари занял майор А.-В. Х. Малер 2-й¹¹⁸.

Хотя бытует мнение, что сам ход боевых действий не отличался высокой интенсивностью, на деле в продолжение кампании произошло несколько ожесточенных столкновений с венграми, в которых русским приходилось задействовать большие силы. В начале июля появились вести о концентрации неприятеля в Ойтузском ущелье. Генерал А. Н. Лидерс решил провести наступление в этом районе, которое было поручено Литовскому полку с легкой батареей № 2 13-й артиллерийской бригады.

10 июля венгры под командованием генерала Ю. Бема силами до 5 тыс. человек вошли в район Ойтузского ущелья и расположились около села Пояна-Серате. Майор А.-В. Х. Малер приказал 2-му батальону, в составе которого находились два штаб-офицера, 11 обер-офицеров,

116 На службу в Литовский полк перешли прапорщик Султан-Крым-Гирей из Брестского пехотного полка, поручик Карнеев из Белостокского пехотного полка и прапорщик Бризгун из Виленского пехотного полка.

117 Здесь в госпиталь были сданы один офицер и шесть нижних чинов.

118 Малер 2-й, Август-Виллиам Христианович (1814–1876) — сын купца из Виндавы Курляндской губернии (в настоящее время — Вентспилс (Литва)). Службу начал рядовым в 3-м морском полку.

Медаль «За усмирение Венгрии и Трансильвании»

74 унтер-офицеров, 28 музыкантов, 727 рядовых, и приданной полусотне казаков готовиться к бою.

В 4 часа 30 минут утра 11 июля в Ойтузском ущелье раздались первые выстрелы. 2-й батальон Литовского полка вступил в бой с превосходящими силами повстанцев, проявив завидную стойкость. В начале столкновения «высланные от батальона застрельщики (штуцерные), скрываясь во рву и в кустах, покрывавших ущелье, наносили противнику заметный вред своими меткими выстрелами». Интенсивная перестрелка шла более часа. А.-В. Х. Малер правильно использовал штуцерных: прикрывшись ими, он нанес урон неприятелю, сдержал его натиск и сохранил людей, спрятав батальон в складках местности. От долетавших в егерские роты пуль пострадало всего три человека.

Однако вскоре, отказавшись от фронтальной атаки, венгры начали давить на фланги батальона, одновременно не ослабляя напора в центре. После этого А.-В. Х. Малер приказал отходить. Достигнув селения Хиржи, батальон занял дома и огороды, в которых держался еще четыре часа. Венгры подтянули артиллерию и попытались картечью выбить русских из деревни. Неожиданно 6-я рота атаковала мятежников. «Потомок славных запорожцев» поручик Глоба со своими солдатами переколол прислугу четырех орудий, и только подход крупных сил пехоты и кавалерии мятежников не дали возможности захватить пушки.

Сдерживая сильным ружейным огнем венгров, литовцы отступали по лесистой местности, однако на самом выходе из ущелья на них обрушились главные силы мятежников, которыми командовал лично гене-

*Орден Леопольда
(Австро-Венгрия)*

рал Ю. Бем. Но на помощь русским солдатам уже подходил 1-й батальон, в рядах которого было много ветеранов Даргинской экспедиции. В описании кампании в Трансильвании об этом сказано следующее: «Батальон сей был давно знаком и свыкся с опасностями боя: в 1845 г. на Кавказе ему была предоставлена князем Воронцовым честь взять все завалы при движении из Анди к Дарго и из Дарго к Гезель-аулу».

Вскоре в дело вступил и 4-й батальон. В результате наступление неприятеля остановилось.

За отличие в бою А.-Ф. Х. Малер был произведен в подполковники, пробыв в чине майора всего четыре месяца. От имени австрийского императора он был награжден военным орденом Леопольда¹¹⁹.

В сражении в Ойтузском ущелье полк потерял 37 нижних чинов убитыми и одного штаб-офицера, двух обер-офицеров и 109 нижних чинов ранеными. Об этом бое ветераны впоследствии говорили: «Хотя нас застали врасплох и мы принуждены были отступить, но сражение это славно для русского оружия. Нигде так не выражается превосходство войск и сила национального характера, как при отступлении».

В числе офицеров, попавших в Литовский полк в 1849 г., оказались весьма интересные люди. Среди них был поручик Александр Иванович Пальм (1822–1885) — в будущем известный литератор.

А. И. Пальм родился в уездном городе Краснослободске Пензенской губернии в семье лесничего. Его мать, А. А. Летносторонцева, была крепостной; ее образ А. И. Пальм оставил

¹¹⁹ Орден Леопольда — австрийская военная награда, учрежденная в 1808 г. императором Францем I. В отличие от других орденов, претендовать на которые могла только знать, орден Леопольда не требовал от награждаемого аристократического происхождения. Выдавался как за гражданские, так и за военные заслуги. В последнем случае к ордену крепились мечи.

в своем романе «Алексей Слободин». Воспитывался в Петербурге, в Дворянском полку. Окончив курс в 1842 г., был выпущен в лейб-гвардии Егерский полк, где к 1849 г. дослужился до чина поручика.

В том же году, в ночь с 22 на 23 апреля, был арестован как соучастник в деле М. В. Петрашевского. Содержался восемь месяцев в крепости, несмотря на то, что в его обвинительном акте признавалось, что «в его литературных трудах виднелась сильная любовь к России», а «в бумагах его ничего предосудительного не оказалось». Первоначально был приговорен к «смертной казни расстрелянием», но в виду принесенного им «в необдуманных поступках своих раскаяния» его присудили к переводу «тем же чином» из гвардии в армию.

Служил на Кавказе и в Крыму. В Литовском полку провел четыре года. После севастопольской кампании вышел в отставку в чине майора, позже состоял управляющим контрольной палатой, был предан суду за растрату и присужден к ссылке на житье, но через несколько лет получил обратно потерянные права.

На литературное поприще А. И. Пальм вступил в 1840-е гг. Писал небольшие рассказы и стихотворения в духе «натуральной школы». Затем его литературная деятельность возобновилась в начале 1870-х гг., когда он написал несколько прозаических произведений и пьес.

Из Трансильвании полк был выведен в Одессу. 5 апреля 1851 г. на судах Черноморского флота литовцы вернулись в Севастополь, где, как и прежде, расположились в бараче № 3 на Северной стороне.

На тот момент в Севастополе располагались еще два полка 12-й пехотной дивизии, а в Симферополе — Виленский полк той же дивизии. 22 октября 1851 г. генерал-майор П. П. Артамонов был назначен командиром 2-й бригады 12-й пехотной дивизии, а командование полком принял полковник лейб-гвардии Егерского полка князь Л. В. Гагарин 3-й. Это был болезненный человек 46 лет от роду, долго служивший «в строю», но не имевший большого боевого опыта.

В 1851 г. полк сменил гладкоствольные кремниевые ружья на ударные образца 1848 г. Это была насущная необходимость, потому что к 1849 г., как доносил императору князь И. Ф. Паскевич, «ружья наши чисткой и ружейными приемами доведены до такого состояния, что

они опаснее стреляющему из них, чем поражаемому». Существенным недостатком старого оружия была необходимость протирать ствол после каждых 20 выстрелов — в противном случае нагар не давал пуле возможность входить в него.

Поскольку кампания в Венгрии 1848–1849 гг. закончилась быстро и победоносно, успокоение от добытых побед привело к тому, что доброе начинание по перевооружению армии заглохло. Понадобился кровавый опыт Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., с ее тяжкими поражениями и глубокими разочарованиями, чтобы разрушить заведенный порядок.

Короткое мирное время

В Севастополе литовцы приступили к привычным занятиям мирного времени — учебе и караулам. Постепенно офицеры полка привыкали к Севастополю, и вскоре многие обзавелись своими квартирами, постоянным хозяйством.

Весьма интересен образовательный уровень офицеров Литовского полка того времени, типичный для любого армейского полка Русской императорской армии середины XIX в.: двое офицеров окончили Одесский Ришельевский корпус, один — Пажеский корпус, семь — Дворянский полк, девять — кадетские корпуса, 49 получили частное (чаще всего семейное) образование, трое учились в гражданских гимназиях, один — в уездном училище, шестеро происходили из кантонистов (были произведены в офицеры изунтер-офицеров). Таким образом, большая часть офицеров, как свидетельствует полковая история, относилась к категории, которая «училась понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

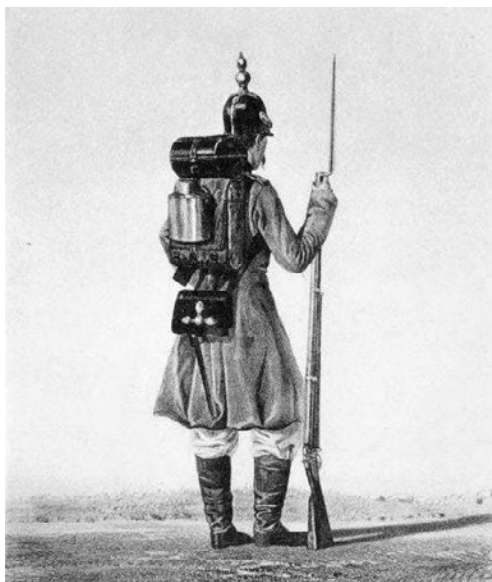
В 1851 г. в полк прибыл из резервного батальона подпоручик Равич, который отличался тем, что в строю вместо каски носил фуражку. По повелению императора он был разжалован в солдаты, но сохранил права дворянства. Пять лет ему пришлось «тянуть солдатскую лямку» на Кавказе. В 1847 г. при штурме аула Салта Равич был ранен пулей в руку и камнем в голову, «с повреждением кости». За отличие был награжден знаком отличия Военного ордена и произведен в прапорщики. Вследствие раны в голову получил личное разрешение императора вместо каски носить фуражку.

Весной 1852 г. полк покинул командир 1-го батальона подполковник Ф. М. Степанов, герой Дарго. В результате ослабленного от полу-

ченных ранений здоровья он был вынужден выйти в отставку. Вместо него командиром батальона стал подполковник Дембинский-Пиоро, прибывший из Виленского егерского полка.

Чуть ранее покинул полк и герой сражения в Ойтузском ущелье подполковник А.-В. Х. Малер. Он убыл на Кавказ, в Тенгинский полк. В 1855 г. в должности командира Шлиссельбургского егерского полка полковник А.-В. Х. Малер участвовал в обороне Севастополя, где в день штурма 27 августа отличился в бою у 5-го отделения.

Летом 1852 г. 1-й, 2-й и 3-й батальоны полка на судах Черноморского флота были переброшены в Одессу, откуда направились в лагерь к Вознесенску для подготовки к императорскому смотру.

Рядовой егерских полков в 1851–1855 гг.

КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ ЛИТОВЦЕВ: НАЧАЛО

На Закавказских берегах
Стал наводить на турок страх
Трехгранным русским он штыком
И за Чолоком заслужил
Награду славную тогда...

К. К. Павлюк

Подготовка к экспедиции

В 1853 г. началась прелюдия события, которое на долгое время стало определяющим для судеб многих стран Европы. Для одних государств оно стало предвестием возрождения, а для других — ластиком, стершим их с политической карты мира. Речь идет о Крымской войне 1853–1856 гг., в историю которой литовцы своей кровью вписали несколько славных страниц. Они были одними из немногих, кому одновременно пришлось сражаться и в горах Кавказа, и на бастионах Севастополя.

В назревшем очередном конфликте между Россией и Османской империей, поводом к которому стали ущемления православных христиан-паломников в Палестине, активное участие приняли Англия и Франция. Первая давно хотела свести на нет могущество России на Черном море и препятствовать ее выходу в Средиземное, а во Франции пришедший недавно к власти Наполеон III для укрепления авторитета жаждал военных побед; кроме того, Турция готова была идти на политические и экономические преференции для Франции за ее участие в антироссийской коалиции.

В преддверии готовящейся кампании России набирали обороты военные приготовления. В январе 1853 г. для формирования резервных батальонов полка из него были отправлены офицеры в Орел (для создания 5-го батальона) и Воронеж (для создания 6-го батальона). Оба батальона должны были войти в состав резервной бригады 13-й пехотной дивизии. 2 февраля в батальоны начали прибывать отпускные нижние чины.

С 10 февраля начались мероприятия по развертыванию 4-го пехотного корпуса, который двинулся на юг для усиления 5-го, тогда как 3-й

корпус занял освободившиеся квартиры 4-го. 14 февраля последовал приказ императора о переведении 4-го и 5-го пехотных корпусов на военное положение с доведением их численности до штатной. На повестке дня встала давняя идея высадки десанта на Босфоре.

По расчетам Николая I, в высадке десанта должны были принять участие 13-я и 14-я пехотные дивизии 5-го корпуса. Император считал, что «чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе»¹²⁰. Похожих взглядов придерживался и И. Ф. Паскевич, светлейший князь Варшавский, который 12 февраля написал императору, что успешная высадка «одним ударом ведет не только к окончанию войны, но и к ниспровержению европейской Турции»¹²¹. Тем не менее с десантом на Босфор пришлось повременить: прежде планировалось овладеть сначала Варной, а потом Бургасом. Для этого предназначались две дивизии 5-го корпуса — 13-я и 14-я — с их артиллерией. 13-я дивизия должна была погрузиться на корабли в Севастополе, 14-я — в Одессе.

С наступлением весны подготовка к операции ускорилась. Сверх положенных десяти патронов в год на солдата высочайше выделялось еще пять. Особое внимание обращалось на состояние оружия, хранение патронов в ящиках, исправность снаряжения. 16 марта в Литовском полку состоявший при корпусе генерал-майор Семенов провел проверку стрельбы застрельщиков и молодых рекрутов. Результаты были признаны вполне удовлетворительными.

К этому времени литовцы получили в Херсоне 304 новых ударных ружья и 77 тесаков нового образца. Хотя оружие получали новое, способности стрелковой подготовки оставались прежними. Ей стали уделять больше времени, но в основном это касалось только застрельщиков. Как результат — в преддверии большой войны в полку оставались солдаты, прослужившие по пять лет, но не сделавшие ни одного выстрела: на стрелковую подготовку основной массы пехоты смотрели сквозь пальцы.

До начала Крымской войны бельгийские литтихские штуцеры в войска поступали исправно, хотя и в недостаточном количестве. Но так как формирование стрелковых частей шло постепенно, вооружение

120 Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская старина. 1876. № 8. С. 675.

121 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 59–61.

успевало. Вскоре «литтихами» начали снабжать армейские пехотные и егерские полки, где их выдавали специально назначенным людям.

В 1848 г. штуцеры получил Литовский егерский полк 13-й пехотной дивизии, дислоцировавшийся в Севастополе. За ними в Херсон отправили прапорщика Гриневича, командира штуцерных стрелков полка, и подпоручика Гурского, командира нестроевой роты. Там они получили штуцеры и перевезли их в Одессу.

В каждом батальоне их полагалось иметь по 24 штуки (по шесть в роте). Кроме того, штуцеры получали два унтер-офицера. Именовались эти военнослужащие штуцерными, и в них отбирали только лучших стрелков. Всего в полку полагалось иметь восемь штуцерных унтер-офицеров и 96 нижних чинов. Они назывались действующими. Помимо этого, в каждом батальоне должны были присутствовать 24 нижних чина, обученных стрельбе из «литтихов». Их называли запасными штуцерными. Они не имели нарезных ружей и предназначались для замены действующих в случае необходимости.

Особого порядка в применении штуцерных перед Крымской кампанией не вводили: «Боевой порядок, утвержденный главнокомандующим для дивизий, составлявших Крымскую армию, был из пяти линий, первую линию коих составлял один из батальонов младшего полка дивизии в ротных колоннах, на таких интервалах, чтобы батареи, между ними расположенные, могли иметь до 30 шагов между орудиями: эта линия прикрывалась цепью штуцерников, заблаговременно собранных от полков дивизии»¹²².

В строю батальона штуцерные становились по три человека за каждым взводом роты, на расстоянии одного шага за третьей шеренгой, на линии замыкающих унтер-офицеров. При стрельбе они занимали место в общем строю, заполняя места ушедших за роту офицеров. Штуцерники использовались для стрельбы или на дальние дистанции, или для усиления цепи застрельщиков «в таком пункте ее, где требовалась наибольшая меткость стрельбы»¹²³.

Для обучения стрелковой команды Литовского полка был назначен майор Мокрыз, а его помощником — прапорщик 5-го стрелкового батальона Кирдан. Одновременно шли занятия по подготовке к десанту.

122 Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Черной 4 августа 1855 года. СПб., 1859. С. 11.

123 Гениев Н. История Псковского пехотного генерала-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881. М., 1883. С. 37.

Вещи офицеров и нижних чинов, не предназначенные для того, чтобы брать их с собой, планировалось сдать на склады. Для офицеров шились в полку ранцы, а для денщиков — сумки фламского полотна для хранения офицерских вещей.

В апреле 1853 г. архив Литовского полка перевезли из Севастополя в Симферополь для сдачи в архив Таврического губернского управления. В мае доукомплектование было закончено. В полк поступило 1517 человек: 230 унтер-офицеров, 72 музыканта, 1161 рядовой, 54 нестроевых. Император соизволил выдать на каждого из прибывших в дивизию по 1 рублю серебром.

Весной того же года специально выделенные чины полка — четыре унтер-офицера и 100 рядовых — прошли обучение стрельбе из крепостных орудий в Севастопольском артиллерийском гарнизоне.

В июне полк осмотрел начальник дивизии, нашедший, что полковой обоз содержится плохо. За это начальник команды нестроевых штабс-капитан Губский на трое суток отправился под арест. Вскоре после этого полки 13-й дивизии проверил командующий корпусом генерал-адъютант А. Н. Лидерс. Всегда питавший уважение к литовцам, он, покидая корпус, тепло попрощался с полком.

В 1853 г. полку пришлось пережить эпидемию глазной болезни. Чтобы уменьшить потери от нее, пришлось вывести 1-й, 2-й и 4-й батальоны за город, в лагерь на Северной стороне. 3-й батальон оставался в казематах Николаевской батареи. Тех, кто уже заболел, перевели в лагерь в Байдарскую долину, а затем отправили в Херсон. Кроме этого заболевания в 1853 г. полк перенес эпидемию цинги и чахотки.

Были проблемы и другого плана. В июне 1853 г. в Измаиле по приговору военного суда был расстрелян за дезертирство прапорщик Литовского полка Мильковский, пытавшийся бежать за границу.

В том же году в Литовском полку была создана полковая библиотека, которую офицеры пополняли за свой счет. Первым ответственным за ее содержание стал адъютант 4-го батальона поручик Карташов. Нужно отметить, что для Литовского полка всегда было характерно трепетное отношение к своей библиотеке. В начале XX в. она была если не лучшей, то одной из лучших в Симферополе. Экземпляры книг из ее собрания до сих пор можно найти в библиотеках Крыма и частных коллекциях.

4 сентября 1853 г. император принял решение о направлении 13-й пехотной дивизии вместе с артиллерией для действий против горцев

Западного Кавказа. Переброска должна была производиться кораблями Черноморского флота в Сухум-Кале¹²⁴. Литовский полк, как наиболее подготовленный, назначался в первый эшелон. Из обоза предполагались к отправке только патронные ящики (зарядные в артиллерии), аптеки, казначейские и провиантские повозки. Остальной обоз планировали отправить из Севастополя в Тифлис со вторым эшеленом, но уже пешим путем через Симферополь, Керчь, Тамань, Пятигорск и Владикавказ.

Вскоре это решение было отменено. Николай I приказал А. С. Меншикову обеспечить возможность одновременной отправки всех четырех полков с полным обозом. Ради того, чтобы не дробить дивизию, решили оставить в Крыму две легкие батареи 13-й артиллерийской бригады. Предполагалось, что экспедиция продлится четыре месяца, после чего последует возвращение в Крым.

Как офицерам, так и нижним чинам было приказано не брать с собой ничего, что не понадобится в походе. Каски сдавались на склад в Севастополе, вместо них оставлялись фуражные шапки. Шнуровые книги закрывались, довольствие в Симферопольском комиссариате прекращалось. После прибытия на Кавказ литовцы становились на обеспечение Тифлисской комиссариатской комиссии¹²⁵.

Перевозке в Закавказье подлежал весь личный состав полка. Лишь музыканты и хор (80 человек) прикомандировывались к резервной бригаде и оставались в Севастополе. Полковой лазарет закрывался, больные передавались в Симферопольский военный госпиталь и, в основной массе, в Севастопольский военно-сухопутный госпиталь.

Литовцам выдали дополнительный шанцевый инструмент, который должны были нести солдаты «второй шеренги». Категорически запрещалось использовать для этой цели чинов, вооруженных штуцерами, и застрельщиков. К этой категории солдат, как и к их вооружению, было самое пристальное внимание.

Личный состав полка получил по числу состоявших в нем чинов 3684 ударных ружья и 96 штуцеров. На каждое ружье полагался двойной комплект капсюлей (200 вместо 100). Всего чины полка получили с учетом запасных на случай осечек (по 20 на ружье) 907,2 тыс. капсюлей. Кроме положенных по штату патронов, полагалось взять увеличенное

124 В настоящее время — Сухум (Абхазия/Грузия).

125 Комиссариатская комиссия — учреждение, ведавшее обмундированием, вооружением и денежным довольствием войск.

количество пакли для чистки (очевидно, с учетом климата и особенностей ведения кампании в горах) и так называемой пластырной материи, применявшейся для обертывания штуцерных пуль при стрельбе на дальнее расстояние.

Одним из самых часто отмечаемых «пользователями» недостатков штуцера была его склонность при высоком темпе стрельбы «клинить» пули при зарядании в результате образования толстого слоя нагара. Еще в ходе кампании 1853–1854 гг. на Дунае это вызывало серьезные нарушения. Один из участников боев под Силистрией В. П. Коховский писал, что тогда «обнаружилось все несовершенство литтихских штуцеров, коими были вооружены стрелки. От частой стрельбы в них обнаруживался такой нагар, что дослать пулю в ствол оказывалось нередко не под силу единичному стрелку. Налегали на шомпол по двое, по трое. Нередко штуцера получали разрыв близ казенной части. Прикрепления штыков-ножей к штуцерам оказалось также не надежное. Были случаи, что ножи соскакивали с ружья и задерживались в теле приколотого врага»¹²⁶.

Воевавший на Кавказе Литовский егерский полк на себе испытал проблему забивания нарезов:

Тут надо заметить, что литтихские штуцера, коими вооружены были штуцерные, являлись в общем оружием хорошим, но после пяти-шести выстрелов нарезы в этих штуцерах так засаривались пороховой копотью, что при дальнейшем зарядании их приходилось пулю дослать в ствол ударами молотка, следствием же этого была сильная отдача при выстреле (пуля в то время для штуцеров была принята, вместо сферической, цилиндрической, с двумя выступами)¹²⁷.

В ходе боевых действий в Крыму, когда стрелять приходилось много, эта проблема стала проявляться особо отчетливо, и, наверное, нет воспоминаний участников событий, которым приходилось сталкиваться с «литтихами», кто бы об этом не сказал.

Известно высказывание Наполеона о том, что смотреть на стрельбу штуцерников — сущее мучение. Низкая скорострельность и дороговиз-

126 [Коховский В. П.] Дело 22 мая 1854 года под Силистрией. Из воспоминаний ген.-лейт. Всевол. Порф. Коховского // Русская старина. 1891. Т. 69. С. 700.

127 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 2. С. 8–9.

на штуцеров (вследствие сложности изготовления нарезных стволов) ограничивали их распространение. Поэтому примерно до 1840-х гг. в армиях большинства крупных держав, в том числе России, штуцерами были вооружены лишь лучшие стрелки. Для них основой ведения боя была точная стрельба, и потому длительная перезарядка не составляла существенной проблемы.

Чтобы освободить литовцев от занимавшей много времени и требовавшей много людей караульной службы, в Севастополь из Симферопольского уезда передвинули запасной и резервный батальоны полка. Предполагалось, что позднее их сменит перебрасываемая морем из Одессы бригада 14-й пехотной дивизии.

Десант на Кавказ

С началом Крымской войны усилилась военная активность «немирных» горских племен Северо-Западного Кавказа, рассчитывавших на помощь иностранных держав (прежде всего Англии и Турции) в своей борьбе против русского владычества.

10 сентября 1853 г. Литовский полк получил предписание начальника дивизии, требовавшего, чтобы «полк без малейшей потери времени» приступил к сборам и был в полной готовности к посадке на суда «тотчас после получения подробных распоряжений относительно такой посадки». Таковые предоставлялось право сделать вице-адмиралу В. А. Корнилову, который получал под управление все действия, связанные с переброской сухопутных войск.

13 сентября вице-адмирал В. А. Корнилов разослал командирам предписание о погрузке десанта с расписанием по кораблям. На следующий день началась погрузка. 1-й, 2-й и 4-й батальоны литовцев грузились на Северной стороне, полковой обоз грузился на пристани у гауптвахты. 3-й батальон, расположенный на Николаевской батарее, — на Графской пристани. К вечеру 15 сентября все тяжести были размещены в трюмах. С 9 часов утра 16 сентября должна была начаться погрузка личного состава. Всего были посажены на корабли 3857 нижних чинов и нестроевых при 62 офицерах.

Размещение по кораблям было следующим:

— линейный корабль «Святослав» — 1-й батальон (935 человек): командир — подполковник Дембинский-Пиоро; командиры рот: 1-я карабинерная — штабс-капитан Лавцевич, 1-я егерская — поручик

Супруненко, 2-я егерская — штабс-капитан Завадский, 3-я егерская — поручик Харитонов; грузы: четыре патронных ящика, десять провиантских телег, аптека, одна лазаретная повозка;

— линейный корабль «Ростислав» — 2-й батальон (943 человека): командир — майор Экбаум (перед высадкой его сменил подполковник Слепухин); командиры рот: 2-я карабинерная — штабс-капитан Глоба, 4-я егерская — поручик П. А. Ганский, 5-я егерская — поручик Андоньев, 6-я егерская — штабс-капитан Герман; грузы: четыре патронных ящика, десять провиантских телег, казначейская повозка, одна лазаретная повозка;

— пароходо-фрегат «Владимир» — 3-й батальон (936 человек): командир — полковник Петраш; командиры рот: 3-я карабинерная — капитан Шарый, 7-я егерская — капитан Квасиборский, 8-я егерская — штабс-капитан Соколов, 9-я егерская — капитан Буссов; грузы: четыре патронных ящика;

— линейный корабль «Ягудиил» — 4-й батальон (935 человек): командир — полковник Скобьев; командиры рот: 4-я карабинерная — капитан Романов, 10-я егерская — капитан Видгант, 11-я егерская — штабс-капитан Ольховой, 12-я егерская — поручик Попов; грузы: четыре патронных ящика, десять провиантских телег, кузница, инструментальная фура.

Командир полка со штабом разместился на пароходе «Бессарабия». Остальной обоз был отправлен на транспорте «Днестр».

Всем офицерам, чиновникам и священникам дивизии император приказал выдать «третнее жалование¹²⁸ не в зачет».

К 16 сентября полк находился на борту кораблей и был готов к отплытию. Общее командование эскадрой возлагалось на вице-адмирала П. С. Нахимова, державшего флаг на корабле «Великий князь Константин». Выбор места высадки должен был произвести вице-адмирал В. А. Корнилов, находившийся на пароходе «Владимир» вместе с 3-м батальоном Литовского полка.

Утром 16 сентября корабли покинули Севастополь и двинулись к берегам Кавказа. 19 сентября «Владимир» бросил якорь в бухте Сухум-Кале. Однако место стоянки не было предназначено для больших кораблей, и высадку решили произвести южнее — у укрепления Анаклия (Анакрия), находившегося в устье реки Ингури в Мингрелии. В Сухум-Кале высадился только 3-й батальон. С ним был оставлен обоз и весь конский состав полка — всего 1,5 тыс. человек и 562 лошади.

128 Третнее жалованье — жалованье за четыре месяца, то есть за треть года.

21 сентября вице-адмирал В. А. Корнилов произвел рекогносцировку местности в районе Анаклии. Утром 24-го числа эскадра сосредоточилась у укрепления и произвела высадку. Узнав о благополучном завершении операции, царь написал М. С. Воронцову, ничуть не разделявшему его оптимизма и очень опасавшемуся за порученный ему край: «Теперь, кажется, могу я надеяться, что не только тебе даны достаточные способы оборонять край от вторжения турок, но даже к наступательным действиям... Тебе уже должно быть известно через князя Меншикова, что турки в их сумасшествии объявили нам войну, требуя от князя Горчакова, чтобы немедля очистил Дунайские княжества. Ответ прост и короток: пусть нас выгоняют. По слухам они на сие не отважатся, но будто намерены напасть на тебя, и тут милости просим, будет чем принять и препроводить с подобающей честью».

Успешная высадка, проведенная организованно и почти без убыли в людях, конском составе и имуществе, была высоко оценена императором, высказавшим свое благоволение в числе прочих командиру Литовского полка полковнику Л. В. Гагарину и командирам батальонов полковникам Скобьеву и Петрашу, подполковникам Дембинскому-Пиоро и Слепухину.

Кроме самодержца высадку признали успешной и моряки, о чем свидетельствовала статья в журнале «Морской сборник», перепечатанная многими газетами.

Рескрипт императора Николая I князю А. С. Меншикову

3 октября 1853 г., Царское село

Князь Александр Сергеевич! Донесение ваше от 25 сентября о благополучном перевозе войск 13-й пехотной дивизии к кавказским берегам я получил с чувством искреннейшего удовольствия. Приписывая вашей распорядительности и неутомимой деятельности скорое и во всех отношениях отличное исполнение моей воли, я душевно благодарю вас.

При нынешних обстоятельствах пребывание ваше в Черном море служит залогом успеха всех мер, которые мы принуждены будем принять там, и я убежден, что, жертвуя своим спокойствием и здоровьем, вы найдете награду в мысли, что эта жертва необходима для пользы империи.

Повторяя вам искреннейшую признательность мою, пребываю к вам навсегда благосклонным.

Бой за Николаевское укрепление

Прибыв в Закавказье, 13-я дивизия оказалась оторванной от своего корпуса. По этой причине распоряжением императора ее приказано было считать временно прикомандированной к войскам Отдельного Кавказского корпуса, во главе которого стоял князь М. С. Воронцов, знавший литовцев по действиям при Краоне и Дарго. По его приказу для встречи сопровождения войск дивизии к ним прибыл подполковник Кузьмин. В связи с наличием большого числа неизвестных возбудителей инфекционных заболеваний к полку прикомандировали врача, знакомого с местной медицинской обстановкой, коллежского асессора Нотта. Мера оказалась совсем не лишней.

С 23 сентября все чины полка стали получать двойное жалование «по грузинскому окладу». Нормы питания нижних чинов были увеличены. Более того, в ненастную погоду и при длительных переходах рекомендовалось увеличивать их еще больше, в том числе за счет мясных и винных порций. Одновременно резко возросло число больных, чему причиной стало неумеренное потребление нижними чинами местных продуктов, в первую очередь винограда.

Бичом полка стало пьянство. Этому пороку был посвящен отдельный приказ командира дивизии: «С прискорбием я увидел, что нижние чины обоих полков предались постыднейшему пороку — пьянству. Должен ли я напоминать господам частным начальникам, что пьянство не только разрушает здоровье, но убивает все воинские добродетели. Вменяю в обязанность, под строжайшую ответственность, полковым, батальонным и в особенности ротным командирам принять деятельные меры к истреблению пьянства. Солдату дозволяется выпить чарку вина, но напившись допьяна [он] не должен остаться без взыскания».

27 сентября полк получил приказ и маршруты движения вглубь Кавказа. Согласно этим документам, полковой штаб, 1-й и 2-й батальоны, обоз и батарея 13-й артиллерийской бригады направлялись к Кутаиси¹²⁹, 3-й и 4-й батальоны — к Сураму¹³⁰. Во время марша категорически запрещались всякие контакты солдат и офицеров с местным населением: в крае свирепствовала эпидемия. Для этого всех отстав-

---

129 В настоящее время — Кутаиси (Грузия).

130 В настоящее время — Сурами (Грузия).

ших приказывалось подбирать и усаживать на повозки, а маркитантам и денщикам ни под каким предлогом не дозволялось следовать в хвосте колонны. Шанцевый инструмент необходимо было иметь при себе, подвергая ежедневной проверке его наличие и исправность.

Особое внимание обращалось на состояние штуцеров. Для них вводились специальные кожаные чехлы. Штуцеры разрешалось использовать исключительно в бою или для учебной стрельбы в цель. Запрещалось брать их для несения караульной службы. В этом случае стрелок получал обычное гладкоствольное ударное ружье.

В 6 часов утра 30 сентября четыре батальона Литовского полка двинулись к Редут-Кале¹³¹, откуда должны были направиться к Кутаису. Прибыв туда, литовцы сдали своих больных в лазарет 12-го Черноморского линейного батальона. Там же, в Редут-Кале, оставили одного унтер-офицера и пятерых солдат под командованием поручика Скоповского для охраны и обслуживания части тяжелого обоза, который предписывалось присоединить к полку лишь по прибытии из Севастополя на транспортах «Днестр» (92 лошади) и «Рион» (54 лошади).

Следующие несколько дней полк провел на марше на трудных дорогах Мингрелии. Окрестности поражали солдат своим непривычным видом. Вокруг были урочища, в которых стояли часто на значительном удалении небольшие поселения. На местных огородах они видели доселе незнакомые им фрукты и овощи. Население поражало необычными одеждами, а вино — кислотой и последующей сильнейшей головной болью.

4 октября полк разбил бивак в селении Марани, где стояла рота скопцов, сосланных туда из различных областей России. Село поразило своей зажиточностью, а условия были такими, что в этот же день генерал-майор А. С. Ковалевский отдал приказ, чтобы «нижние чины на месте ночлега не бродили до поздней ночи по “духанам” (харчевням) и не пьянствовали, а отдыхали».

5 октября полк пересек реку Цхенис-Цкали и вошел в пределы Имеретии. У селения Губис-Цкали полк получил приказ кутаисского военного губернатора генерал-майора князя Н. В. Гагарина. В соответствии с ним полку надлежало разделиться и двум батальонам (2-му и 3-му) двинуться в Гурию. С ними следовали восемь патронных ящиков, восемь провиантских телег и лазаретная фура.

---

131 В настоящее время — Кулеви (Грузия).

В это же время заболел и был отправлен в Кутаисский госпиталь командир 3-го батальона полковник Петраш¹³². Вместо него батальоном стал командовать бывший до этого времени старшим штаб-офицером полка майор Мокрыз. Это был ветеран 53 лет от роду, происходивший из балаклавских греков. Он служил в армии с 1817 г., начав карьеру рядовым вольноопределяющимся в Пензенском пехотном полку. Офицерский чин он получил лишь в 1833 г. Принадлежа к числу офицеров, прошедших основательную офицерскую и солдатскую школу, майор Мокрыз обладал превосходным житейским, служебным и боевым опытом.

В 6 часов утра 6 октября 1-й и 4-й батальоны Литовского полка с полковым штабом двинулись к Кутаису, куда прибыли в тот же день, расположившись лагерем вблизи города. 2-й и 3-й батальоны остались в Губис-Цкали. На следующий день литовцы сменили караулы Грузинского линейного № 1 батальона, убывшего в Редут-Кале. 8 октября покинул дивизию ее начальник — генерал-лейтенант И. А. Обручев. Тогда же шести ротам полка приказали быть в готовности выдвинуться к Усть-Цхенис-Цкальскому мосту или «куда укажет надобность».

6 октября 2-й и 3-й батальоны литовцев под командованием старшего из батальонных командиров, майора Экбаума, выступили в Гурию, куда они вошли 8 октября, перейдя на левый берег Риони. Конечной целью похода был небольшой уездный город Кутаисской губернии Озургеты¹³³, расположенный в 7 верстах от границы с Турцией. Батальоны, не входя в город, разбили бивак неподалеку.

Близость к границе стала причиной того, что литовцы первыми приняли участие в боевых действиях на Кавказе. 14 октября в Константинополе чрезвычайный совет принял решение объявить войну России. Со дня на день все ждали вторжения турецких войск, которые еще с августа сосредоточили на границе корпус под командованием Селим-паши.

В ночь с 15 на 16 октября турецкий авангард численностью 8 тыс. человек перешел в движение, направившись к пограничному посту Святого Николая¹³⁴, находившемуся у моря, возле устья реки Чолок. Этот пост был незначительным укреплением, выполнявшим таможенные функции. Он защищался двумя некомплектными ротами Черно-

---

132 Более в командование батальоном не вступал. 1 сентября 1854 г. был уволен с военной службы с мундиром и пенсией.

133 В настоящее время — Озургети (Грузия).

134 В настоящее время — Шекветили (Грузия).

морского № 12 линейного батальона численностью 255 человек, при двух орудиях. Командовал батальоном капитан Щербаков, которому после пропуска конвоя с провиантом было приказано отходить в Озургеты. Там находились два батальона литовцев, три роты Черноморского № 12 линейного батальона, часть Донского казачьего № 11 полка, местная гурийская милиция, а также четыре орудия легкой № 1 батареи 13-й артиллерийской бригады.

Ночью турки внезапно атаковали укрепление. Начальник гарнизона успел сообщить о нападении в Озургеты. Находившийся там кутаисский военный губернатор генерал-майор князь Н. В. Гагарин приказал немедленно направить на помощь гарнизону укрепления три роты 2-го батальона (4-ю, 5-ю и 6-ю егерские) под командованием майора Экбаума, придав им один взвод Черноморского № 12 линейного батальона, сотню гурийской милиции, несколько казаков и два орудия. Общее командование отрядом князь Н. В. Гагарин приказал взять полковнику Тифлисского егерского полка И. И. Карганову, боевому офицеру, имевшему орден Св. Георгия.

Утром 16 октября литовцы покинули Озургеты и скорым шагом двинулись к укреплению Святого Николая. Идти пришлось по размытой дождями дороге, реку Джуджи преодолевали вброд. В середине пути пришло известие о взятии турками укрепления и гибели почти всего гарнизона. Крайнее негодование вызвали издевательства неприятеля над русскими пленными и особенно убийство священника, отца Серафима¹³⁵.

К 2 часам дня отряд И. И. Карганова наткнулся в 2 верстах от укрепления на значительные силы турок, успевших занять позиции за завалами. 4-я рота литовцев и гурийские милиционеры были рассыпаны в стрелковую цепь и под неприятельскими пулями атаковали турок. Во время боя был смертельно ранен пулей в живот командир 4-й роты поручик П. А. Ганский. Батальонный адъютант подпоручик А. А. Глинский¹³⁶ во время передачи приказа оказался под выстрелами и был убит пулей в голову.

---

135 Иеромонах Серафим был одним из 19 священнослужителей из Херсонской, Калужской, Воронежской, Харьковской и Курской епархий и Киево-Печерской лавры, направленных по указу Синода в Балаклавский Георгиевский монастырь в окрестностях Севастополя для служения на Черноморском флоте. В Георгиевский монастырь отец Серафим прибыл в 1847 г., а в 1849 г. получил назначение в укрепление Святого Николая на Кавказе.

136 Глинский Аполлон Антонович (1827 или 1828 — 1853) — русский офицер. Сын статского советника из Московской губернии. Выпускник 1-го Московского кадетского корпуса (1848). В Литовском полку прослужил пять лет. С 1851 г. — подпоручик.

Ганский Петр Антонович (1819 или 1820 — 1853) — русский офицер. Происходил из дворян Херсонской губернии. Коренной литовец: в 1839 г. вступил в полк юнкером, в 1843 г. произведен в прапорщики. Участвовал с Литовским полком в боевых действиях на Кавказе. В 1849 г. участвовал в бою в Ойтузском ущелье. В 1850 г. был произведен в поручики. С 1853 г. командовал 4-й егерской ротой.

Поддержавшие атаку 5-я и 6-я роты выбили турок из завалов и принудили отступать до самого Николаевского укрепления. Ворваться в него на плечах неприятеля не позволила разлившаяся на пути река Скурдеба.

Перегруппировавшись, турки открыли по литовцам сильнейший артиллерийский огонь. Из-за реки Нотанеби начала стрелять неприятельская ракетная батарея. Перестрелка продолжалась до 11 часов вечера. После этого турки начали атаковать литовцев «с музыкой и криками». Роты отбили две атаки, отстояв позиции у реки. Потери и усталость войск, почти сутки находившихся на ногах, не позволили русским продолжать наступление, и И. И. Карганов отказался от попыток взять укрепление. Литовцы начали отход к Озургетам. Раненые и часть убитых вывозились на телегах.

В этом столкновении полк потерял двух офицеров и 37 нижних чинов убитыми. Тяжелые ранения получили двое унтер-офицеров и 28 рядовых, легкие — двое унтер-офицеров, двое музыкантов и 48 рядовых. Вскоре из их числа умерли от ран один унтер-офицер и 11 рядовых. Без вести пропали трое рядовых, из которых один через две недели вернулся в полк¹³⁷. Самые большие потери были в 4-й роте¹³⁸. Был убит командир роты и 29 нижних чинов. Ранения получили 63 человека.

По итогам боя главнокомандующий князь М. С. Воронцов издал приказ, в котором между прочим говорилось: «Тотчас после изменнического нападения турок на Николаевскую таможенную пограничную линию посланный от князя Гагарина полковник Карганов с тремя ротами Литовского полка встретил сильного неприятеля в лесах и завалах. Храбрые егеря пошли прямо в штыки, уничтожили все препятствия, разбили и погнали турок с весьма большой для них потерей».

---

137 Двоих других посчитали убитыми, но через несколько месяцев в полк явился рядовой 4-й роты Ф. Барчук. Рядовой С. Юдин также бежал из турецкого плена спустя пять лет и был зачислен в 1858 г. в Грузинский линейный № 1 батальон.

138 Роту временно принял поручик Городенский, вскоре сдавший командование штабс-капитану Завадскому.

Вскоре пришли награды. Майору Экбауму вручили орден Св. Анны II ст., прапорщику Попову — орден Св. Анны III ст. с бантом, подпоручику Ширяеву и прапорщику Краснопевцеву — ордена Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость». Кроме того, за боевое отличие были произведены в подпоручики прапорщик Боген, в прапорщики — унтер-офицер Карташов (из офицерских детей). Нижним чинам пожаловали 19 знаков отличия Военного ордена Св. Георгия.

Можно с уверенностью сказать, что именно прибытие Литовского полка с легкой батареей в Гурию и Мингрелию позволило русским уравновесить сложившуюся ситуацию и удержать занимаемую территорию.

В Гурийском отряде

17 октября 1853 г. полк в полном составе собрался в Озургетах. Не доставало только 11-й и 12-й егерских рот, продолжавших нести караульную службу в Кутаисе под командованием командира 12-й роты капитана Радчевского¹³⁹.

Полк составил основу Гурийского отряда. Кроме литовцев в него вошли Черноморский № 12 и Грузинский № 1 линейные батальоны, Донской казачий № 11 полк, легкая № 1 батарея 13-й артиллерийской бригады, горная № 1 батарея Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, несколько сотен гурийской, имеретинской, мингрельской и самурзаканской милиций. Задачей войск отряда стала защита Рионской области от турок и проникновения враждебных сил с Западного Кавказа.

Начальником отряда первоначально назначили полковника И. И. Карганова. Однако 28 октября князь Н. В. Гагарин лично возглавил Гурийский отряд, а И. И. Карганов стал начальником штаба.

Начались дни тяжелой службы в условиях непривычного климата. 30 октября 4-я карабинерная и 10-я егерская роты под командованием командира 4-го батальона с двумя горными орудиями выступили на передовые позиции у селения Гуриати¹⁴⁰. 31 октября туда прибыли из Кутаиса 11-я и 12-я роты, сопровождавшие полковой обоз и запасных лошадей.

---

139 Радчевский (1820 или 1821 — 1879) — военнотружаший Литовского полка. Прослужил в полку более 30 лет, из них 11 — в звании подполковника. Впоследствии был произведен в полковники и назначен командиром дислоцировавшегося в Симферополе 60-го пехотного резервного (кадрового) батальона. Похоронен в Симферополе.

140 Современное название не установлено.

Одновременно полк активно вел строительные работы по возведению жилых построек в Озургетах и обустройству порохового склада при Черноморском линейном № 12 батальоне. Тяготы службы усугублялись проливными дождями, сделавшими дороги непроходимыми из-за грязи и разлившихся рек. На работы личный состав выходил только с оружием и под командой опытных унтер-офицеров.

27 ноября расположение литовцев осмотрел начальник пехоты отряда генерал-майор З. С. Манюкин¹⁴¹. После этого полк расположился на зимовку. Условия зимы были тяжелыми. В 1853 г. из штаба Гурийского отряда было отпущено в полк 1498 полушубков, а в течение 1854 г. — еще 700. Все они к концу 1854 г. пришли в негодность. Появились болезни. Их распространение не удавалось остановить, несмотря на самые жесткие меры. В результате со дня высадки на Кавказе по 1 мая 1854 г. в полку заболело 24 офицера и 1847 нижних чинов. Из них умерли один офицер (прапорщик Станишевский) и 242 нижних чина. При этом, как это ни парадоксально, в краю, наполненном массой фруктов, в батальонах свирепствовала цинга.

Для офицеров это время стало «прозябанием в однообразной скуке», которую развеивали за карточным столом и бутылкой вина. В результате возникали конфликты. После одного из них зачинщиков прапорщика Макеева и подпоручика Скворцова пришлось предавать суду и отправлять для дальнейшей службы в другие части Кавказского корпуса.

После боя за укрепление Святого Николая турки не беспокоили Гурийский отряд. Они держали в бывшем русском форте около трех батальонов пехоты. Силы противника представляли угрозу Чехатскому мосту на реке Чолоке, имевшему стратегическое значение. Она увеличилась после создания турками нового укрепления в лесистой местности, в 4 верстах от Николаевского.

23 декабря один батальон Куринского егерского полка был выдвинут ближе к Чехатскому мосту, расположившись на реке Нотанеби. Князь Н. В. Гагарин приказал полковнику И. И. Карганову произвести рекогносцировку турецкого берега с целью определения возможности наступательных действий неприятеля в канун Рождества. Для этого И. И. Карганов прибыл в расположение 4-го батальона Литовского полка, которым временно командовал капитан Романов¹⁴².

141 Вскоре его сменил на этой должности генерал-майор Е. И. Майдель.

142 Командир батальона полковник Скобьев выбыл из строя по причине болезни.

2 января 1854 г. И. И. Карганов, взяв с собой капитана Романова, поручика Васильковского¹⁴³ и конвой из 50 донских казаков, выдвинулся к Чехатскому мосту, где его встретил начальник подразделения гурийской и имеретинской милиции князь Д. К. Гуриели. Встреча закончилась банкетом с обильными возлияниями. Через некоторое время И. И. Карганов неожиданно заявил: «А ведь что ни говорите, а все-таки без дела скучно стоять здесь». Кто-то из местных командиров вспомнил, что «в ближайшем лесу бродит партия турок человек 300». Недолго думая, участники мероприятия решили, что нужно «турку поколотить». Результатом стало событие, названное его участниками «фарсом Карганова», а в официальном рапорте — «усиленной рекогносцировкой турецкого укрепления Шекветили».

К месту событий были подтянуты пехота (куринцы) и артиллерия. Но турки встретили русских огнем четырех орудий. В результате были убиты и ранены два офицера и 24 нижних чина. Литовский капитан Романов получил тяжелую контузию в руку. Ядро, по словам очевидцев, задев его, ударило в землю и отрикошетило, «взлетев, как резиновый мяч, вверх». После боя Романов сдал командование капитану Буссову и убыл 4 января в военный госпиталь в Озургеты.

19 января 4-й батальон литовцев прибыл к штабу полка. 30 января и 23 февраля туда подтянулись 1-й и 3-й батальоны.

Во время пребывания войск Гурийского отряда на зимних квартирах последовало распоряжение князя Н. В. Гагарина о подготовке обмундирования к новым условиям войны. Еще в 1846–1850 гг. для Отдельного Кавказского корпуса была введена форма одежды нового покроя. Функциональный мундир корпуса послужил образцом для реформы обмундирования всей русской армии, проведенной в 1855–1856 гг.

Указание для литовцев исходило от князя М. С. Воронцова, с именем которого связано коренное изменение униформы и снаряжения войск Кавказского корпуса. К тому моменту они были одеты вместо мундиров с фалдами в длиннополые кафтаны, вместо касок и киверов — в папахи. Перевязи у них заменяли более практичные пояса, вместо ранцев были мешки, вместо

---

143 Офицер Литовского егерского полка, прикомандированный к штабу князя Н. В. Гагарина.

манерок — котелки. Полусабли у офицеров были заменены азиатскими шашками, которые и без того носились там раньше «по вольности дворянства». Появились так же длинные, по колено, сапоги и полушубки.

Главнокомандующий князь М. С. Воронцов приказал выдать всем полкам 13-й дивизии «невзачет товару на третью пару сапог» по числу людей, стоявших на довольствии на 8 ноября 1853 г. Одновременно он признал, что каска, в которой войска прибыли из Крыма, совершенно непригодна для войны в условиях Кавказа. Было решено, что «для походной службы в Закавказье... более удобны будут не каски, а фуражные шапки», приспособленные к климатическим условиям. Вследствие этого последовало распоряжение на зиму пришить к этим шапкам наушники, а на лето длинные козырьки; вместе с тем летом предписано было носить фуражные шапки с белыми чехлами по образцу войск Кавказского корпуса. Разрешено было так же в полках 13-й дивизии, по примеру этих же войск, носить вне службы папахи как офицерам, так и нижним чинам; первым кроме того, разрешено было вместо сабель носить азиатские шашки; словом, «расейским» войскам стремились по возможности придать внешний облик коренных кавказских бойцов того времени. На этом же основании были сданы в цейхгауз ранцы и заведены вместо них холщовые мешки. Сдали и манерки, вместо которых каждая рота получила по 50 железных котелков, которые были «пригнаны» на людей второй шеренги и предназначены для варки пищи и кипячения воды в походе, причем предписывалось неполных котелков на огонь не ставить.

Вначале 1854 г. офицерам, «чтобы сделать их менее подверженными огню неприятельских стрелков», дозволено было иметь походные шинели одного цвета и покроя с шинелями нижних чинов, с прибавлением только карманов над клапанами на боках пол и с нашивками из галуна по цвету пуговиц на плечевых погонах. Кроме того, все верховые офицеры должны были иметь эти шинели с разрезными полами сзади для удобного сидения на лошади — «словом, это был прототип современного офицерского пальто, которым хотели затушевать несколько яркость тогдашнего обмундирования, резко отличавшегося от обмундирования нижних чинов».

При вновь введенной офицерской шинели пехотным офицерам, за исключением тех, кто был обязан находиться во фронте верхом, присвоены были также особые походные портупей. Шарфов и знаков при походной шинели не полагалось, теплые воротники разрешалось пристегивать к ней, но не пришивать.

С этого времени Литовский полк стал полноценной «кавказской» воинской частью. Это было очень почетно. Вот что писал по этому поводу М. Я. Ольшевский:

Не только кавказские офицеры, но и солдаты всегда смотрели на «российские войска» с высокомерием. Первые считали себя во всех отношениях выше последних.

Нет сомнения, что кавказцы были сметливее, расторопнее, ловчее, находчивее в войне с горцами. Нельзя отвергать и того, что они были привычнее к совершению больших походов, в особенности по горам, и перенесению трудов и лишений. Но нельзя согласиться с тем, что кавказский солдат был мужественнее, неустрашимее, храбрее. Если же случалось, например, попасть вприсак люблинцу или белевцу чаще куринца или ширванца, то приписать это нужно неопытности, нерасторопности и нераспорядительности офицеров первых.

Следует отчасти винить в этом и кавказское начальство, которое не всегда умело направлять надлежащим образом войска, прибывающие изнутри империи, а иногда не поощряло их наградами по заслугам. А это возбуждало ропот и неудовольствия, доводившие иной раз до вредных последствий в общем деле. Часто вредили общему делу зависть и интриги¹⁴⁴.

Зимой полк пополнил запас патронов, значительное число которых было израсходовано ротами 2-го батальона в деле при Николаевском укреплении. Их из арсенала в Озургетах полк получил 19 116 штук.

Начальник дивизии генерал-майор И. А. Обручев провел смотр полка. Вскоре после этого его сменил в должности командир бригады П. П. Ковалевский. Командиром бригады стал, в свою очередь, бывший

---

144 [Ольшевский М. Я.] Кавказ с 1841 г. по 1866 гг. // Русская старина. 1894. Т. 82. С. 58–59, 94–95.

командир Брестского пехотного полка генерал-майор А. О. Бруннер. В конце зимы князь М. С. Воронцов покинул Кавказ, направившись в шестимесячный отпуск и временно сдав управление Кавказским корпусом генералу от кавалерии Н. А. Реаду.

Бруннер Андрей Осипович (1814–1894) — русский военачальник. Родился 14 ноября 1814 г. С трех лет воспитывался в Брянске. В 1833 г. окончил Московский кадетский корпус с малой серебряной медалью. Вторым за всю историю этого учебного заведения удостоился особенной чести — его имя было высечено на выставленной в рекреационном зале корпуса мраморной доске, куда высочайше было повелено заносить имена «отличнейших из числа выпускных воспитанников». Выпущенный в лейб-гвардии Павловский полк, служил в Санкт-Петербурге до 1843 г. За это время окончил (также с серебряной медалью) Императорскую военную академию (1838). В 1843 г. в чине штабс-капитана был откомандирован на Кавказ, где произведен в полковники. В 1848–1854 гг. — командир Брестского полка. С 1852 г. — генерал-майор. Был назначен начальником 9-й пехотной дивизии. Участник Крымской войны (1853–1856). В 1864–1872 гг. — начальник 28-й пехотной дивизии. В 1872–1882 гг. — командующий войсками Казанского военного округа. С 1872 г. — генерал-лейтенант. С 1873 г. — генерал от инфантерии. Был награжден орденами Св. Георгия IV ст. (1853), Св. Владимира IV ст. с бантом (1846), Св. Станислава I ст. и Св. Анны I ст.

10 марта 1854 г. высочайшим повелением было приказано сформировать в Литовском полку 7-й и 8-й запасные батальоны, предназначенные для подготовки рекрутов и последующей отправки их в действующие батальоны¹⁴⁵. Кадры для этих подразделений находились в Харькове, но были малочисленны, и потому пришлось для их пополнения направить из расположенных в Крыму 5-го и 6-го батальонов нижних чинов — «лучших по знанию службы и нравственным качествам».

Для дальнейшего укомплектования запасных батальонов были предназначены люди из различных частей, а также из учебных и Образцового полков. Благодаря этим мерам численность подразделений уда-

¹⁴⁵ Роты в этих батальонах именовались: 7-й карабинерной, 19-й, 20-й, 21-й егерскими в 7-м батальоне; 8-й карабинерной, 22-й, 23-й, 24-й егерскими — в 8-м батальоне.

лось довести до 600, а затем до 1 тыс. человек. Нехватку офицеров компенсировали отправкой командиров из резервных 5-го и 6-го, а вскоре и из действующих батальонов¹⁴⁶.

Все запасные батальоны дивизии образовали запасную бригаду. Ее командиром стал полковник лейб-гвардии Измайловского полка Румянцев 2-й, а после его смерти 11 июля 1854 г. — генерал-майор Тиньков 2-й. Все запасные бригады 5-го корпуса составили запасную дивизию под командованием генерал-майора П. Н. Любавского. В мае 1854 г. части этой дивизии были расквартированы в Екатеринославской губернии (штаб — в Новомосковске).

С формированием 7-го и 8-го запасных батальонов 6-й запасной батальон Литовского полка был переименован в резервный. Император Николай I пожаловал 7-му и 8-му запасным батальонам Литовского полка знамена, о чем было объявлено приказом по резервным и запасным войскам от 2 мая 1854 г.

10 марта в полк пришло известие о разрыве отношений России с Англией и Францией. Все почувствовали реальную близость большой войны. Вскоре вся Кутаисская губерния и прилегающие к ней области Закавказья были объявлены на военном положении.

В феврале Гурийский и Ахалцихский отряд были выведены в резерв и подчинены одному начальнику — тифлисскому военному губернатору генерал-лейтенанту князю И. М. Андронику 1-му — «типу типичного кавказского генерала былых времен из туземцев».

11 апреля в Озургеты прибыл сын князя М. С. Воронцова, С. М. Воронцов, с предписанием осмотреть войска Гурийского отряда и их расположение. По итогам инспекции было выработано решение очистить Озургеты и перейти в нагорную часть края. Это объяснялось тем, что пребывание в губительных условиях этого места во время разлива рек становилось небезопасным.

Все полковые и ротные обозы перешли заранее в селение Марани. 20 апреля полк был готов к переходу. Озургетский госпиталь был закрыт, а имущество и больные — перевезены в Кутаис. Заболевший еще в январе командир полка полковник Н. В. Гагарин 19 апреля покинул полк, уйдя в Пятигорск для лечения на минеральных водах. Его

---

¹⁴⁶ 13 июля 1854 г. были откомандированы из Закавказья в 7-й запасной батальон штабс-капитан Герман и подпоручик Ширияев, в 8-й — штабс-капитан Ольховой и подпоручик Сергеев.

место временно занял полковник Скобьев¹⁴⁷. Вместо него 4-й батальон принял капитан Романов. Но вскоре приказом командира дивизии Скобьева на посту командира полка сменил полковник фон Клостерман, герой сражения при Ахалцихе¹⁴⁸, прибывший из Брестского пехотного полка.

21 апреля 1854 г. литовцы в составе Гурийского отряда покинули Озургеты и направились к реке Супсе. Поход был трудным. Офицерам князь И. М. Андроников запретил иметь при себе вьюки. Три дня полк провел на Супсе, дожидаясь, пока остальные части очистят Озургеты. 25 апреля литовцы были на Чахатурских высотах, расположившись биваком у селения Чахатур¹⁴⁹ в полной боевой готовности и развернув стрелковую цепь. Предосторожность была не лишней. Стало известно, что как только Селим-паша узнал об оставлении русскими Озуржет, то немедленно двинул свои войска через дефиле у Легвы к пограничной реке Чолок. Вскоре турки оттеснили местную милицию и заняли все пространство южнее Супсы. Свой штаб турецкий командующий демонстративно разместил в Озургетах. Таким образом, на долю литовцев выпала участь несения службы вблизи неприятеля.

Начались затруднения с продовольствием. Негде было купить говядину, поэтому в котлы для нижних чинов было приказано класть просо и сало сверх положенного. Больных отправляли в госпитальное отделение в Усть-Цхенис-Цкали, рядом с которыми находились полковые склады (ими заведовал подпоручик Скоповский). Там же в полковой швейной мастерской происходила «постройка» мундирной одежды для нижних чинов. И там же с 27 апреля находился полковой обоз под командой прапорщика Катрича.

30 апреля в Усть-Цхенис-Цхали прибыл 1-й батальон литовцев. Командантом был назначен командир Литовского полка полковник Скобьев.

Постепенно турки стали занимать оставляемые русскими укрепления Черноморской линии. После того как 7 мая неприятель занял Редут-Кале, Гурийский отряд получил приказ совершить фланговое

147 К тому моменту прослужил в полку 11 лет, был награжден орденом Св. Георгия IV ст. за 25 лет выслуги.

148 Сражение при Ахалцихе — бой, произошедший 12 ноября 1853 г. у крепости Ахалцих в ходе Крымской войны между русским отрядом под командованием князя И. М. Андронникова численностью 7 тыс. человек и турецким корпусом под командованием Али-паши численностью 18 тыс. человек.

149 В настоящее время — Чохатаури (Грузия).

движение на Цвиру¹⁵⁰, а к 13 мая сосредоточиться на большой дороге, ведущей к Редут-Кале. Для усиления отряда был двинут 1-й батальон литовцев. 13 мая литовцы вступили в перестрелку с турками. 17 и 18 мая подошли 2-й и 3-й батальоны литовцев, но, совершив несколько бесполезных маневров, отряд ввергнулся в Чахатур.

Пока проходило это бессмысленное перемещение, в Рионский край прибыли из Севастополя два маршевых батальона из резервной бригады для укомплектования двух полков 13-й пехотной дивизии. Из них Литовский егерский полк получил одного унтер-офицера и 362 рядовых. Прибыли и четыре обер-офицера. Благодаря этому литовцы сумели пополнить свои несколько поредевшие к тому времени ряды. В то же время повелением императора приказано было исключить из состава полка в резервную бригаду 13-й пехотной дивизии всех офицеров, находившихся на службе в составе 5-го и 6-го резервных батальонов, а также офицеров, находившихся на излечении в отдаленных лечебных заведениях и в дальних командировках. Одновременно было велено включить в эту бригаду и всех нижних чинов, оставленных при отправлении полка из Крыма в разных лечебных заведениях, оставленных для присмотра за полковыми и ротными складами в Севастополе и числившихся в дальних командировках (например, в Образцовом полку). Таким образом, из списков полка было исключено три штаб-офицера, 34 обер-офицера, 172 нижних чина, а также ученики музыкантского хора, не взятые в Закавказье, и полковой аудитор коллежский секретарь Хорошилов.

К концу мая река Супса оказалась проходимой, и стало очевидным, что турки готовят наступление. Действительно, Селим-паша планировал смелое предприятие. Наступление турки предполагали начать движением авангарда от Озургет к Кутаису, обходя позиции русских на Аkletских высотах. Это было поручено одному из кобулетских беков, Гассан-паше Тавгеридзе, и тот пообещал своему командующему «напиться кофе в Марани и плотно поужинать в Кутаисе».

26 мая турки численностью 12 тыс. человек при четырех орудиях начали движение. Однако уже 27 мая русский передовой отряд подполковника Эривова внезапно атаковал и разгромил их. Гассан-паша был убит. Турки потеряли два орудия и до 100 человек только пленными.

В тот же день, узнав, что турки выдвинули против Эривова значительные силы, князь И. М. Андронников выдвинул на Чахатурскую по-

---

150 Современное название не установлено.

зицию 1-й батальон. Князя И. М. Андронников и Н. В. Гагарин лично прибыли на позицию литовских егерей. Начались приготовления для нанесения удара по неприятелю, ослабленному и деморализованному поражением авангарда на Нигоитских высотах.

К 30 мая на позиции были сосредоточены четыре батальона Литовского полка, четыре батальона Брестского полка, четыре батальона Белостокского полка, 1-й и 3-й батальоны Куринского полка, две роты 3-го резервного саперного батальона, четыре сотни Донского казачьего № 11 полка, грузинская конная дружина охотников, пять сотен имеретинской конной милиции, шесть сотен имеретинской пешей и шесть сотен гурийской пешей милиции, легкая № 1 батарея 13-й артиллерийской бригады. Всего — 11,5 батальона, четыре сотни казаков, одна дружина, пять сотен конной милиции, 12 сотен пешей милиции и 18 орудий.

В этот день все эти войска двинулись к реке Супса. Двое суток ушли на постройку моста. 2 июня литовцы перешли реку и продолжили движение, подойдя к вечеру на расстояние 10 верст от Огурзет, которые они оставили полгода назад. Турки начали отступать к границе. 3 июня русские вошли в Озургеты, где были взяты брошенные неприятелем значительные запасы имущества и продовольствия.

В этот же день князь И. М. Андронников провел рекогносцировку неприятельских позиций, после чего созвал военный совет.

Бой у реки Чолок

К этому времени турки расположили свои войска в трех укрепленных лагерях¹⁵¹. Вот что писал по этому поводу журнал «Русский инвалид»: «Главный турецкий лагерь расположенный на крутом обрыве, прикрывался с фронта бруствером со рвом впереди и земляными батареями. Правый фланг был обеспечен крутым и почти недоступным оврагом, а левый упирался в густой лес, в котором находились, как впоследствии оказалось, незаметные издали поросшие густым лесом глубокие овраги»¹⁵².

Противник вырыл перед лагерями рвы с насыпями и соорудил батареи. Правый фланг обороняли отряды ополчения, имевшие два орудия.

---

151 При подготовке этой подглавы использовался следующий текст: Гололобов М. А. Сражения кампании 1854 г. // Адъютант. URL: <http://adjutant.ru/crimea/mgol1854.htm> (дата обращения: 30.09.2022).

152 Русский инвалид. № 147. 4 июля 1854.

Иван Малхазович Андроников (1798–1869) — генерал-лейтенант, герой Кавказских войн, князь. В сражении на реке Чолок, нанес решительное поражение корпусу генерала Селима-паши. Награжден орденом Св. Александра Невского.

Левый фланг прикрывал густой лес, в котором оказались довольно глубокие поросшие кустарником овраги. Общая численность турецких войск доходила до 34 тыс. человек при 12 орудиях.

Ранним утром построенный в колонны отряд двинулся к турецким позициям. Пройдя лес, войска должны были перестроиться и занять позиции для атаки. Впереди шли части, предназначенные для развертывания на нашем правом фланге. Это была колонна генерал-лейтенанта Е. И. Майделя. В ее состав вошли 1-й и 3-й батальоны егерского князя М. С. Воронцова полка и 1-й и 2-й батальоны Литовского егерского полка. На левом фланге должны были действовать части генерал-майора А. О. Бруннера — 1-й и 4-й батальоны Брест-

ского пехотного полка и 3-й и 4-й батальоны Литовского егерского полка. Каждой колонне были приданы по роте 3-го саперного резервного батальона и четыре горных орудия. За левой колонной в резерве располагались четыре батальона Белостокского пехотного полка, 2-й и 3-й батальоны Брестского пехотного полка и два горных орудия. Командовал резервом полковник И. И. Карганов. За пехотой шла вся кавалерия.

Пока турки были отвлечены перестрелкой, наша пехота, выходя из леса, строилась в боевой порядок. Недостаток места для развертывания привел к тому, что генерал-майор Е. И. Майдель вынужден был сдвинуть свои части вправо и форсировать реку Чолок.

После построения отряд должен был иметь следующее расположение. Колонна генерал-майора Е. И. Майделя — 1-я линия: 1-й и 3-й батальоны егерского князя М. С. Воронцова полка и четыре горных орудия; 2-я линия: 1-й и 2-й батальоны Литовского егерского и саперная рота. Колонна генерал-майора А. О. Бруннера — 1-я линия: 1-й бата-

льон Брестского полка и 3-й батальон Литовского егерского полка; 2-я линия: 4-е батальоны Брестского и Литовского полков и саперная рота.

Легкая № 1 батарея открыла огонь по турецким укреплениям. Колонна генерала Е. И. Майделя, перейдя реку, вышла против левого турецкого фланга. Войска, занимая позиции для атаки под огнем турецкой артиллерии, несли большие потери, особенно 2-й батальон литовцев и 3-й батальон полка князя М. С. Воронцова. Ответный огонь имевшихся при колонне горных орудий был слишком слаб, чтобы подавить турецкие батареи: «Снаряды наши далеко не долетали до цели и большей частью разрывались в воздухе».

Между тем русская вторая колонна только начала выходить из леса и формировать боевой порядок. Строя ее для атаки, генерал А. О. Брунер вынужден был маневрировать на местности. Огонь противника не ослабевал, потери росли. Так, 3-я карабинерная рота Литовского полка потеряла около 20 нижних чинов. Пытаясь уменьшить потери, командир 3-го батальона Литовского полка майор Мокрыз перевел его в овраг.

Наконец князь И. М. Андроников отдал приказ об атаке, и батальоны генерал-майора Е. И. Майделя двинулись на вражеские укрепления. В помощь атакующим были направлены четвертые батальоны Литовского и Брестского полков, а также рота саперов. Им было поручено обойти правый фланг турок. Попытка турок захватить орудия штабс-капитана Рудакова была отбита 4-м батальоном Литовского полка под командованием подполковника фон Клостермана. К 8 часам утра литовцы уже два часа находились под огнем неприятеля.

Впереди шли 7-я и 8-я рота Брестского полка. Роты «быстро перешли вброд р[еку] Чолок и, осыпаемые градом пуль и картечи, начали пробираться по густому кустарнику и болоту... Приблизившись к неприятельской позиции, они с оглушительным “ура” бросились на турок в штыки»¹⁵³. 7-я егерская рота штабс-капитана Полторацкого захватила два орудия. Заняв одну батарею, егеря кинулись к другой, но были встречены залпом картечи и понесли большие потери. Турки контратаковали, и егеря были вынуждены начать отход.

На помощь могли подойти 1-й и 2-й батальоны Литовского полка, но атака велась по сильно пересеченной местности, и эти батальоны

---

153 Брюховецкий В. А. 100 лет боевой и мирной жизни 79-го пехотного Куринского полка, 1802–1902 гг.: краткие очерки из истории полка для нижних чинов. СПб., 1902. С. 118.

продвигались с большим трудом. Более того, 2-й батальон попал в заросший лесом овраг и был накрыт огнем артиллерии противника. Тяжело раненного командира батальона майора Экбаума вынесли горнист Д. Гаманюк и барабанщик П. Иванов.

Кавалерия турок, пройдя вдоль нашего правого фланга, атаковала литовцев, но была отбита огнем и штыками. Князь И. М. Андроников ввел в бой 2-й и 3-й батальоны Брестского, 4-й батальон Белостокского полков, оставшиеся два батальона воронцовских егерей и всю кавалерию. Левее атаковали 1-й батальон Брестского и 3-й батальон Литовского полков.

Русская пехота, несмотря на непрерывный огонь противника, шла вперед. Рядовой 1-й карабинерной роты Литовского полка г. Федоров и унтер-офицеры той же роты И. Егоров и Д. Попельченко захватили знамя. Три турецких орудия стали трофеями 3-го батальона воронцовцев. В это же время отряд генерал-майора А. О. Бруннера зашел туркам в тыл и попытался отрезать пути отступления. Таким образом, два из трех укрепленных лагерей противника оказались в руках русских.

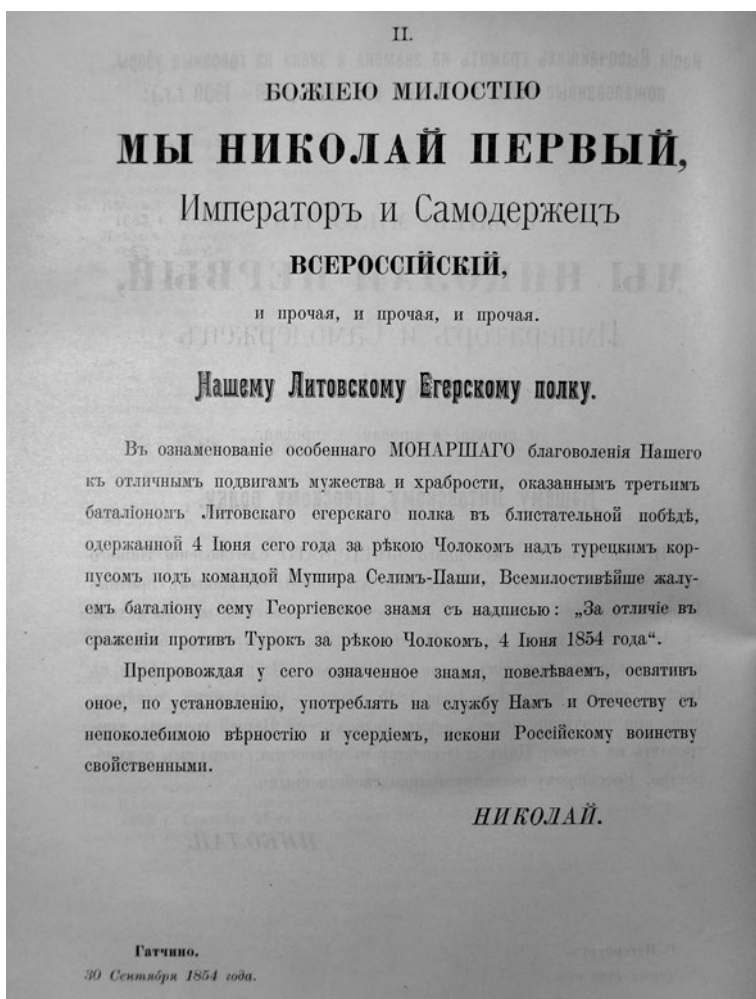
Оставалось захватить лагерь, располагавшийся у Кокутских высот. 1-й батальон Брестского полка подполковника князя И. О. Шаликова и 3-й батальон Литовского полка майора Мокрызы с честью выполнили эту задачу. Первыми ворвались на батарею, защищавшую лагерь, солдаты Брестского полка под командованием капитана Тальвинского и подпоручика Масленникова.

1-й и 2-й батальоны Литовского полка, обойдя лагерь, вышли на Кобулетскую дорогу, тем самым создав предпосылки для полного окружения турецких войск. Потери в нашем отряде были значительные.

Противник был полностью разгромлен. Турки потеряли до 4 тыс. человек убитыми и ранеными, русские потери составили более 1 тыс. убитых и раненых. Оставив батальоны воронцовцев, понесшие наибольшие потери, для сбора раненых и трофеев, князь И. М. Андроников с остальными войсками начал преследовать бегущих турок.

Среди раненых в этом бою оказался подпоручик 7-й егерской роты Ф. О. Гончаров — родственник великого русского писателя И. А. Гончарова.

Гончаров Федор Осипович (1830–1902) — русский военачальник. Окончил юридическое отделение Ришельевского лицея в Одессе (1848–1851). С 1851 г. — на военной службе в Литовском полку. С 1853 г. — в 5-м батальоне этого же полка. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. С 1859 г. — старший адъютант штаба 13-й дивизии. На-

Грамота на знамя, пожалованное 3-му батальону Литовского егерского полка императором Николаем I в 1854 г.

гражден серебряной медалью «За покорение Кавказа 1859–1864» и крестом «За службу на Кавказе». С 1870 г. — полковник, командир Воронежского резервного батальона. С 1879 г. — командир 63-го резервного батальона в Полтаве. С 1886 г. — генерал-майор, командир 2-й бригады 36-й пехотной дивизии (Орел), которой командовал до 1896 г. Был награжден орденами Св. Анны III, II и I ст. ст., Св. Владимира IV и III ст. ст., Св. Станислава II и I ст. ст. Умер от туберкулеза.

Почти одновременно с Ф. О. Гончаровым в полку служил и его брат С. О. Гончаров.

Гончаров Степан Осипович (1831–1912) — русский военачальник, член Военного совета Российской империи. Окончил Ришельевский лицей (1851) и Николаевскую академию Генерального штаба (1861–1863). С 1851 г. — на военной службе в Литовском пехотном полку. Участник кампании на Дунае (под Силистрией). Участник войны на Кавказе. С 1868 г. — полковник. В 1869 г. — начальник штаба Харьковского военного округа. С 1875 г. — генерал-майор. В 1887–1893 гг. — комендант Свеаборской крепости. В 1891–1897 гг. — помощник и исполняющий должность генерал-губернатора Финляндского княжества и командующий Финляндским военным округом. С 1897 г. — член Военного совета. С 1900 г. — генерал от инфантерии. С 1907 г. — член Верховного военно-уголовного суда, участник суда над виновными в сдаче Порт-Артура. Был награжден орденами Св. Станислава I ст. (1878), Св. Анны I ст. (1883), Белого Орла, Александра Невского.

Эта победа была отмечена заслуженными наградами. Орденами Св. Георгия IV ст. были награждены в том числе офицеры Литовского егерского полка майор Мокрыз и подпоручик Выковский. 3-му батальону 4 октября того же года за бой было пожаловано Георгиевское знамя с надписью «За отличие в сражении против турок за рекою Чолок, 4 июня 1854 года». Не были забыты и нижние чины, которым вручили 144 знака отличия Военного ордена.

Кроме этого сражения, полк принял участие и в других стычках и боях с турками, в частности в сражении на реке Ингур 25 октября 1855 г. К сожалению, на Кавказе полк понес большие потери от плохого санитарного состояния войск.

Во время пребывания полка на Кавказе сменился и командир полка: вместо князя Л. В. Гагарина (умер в результате несчастного случая 15 сентября 1855 г. во время переправы через реку Тихур) 12 декабря 1855 г. был назначен полковник Н. Н. Чихачёв 2-й. Он приступил к обязанностям с 19 сентября.

За время с 25 сентября 1853 г. (высадки на кавказском берегу) по 31 мая 1856 г. (исключение полка из Гурийского отряда) полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 21 офицера (трое убитых, восемь раненых, десять контуженных) и 406 нижних чинов (в том числе 85 убитых, 65 умерших от ран, 183 раненых, 71 контуженный, двое пропавших без вести). В тоже время от различных болезней скончались восемь офицеров и чиновников и 1820 нижних чинов полка.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ БАСТИОНЫ ЛИТОВЦЕВ

...голос чести не затих
Среди литовцев молодых...

К. К. Павлюк

Начало Крымской войны

В ходе Крымской войны Литовский полк отличился не только на Кавказе¹⁵⁴. После ухода действующих батальонов из Севастополя осенью 1853 г. в Крым прибыли уже укомплектованные 5-й и 6-й резервные батальоны. Им предстояло на протяжении 349 суток оборонять Севастополь.

Князь А. С. Меншиков, уводя войска к Альме, где решил дать бой высадившимся в районе Евпатории англо-франко-турецким войскам, практически не оставил в Севастополе гарнизон, способный в случае неблагоприятного развития ситуации оказать серьезное сопротивление неприятелю. В городе на тот момент находились лишь четыре резервных батальона 13-й пехотной дивизии (5-й и 6-й батальоны Литовского и Виленского егерских полков), четыре морских десантных батальона (№ 34, № 36, № 37 и 1-й рекрутский), две морских подвижных батареи (16 орудий), а также личный состав экипажей и команд Черноморского флота и тыловые учреждения¹⁵⁵.

Батальоны, остававшиеся в Крыму, не предназначались для непосредственного участия в боевых действиях. Имея внушительную численность в 920 человек (по 230 человек в каждой роте), они служили для подготовки пополнения и несения караульной службы. В их состав входили в основном бессрочноотпускные чины, среди которых было достаточно мало подготовленных и мало пригодных для службы людей. Как пишет о них полковая история, это были батальоны, «не имевшие ни истории, ни надлежащей физиономии, в которых люди не знали друг друга и своих командиров». Тем не менее связь батальонов с действующими полками была значительной. В них служили солдаты, кото-

---

154 Подробнее см.: Ченнык С. В. Противостояние. Часть III. Крымская кампания 1854–1856 гг. Восточной войны 1853–1856 гг. Севастополь, 2011.

155 Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Ч. I. СПб., 1871. С. 138.

рые ранее входили в состав действующих батальонов, имели награды, прониклись традициями полка.

После отправки 13-й пехотной дивизии в Закавказье в 1853 г. в Севастополе собрались все восемь резервных ее батальонов (по два от Брестского, Белостокского, Виленского и Литовского полков). С момента разрыва отношений России с Англией и Францией личный состав резервных батальонов стал привлекаться к работам по укреплению обороны Севастополя. Позднее, в позиционных боях, они оказались как раз к месту, тем более что многие из нижних чинов умели работать в качестве орудийной прислуги и хотя бы примерно знали, что и как делать на батареях.

После поражения русской армии в сражении на Альме 8 сентября 1854 г. 5-й резервный батальон Литовского полка занял оборонительные позиции на Северной стороне, которые одновременно продолжал укреплять, и с минуты на минуту ожидал атаки неприятеля.

В этой части города в распоряжении создателя оборонительных укреплений Севастополя Э. И. Тотлебена и назначенного ему в помощь для общего руководства работами контр-адмирала В. А. Истомина (как начальника над морскими батальонами) было 1,2 тыс. матросов, а также саперы, гарнизон укрепления, чины 5-го резервного батальона Литовского егерского полка и 1-го рекрутского батальона, усиленного артиллеристами Двенадцати-Апостольской батареи¹⁵⁶. Так как этих войск было недостаточно не только для боя, но даже для «демонстрации силы», 11 сентября вице-адмирал В. А. Корнилов отправил на Северную сторону четыре десантных батальона во главе с капитаном 1-го ранга Варницким «для усиления находившегося там гарнизона». На следующий день еще пять морских батальонов были свезены с кораблей туда же¹⁵⁷.

К 14 сентября в Северном укреплении на Северной стороне под командованием капитана 1-го ранга Ф. Д. Бартенева были размещены следующие войска: шесть морских батальонов (1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 1-й десантный), один рекрутский батальон, один резервный батальон, 6-й саперный батальон, 5-й резервный батальон Литовского егерского полка, команды трех артиллерийских батарей (Михайловской, Двенадца-

---

156 Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859. С. 201.

157 Там же. С. 208–209.

ти-Апостольской и подвижной № 16), три арестантские роты (№№ 44, 45 и 46). Всего — около 6 тыс. человек.

При защите Северной стороны Севастополя впервые массово были задействованы 352 человека из числа 44-й, 45-й и 46-й арестантских рот. В исторической литературе часто преподносят это событие как нечто замечательное и выдающееся. На самом деле, ничего особенного в этом нет: эти люди предназначались для использования, прежде всего, на тяжелых и опасных работах. Позднее, когда по приказу В. А. Корнилова их «расковали», большинство из них разумно использовали свой шанс стать свободными людьми: «...даже арестанты усердствуют»¹⁵⁸.

Очевидец событий вспоминал, что арестантов было много, «...и нам в диковинку было на них смотреть, как они в солдатских шинелях и в форменных шапках с бритыми лбами ходили по городу. Большинство из них усердно служили и трудились на батареях, многие определены были служителями при больных в госпитали, а некоторые, по старой привычке, пустились обворовывать дома, брошенные интеллигенцией, отправившей свои семьи внутрь России. Таких ловили, заковывали и отсылали в Киев, Харьков и др. места»¹⁵⁹.

15 сентября 1854 г. 5-й резервный батальон Литовского егерского полка под командованием майора М. И. Обручева разместился в гарнизоне Южной стороны Севастополя. Вместе с литовцами в него вошли 5-й резервный батальон Виленского егерского полка, 1-й морской батальон, 42-й флотский экипаж, 1-й рекрутский батальон, взвод 6-го саперного батальона — всего числом около 3,5 тыс. человек. После высадки союзников пехотных солдат начали обучать действиям в составе оружейной прислуги.

Обручев Михаил Иванович (1812 или 1813 — 1885) — русский военачальник, полковник. Служил в Брестском пехотном полку. 15 мая 1854 г. переведен в Литовский полк и сразу был назначен в резервную

158 Вице-адмирал Корнилов / под ред. Н. В. Новикова, П. Г. Софинова. М., 1947. С. 273.

159 Алексеев. Госпитальная жизнь в Севастополе в 1853–1856 гг. // Изборник Разведчика. Т. XVIII. СПб., 1902. С. 104.

бригаду. После войны недолгое время служил в действующих батальонах полка. С 1861 г. — командир Оренбургского линейного № 4 батальона.

6-й резервный батальон Литовского егерского полка под командованием майора С. В. Алферова 2-го находился на первой дистанции — на батарее № 10 и 7-м бастионе. Указанной дистанцией командовал генерал-майор А. О. Асланович.

Алферов 2-й, Степан Васильевич (?-?) — русский офицер. Воспитанник Дворянского полка. Начал офицерскую службу в 1836 г. в составе Севского пехотного полка. Был переведен в Литовский полк из егерского генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полка. Был награжден золотой полусаблей за отличие в сражении у селения Перед¹⁶⁰ 9 июня 1849 г. В 1857 г. был уволен в отставку 39 лет от роду.

20 сентября 1854 г. произошло усиление гарнизона. С этого дня по две роты 6-го батальона Литовского полка находились на батареях № 8 и № 10 первого отделения на Южной стороне.

К началу первой бомбардировки Севастополя 5 октября 1854 г. 6-й батальон литовцев был размещен двумя ротами на батарее № 10. По одному взводу от остальных рот находились на батарее № 8 и на Александровской батарее. Одна рота была повзводно разделена между редутом № 1 (Шварца) и 5-м бастионом.

В Городском овраге, на всем протяжении между редутом Шварца и 4-м бастионом, были построены батареи на 14 орудий и траншеи. В составе первого отделения оборонительной линии войска расположились следующим образом:

— береговая батарея № 10 — две роты 6-го батальона Литовского полка;

— Александровская батарея — полроты 6-го батальона Литовского полка;

— береговая батарея № 8 — полроты 6-го батальона Литовского полка;

— 7-й бастион — 6-й батальон Белостокского полка;

¹⁶⁰ В настоящее время — Тешедиково (Словакия).

- между 6-м и 7-м бастионами — 6-й батальон Виленского полка;
- 6-й бастион — 6-й батальон Брестского полка;
- между 5-м и 6-м бастионами — 5-й батальон Брестского полка;
- 5-й бастион — 5-й батальон Белостокского полка;
- редут № 1 (Шварца) — полроты 6-го батальона Литовского полка;

В резерв 1-го отделения, который разместился за бараками 5-го бастиона, вошли Минский полк, 33-й экипаж и дивизион артиллерии 13-й артиллерийской бригады.

В ходе бомбардировки города 5 октября 1854 г. резервные батальоны почти не имели потерь.

Забегая вперед, можно сказать, что резервные батальоны в Севастополе проявили себя самым лучшим образом, достойно искупив альминский «грех» брестцев и белостокцев, которые оставили позиции без соприкосновения с противником. К сожалению, до сих пор память об их участии в обороне крепости не увековечена в металле и камне, хотя к началу XX в. предполагалось сделать это на тех позициях, в защите которых они принимали участие. В частности — на 5-м бастионе, люнете Белкина, между батареей Бутакова и 6-м бастионом, на 6-м бастионе, на Рудольфовой горе, на месте 7-го бастиона и т. д.¹⁶¹ Это, конечно, обидно, тем более что все эти резервные батальоны относятся к 13-й пехотной дивизии — самой «родной» для Крыма из всех соединений Русской императорской армии. Остается только возлагать надежду на потомков...

Но не только малая численность гарнизона вызывала опасения. Дело в том, что защищать войскам предстояло не крепость. Защищать нужно было территорию, усиленную крепостью.

Многие обыватели, произнося слово «крепость», подразумевают хрестоматийную картину в виде высоченных стен, рвов с водой, мостов на цепях и башен с зубцами. Разочарую тех, кто так думает. Если бы Севастополь был хоть немного таким, то все, что хотелось бы пожелать гарнизону, — это успеть разбежаться по окрестным деревням и ждать, пока вражеская артиллерия сотрет с лица земли это средневековое творение, после чего сдать в плен на максимально почетных условиях.

Российские военные теоретики были не слишком высокого мнения о Севастополе как крепости: «Крепостью», даже в тогдашнем смысле слова, Севастополь и не был: с севера он был открыт; береговые его

---

161 Рерберг П. Памятники частям войск, оборонявшим Севастополь в 1854–1855 гг. // Военный сборник. 1904. № 3. С. 79–85.

батареи, правда, были, по устройству, долговременными, как и некоторые казематированные постройки восточной части ограды по южную сторону рейда, но самая эта ограда, без которой “крепость” немислима, отсутствовала; будучи уже насыпана во время осады... “Крепость” плоше тогдашнего Севастополя трудно было себе и представить»¹⁶².

Если на крепость защитникам Севастополя надеяться было нельзя, оставался флот. Пока он был в боевом состоянии и готовым к действиям, одно только его наличие считалось сильной стороной русских, равно как и огромные запасы всего необходимого для организации долгой и упорной обороны¹⁶³. «Но этот блестящий флот был обречен на бездействие, часть его судов была затоплена, а команды взяты на сухопутные батареи. С потерей сражения на реке Альме, князь Меншиков отступил сначала к Севастополю, а потом направился к Бахчисараю. Признавая энергию и способности В. А. Корнилова, все адмиралы просили его принять на себя главные распоряжения по приготовлению города к обороне. Корнилов, принимая на себя обязанности руководителя обороны, вместе с тем принял и нравственную поддержку всего Черноморского флота, что не нравилось князю Меншикову, и он, отказавшись от каких бы то ни было распоряжений, махнул рукой на все, происходившее в Севастополе»¹⁶⁴.

Теперь, когда крепость оказалась слабой, а флот — блокированным, защитникам Севастополя, оставшимся один на один с подходившим издалека грозным, но еще невидимым неприятелем оставалось надеяться только на себя и на гений военных вождей.

Подвиг литовцев на 10-й и Александровской батареях Севастополя

История батареи № 10 началась задолго до Крымской войны¹⁶⁵. Летом 1850 г. генерал-инспектор по инженерной части, посетивший Севастополь, составил подробный отчет о поездке, одобренный лично

---

162 А. П. К вопросу: «Возмещают ли крепости недостаток численности войска» // Военный сборник. 1894. № 4. С. 311.

163 Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London, 1859. P. 198.

164 Библиография. Обзор исторических статей в русских журналах // Военный сборник. 1894. № 4. С. 96–97.

165 Подробнее см.: Ченнык С. В. Указ.соч.

Награды нижнего чина за участие в обороне Севастополя. Знак отличия военного ордена Св. Георгия, медаль «За защиту Севастополя 1854–1855 гг.», медаль «В память войны 1853–1856 гг.»

Николаем I. Император счел, что 10-я батарея надежно перекроет вход на Севастопольский рейд и подходы к нему. Однако недовольство вызывало состояние защиты горжевой¹⁶⁶ части в случае возможной атаки десанта противника. В результате было предписано исполнить ряд конкретных указаний.

Прежде всего, 10-я батарея должна была быть укреплена углублением рва и увеличением высоты брустверов. При этом надлежало обеспечить фланговый обстрел рва. В этом документе впервые устанавливались численность и постоянное размещение на укреплениях войск для защиты от вражеского десанта. На 8-й и 10-й батареях должно было находиться два батальона, в том числе резервный батальон Литовского полка численностью 400 человек, под начальством генерал-майора В. С. Пихельштейна.

Батарея имела длину по фронту 200 саженей и предназначалась для защиты Карантинной бухты и действию во фланг и тыл неприятельским кораблям, пытающимся прорваться вглубь Севастопольской бухты¹⁶⁷. По

---

166 Горжевая часть — тыльная сторона укрепления.

167 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / под ред. Н. Дубовина. Вып. III. СПб., 1872. С. 323.

оценке американского военного инженера Р. Делафилда, батарея была очень удачно вписана в оборонительную систему Севастопольской крепости, взаимодействуя с Александровской и Константиновской батареями¹⁶⁸.

К началу Крымской кампании батарея входила в первую дистанцию оборонительных укреплений и играла важную роль в защите Севастопольской крепости с моря, имея на вооружении порядка 60 орудий. Из них: две — трехпудовые¹⁶⁹ пушки образца 1838 г.; 29 — 36-фунтовых¹⁷⁰ пушек; 12 — однопудовых единорогов; шесть — пятипудовых мортир¹⁷¹.

Прислуга батареи состояла из 277 человек, в основном артиллеристов Севастопольского артиллерийского гарнизона (роты №№ 2 и 3). Артиллерией руководил командир роты № 2 подпоручик Л. Г. Зяким, «молодой, энергический, преданный своему оружию офицер»¹⁷². Левым флангом батареи командовал лейтенант Папа-Егоров. Командовал батареей талантливый морской артиллерист капитан-лейтенант А. Н. Андреев. Благодаря его энергии в самые напряженные минуты обстрела огонь батареи не прекращался.

5 октября 1854 года в 6:30 утра противник открыл с осадных батарей огонь по городу. Началась первая генеральная бомбардировка Севастополя. Сражение для батареи № 10 состояло из двух частей. Вначале ей пришлось вести борьбу с французской четырехорудийной батареей, расположенной на территории городища Херсонес Таврический на южной стороне Карантинной бухты, а потом и с кораблями, бой с которыми начался тремя часами ранее основного сражения.

В 9 часов утра неприятельская артиллерия открыла амбразуры и повела огонь по 6-му бастиону. Вот как описывает участник сражения эмоции артиллеристов, составлявших большую часть орудийной прислуги, в начале боя. Действительно, поражаешься русскому характеру: «Орудийная прислуга батареи № 10 с воплем какой-то дикой радости, с какой-то лихорадочной живостью бросилась к орудиям сухопутного фаса»¹⁷³.

---

168 Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington, 1860. P. 38.

169 Пуд — старинная русская мера веса, равная 16,38 кг.

170 Фунт — старинная русская мера веса, равная 0,41 кг.

171 Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956. С. 98–99.

172 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 330.

173 Там же. С. 368.

А как обстояли дела у литовцев? Частично у пушек действовали и пехотинцы, и это, пожалуй, один из забытых подвигов Литовского егерского полка. Так, на батарее не хватало прислуги, и у одной из мортир во время сражения работал солдат из одного из резервных пехотных батальонов. Оказалось, что не зря незадолго до войны чины резервных батальонов 13-й пехотной дивизии прошли курс артиллерийского обучения. В разгар сражения батарея отвечала на каждый неприятельский выстрел двумя-тремя своими¹⁷⁴.

До этого солдат стоял у будки, где находился ящик с ручными гранатами на случай штурма с суши. В самом начале боя неприятельская бомба взорвала гранаты, не причинив никакого вреда часовому. Работая у орудий, он одновременно оставался на своем посту, покуда не был сменен.

Кроме ручных гранат, на батарее № 10 было взорвано два ящика со снаряженными бомбами, стоявшими на валганге¹⁷⁵ за орудиями, но, к счастью, эти взрывы не нанесли никакого вреда. Постепенно артиллеристы вполне освоились под огнем. Действия гарнизона стали взвешенными и спокойными:

Все, кто не мог принять прямого участия в стрельбе, следили за действием выстрелов; каждый попавший снаряд производил общий восторг, был приветствуем общими одобрительными восклицаниями, как будто бы этими выстрелами решалась судьба общего боя, вопрос, быть или не быть Севастополю. По недостатку ли опытности, или по общему увлечению, никто не думал, что сегодня, и завтра, и потом почти целый год будет продолжаться этот же самый бой...

Впоследствии, когда все, что называется, пристрелялись, мы уже не увлекались так, не горячились, не бросали снаряд за снарядом без счета. Спокойно и медленно мы отвечали едва одним выстрелом на пять неприятельских и не иначе, как совершенно точно наведя орудие и обусловив все шансы наилучшего действия выстрела. Но такая опытность приобретена [была] нами лишь после нескольких недель боя. В первом же деле ув-

---

174 Там же.

175 Валганг — верхняя поверхность вала укреплений, на которой располагается оборонительная позиция, служащая для прикрытия на ней войск и орудий с внешней стороны.

лечение было чрезмерно, страсти находились в полном разгаре. Однако при всем увлечении, несмотря на расстояние — свыше 600 сажень, на котором из полупудового единорога даже на практике попадает едва 10 процентов, — несмотря на весьма косвенное расположение неприятельской батареи, прикрываемой притом с фланга, как бы башней, круглой печью для выжигания извести, три орудия из этой батареи не более как через час были уже сбиты. Но одно орудие, ближайшее к печи, и потому наилучше прикрытое со стороны батареи № 10, оставалось еще более часа, хотя стреляло только изредка, как бы украдкой, когда огонь нашей батареи смолкал, чтобы дать разойтись дыму и посмотреть, где и что делают корабли. Артиллеристы нашей батареи прозвали орудие в шутку «запечным сверчком» и, когда раздавался снова свист вылетающего из него снаряда, говорили: «Сверчок-то наш еще посвистывает», — и опять наводили туда три или четыре орудия и забрасывали его снарядами. Но, как только умолкала пальба, «сверчок» вновь отзывался из-за своей печи и снова вызывал против себя учащенные выстрелы¹⁷⁶.

Второй этап боя начался после того, как в 12 часов 40 минут батарея, в зону действия которой вошли французский линейный корабль «Шарлемань» и другие, открыла по ним огонь¹⁷⁷, а в 13 часов 10 минут¹⁷⁸ уже неприятель начал ответную стрельбу по батарее № 10. Ей пришлось принять на себя главную тяжесть боя с французскими кораблями, которые сосредоточили на ней огонь своих орудий, «подавляя множеством ядер»¹⁷⁹.

Как ни странно, русским помогло то, что теоретически должно было мешать. Пороховой дым, которым были окутаны корабли, поднимался вверх и расплзался по морю. Он был таким плотным, что, говоря словами очевидца, «на близком расстоянии человека рассмотреть было невозможно»¹⁸⁰.

---

176 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 369.

177 Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Указ.соч. С.104.

178 Там же. С. 105–106.

179 Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. 1856. Т. XXII. № 7. С. 246.

180 Рассказ севастопольского матроса в Москве // Московитянин. 1856. Т. 2. С. 144.

Артиллеристы противника не могли наблюдать за падением снарядов и корректировать свою стрельбу. Артиллеристы же береговых батарей успели пристреляться. Кроме того, корректировать стрельбу им несколько помогли вспышки выстрелов корабельных орудий. Совершив несколько попаданий, русские повели огонь с максимальной скорострельностью¹⁸¹.

Батарея с первых минут боя стала наносить тяжелые повреждения французским кораблям. Особенногодились две бомбовые пушки, которые защитники батареи еще до начала событий попытались усовершенствовать. Их переставили с обычных лафетов на элевационные станки, называемые также «неуклюжими ящиками». Придав орудиям угол возвышения 45 градусов, артиллеристы таким образом надеялись повысить эффективность стрельбы: «Дальность получилась удивительная, кажется верст пять, если не больше, но возможность попасть в цель и, следовательно, употребить с пользой в действительном бою эти орудия сделалась столь же удивительной, если не вовсе невысказанной»¹⁸².

Через час положение на батарее усложнилось, брустверы оказались сильно разрушенными и постепенно все меньше укрывали расчеты артиллерийских орудий, увеличивая потери¹⁸³. Больше половины линейных кораблей французской эскадры, в том числе «Шарлемань» (45 орудий), «Марсель» (43 орудия), «Монтебелло» (60 орудий), «Алжир» (43 орудия), «Фридланд» (63 орудия) и «Маренго» (43 орудия), вели огонь только по батарее № 10! Легко посчитать, что количество орудий любого из этих кораблей было больше, чем на батарее. Вдобавок к этому, «делили» между собой батареи № 10 и Александровскую корабли «Наполеон», «Баярд», «Генри IV», «Сюффрен», «Валми», «Жан Барт» и «Виль-де-Пари». Правда, русским было не до перечисления этих шумных наименований: «Сколько именно — мы не считали, потому что было некогда, да и ни к чему»¹⁸⁴.

Но это была только одна часть проблемы. Вторая состояла в том, что большая часть французских кораблей сосредоточила свой огонь на левом выступающем фесе. Таким образом, если и было среди берего-

---

181 Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Указ.соч. С. 104–106.

182 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 368.

183 Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля). С. 246.

184 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 369.

вых батарей место, где шансы для выживания были минимальными, то оно находилось именно там.

В дополнение к этому, английский адмирал Эдмунд Лайонс¹⁸⁵, прогнавшись со своим флагманским «Агамемноном» почти к линии заграждения, начал поражать северный фланг батареи залпами из 40-45 орудий одного борта¹⁸⁶. На этом фоне сухопутная французская батарея на территории Херсонеса казалась самой незначительной из проблем. Очевидно, что уцелеть у батареи № 10 шансов было мало.

Если и были в этот день герои — это артиллеристы 10-й береговой батареи. Первым под ее огонь попал «Шарлемань». Его 45 орудиям русские противопоставили целых... четыре орудия левого выдающегося закругленного фаса батареи. В их числе были пушки «с отрезанными до половины средними лафетными брусками с подъемными винтами и их матками»¹⁸⁷.

Линейный корабль начал подходить к берегу, изготавливаясь к стрельбе. Чтобы снизить вероятность попаданий по нему, его несколько раз поворачивали к берегу кормой или носом. На русских эти маневры особого впечатления не производили. Им было просто не до того: «Предвидя бой на близкую дистанцию, нужно было установить под орудия бруски и клинья, заменявшие отрезанный винт. Работа эта отняла у нас столько времени, сколько необходимо было кораблю для приближения на 450–500 сажений от батареи в таком направлении, что против него было можно стрелять с батареи № 10 только из трех однопудовых единорогов и одного полупудового, предназначенного для обстрела Карантинной бухты»¹⁸⁸.

Соотношение сил было поразительным — 45 к 4. К тому же, пока русские суетились у орудий, «Шарлемань» получил подкрепление в виде еще одного линейного монстра — «Марсея», из-за носа которого высовывался бушприт буксировщика — парохода «Панама». Теперь соотношение оказалось еще более внушительным — 85 к 4¹⁸⁹. Для борьбы

---

185 Лайонс, Эдмунд, 1-й барон Лайонс (1790–1858) — британский адмирал и дипломат, участник Крымской войны. Под его непосредственным руководством британский флот подверг бомбардировке Севастополь.

186 Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля). С. 246.

187 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 371.

188 Там же. С. 370–371.

189 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 371.

против «Марсея» (на котором находились 40 или 43 орудия) на батарее пушек не было.

Вскоре своим ходом к берегу подошел 120-пушечный корабль «Монтелло», начавший продольно простреливать батарею. Против 50-60 орудий одного его борта батарея сумела противопоставить целых семь пушек левого фаса, действовавших с дистанции 525–550 сажений. А потом линейные корабли пошли непрерывной колонной, и артиллеристы считать их перестали.

На батарее разразилась преисподняя, но ее защитники не покидали орудий, продолжая вести непрерывный огонь по неприятелю. Дошло до того, что в какой-то момент из-за десятками врезающихся в батарею снарядов чины, выделенные для доставки зарядов и ядер, не могли пройти к складу снаряженных боеприпасов. Не придумав ничего лучшего, русские прибегли к экспромту, снарядив пушки бывшими под рукой пустотелыми гранатами, в которых вместо порохового заряда был обычный песок. По сведениям Бабенчикова, их готовили для стрельбы из бомбовых пушек с переделанными станками в качестве ядер для стрельбы на максимальную дистанцию. Ими стали стрелять по «Шарлеманю» и... попали. Одно из таких «ядер» французы нашли после боя на палубе линейного корабля, что позволило им сделать вывод о критическом положении с порохом в крепости¹⁹⁰.

Еще одним свидетельством развитой инженерной мысли русских морских артиллеристов стал «мгновенно придуманный ими ускоренный способ стрельбы, избежав накатывания». Сами по себе накатывание и повторная наводка орудия занимали много времени и значительно снижали темп стрельбы. Артиллеристы, чтобы избежать этой процедуры,

не подкладывая же гандшпигов, достигали того, что накатившееся орудие само собою, по собственной тяжести, накатывалось на место к брустверу по наклонным рельсам поворотной платформы так скоро, что № 1 с банником успевал лишь вскочить на крону бруствера и в ту же секунду начать банить орудие. За ним всходил № 2, подававший заряд и снаряд, по досылке которых орудие было уже совершенно готово к выстрелу, потому что оно, находясь на месте, наводилось во время самого заряжания. Через это достигалась возможность делать выстрелы весьма часто,

---

190 Там же. С. 355.

так что в минуту, или даже скорее, успевали делать по выстрелу все четыре орудия, а в шесть часов времени было сделано от 240 до 300 выстрелов каждым из этих орудий¹⁹¹.

Бой продолжался. Самый «лакомый» кусок пирога доставался флагману, ставшему на якорь в 100–150 саженях от «Монтебелло». «Виль-де-Пари» и «Жан Барт» расположились перед фронтом батареи и должны были с расстояния 500 саженей воздействовать на фронт, продольно простреливая левый выступ. В действительности же они занимались Александровской батареей.

По «Парижу» действовали 11 36-фунтовых пушек со среднего фаса батареи. Они стреляли только ядрами, что было малоэффективно. «Жан Барт» обстреливали шесть орудий среднего фаса и один единорог¹⁹².

Происходившее описывалось следующим образом:

...Следовало защищать честь оружия, дух войска, честь и славу отечества. Нужны были невероятные усилия... Прислуга для ускорения стрельбы порешила вовсе не прикрываться бруствером. Смутно сознавалось, что при такой громадной силе неприятеля бруствер был ничтожной защитой. Заряжать, прикрываясь им, было бы и бесполезно, и неудобно, и медленно, тогда как была необходимость стрелять как можно скорее, чтобы быстротой стрельбы вознаградить слишком малое число орудий. Сознавалось, что ежели надлежало погибнуть неминуемо, то следовало погибнуть достойно и мужественно, не рассчитывая ни на прикрытие, ни на соразмерность сил, а нанося врагу возможно большее поражение в высшей степени ускоренной пальбой из тех немногих орудий, которыми приходилось отбиваться от неприятеля¹⁹³.

Правда, подобная «изобретательность» имела целых две оборотные стороны. Первая состояла в том, что номера, постоянно находившиеся на бруствере, подвергались риску с большой долей вероятности быть убитыми или ранеными. При этом никакие уговоры начальников

191 Там же. С. 387–388.

192 Там же. С. 372–373.

193 Там же. С. 355.

не подвергать себя напрасному риску на разгоряченных боем матросов и солдат уже не действовали.

Вторая сторона заключалась в том, что от частых выстрелов к 16 часам орудия, несмотря на частое их смачивание, до того разгорячились, что капитан-лейтенант А. Н. Андреев был вынужден на некоторое время приостановить стрельбу. Дело в том, что моряки, обученные правилам морского боя и к этому привычные, стреляли не так, как надо, а так, как от них всегда требовали суровые начальники и беспощадная морская служба.

В морских сражениях, вследствие особых условий, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что атакованный не может оставаться слишком долго в углах обстрела атакующего. Кроме того, прежние опыты указывали, что стрельба из гладкоствольных орудий могла быть действительна только на близких расстояниях. Эти условия и легли в основание принятой на море простой тактики, свойство которой состояло в том, чтобы в наименьшее время выбросить наибольшее число снарядов, а потому все упражнения с артиллерией в мирное время на кораблях имели одну цель, то есть достигнуть самой скорой стрельбы, чему много способствовали сноровка и ловкость наших матросов, легко обращающихся с тяжелыми для того времени орудиями¹⁹⁴.

Французы, жестоко избиваемые батареей № 10, допустили ошибку, не позволившую им стереть ее в порошок:

Французское командование, упустив время для пристрелки, допустило и другую ошибку. Вместо того чтобы сосредоточить весь огонь по наиболее важному объекту — орудиям береговых батарей, — оно рассредоточило его. Орудия крупных калибров (бомбовые пушки), находившиеся на нижних деках (палубах), должны были разрушить подошву земляного бруствера батареи № 10, сбить орудия и лишить орудийную прислугу защиты; орудия среднего дека вели стрельбу непосредственно по орудиям

---

194 Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии: Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891. С. 3–4.

ям батареи № 10, и, наконец, орудия верхнего дека — по району расположения батареи с целью уничтожить здесь все живое, а также пресечь помощь батарее извне. Однако противник, не зная точного расстояния до батареи № 10 и не пристрелявшись, посылал снаряды из орудий нижнего дека не в бруствер, а ниже, в скалистый берег, отражаясь от которого, они поднимали перед батареей фонтаны воды. Орудия средних деков стреляли с большим перелетом (после боя на территории батареи было найдено 2700 ядер и неразорвавшихся бомб и большое количество осколков). Пушки верхнего дека били слишком высоко, их снаряды ложились за батареями, где не было ни орудий, ни личного состава. Лишь отдельные ядра и бомбы падали в расположении батареи¹⁹⁵.

Гарнизон крепости увидел, что батарея № 10 превратилась в огненный вихрь и сообщение с ней прервалось: «Неприятельские снаряды, перелетая через нее, рикошетировали на местности и ложились перед 6-м и 7-м бастионами в таком огромном количестве, что превратили с ней всякое сообщение»¹⁹⁶.

Неудивительно, что все решили, что батареи № 10 больше не существует: «Не имея никаких сведений с этой батареей, можно было подумать, что она уничтожена, что орудия ее, действовавшие через банк, сбиты, а прислуга с прикрытием, состоявшим из двух рот, не имевших безопасного помещения, погибла»¹⁹⁷.

В Севастополе даже подумали, что на батарею уже вошла французская пехота и срочно выставили два батальона у оборонительной стены между 6-м и 7-м бастионами на случай неприятельской атаки с суши со стороны батареи № 10. Каким же было удивление, когда уже в сумерках с батареи вернулся добровольно отправившийся на нее лейтенант П. П. Троицкий и доложил, что батарея не только жива, но продолжает действовать, а понесенные ей потери не столь значительны, как это казалось¹⁹⁸.

Деятельность батареи № 10 получила высокую оценку руководителей обороны Севастополя. Адмирал П. С. Нахимов на следующий день прибыл на батарею и обратился к артиллеристам с такими словами: «Вы

---

195 Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Указ.соч. С. 104–106.

196 Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 322.

197 Там же.

198 Там же.

защищались, как герои, вами гордится, вам завидует Севастополь. Благодарю вас. Если мы будем действовать таким образом, то непременно победим неприятеля. Благодарю вас, от всей души благодарю вас»¹⁹⁹.

Даже до царя дошла весть о славной батарее № 10. Вскоре А. С. Меншиков получил письмо, в котором между прочего говорилось: «Чисто непонятно мне, как батарея № 10 могла уцелеть. Думаю, что командир ее заслужил Георгия 4[-й степени]. Вели собрать при досуге думу и определи, кому справедливо дать; прислуге этой батареи дай по 3 рубля на человека, а прочим всем в деле бывшим — по 2 рубля. Да сверх тобой данных крестов нижним чинам дай еще от меня по пяти на батарею. Бог с вами, да хранит вас Господь и да даст православным победу над врагами. На веки твой искренно доброжелательный».

*Штаб-офицер пехотных полков
в обычной походной форме в 1855 г.*

Осада

Почти всю оборону города литовцы провели в составе гарнизона Севастополя, иногда в самых тяжелых условиях. Особенно трудно им пришлось осенью 1854 г., когда пошли холодные дожди, чередовавшиеся со снегом.

Вскоре после сражения на 10-й батарее оба резервных батальона Литовского полка перешли в распоряжение начальника артиллерийских гарнизонов Южного округа генерала В. С. Пихельштейна, который получил приказ заведовать береговыми батареями и Северным укреплением.

¹⁹⁹ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Указ.соч. С. 107–108.

*Генерал, состоящий по армии,
в праздничной форме в 1855 г.*

В соответствии с приказом военного министра № 3 от 3 января 1855 г. было принято решение о разделении каждой бригады резервной дивизии 5-го корпуса на два полка четырех-батальонного состава. Первый полк, в состав которого вошли резервные батальоны пехотных полков, стал именоваться резервным пехотным, а второй, в состав которого, соответственно, вошли резервные батальоны егерских полков, — резервным егерским. Этим планировалось улучшить управляемость резервных бригад²⁰⁰, приблизив их по организации к армейским. Командиры этих бригад стали считаться и командирами первых полков (пехотных); для коман-

дования же егерскими полками назначались наиболее опытные штаб-офицеры, бывшие кандидатами на должности полковых командиров.

Таким образом, 5-й и 6-й резервные батальоны Литовского егерского полка вместе с 5-м и 6-м резервными батальонами Виленского егерского полка образовали резервный егерский полк 13-й пехотной дивизии. Командиром этого полка 7 марта 1855 г. был назначен полковник Пахомов 1-й, переведенный из Брестского пехотного полка. 15 мая Пахомова на должности полкового командира сменил подполковник барон Бильский, переведенный из Охотского полка.

В апреле литовцы несли дозорную службу при закладке контр-апрошей²⁰¹ у 5-го и 6-го бастионов.

200 О резервных бригадах генерал Г. А. Леер говорил так: «Наши запасные и резервные бригады в Крымскую кампанию — бригады лишь по названию, а в сущности полки восьмibatальонного состава, — отличались крайней неудобоправляемостью и представляли собой вполне аномальные тактические организмы».

201 Контр-апроши — окопы, которыми осажденные ограждают себя от приближающегося со своими земляными работами неприятеля.

Личный состав 5-го батальона, имевший опыт работы у орудий и насчитывавший 532 человека в строю, отправился на усиление артиллерийской прислуги и был рассеян по всей линии обороны.

6-й батальон продолжал оставаться на батарее № 10. Его чины в основном использовались на работах по изготовлению патронов, лабораторных работах, в качестве кашеваров, хлебопек, плотников, портных, сапожников, ездовых и на прочих тыловых работах.

Все это время при резервной бригаде находился и музыкантский хор, оставленный в Севастополе после ухода Литовского полка на Кавказ. К концу обороны из его состава в строю оставалось всего 11 унтер-офицеров и 17 рядовых. Все они приказом по полку № 357 получили серебряную медаль на георгиевской ленте «За защиту Севастополя».

После первого штурма Севастополя 6 июня 1855 г. 6-е резервные батальоны Литовского и Виленского полков встали в готовности на правой стороне оборонительной линии (первое отделение, батарея № 10) под начальством генерал-лейтенанта Семякина.

В день второго, последнего, штурма Севастополя 27 августа 1855 г. 6-й батальон, в котором к тому моменту в строю оставалось 400 человек, действуя в составе прислуги у орудий, обеспечивал огонь батареи № 10 по неприятельским канонерским судам. Когда французская пехота взяла Малахов курган и русская оборона рухнула, литовцы получили приказ оставить город. В 8 часов вечера они покинули свою батарею и через батареи № 7 и № 8 отправились к памятнику А. И. Казарскому в центральной части города. Там они остановились и стали ждать своей очереди для перехода по понтонному мосту на Северную сторону Севастопольской бухты. Перейдя на другой берег, литовцы двинулись

Рядовой пехотных полков в 1855 г.

*Знак отличия на головные уборы чинов
51-го пехотного Литовского полка*

к Северному укреплению, обошли его слева и расположились биваком, не доходя до деревни Учкуй, рядом с полками 10-й дивизии.

В Крымской кампании резервная бригада 13-й пехотной дивизии потеряла убитыми, умершими от ран, ранеными и пропавшими без вести 5511 человек. В их числе было немало литовцев, в частности три офицера 5-го батальона: майор Волоцкий²⁰², штабс-капитан Г. В. Малафеев и поручик Скородумов²⁰³. 6-й резервный батальон потерял поручика И. А. Кохановского. Из них только майор Волоцкий не служил ранее в действующих батальонах. Кроме того, без вести пропал прапорщик 5-го резервного батальона Иванов, произведенный в офицерский чин из унтер-офицеров за боевое отличие 11 мая 1855 г.

Малафеев Гавриил Васильевич (1809 или 1810–1855) — русский офицер. Происходил из крестьян Владимирской губернии. Начал службу в 1831 г. в лейб-гвардии Литовском полку. В 1842 г. произведен из унтер-офицеров в прапорщики с переводом во Владимирский пехотный полк. В 1853 г. в чине поручика был переведен из Брестского пехотного полка в Литовский егерский полк, в котором был за боевое отличие произведен в штабс-капитаны. Исключен высочайшим приказом от 27 января 1855 г. как умерший от ран.

За храбрость и мужество, проявленные в ходе Крымской войны, 1-й и 2-й батальоны Литовского полка были награждены знаком отличия на головные уборы с надписью «За отличие в 1854 и 1855 годах», 3-й батальон получил Георгиевское знамя с надписью «За сражение против турок за рекой Чолоком 4 июня 1854 года», 4-й батальон наградили зна-

202 Волоцкий 1-й (?–1855) — майор Литовского егерского полка. 23 августа 1854 г. был переведен в 5-й резервный батальон из Тамбовского внутреннего гарнизонного батальона. Исключен высочайшим приказом от 27 апреля 1855 г. как умерший от ран.

203 Скородумов (?–1855) — поручик Литовского егерского полка. Был переведен в Литовский полк из Люблинского егерского полка в чине подпоручика. Чин поручика получил за боевое отличие в Севастополе. Исключен высочайшим приказом от 16 мая 1855 г. как умерший от ран.

ком отличия с надписью «За отличие в 1854 году», а 5-й и 6-й — Георгиевским знаменем с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах» и знаком отличия на головные уборы с надписью «За Севастополь с 13 сентября 1854 по 27 августа 1855 г.».

Кохановский Иван Андреевич (1832 или 1833–1854) — русский офицер. Происходил из обер-офицерских детей Херсонской губернии. Службу начал в Белостокском пехотном полку в 1840 г. В 1841 г. участвовал в экспедиции на Кавказ против убыхов. В 1845 г. произведен в прапорщики. В 1850 г. в чине подпоручика был переведен из Брестского пехотного полка в запасной батальон Литовского егерского полка. В 1851 г. переведен в действующий батальон. В 1853 г. произведен в поручики. Убит при обороне Севастополя.

Были награждены и чины полка. Командир 5-го резервного батальона подполковник С. В. Алферов 2-й за отличие при защите Севастополя был произведен в полковники, командир 6-го резервного батальона майор М. И. Обручев — в подполковники. В следующие чины были произведены в 5-м батальоне капитан Скаковский, штабс-капитаны Турчанинов и Меньков, поручики Лойко и Охременко, подпоручики Маслов и Зайцев, прапорщик Педаев; в 6-м батальоне — капитаны Решетников и Людговский, штабс-капитан Ф. Д. Бартенев²⁰⁴, поручики Борозна, Вознесенский и Исупов. За боевые отличия в чин прапорщика были произведены 49 юнкеров и унтер-офицеров (22 в 5-м батальоне и 27 — в 6-м).

После войны 5-й, 6-й, 7-й и 8-й батальоны расформировали, а 4-й переформировали в резервный. 4-му батальону литовцев перешло Георгиевское знамя 5-го батальона и знак отличия на головные уборы с надписью «За Севастополь с 13 сентября 1854 по 27 августа 1855 г.». Знамена 6-го, 7-го и 8-го батальонов были сданы в Киевский арсенал.

Вскоре после окончания обороны Севастополя резервные батальоны литовцев покинули Крым и в декабре 1855 г. прибыли в Полтавскую губернию, разместившись возле Пирятина и Золотоноши. Там войскам 13-й резервной бригады дали двухнедельный отдых, после чего началось пополнение личного состава.

²⁰⁴ Умер во время войны.

КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ ЛИТОВЦЕВ: ПРОДОЛЖЕНИЕ

Черкесов также он разил...

К. К. Павлюк

Пятьдесят первый

2 июня 1856 г. приказом по Литовскому полку было объявлено о высочайшем решении от 17 апреля того же года, которым отменялось наименование «егерский».

Изменилась в 1856 г. и униформа полка. Красные погоны нижних чинов на полукафтанах и шинелях заменялись белыми. Воротники оставались красными с темно-зелеными клапанами и красной выпушкой. Околыши головных уборов становились белыми с красной выпушкой. Тогда же отменялось вооружение нижних чинов тесаками, которые были оставлены лишь унтер-офицерам и музыкантам.

Число последних тоже сокращалось. В полку на каждую роту оставались по три барабанщика и три горниста, причем один из них должен был иметь при сигнальном рожке еще и флейту, называясь горно-флейтистом. Имевшиеся до этого в первой роте каждого батальона флейтисты упразднялись. Полковой хор, столь отличившийся при обороне Севастополя, был отправлен в Одессу, где присоединился к 16-й пехотной дивизии.

С 1856 г. в бессрочный отпуск разрешили увольнять нижних чинов с выслугой 13–14 лет вместо 15–20 лет, как ранее. В начале того же года юнкерам и подпрапорщикам было разрешено ездить в экипажах и посещать театры. На остальных нижних чинов это не распространялось.

4 июня 1856 г. на Кавказе, вблизи селения Ваки, Литовский полк отпраздновал вторую годовщину Чолокского сражения. Были отслужены полевая обедня и панихида по убиенным литовцам. 17 июня полк участвовал в параде по случаю предстоящего коронавания императора Александра II.

С наступлением лета 1856 г. предполагалось использовать полк в разработке Военно-Имеретинской дороги от Кутаиса до Тифлиса через Сурамский перевал. Для этого в экспедицию отправили 3-й батальон с запасом продуктов на десять дней, обозом и палатками.

4 июня батальон был на месте и приступил к работам, выделяя на них не менее 100 рядовых от каждой роты ежедневно. Интересно, что всем, кто участвовал в работах, полагалась оплата труда. Вскоре туда же вышел 1-й батальон (26 июня), за ним 4-й (2 июля) и, наконец, — 2-й (4 июля). Все батальоны расположились между станицами Симонетской²⁰⁵ и Белогорской²⁰⁶. Полковой штаб перешел в Кутаис.

Хотя условия работ были тяжелыми по причине жаркого и влажного климата, смертность была небольшой. За весь период умерли: в июне — 28 человек, июле — 34 человека и августе — 61 человек. Для профилактики заболеваний (малярия, цинга) личный состав получал увеличенные порции мяса. Хлеб выдавался исключительно свежим, для чего были построены полевые хлебопекарни. Но вскоре увеличившиеся заболевания вынудили снять личный состав с работ и вывести батальон в Сурам.

В июле литовцы получили предписание готовиться к выходу из Закавказья на Кавказскую линию. Половину патронов предписывалось сдать в Тифлисский артиллерийский гарнизон. В ящиках каждой роты их оставили по 4 тыс. единиц.

3 сентября командир бригады генерал-майор А. О. Бруннер объявил полку готовность выступить через три недели. 23 сентября, отслужив молебен, полк двумя эшелонами (1-й под командованием подполковника Дембинского-Пиоро, 2-й — подполковника фон Клостермана) со штабом и обозом совершил пеший марш в северную часть Ставропольской губернии.

11 октября первый эшелон прибыл во Владикавказ, 13-го — подтянулся второй. 9 и 11 ноября соответственно эшелоны достигли Ставрополя и расположились в окрестных населенных пунктах.

В составе Адагумского и Урупского отрядов

Зиму 1856–1857 гг. литовцы провели, занимаясь организационными вопросами. Полк получил новых офицеров, были уволены выслужившие срок нижние чины. Характерной особенностью Литовского полка этого времени, равно как и любого другого кавказского полка, было наличие значительного числа офицеров, выслужившихся из унтер-офицеров. Это были в основном люди среднего возраста, старше

---

205 В настоящее время — Симонети (Грузия).

206 Современное название не установлено.

*Фуражка с белым околышем
и красной выпушкой*

40 лет. Многие из них имели знак отличия Военного ордена. У большинства таких офицеров имелись проблемы с образованием: в служебном формуляре одного офицера было написано, что читать и писать он научился самоучкой во время службы²⁰⁷.

На 1 января 1857 г. в полку состояло (по списку) десять штаб-офицеров, 77 обер-офицеров, шесть чиновников, 292 унтер-офицера, 126 музыкантов, 2603 рядовых, 155 нестроевых чинов, 79 денщиков. Притом в строю было только пять штаб-офицеров, 54 обер-офицера, пять чиновников и 2524 нижних чина. Остальные находились в отпусках, командировках или на лечении.

В январе 1857 г. литовцы, уже думавшие о возвращении в Крым, были внезапно оставлены в Закавказье. Последовало высочайшее решение не отправлять с Кавказской линии 13-ю и 18-ю дивизии, а использовать их в интересах края. На этот раз литовцев предполагалось использовать в боевых действиях на западе Кавказа, где готовилась почва для окончательного подавления Шамиля. Этим занялся прибывший в регион князь А. И. Барятинский.

С учетом имевшегося у литовцев опыта и особенностей театра боевых действий 1 марта в полку была создана штуцерная команда, в которую вошли от каждой роты один унтер-офицер и шесть рядовых. Руководство командой возложили на поручика Колесникова, которого позднее сменил капитан Булатов. Для пополнения недостающего запаса патронов полк получил достаточное количество пороха и свинца. При этом было приказано переделать и все старые патроны. Все патроны были уложены в ящики по 9 тыс. штук на роту, в том числе по 5 тыс. с французской пулей и 4 тыс. — с пулей старого образца. Приняты были меры к сбережению формы. Для этого белые околыши и клапа-

²⁰⁷ К концу 1856 г. в полку среди офицеров было четыре выпускника Одесского Ришельевского лицея, один — Пажеского корпуса, семь — Дворянского полка, четыре — кадетских корпусов, пять — гражданских гимназий, два — уездных училищ, 48 — частных учебных заведений, два — с домашним образованием, 11 — школ военных кантонистов, два — получивших образование на службе и двое считались выдержавшими экзамен на производство в офицеры.

ны на шинелях приказано было обшить. Погоны на шинелях приказали отстегнуть и пришить к рукавам. Мундиры, которые не одевались на людей, были уложены в артельные повозки. Кроме положенной лазаретной подводы каждому батальону давались одна подвода под аптеку, а 4-му батальону — еще и подвода под лазаретное белье.

В начале марта от начальника штаба 19-й пехотной дивизии и войск правого крыла Кавказской линии генерал-майора А. Х. Капгера был получен маршрут следования с зимних квартир. К концу апреля литовцы перешли

на левый берег Кубани и начали готовиться к боевым операциям, войдя с другими частями в состав Адагумского отряда. Это временное соединение было образовано для предотвращения сбора горцев в крупные партии, а также для устройства кордонных линий в Закубанье. Назначенный в июне 1855 г. наказным атаманом Черноморского казачьего войска генерал-майор Г. И. Филипсон²⁰⁸ разделил все бывшие под его начальством войска (и регулярные, и иррегулярные) на девять отрядов. Важнейшим по своему значению из этих отрядов стал Адагумский отряд²⁰⁹.

Документы о составе войск Адагумского отряда на момент его создания не сохранились. По данным на 12 апреля 1857 г., в состав отряда входили следующие воинские части и подразделения²¹⁰: пехота — Крымский пехотный полк, Брестский пехотный полк, Литовский пехотный полк; кавалерия: Донской казачий № 45 полк, Анапский горский полуэскадрон; артиллерия: дивизион резервной батареейной батареи 19-й ар-

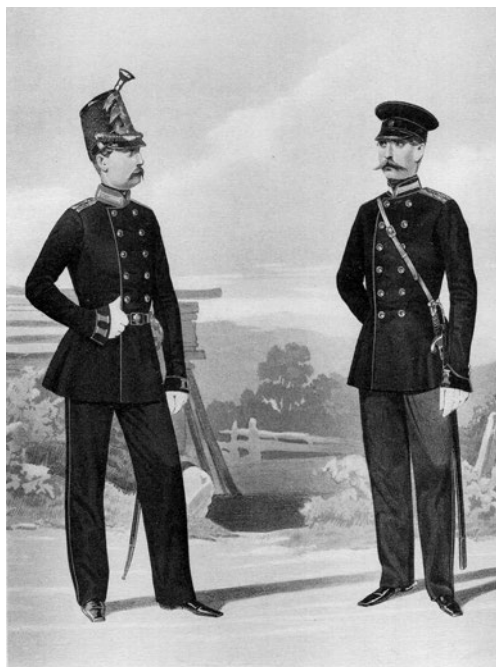

Крест «За службу на Кавказе» (Кавказский крест) — нагрудный знак, для ношения на левой стороне груди всеми, служившими когда-либо в рядах Кавказской армии и участвовавшими в военных действиях, учрежденный 12 июля 1864 г.

208 Шамрай В. С. Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. Екатеринбург, 1911. С. 78.

209 Кияшко И. И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. 1909. Т. 14. С. 380.

210 ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–30.

Обер-офицеры пехотных полков и полевой конной артиллерии в парадной и повседневной форме в 1856 г.

тиллерийской бригады, сводная легкая артиллерийская батарея (состояла из трех гарнизонных артиллерийских рот), рота № 3 гарнизонной артиллерийской бригады. Состав Адагумского отряда беспрерывно менялся, но оставался неизменным сам принцип его комплектования — постоянное соотношение пехоты, кавалерии, артиллерии, вспомогательных частей, что делало отряд достаточно самостоятельным, мобильным воинским соединением, способным заниматься обустройством Адагумской кордонной линии в условиях постоянных стычек с воинственным горским населением.

Во время первой же операции по рубке леса 7 мая случилась большая перестрелка с горцами. Хотя неприятель был отбит, в полку потеряли убитыми двух нижних чинов, 12 были ранены. Капитан Булатов был контужен ружейной пулей в лицо. 8 мая перестрелка продолжилась, причем литовцам пришлось под пулями наводить мост.

За отличие в первых стычках командир 1-го батальона майор Мокрыз (сменил Дембинского-Пиоро) был произведен в подполковники. Следующие чины за отличия получили ротные командиры — капитан Радчевский и поручик Карташов. Двое нижних чинов получили знаки отличия Военного ордена IV ст.

После стычек с горцами 7 и 8 мая пошли однообразные дни рутинной полевой службы. К лету 1857 г. ряды литовцев пополнились, что было вызвано необходимостью компенсации убыли от болезней. В мае заболело семь офицеров и 135 нижних чинов, в июне — десять и 140 соответственно. В июле, из-за сильной жары, в целях предотвращения заболеваний личному составу (дежурным и дневальным) приказали не надевать галстуки и не затягивать ремни: это спасало от теплового удара. Тогда же началось повальное заражение лихорадкой и другими за-

болеваньями, сопутствующими влажному жаркому климату. Больных отправляли в Андреевское укрепление²¹¹, где был открыт полевой лазарет. Меры принимались чрезвычайные. Например, воду разрешали пить только колодезную или родниковую. В водку добавлялся хинин. Но все равно в июле заболеваемость достигла угрожающего числа — 1422 человека. Пик наступил в августе — 1741 человек²¹².

В сентябре особенно легче не стало. Спасало только то, что не дожимали горцы. Ужасное положение и надвигающиеся холода вынудили начальника Адагумского отряда генерал-лейтенанта Г. И. Филипсона выделить из полка здоровых людей и объединить их в сводный батальон, пригодный к службе. Остальных — вернуть на правый берег Кубани, где расположить в зимних квартирах. Командование этим батальоном возлагалось на майора Мокрыза, которого в 1-м батальоне сменил майор Буссов. Для усиления непригодных к службе батальонов оставлялись штуцерные стрелки в составе 96 человек под командованием капитана Булатова — как находившиеся в полку, так и состоявшие при команде черноморских пластунов. Общее число оставляемых нижних чинов составило 876 человек. Им оставили увеличенный запас патронов и исправный шанцевый инструмент.

15 октября литовцы покинули свой лагерь и перешли в станицы Ивановскую и Елизаветинскую, где провели зиму. По мере выздоровления людей было принято решение о формировании 2-го сводного батальона, который должен был содержаться в постоянной готовности к использованию, «куда окажет надобность». Командиром батальона назначили майора Войткевича. Это подразделение приняло участие в двух набегах на горцев, в результате которых были сожжены несколько аулов. За эти операции два нижних чина получили знаки отличия Военного ордена IV ст. Потери составили четыре человека ранеными и контуженными и одна убитая «казенно-подъемная лошадь».

1 декабря 1-й сводный батальон, также выведенный за Кубань, соединился с полком. На этом кавказская эпопея 1857 г. для литовцев закончилась. За отличие командир полка полковник Н. Н. Чихачев был удостоен ордена Св. Анны II ст. с мечами и императорской короной. В дополнение к ранее полученным нижние чины заслужили три знака отличия Военного ордена III ст. и 24 знака отличия — IV ст.

---

211 Современное название не установлено.

212 Основные болезни — лихорадка и дизентерия.

Император пожаловал чинам полка в числе прочих участников Адагумского отряда по 1 рублю серебром. В Литовском полку за боевое отличие в боях с горцами рядовому Ф. Скибневскому, ранее разжалованному с лишением дворянства, «повелено было штраф не считать препятствием к преимуществам по службе».

Отмечен был и медицинский персонал полка. Батальонному лекарю Селицкому был пожалован орден Св. Анны III ст., батальонному фельдшеру Николаеву — денежная награда в размере 25 рублей серебром.

В ходе зимовки 1857–1858 гг. в полку началось формирование стрелковых рот. Приказ об этом вышел еще в 1856 г. Это было обусловлено печальными итогами Крымской войны 1853–1856 гг., когда очевидной стала не только отсталость в вооружении русских войск, но и слабая стрелковая подготовка. Для того чтобы преодолеть эти проблемы, было принято решение сформировать в каждом батальоне стрелковую роту для действия в рассыпном строю перед сомкнутым строем на дальних дистанциях. Прежние застрельщики и штуцерные стрелки упразднились. На вооружение стрелковые роты получали шестилинейные винтовки. Для комплектования подразделений предписывалось использовать здоровых и крепких людей, при этом преимущественно из тех губерний России, где охота составляла основной вид промысла.

В 1857 г. и начале 1858 г. произошли некоторые изменения в обмундировании нижних чинов. На воротнике и обшлагах полукафтанов унтер-офицеров стал нашиваться галун. Нарукавный галун сохранялся только у фельдфебелей. В 1857 г. последним вместо ружей были присвоены сабли офицерского образца с кожаными ножнами, но без темляков и на пояском портупейном ремне, который был и у нижних чинов. При этом фельдфебелям было велено никогда саблей не салютовать, а делать ей лишь те приемы, которые они делали прежним своим оружием. Кроме того, фельдфебели получали пистолеты солдатского образца со шнуром для носки. Им стали отпускаться замшевые перчатки (пара на три года). Всем нижним чинам были даны шинели образца 1858 г.

С наступлением весны 1858 г. полк приступил к занятиям. Вскоре последовало предписание о переформировании его в трехбатальонный состав. Это было решено еще в 1856 г., когда встал вопрос о перево-

де вооруженных сил империи на мирное положение после окончания Крымской войны. Решение коснулось всех полков 13-й пехотной дивизии ввиду некомплекта личного состава, образовавшегося после формирования стрелковых рот²¹³. 4-й батальон вместе со стрелковой ротой подлежал расформированию. Офицеры и личный состав батальона передавались в другие подразделения. Излишки имущества сдавались в Ставропольский военный комиссариат. Излишки оружия — в Усть-Лабинский артиллерийский парк. Обоз, подъемные лошади, комиссариатское имущество оставались в полку. Знамя 4-го батальона оставалось в полку до особых распоряжений. Командир 4-го батальона майор Романов вступал в командование 3-м, сменяя назначенного командиром 1-го батальона подполковника фон Клостермана. Последний, в свою очередь, менял майора Мокрыза, находившегося в длительном лечении от ран.

Таким образом, с 3 марта 1858 г. полк состоял из трех батальонов. В каждом из них было по пять рот (четыре линейных и одна стрелковая). Линейные роты имели общую нумерацию (1–12), стрелковые нумеровались по номерам батальонов, в которых состояли (1, 2, 3). По новому штату в полку полагалось: восемь штаб-офицеров, 69 обер-офицеров, 309 унтер-офицеров, 137 музыкантов, 2760 рядовых.

Подлежали реформированию и резервные 5-й и 6-й батальоны. Вместо них для подготовки кадров для полка формировался 4-й резервный батальон. Такой батальон Литовского полка формировался в Полтавской губернии. Для этого использовались чины прежних 5-го и 6-го батальонов. При этом в полку оставляли только самых лучших солдат, тех, которые «соответствовали своему назначению и службе в резервах». 4-му резервному батальону оставлялось Георгиевское знамя 5-го резервного батальона с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах», равно как и знаки на головные уборы «За Севастополь с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года». Одновременно новый батальон получал старшинство 5-го батальона, полученное последним от упраздненного в 1842 г. 5-го резервного батальона литовцев, входившего ранее, до 1831 г., в состав Углицкого пехотного полка. К декабрю 1856 г. формирование 4-го резервного батальона было закончено. 9 декабря его осмотрел в Пирятине начальник сводно-резервной дивизии 3-го и 5-го армейских корпусов генерал-лейтенант Есаулов.

---

213 Приказ по войскам Кавказской армии № 32, 1858 г.

В апреле 1858 г. литовцы снова выдвинулись на Кавказскую линию. 17 апреля полк вошел в состав Урупского отряда, обязанности начальника которого были возложены на командира Литовского полка полковника Н. Н. Чихачёва.

С 25 апреля Урупский отряд приступил к выполнению задач, одной из которых было строительство на реках Уруп и Новый Зеленчук трех новых станиц, в каждой из которых планировалось размещение трех офицеров и 270 казачьих семей. Вокруг мест, назначенных для производства работ, возводился вал, вырывался ров, закладывались батареи. Велось постоянное наблюдение за окрестностями. Все говорило о постоянном присутствии потенциальной опасности. Из лагеря запрещалось отлучаться даже офицерам. За отлучку наказывали. Так, поручик Евлашов за подобный проступок был арестован на одни сутки, а штабс-капитан Завадский за то, что при сопровождении колонны позволил уехать вперед прапорщикам Воинову и Зюзину, — на трое. Постоянно находилось в боевой готовности несколько подразделений.

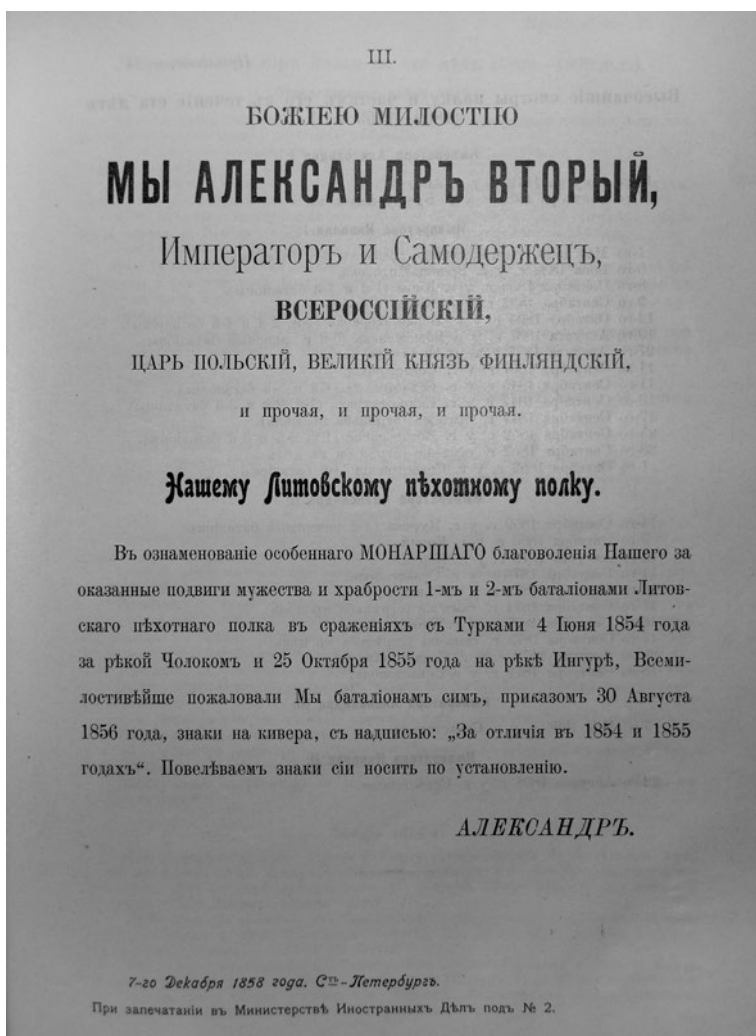
Но угроза нападения была только частью трудностей. Досаждала известковая пыль, от которой у нижних чинов воспалялись глаза. Не меньшей проблемой были комары, которыми кишели близлежащие болота.

Для сохранения здоровья войск применялись различные меры. С 16 мая по причине жаркой погоды приказом по полку было разрешено носить фуражные шапки с длинными козырьками и белыми чехлами. Приказом по Кавказской армии разрешалось рядовым отдавать честь не снимая головных уборов, а лишь становясь «во фронт». Смены караулов производились в 5 часов утра. С 8 часов утра до 7 часов вечера разрешалось караулы не покидать. Нижние чины, в них назначенные, могли быть без галстуков, с расстегнутым воротником и нижними пуговицами у полукафтанов. При этом обязательным оставалось требование общей чистоты и опрятности в одежде.

22 мая конвой под командованием поручика Равича, следовавший в полк из Надеждинского укрепления²¹⁴, по причине слабой бдительности был атакован отрядом горцев численностью до 300 человек. Потерь не было, но 13 лошадей и 30 голов скота были угнаны. За допущенную оплошность поручик Равич (ветеран Кавказа, раненный в бою с горцами) был отстранен от командования ротой.

---

214 В настоящее время — Сторожевая (Карачаево-Черкесская республика).

Грамота на знаки на кивера, пожалованные 1-му и 2-му батальонам Литовского пехотного полка императором Александром II в 1858 г.

7 июня горцы атаковали колонну поручика Евлашова. Но меры по усилению бдительности не оказались лишними. Неприятель отступил, преследуемый огнем артиллерии и ракетной батареи.

Вскоре все три станицы были возведены, и началось их заселение казаками. В этот разряд разрешалось переводить и нижних чинов Кавказской армии. Однако у нижних чинов 13-й пехотной дивизии как не входившей в состав Кавказской армии таких прав не было. Поэтому

в Литовском полку двое рядовых, минуя непосредственное начальство, подали командиру 3-й бригады Кавказского линейного казачьего войска докладные записки с просьбой о переводе в казаки. Результатом явилось их наказание 50 ударами розог каждого, что, однако, не удержало от подобных попыток других. Следствием этого стало лишь наказание розгами еще 25 просителей.

21 августа 3-й батальон литовцев, который горцы не беспокоили все время до этого, принял участие в экспедиции против неприятельского отряда, совершившего нападение на пограничные станицы. Дело закончилось длительным боем, в котором был убит один рядовой и двое ранены (в том числе один смертельно). По итогам экспедиции прапорщик Котачи²¹⁵ был награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость».

Прощай, Кавказ!

В 1858 г. стало известно о решении императора возвратить 13-ю пехотную дивизию в Россию к сентябрю 1859 г., чтобы «она имела возможность устроиться на постоянных квартирах до наступления зимнего времени». В марте 1859 г. была утверждена дислокация дивизии, по которой литовцы должны были расположиться на севере Таврической губернии, в Мелитопольском уезде.

В полку стали интенсивно готовиться к уходу с Кавказа. Еще в 1856 г. было приказано всех нижних чинов младших сроков до пятилетнего включительно перевести в части Кавказского корпуса для укомплектования последних. Но тогда этого сделать не удалось, так как шли напряженные бои с горцами. Согласно приказам от 12, 13 и 14 июля 1859 г. из Литовского полка были исключены 52 унтер-офицера и 1234 рядовых, подлежащих переводу в войска правого крыла Кавказской линии. После их отправки в полку осталось лишь около 300 человек.

После этого литовцам предстоял переход длительностью более 850 верст в Таврическую губернию. После быстрых приготовлений, включавших административные и хозяйственные формальности, полк совершил передислокацию, оставив за спиной шестилетние боевые труды и скитальческую жизнь. За время 37 переходов в полку заболело 42 человека, один умер, один бежал.

---

215 Был переведен в полк после Крымской войны, в которой участвовал в составе Греческого легиона императора Николая I.

Спустя два года после ухода литовцев с Кавказа за труды по устройству новых станиц майор Радчевский был награжден орденом Св. Анны III ст., капитан Карташов и штабс-капитан Катрич — орденами Св. Станислава III ст., подпоручику Трофимову было пожаловано 110 рублей серебром. Кроме того, в 1864 г., по окончании Кавказской войны и после учреждения серебряной медали с надписью «За покорение Западного Кавказа 1859–1864», все чины полка, участвовавшие в боях с горцами и обустройстве станиц, получили такую медаль на георгиевско-александровской ленте.

В 1864 г. был учрежден крест с мечами и надписью «За службу на Кавказе» для ношения на груди без ленты. Им награждались все воинские чины, участвовавшие когда-либо в военных действиях в пределах Кавказского края. Крест этот получили все литовцы, удовлетворявшие этому требованию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЫМ

С тех пор уж многие года
Промчались быстрой чередой,
Минул период боевой...

К. К. Павлюк

В Северной Таврии

Едва успели литовцы обустроить быт на новом месте, как для проведения смотра к ним прибыл командир корпуса генерал-лейтенант А. П. Безак. Результаты смотра показали, что полк находится в удовлетворительном состоянии. Люди имели здоровый вид, исчезли следы болезней, перенесенных многими из них во время пребывания на Кавказе. В то же время обнаружились серьезные недостатки в подготовке. Так, стрелковые роты совершенно не занимались стрельбой из нарезных ружей.

К началу 1860 г. Литовский полк получил пополнение числом 1334 человека. Немного ранее в полк вернулся находившийся с 1856 г. при корпусном штабе в Одессе полковой музыкантский хор.

Потянулись месяцы мирной жизни. Условия были не самыми легкими, что накладывало отпечаток на моральное состояние офицеров, только недавно вышедших из огня кампаний в Крыму и на Кавказе. 5 сентября 1860 г. застрелился поручик Горбаконь²¹⁶.

В том же году полк приступил к занятиям. Большое внимание уделялось в числе прочего обучению нижних чинов грамоте. Устранялись недостатки огневой подготовки. Для обучения использовались новые методики, в том числе «Наставление, высочайше утвержденное 30 января 1855 г. для обучения стрельбе в цель и сбережению оружия в пехотных и драгунских частях».

Ранее, в 1859 г., офицерам пехотных частей было предоставлено право иметь по желанию пистолеты или револьверы разных систем.

---

²¹⁶ Причиной этого самоубийства стал конфликт между Горбаконем и командиром 2-го батальона майором Войткевичем. Нанеся последнему оскорбление, Горбаконь застрелился. Майор Войткевич был отстранен от командования батальоном, и вместо него на эту должность назначили майора Соколова. Похоронен Горбаконь на городском кладбище в Мелитополе.

Кавалерийским офицерам по-прежнему обязательно было иметь пистолеты, которые находились в седельных чухках. Пистолеты эти, одноствольные или двуствольные, нередко при стрельбе являлись более опасными для самого стрелка, нежели для неприятеля. Поэтому в Литовском полку офицерам предложили «гуртом» выписать револьверы систем Лефоше, Адам-Кольта и других. Стоил каждый револьвер в то время 3 рубля (пистолеты же обходились дороже — в 4 рубля), патронташ к ним, кобура и шнур тоже стоили 3 рубля. Для сравнения: пара офицерских погон стоила 4 рубля, темляк — от 1,5 до 2,5 рубля.

К 1860 г. полк полностью перевооружили нарезным оружием. Обучение солдат производилось по новому строевому уставу 1860 г. Его принятие было обусловлено прежде всего тем, что Крымская война стала событием, пошатнувшим господствовавшие до того принципы линейной тактики и слепую веру в силу штыкового удара массой. Боевой порядок на основании нового устава состоял из стрелковой цепи, которая высылалась от стрелковой роты, и резерва, составляемого линейными ротами, расходившимися на определенное расстояние в 200 шагах от цепи.

В 1859 г. офицерам разрешили носить поясные галунные портупее, установленные для пехотных сабель, с железными кольцами. Разрешение касалось тех случаев, когда офицер был пешком и под мундиром, но только при обыкновенной форме и вне службы. При парадной же, праздничной и воскресной формах на службе портупеею нужно было надевать по-прежнему поверх мундира.

С 1860 г. в самое жаркое время года (с 15 мая по 15 сентября) офицерам разрешили носить белые кители, а нижним чинам — белые полотняные гимнастические рубахи. В следующем году всем чинам было разрешено носить летом фуражки с белыми полотняными чехлами, что ранее разрешалось только на Кавказе. Эта мера имела важное значение для войск, расположенных на юге России.

Весной 1860 г. 3-й батальон Литовского полка был назначен для содействия Херсонскому гарнизонному и 13-му стрелковому батальонам для содержания караулов в Херсоне.

В 1861 г. началось очередное восстание в непокорной Польше. Почти одновременно по империи прокатилась волна крестьянских

волнений, вызванных половинчатыми реформами 1861 г. Для защиты подвергавшихся угрозе разгрома имений помещиков литовцы были направлены в несколько уездов Таврической губернии. К счастью, обошлось без применения оружия — одного присутствия войск оказалось достаточно.

21 января 1862 г. полк получил три новых скобы на знамена с измененной надписью. Теперь вместо «Литовского егерского полка» там было написано «Литовского пехотного полка». Распоряжение об изготовлении этих скоб было сделано еще в 1857 г., вскоре после переименования полка в пехотный, но получить их удалось лишь сейчас. Старые скобы были отправлены в Московский окружной арсенал.

В 1862 г. Литовский пехотный полк перевели в Крым. При этом его стрелковые роты были сначала направлены в Севастополь для несения караульной службы, а в августе 1863 г. — в Феодосию. Остальной состав полка отправили в Керчь для строительства оборонительных сооружений.

Строительство крепости Керчь

Устроившись в Керчи, литовцы стали принимать участие в работах по укреплению Керченской крепости. Они участвовали в заграждении Керченского пролива, постройке Ак-Бурунской цитадели и форта Тотлебен.

Прибыв в Керчь, Литовский пехотный полк получил новую форму одежды. Она была гораздо более удобной и гигиеничной, чем прежняя. Прежний полукафтан был заменен на двубортный просторный мундир с более короткими полами. Мундир имел низкий стоячий воротник, с белыми клапанами и с галунными петлицами у обер-офицеров. У штаб-офицеров воротник обшивался галуном, который нашивался и на обшлага рукавов.

У нижних чинов длинную шинель заменила шинель длиной немного ниже колена, с двумя прямыми бортами при шести пуговицах каждый, четырьмя складками на спине, застегнутой суконной перемычкой («хлястиком»), двумя боковыми карманами, отложным воротником одного сукна с шинелью и клапанами из белого сукна.

Головной убор прежнего образца был заменен на кепи французского образца, которое первоначально полагалось шить

из сукна полкового цвета (для литовцев — белого), но вскоре их стали шить из темно-зеленого сукна с белым околышем и красными выпушками по краям. К кепи прикреплялся подбородный ремень. У нижних чинов на околыше размещался номер полка. Кепи носили повседневно с кокардой, а при парадной форме — с медным гербом. Полагался небольшой султан спереди. У линейных рот султан был белого, у стрелковых — черного, у музыкантов — красного цветов. Кепи было принято войсками положительно, являясь головным убором легким и удобным. Солдаты называли его «спереди здравствуй, сзади прощай». Это был единственный головной убор, который надевался во всех случаях и нижними чинами, и офицерами. Лишь в 1866 г. последним было вновь разрешено носить фуражки прежде утвержденного (1832) образца. В том же году в армии были введены башлыки, которые разрешалось надевать на голову в ненастную погоду и мороз ниже 5 градусов.

В 1863 г. Литовский полк получил рекрутов из Таврической, Херсонской и Пензенской губерний общей численностью 484 человека. Нравственное состояние нижних чинов в полку в то время заметно улучшилось. В отличие от других воинских частей у литовцев почти не было побегов. Офицеры получали за это поощрения. В 1861 г. капитан Лельвер 1-й за отсутствие во вверенной ему роте в течение трех лет бежавших нижних чинов был награжден от имени императора одновременно премией в размере 400 рублей. В 1862 г. премии за аналогичные заслуги получили штабс-капитан Д. Папалекси²¹⁷ (370 рублей) и поручик Трофимов (234 рубля), в 1863 г. — капитан Карташов (390 рублей).

В апреле 1863 г. в связи с политической напряженностью в Европе из 4-го резервного батальона с добавлением в его состав бессрочноотпускных 5-го и 6-го батальонов был развернут «двойник» Литовского полка — Литовский резервный пехотный полк. В том же 1863 г. он прекратил свое существование. Это, казалось бы, мимолетное событие на деле обернулось для литовцев потерей одной из полковых святынь.

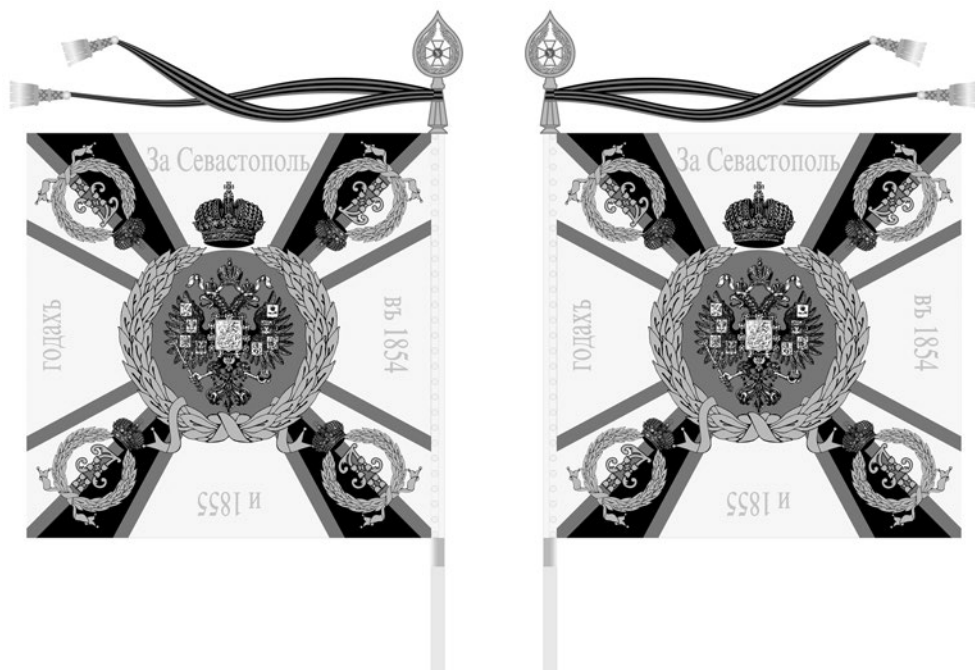
217 Штабс-капитан Д. Папалекси сделал хорошую карьеру в полку, выйдя в отставку с должности командира батальона и в звании полковника. Он умер в 1884 г. Его сын Н. Д. Папалекси учился в Симферопольской гимназии и впоследствии сделал блестящую научную карьеру, став академиком, выдающимся русским, а позднее советским ученым в области электротехники.

Керченская крепость — замечательный образец военно-инженерного искусства XIX в. Проект крепости был разработан в 1856 г. Строительство началось в 1857 г. Изыскательными работами занимался инженер С. А. Вейсенгоф, руководил строительством полковник А. А. Нат.

Спустя три месяца после создания резервного полка к нему был добавлен еще один батальон. В результате полк получил наименование Путивльского пехотного полка и вошел в состав 32-й пехотной дивизии. При этом в новый полк перешли Георгиевские знамена с александровскими лентами и с надписями «За Севастополь в 1854 и 1855 годах», полученные литовцами за Крымскую войну. 1-му и 2-му батальонам путивльцев было оставлено знамя 5-го резервного батальона литовцев. Кроме того, путивльцам достались и знаки на головные уборы с надписями «За Севастополь с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года», заслуженные 5-м и 6-м батальонами литовцев.

В конце лета 1863 г. литовцы впервые увидели наследника престола цесаревича Николая Александровича — будущего последнего императора России Николая II. Он прибыл в Керчь 19 августа из имения императрицы Марии Федоровны в Ливадии, куда почти ежегодно приезжала летом царская семья. Для его встречи был выстроен почетный караул от пешего № 2 батальона Кубанского казачьего войска.

Знамя 51-го пехотного Литовского полка времен царствования императора Александра II

Не прошло и двух месяцев, как полк встречал императора Александра II. На этот раз в почетный караул вошли и солдаты Литовского полка. Император провел смотр трем батальонам литовцев, пешим № 2 и № 4 батальонам Кубанского казачьего войска и Керченскому полубатальону внутренней стражи и остался доволен увиденным.

В то же время офицерам и нижним чинам, отличившимся в кампании на Кавказе, а также за новые труды по возведению крепости в Крыму, продолжали вручать награды. Командиру полка полковнику П. В. Шафирову был пожалован орден Св. Анны II ст. с императорской короной, штабс-капитану Костырке — орден Св. Анны III ст. Подполковник фон Клостерман²¹⁸ и майор Седлецкий получили следующие чины.

В память о заслугах полка при возведении Керченской крепости одна из батарей стала именоваться Литовской. Расположенная выше

²¹⁸ В следующем году был назначен командиром 12-го резервного батальона, впоследствии командовал короткое время Виленским пехотным полком. Вместо него в 1864 г. 1-й батальон литовцев принял майор Зеленин.

Минского люнета, она перекрывала промежуток между ним и центральным укреплением. В толще мощного вала батареи были устроены ворота, через которые проходила дорога к Минскому люнету; как и значительная часть других подобных сооружений в крепости Керчь, эти ворота были двойными.

Стрелковые роты провели почти весь год в Севастополе, занимаясь в основном несением караульной службы. В конце лета их военным транспортом «Воин» перебросили в Феодосию, разместившись в зданиях бывшего феодосийского госпиталя. Вскоре к ним на зимовку присоединились и три линейных роты полка (3-я, 7-я, и 11-я), прибывшие из Керчи. Начальником в Феодосии назначили подполковника Седлецкого.

В 1863 г. в Керченских укреплениях была построена каменная церковь. Есть основание полагать, что она была освящена в честь святителя Николая Чудотворца и находилась в Виленском люнете. В ней имелись древние богослужебные книги. В этом храме несколько лет служил священник Литовского пехотного полка протоиерей Тимофей Ковальский.

В 1864 г. работы в Керченской крепости продолжились. Личный состав полка использовался в основном на подземных работах. Некоторое число бессрочноотпускных работало здесь же в крепости сапожниками и портными.

15 апреля 1864 г. был объявлен приказ по полку № 106 о том, что в соответствии с приказом военного министра № 89 полк с этого дня будет именоваться 51-м пехотным Литовским полком, а не Литовским пехотным, как это было ранее. Это обстоятельство вызвало необходимость изготовления трех новых скоб для знамен, которые были получены из Санкт-Петербургского окружного интендантства 19 июня 1865 г.

Летом 1864 г. по приказу императора был проведен смотр полка, произведенный генералом П. П. Липранди. Хотя времени для подготовки к нему дали всего лишь неделю, прошел он благополучно, и 12 августа приказом по полку всем чинам была объявлена благодарность.

В 1864 г. произошли очередные изменения в униформе, снаряжении и правилах их носки чинами полка. Был уменьшен размер ранца, который стал носиться на двух плечевых кожаных ремнях с третьим поперечным на груди. Скатанная шинель стала прикрепляться в походе к ранцу, охватывая его с трех сторон. При полной амуниции носился на ранце и недавно введенный башлык. Патроны с этого года стали носиться спереди

на поясе в двух одинаковых патронных сумках нового образца (по 30 штук), расположенных слева и справа от бляхи. Введены были железный котелок и стеклянная фляга для воды²¹⁹.

С 1863 г. пехотным офицерам вместо прежней «безобидной» сабли в кожаных ножнах полагалось иметь шашку драгунского образца в таких же ножнах, на портупее через плечо из золотого галуна, подшитой черным сафьяном. Вскоре такую же шашку стали носить и фельдфебели через плечо на ремне. В 1865 г. шашку заменили саблём пехотного образца с железными ножнами, которую приказано было носить на поясной портупее из черной лакированной кожи. Офицеры стали надевать пистолеты в кобурах во всех случаях в строю, а фельдфебели должны были носить пистолеты в чушках из белой юфти на поясной портупее.

В сентябре 1864 г. были уволены в запас нижние чины, выслужившие к 1 января следующего года 15 лет. В полку таких было 349 человек. Кроме того, из полка убыли четыре унтер-офицера и 137 рядовых для укомплектования Кавказской армии. Все они были сведены в маршевый батальон и отправились на Кавказ под командой подпоручика Чичинадзе. В свою очередь, полк получил для ликвидации некомплекта личный состав из других частей.

В том же году в Одессе открылось юнкерское училище, которое предназначалось в основном для укомплектования офицерами частей Одесского военного округа. Множество его выпускников с того времени стали пополнять ряды офицеров Литовского пехотного полка.

Зиму 1864–1865 гг. литовцы провели в отдыхе от работ. Весной работы возобновились под наблюдением чинов Инженерного ведомства, но в полку стала ощущаться усталость от надоевшей монотонности подобной службы. Одновременно ухудшилось нравственное состояние личного состава. В 1864 г., согласно отчету градоначальника, в керчьеникальский госпиталь поступило 300 нижних чинов из частей гарнизона с венерическими болезнями.

Летом 1865 г. в полку вспыхнула эпидемия холеры. Несколько случаев заболевания окончились смертельным исходом. В течение года на керченском кладбище был похоронен 21 чин Литовского полка, на еникальском кладбище — трое и на феодосийском — один. Принятые про-

---

219 Вскоре были отменены. Железные котелки в 1870 г. были заменены медными.

тивноэпидемические меры оказались малоэффективными, и в июле — августе болезнь несколько раз возобновлялась.

В том же году полк перевели из усиленного мирного состояния в обыкновенный мирный состав, после чего каждый батальон стал считать не 680, а 500 нижних чинов. В каждом взводе оказалось по 24 человека с оружием, и кроме того, в каждой роте полагалось иметь по четыре человека без оружия. Были уволены в запас нижние чины, прослужившие 12 и 13 лет, но делалось это «без расстройства для полка».

Фортификационные работы продвигались, и к концу года укрепления получили наименование Керченской крепости. В конце 1866 г. керчь-еникальским комендантом стал помощник начальника 13-й пехотной дивизии генерал-майор А. О. Сабашинский, один из известных защитников Севастополя в 1854–1855 гг. Почти одновременно руководить строительством крепости стал инженер-полковник К. Э. Седергольм, отличившийся при защите Кинбурна в 1855 г. Полк провел в работах весь 1866 и 1867 гг.

В начале 1867 г. в Керчи была открыта школа для нижних чинов. В нее были зачислены 15 унтер-офицеров и 60 рядовых. В дальнейшем такие школы стали открывать для стрелковых рот. Позже в каждом полку была создана учебная команда, задачей которой было обучение потенциальных унтер-офицеров грамотности. В 51-м Литовском полку такая школа открылась 30 октября 1867 г.

18 марта 1867 г. нескольким офицерам-литовцам пришлось участвовать в работе военно-полевого суда, перед которым предстали несколько крымских татар — жителей селения Таракташ²²⁰. Их обвинили в убийстве православного священника. Председателем военно-полевого суда был назначен подполковник Седлецкий, прокурором — обер-аудитор 14-й пехотной дивизии надворный советник Бекаревич, делопроизводителем — аудитор 14-го стрелкового батальона титулярный советник Хорошилов, ассессорами — поручик Пасхалов, подпоручики Главацкий и Коломнин, прапорщики Домонтович, Мирец и Кудржинский.

В 1868 г. командиром Литовского полка был назначен 48-летний полковник П. И. Арцыбашев.

Арцыбашев Петр Иванович (1820–?) — русский военачальник. Происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. В марте 1837 г.

²²⁰ В настоящее время — Дачное (Республика Крым).

был выпущен прапорщиком из 1-го кадетского корпуса в Лейб-гвардии Гренадерский полк. С 1839 г. — подпоручик. С 1843 г. — поручик. С 1848 г. — штабс-капитан. С 1851 г. — капитан. С августа 1854 г. — полковник. В 1855 г. — командир батальона в Лейб-гвардии Гренадерском полку. В декабре 1855 г. был назначен командиром запасного полка 4-й пехотной дивизии с переводом в 7-й запасной батальон Белозерского пехотного полка. В 1856–1858 гг. — командир 4-го резервного батальона Елецкого пехотного полка. В 1858 г. оставил службу по домашним обстоятельствам и был уволен в 11-месячный отпуск. В 1860 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. В 1867 г. вышел из отставки. В 1868–1874 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка. За время командования Литовским полком был награжден орденами Св. Анны II ст. и Св. Владимира IV ст. Также был награжден знаком отличия за 20 лет беспорочной службы и медалью в память Крымской войны 1853–1856 гг.

В 1869 г. полк перевооружили казнозарядными винтовками, использующими унитарный патрон с металлической гильзой системы Крнка. Но их получили только линейные роты. В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. эта система проявила себя не лучшим образом. Как писал в 1883 г. журнал «Военный сборник», «ружья Крнка, стрелявшие уже с утра, плохо экстрактировали. После несколько раз тщетно повторенных пощелкиваний затвором, солдаты лезли за шомполом. Некоторые обращались с горькой жалобой на ружье к офицеру. Свои ружья бросали, чтобы взять у убитого товарища или турецкое». Стрелковые роты вооружили 4,2-линейными винтовками Бердана, более скорострельными и более точными. Из той же статьи: «Стрелки 3-й бригады на берданки не жаловались...»

В связи с проведенным перевооружением курс практической стрельбы был увеличен, особенно это касалось стрелковых подразделений. Попутно были учреждены должности ротных инструкторов из числа унтер-офицеров. Вышел и новый устав о строевой службе. С этого времени литовцами стало трудно сочетать строительные работы и боевую подготовку.

В конце лета 1869 г. полк посетил наследник престола Александр Александрович, для встречи которого полк выделил почетный караул. Будущий император Александр III оценил выучку литовцев и велел выдать им денежные награды.

В том же году полк отметил десятилетие окончания службы на Кавказе. К этому времени в строю еще оставались офицеры, помнившие запах кавказского пороха: Соколов, Радчевский, Зеленин, Лельвер, Карташов, Папалекси, Шумаков 2-й, Тертилов, Д. Г. Троцкий и другие. Среди нижних чинов еще встречались те, кто получил кресты «За службу на Кавказе». Сохранялись и кавказские нравы офицеров, сочетавшие лихость, бесшабашность, кутежи и карточную игру, которые, по словам полковых ветеранов, «принимали характер и размеры, приводившие в смущение мирных обывателей Керчи». Хотя подобные выходки и не имели особых последствий.

Два офицера-литовца, выпускники Александровского военного училища подпоручики Пашков и П. А. Фролов, успешно выдержали экзамены в Академию Генерального штаба. В недавно образованную Военно-юридическую академию был принят поручик Дыбчинский. Особенно успешно сложилась военная судьба П. А. Фролова — сына декабриста А. Ф. Фролова (1804–1885).

Фролов Петр Александрович (1852 — не ранее 1918) — русский военачальник, генерал от инфантерии, член Государственного и Военного советов Российской империи. Происходил из дворян. Образование получил во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. В 1868 г. поступил на военную службу. В 1870 г. окончил 3-е военное Александровское училище. Выпущен подпоручиком в 51-й пехотный Литовский полк. С 1872 г. — подпоручик. С 1873 г. — поручик. С 1876 г. — штабс-капитан. В 1878 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба (по первому разряду). С 1878 г. — капитан. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1878–1879 гг. — старший адъютант штаба 1-й пехотной дивизии. В 1879–1880 гг. — старший адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии. В 1880–1888 гг. — штаб-офицер для поручений при штабе Московского военного округа. С 1881 г. — подполковник Генерального штаба. В 1884 г. за отличие был произведен в полковники. В 1886–1887 гг. отбывал цензовое командование батальоном в 3-м гренадерском Перновском полку. В 1888–1890 гг. состоял в числе штаб-офицеров Генштаба при Главном штабе. В 1890–1893 гг. — начальник отделения Главного штаба. В 1893–1898 гг. — окружной дежурный генерал штаба Киевского военного округа. В 1894 г. за отличие был произведен в генерал-майоры. В 1898–1903 гг. — помощник начальника Главного штаба. В 1901 г. за отличие был произведен в генерал-лейте-

нанты. В 1903–1904 гг. — дежурный генерал Главного штаба. В 1904–1905 гг. — временно исполняющий дела начальника Главного штаба. С 1905 г. — член Военного совета. В 1907 г. за отличие был произведен в генералы от инфантерии. Участник Первой мировой войны. В сентябре 1915 г. — исполняющий дела главного начальника Петроградского военного округа. В 1915–1916 и 1917 гг. — главный начальник снабжения армий Северного фронта. В 1916 г. — член Главного военного суда. В 1916–1917 гг. — помощник военного министра. В 1917 г. — член Государственного совета с оставлением в должности помощника военного министра и члена Военного совета. Был награжден орденами Св. Станислава III (1880), II (1887) и I (1899) ст. ст., Св. Анны III (1883), II (1890) и I (1904) ст. ст., Св. Владимира III (1896), II (1905) и I (1916) ст. ст., Белого Орла (1910) и Св. Александра Невского (1913, бриллиантовые знаки — 1915).

Конец 1869 — начало 1870 гг. ознаменовались вновь наступившей сильной эпидемией холеры. 8 августа она разразилась в Волынском пехотном полку, квартировавшем в Одессе, и одновременно с этим — в 1-й рабочей железнодорожной бригаде, находившейся на границе Херсонской и Подольской губерний. В конце августа холера появилась в Керчи. Среди зараженных оказались нижние чины Литовского пехотного полка. Болезнь отступила только с наступлением холодов, в начале декабря. За 1869 г. на керченском кладбище похоронили 15 чинов Литовского полка.

В 1871 г. были приняты государственные меры по улучшению условий службы и санитарного состояния чинов армии. Изменились принципы ведения полкового хозяйства. Несколько улучшилось и материальное положение офицеров. 1 января 1872 г. были увеличены денежные оклады. Командир полка стал получать 1,5 тыс. рублей серебром, командиры батальонов — по 600 рублей, командиры рот — по 300. С этого же года офицерам денежное содержание стали выдавать ежемесячно.

В 1871 г. произошли некоторые изменения в униформе. Двубортные мундиры заменялись однобортными с восемью медными гладкими пуговицами и такими же пуговицами на каждом рукавном обшлаге спереди и четырьмя сзади на карманных клапанах. Погоны у нижних чинов на мундирах и шинелях стали красными, с насечкой номера дивизии, подложенной жел-

*Знак отличия ордена Св. Анны — награда для
нижних воинских чинов Российской империи.
Представляла собой серебряную позолоченную медаль
с изображением орденового знака*

той сукном. На мундире штаб-офицеров вместо галуна стали нашиваться галунные петлицы, как и у обер-офицеров. Кепи, имевшие белые чехлы, стали носиться с белыми назатыльниками. Сапоги с длинными голенищами в полку нижние чины носили еще с 1867 г. Скатанную шинель теперь носили не на ранце, а через левое плечо поверх него. У музыкантов от прежней формы остались только «крылышки»-наплечники.

В 1872 г. Керченскую крепость осмотрел император Александр II. 11 августа он произвел смотр Литовскому полку и батальону Керченской крепостной артиллерии. В тот же день была объявлена благодарность войскам от имени самодержца, и всем нижним чинам, находившимся в строю, было пожаловано по 25 копеек.

После смотра литовцам было объявлено, что десятилетний период их работ по возведению крепости заканчивается. Полк возвращался в покинутый им 19 лет назад Севастополь. В октябре пароходами «Могучий» и «Византия» двумя эшелонами литовцы были доставлены в Севастополь.

До лета 1873 г. полк обустроивался и вел интенсивные занятия. 23 августа 1873 г. литовцы вновь побывали на императорском смотре под Севастополем, и вновь император выказал свое удовлетворение состоянием полка, традиционно пожаловав нижним чинам по 25 копеек.

СИМФЕРОПОЛЬ — ПОЛКОВОЙ ДОМ НА МНОГИЕ ГОДЫ

Под сенью мира полк живет...

К. К. Павлюк

На новом месте

1 января 1874 г. было объявлено о введении в России всеобщей воинской повинности. Летом того же года в полку вспыхнула болезнь, напоминавшая о строительных работах в Керчи. У многих чинов началось воспаление глаз. Для борьбы с эпидемией пришлось разбивать лагерь для заболевших в районе деревень Варнутка²²¹ и Кучук-Мускомя²²² в Варнутской долине.

1 августа стало известно, что император вновь проведет смотр, причем основное внимание будет уделено огневой подготовке. Началось интенсивное обучение нижних чинов, причем им выдавался усиленный рацион питания и дополнительные порции чая. 16 сентября был произведен смотр Литовскому и другим полкам 13-й пехотной дивизии, а также 13-й полевой артиллерийской бригаде и Донскому казачьему № 15 полку. Литовцы традиционно показали высокий уровень подготовки, и нижним чинам было пожаловано от имени императора по 50 копеек.

17 сентября были проведены стрельбы. Результаты были хорошими, и в благодарность нижним чинам полка пожаловали порцию водки. После смотра литовцам было приказано готовиться к выступлению на новые квартиры. Первоначально планировалось, что местом дислокации станет Бахчисарай, но вскоре было принято решение, что полк сместит в Симферополе находившийся там до этого 49-й пехотный Брестский полк, который перейдет в Севастополь. 1 октября 1874 г. линейные роты и штаб полка уже находились в Симферополе; стрелковые роты между тем пока оставались в Бахчисарае.

В Симферополе литовцы частично заняли казармы инженерного ведомства, частично — временно расселились в домах, предоставлен-

---

221 В настоящее время — Гончарное (Севастополь).

222 В настоящее время — Резервное (Севастополь).

Долгоруковская улица в Симферополе. Начало XX в.

ных городскими властями. Полковое офицерское собрание разместилось в казенном здании инженерного ведомства, выходящем на улицы Александра Невского и Долгоруковскую. Полковой лазарет не открывали, так как в Симферополе имелся военный госпиталь.

Еще во время лагерного сбора 375 чинов Литовского полка приняли участие в работах по завершению строительства первой в Крыму железной дороги, Лозово-Севастопольской, соединившей Севастополь с обеими столицами империи.

Интересно, как описан Симферополь того времени в полковой истории:

Симферополь, губернский город Таврической губернии, раскинувшийся на берегах воспетого Пушкиным Салгира, севернее Крымских гор и в виду возвышающейся вдали шапки величественного исполина их — Чатыр-Дага, явился весьма покойной и довольно удобной стоянкой для полка, который в этом имеющем лишь административное значение уютном и мирном уголке Крыма со здоровым климатом и повел с тех пор казарменное существование, закончив прежние скитания. Единствен-

ными шероховатостями на общем фоне этой стоянки оказались для литовцев некоторая неудовлетворительность помещений, занятых частями полка, разбросанность таковых помещений в городе и грязь, которая в ненастную погоду обильным жидким слоем покрывала симферопольские улицы и площади; последнее неудобство было, впрочем, не в диковинку литовцам, так как и прежние их стоянки отличались им...

В Симферополе полк покинули многие офицеры — ветераны Кавказских войн: подполковники Соколов, Зеленин, капитан Шумаков, штабс-капитан Котаки. Еще раньше перевелись в 52-й пехотный Виленский полк майор Лельвер и капитан Карташов.

По прибытию в столицу Таврической губернии тяжело заболел и вскоре умер командир полка полковник П. И. Арцыбашев. Обязанности командира стал исполнять старший из штаб-офицеров — полковник А. И. Защук, ветеран Крымской кампании. Он же стал следующим командиром полка с 30 ноября 1874 г.

Защук Александр Иосифович (1828–1905) — русский военачальник, генерал-майор. Происходил из дворян Петербургской губернии. В 1840 г. был зачислен кадетом в Павловский кадетский корпус. В 1848 г. произведен в прапорщики в Финляндский драгунский полк. В 1849 г. участвовал в подавлении Венгерского мятежа. По возвращении в Россию поступил в Императорскую военную академию, но еще до ее окончания был откомандирован в качестве офицера, причисленного к Генеральному штабу, в Севастополь. С 1851 г. — поручик. В 1855 г. был причислен к Генеральному штабу и назначен квартирмейстером. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В период обороны Севастополя был офицером Генерального штаба при 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П. А. Урусова, находился на Первом бастионе. В августе 1855 г. в сражении на реке Черной и Федюхиных высотах командовал авангардом, состоявшим из семи сотен донских казаков. В 1855 г. за отличие в сражениях был произведен в штабс-капитаны. В 1856 г. в деле против французского передового отряда у селения Бага²²³ в Байдарской долине был ранен неприятельской пулей в правую ногу ниже колена и был вынужден покинуть действующую армию. В 1857 г. был зачислен в Гене-

223 В настоящее время — Новобобровское (Севастополь).

А. И. Защук

ральный штаб. В 1857–1858 гг. — дивизионный квартирмейстер бывшей резервной дивизии 5-го армейского корпуса. В 1858–1863 гг. — дивизионный квартирмейстер 15-й пехотной дивизии. С 1860 г. — капитан. В 1860 г. за отличное составление двутомного статистического описания Бессарабской области был награжден премией в размере 800 рублей серебром. В 1863 г. был произведен в подполковники с назначением начальником штаба 32-й пехотной дивизии. В 1864 г. находился в составе войск Киевского военного округа, занятых усмирением польского мятежа. В 1864 г. был переведен в штаб 13-й пехотной дивизии. В 1865–1866 гг. был командирован в Таврическую губернию для наблюдения за

производством рекрутского набора. В 1866–1869 гг. — начальник штаба 11-й пехотной дивизии. В 1867 г. за отличие по службе был произведен в полковники. В 1869 г. — начальник штаба 12-й пехотной дивизии. В 1869–1872 гг. — командир 128-го пехотного Старооскольского полка. В 1872 г. был уволен в четырехмесячный отпуск для излечения раны с отчислением от настоящей должности и зачислением по армейской пехоте. В 1873 г. был переведен в 51-й пехотный Литовский полк. В 1874–1878 гг. — командир полка. В 1877–1878 гг. — помощник начальника Ялтинского военного отдела. В 1879 г. подал прошение об отставке по состоянию здоровья. Высочайшим приказом о военных чинах был уволен со службы генерал-майором, с мундиром и пенсией. Выйдя в отставку, поселился с женой в Ялте. С 5 октября 1904 г. как участнику обороны Севастополя была назначена дополнительная «севастопольская пенсия» в размере 360 рублей. Скончался в Ялте в 1905 г., завещав похоронить себя среди боевых друзей на Братском кладбище Севастополя.

За ученые труды был принят в Императорское русское географическое общество членом-сотрудником; с 27 октября 1860 г. — действительный член. Являлся также членом Одесского общества истории

и древностей (1861), Императорского общества сельского хозяйства Южной России (1861), Херсонского статистического комитета (1863) и Таврического губернского статистического комитета (1868).

За мужество и храбрость, проявленные в стычках с неприятелем в ходе Крымской войны, был награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (1855). Также был награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (1855), II ст. с мечами над орденом (1865), II ст. с императорской короной и мечами над орденом (1869), Св. Владимира IV ст. с бантом (1872), Св. Анны II ст. (1875). Имел серебряную медаль за усмирение Венгрии и Трансильвании (1849), серебряную медаль за оборону Севастополя и бронзовую медаль в память Крымской войны, темно-бронзовую медаль в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Следующий, 1875 г. полк начал интенсивными занятиями. В феврале случилось происшествие, о подобных которому в полку уже давно забыли. За неповиновение начальнику был предан военному суду недавно призванный из запаса подпоручик Хрущев. Положение усугублялось тем, что все произошло на почве личной неприязни и во время несения караульной службы. Суд назначил офицеру один год и четыре месяца заключения в крепости.

Зимой 1874–1875 гг. в полк были переведены из Брестского полка майоры Лушинский и Кашенко. Одновременно в полк поступили семь обер-офицеров, которые предпочли службу в Симферополе. В Брестский полк, наоборот, убыли несколько офицеров-литовцев.

В начале лета было объявлено, что сбор стрелковые роты проведут возле Бахчисарая, остальные — под Севастополем. Во время сбора полк проводил тактические занятия, штурмуя Рудольфову гору или занимая бывшие французские позиции у хутора Языкова.

19 августа 1-я линейная рота Литовского полка убыла в Ливадию для несения караульной службы по охране царской семьи.

16 сентября император лично провел смотр Литовскому полку и остальным полкам 13-й дивизии, 13-й артиллерийской бригаде и 1-му эскадрону недавно сформированного из крымских татар Крымского дивизиона. Александр II остался доволен увиденным, за что была объявлена благодарность начальникам, а нижним чинам было пожаловано по 50 копеек. На следующий день все воинские подразделения провели стрельбы в присутствии императора, за что чинам пехоты и артиллерии

пожаловали еще по 50 копеек, а остальным — по 25 копеек на человека. Портупей-юнкера Птицын, Орловский и Битный-Шляхта были произведены в прапорщики.

В конце сентября литовцы возвратились из лагерей в Симферополь. 1-я рота продолжала нести службу в Ливадии до 22 ноября. Находившиеся с ней офицеры — поручик Щербак, поручик Андржейкевич и прапорщик И. П. Залесский²²⁴ — были произведены в следующие чины. Последний, будучи человеком талантливым и весьма образованным, удостоился получить от императрицы Марии Александровны еще и перстень с бриллиантом. Кроме того, поручик Рафанович, прапорщик Арцыбашев и младший врач коллежский асессор Цвисс также получили различные подарки. Командир полка полковник А. И. Защук удостоился ордена Св. Анны II ст.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В 1876 г. срок службы нижних чинов сократился до пяти лет действительной службы и десяти лет — в запасе. Еще до этого, в 1875 г., награждение нашивками из желтой тесьмы за шесть лет беспорочной службы было отменено.

В том же, 1875-м, году в Литовский полк из Брестского был переведен майор Андреевский.

В 1875–1876 гг. на Балканах началось антитурецкое восстание. Вначале происходили христианские волнения в турецких провинциях Боснии и Герцеговины. Затем они переросли в открытые выступления, перекинувшиеся в Болгарию. Сербия и Черногория, не позволившие себе остаться в стороне, объявили Турции войну.

В народных массах в России начался подъем славянского патриотизма. Литовский полк не стал исключением. В его рядах служил поручик Петрович, молодой офицер из южных славян, окончивший в 1871 г. Одесское пехотное юнкерское училище. В полку он быстро заслужил всеобщее уважение, вскоре занял должность заведующего оружейной частью и весной 1875 г. получил от полка саблю с надписью на эфесе

---

224 Залесский Иван Петрович (?–?) — военнотружаший Литовского полка. В 1873 г. был выпущен из Одесского военного училища по первому разряду в 51-й пехотный Литовский полк. После окончания таганрогской гимназии и до поступления в военное училище уже служил в Литовском полку вольноопределяющимся и был, таким образом, коренным литовцем.

«За фехтовальный бой» и на клинке (золотыми славянскими буквами, стилизованными под старославянский шрифт) — «Приз 51-го пехотного Литовского полка прапорщику Петровичу за состязание на штыках апреля 21-го дня 1875 года». С началом восстания этот офицер, взяв отпуск, выехал на Балканы, где вступил добровольцем в ряды сербской армии. Случившееся с ним там в скором времени стало одной из самых славных страниц истории Литовского полка.

Под влиянием событий на Балканах полку было приказано принять некоторые меры по усилению охраны побережья. Для этого от 3-й стрелковой роты были направлены две команды для оказания помощи пограничной страже. Одна из них (численностью 15 человек, под командованием унтер-офицера из вольноопределяющихся А. С. Чистякова) расположилась на хуторе Хомутова под Севастополем, другая (два унтер-офицера и 36 рядовых под командой прапорщика Битного-Шляхты) — в Балаклаве.

Чистяков Александр Степанович (1855–?) — русский военачальник, генерал-майор. Образование получил во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. В службу вступил в 1873 г. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (по второму разряду), был выпущен в 51-й пехотный Литовский полк. С 1876 г. — прапорщик. С 1877 г. — подпоручик. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1879 г. — поручик. В 1883 г. за отличие был произведен в штабс-капитаны. Окончил Офицерскую стрелковую школу. С 1890 г. — капитан. Командовал ротой. С 1901 г. — подполковник. В 1901–1904 гг. — заведующий хозяйством. В 1904–1908 гг. — командир 2-го батальона 7-го гренадерского Самогитского полка. В 1906 г. за отличие произведен в полковники. В 1908–1910 гг. — командир 246-го Грязовецкого резервного батальона. В 1910–1913 гг. — командир 184-го пехотного Варшавского полка. В 1913 г. был уволен со службы с мундиром и пенсией, а также с производством в генерал-майоры. После начала Первой мировой войны был возвращен на службу тем же чином. С 1916 г. — начальник 24-й пехотной запасной бригады.

Был награжден орденами Св. Анны III (1901) и II (1909) ст. ст., Св. Владимира IV ст. (1903, за 25 лет службы) и Св. Станислава II ст. (1905).

Лагерный сбор 1876 г. прошел обычным порядком, но без традиционного высочайшего смотра, хотя император и находился в Крыму

до наступления осени. 1-й и 2-й батальоны провели сбор под Севастополем, а 3-й оставался в Симферополе. Стрелковые роты находились в Бахчисарае, на зимних квартирах, не привлекаясь к общему сбору.

20 сентября 1876 г. литовцы возвратились в Симферополь. Но политические события вновь нарушили привычный ритм жизни. 1 октября поступил приказ отправить три роты на Южный берег для охраны побережья: 11-я линейная рота убыла в Гурзуф, 12-я — в Алушту, 3-я стрелковая — в Алупку. Вскоре 10-я рота отправилась в Евпаторию, а 5-я и 6-я роты — в Ливадию, для охраны императорского имения. Перед ротами поставили задачу оказывать содействие пограничной страже, осуществлять контроль над местным населением и его настроениями, не допускать высадки эмиссаров из Турции под видом прибывших на небольших судах рыбаков и охотников за дельфинами.

1 ноября 1876 г. была объявлена мобилизация русской армии, в том числе войск Одесского военного округа. Были сформированы два армейских корпуса — 7-й и 10-й. В состав последнего вошла 13-я пехотная дивизия (вместе с 34-й пехотной и 10-й кавалерийской дивизиями). Командиром 10-го корпуса стал генерал-лейтенант князь С. М. Воронцов, сын скончавшегося в 1856 г. генерал-фельдмаршала М. С. Воронцова, под руководством которого литовцы сражались на Кавказе. Вместо командира бригады генерал-майора В. И. Яновского, ставшего начальником штаба 7-го корпуса, на эту должность из запасных войск был назначен генерал-майор Высоцкий.

После объявления мобилизации часть офицеров полка откомандировали в другие части. Одновременно в Симферополе начали формировать 51-й запасной батальон, в задачу которого входила подготовка пополнения для полка. Командиром батальона был назначен подполковник Радчевский, один из самых славных офицеров-литовцев, служивший в полку еще во время Крымской войны 1853–1856 гг. Из других офицеров в состав запасного батальона были назначены капитан Способный, штабс-капитан Лютостанский, поручик Алексеев, прапорщики Тисленко и Птицын. Но вскоре все они вернулись обратно в полк.

Другой штаб-офицер, майор Папалекси, служивший с полком на Кавказе и за Кубанью, получил назначение на должность командира 49-го пехотного запасного батальона. После расформирования этого батальона в 1878 г. он был переведен в 50-й пехотный Белостокский полк, но в 1881 г. году вернулся обратно в Литовский полк. В 1885 г. вышел в отставку в звании полковника.

Кроме вышеперечисленных на пополнение крепостных частей, 1-го и 2-го Керченских и Бендерского батальонов, в Симферопольский местный батальон ушли майоры Батранец и Голосов, а также 14 обер-офицеров.

Мобилизация полка шла медленно, сказывалась осенняя распутица, мешавшая своевременному прибытию запасных, необходимых для доведения полка до численности военного времени. 3 ноября для выполнения военно-конской повинности в командировку был отправлен поручик Орлов 1-й, возвратившийся обратно 17 ноября. Помимо него от полка были откомандированы: поручик Бажанов — на должность комиссара одного из военно-временных госпиталей, развернувшихся в Бессарабии; поручик В. Д. Карачевский-Волк — на аналогичную должность в подвижном дивизионе 13-й пехотной дивизии; поручик Дмоховский — на станцию Мелитополь для наблюдения за порядком среди нижних чинов из эшелонов, следовавших по Лозово-Севастопольской железной дороге.

Убыль офицеров компенсировали производством в офицерские чины семерых своих портупей-юнкеров, окончивших юнкерские училища, и трех портупей-юнкеров 88-го пехотного Петровского полка, расположенного в Петербургском военном округе. Из других частей в Литовский полк прибыли десять офицеров²²⁵. Пятерых офицеров призывали из запаса, но многие из них «были в почтенном возрасте и оказались малопригодными для службы в строю». С большими усилиями численность полка постепенно довели до штата военного времени.

13-я пехотная дивизия под командованием генерал-адъютанта О. Б. Рихтера, с 13-й артиллерийской бригадой, одной батареей 34-й артиллерийской бригады, двумя батальонами 136-го пехотного Таганрогского полка, Крымским дивизионом и четырьмя сотнями Донского казачьего № 10 полка, получила приказ охранять побережье Крыма от Сак до крепости Керчь. Литовский полк был расположен так: один батальон с сотней Донского казачьего № 10 полка и батареей 13-й артиллерийской бригады входил в состав Ялтинского отряда и наблюдал за Южным берегом Крыма от деревни Кикенеиз²²⁶ до Алушты; один батальон с полусотней казаков из состава сотни, расположенной в Феодосии, образовывал

---

225 В том числе один прапорщик местных войск, прослуживший в этом звании десять лет и имевший возраст 35 лет от роду.

226 В настоящее время — Оползневое (Республика Крым).

отряд от Карасубазара до Судака с задачей наблюдения за побережьем от Феодосии до Алушты; последний батальон совместно с батальоном Таганрогского полка находился в резерве. Таким образом, почти весь полк был задействован в охране побережья. Даже его штаб переместился из Симферополя в Ялту. В Симферополе оставался только 3-й батальон.

К зиме 1876–1877 г. роты, задействованные в охране побережья, сменили. 23 ноября в Гурзуф откомандировали 7-ю линейную роту, в Алушту — 8-ю, в Ялту — 2-ю стрелковую. 3-я стрелковая рота была отозвана 19 февраля 1877 г. в Симферополь. Она разместилась вблизи от города, в селении Старые Саблы²²⁷, и пробыла там до 28 февраля следующего, 1878-го, года.

Только 1-й батальон полка встретил новый 1877 г. в казармах в Симферополе. Но в январе и его перебросили на юг. Его роты разместились под Алуштой: 1-я — в деревне Шумы²²⁸, 2-я — в деревне Корбеклы²²⁹ у подножия Чатыр-Дага, 3-я — в деревне Дерменкой²³⁰. В Симферополь вернулись 11-я и 12-я роты из Судака и Старого Крыма. Штаб полка разместился в Ялте. Условия службы по охране побережья были достаточно комфортными: роты располагались преимущественно в строениях, особенное внимание уделялось медицинскому обеспечению — при каждой роте состоял фельдшер с необходимыми материалами.

В январе 1877 г. открыли лазаретное отделение полка, заведовать которым назначили поручика Петрожицкого, имевшего опыт заведования полковым лазаретом во время дислокации литовцев в Керчи и Севастополе.

12 апреля 1877 г. был обнародован манифест о разрыве отношений с Турцией. В полку отслужили молебен во славу русского оружия.

Когда начались военные действия, многие литовцы изъявили желание служить на театре военных действий. Однако в отношении частей, занятых охраной морского побережья, действовал строжайший запрет на откомандирование офицеров в действующую армию. Несмотря на это, некоторым литовцам удалось принять участие в боевых действиях.

К таковым относился поручик А. Н. Скорняков, добившийся удовлетворения поданного рапорта об откомандировании в действующую

---

227 В настоящее время — Каштановое (Республика Крым).

228 В настоящее время — Верхняя Кутузовка (Республика Крым).

229 В настоящее время — Изобильное (Республика Крым).

230 В настоящее время — Запрудное (Республика Крым).

армию. Этот офицер, лишь в августе 1876 г. выпущенный из Александровского военного училища, убыл в распоряжение Главной квартиры русской армии на Дунае, где попал в состав формировавшегося болгарского ополчения. Он участвовал в боях в должности ротного командира, «поддержав боевую репутацию литовцев». За отличие в бою при Ески-Загре²³¹ 18 июля 1877 г. он был награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом; за мужество, проявленное при защите Шипкинского перевала с 9 по 15 августа 1877 г., — орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом; и, наконец, за отличие в бою при Шейново 28 декабря 1877 г. — орденом Св. Станислава II ст. с мечами.

Скорняков Александр Николаевич (1854–?) — русский военачальник. Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе. В службу вступил в 1874 г. Окончил 3-е военное Александровское училище. Выпущен подпоручиком в 1876 г. в 51-й пехотный Литовский полк. С 1877 г. — поручик. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1880 г. за отличие был произведен в штабс-капитаны. Окончил Офицерскую стрелковую школу. С 1886 г. — капитан. Командир роты на протяжении 13 лет. С 1892 г. — подполковник. Два с половиной года командовал батальоном. В 1903 г. за отличие был произведен в полковники. В 1904–1906 гг. — командир 2-го Кавказского стрелкового батальона. В 1906–1910 гг. — командир 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. В 1910 г. за отличие был произведен в генерал-майоры. В 1910–1915 гг. — командир 2-й бригады 51-й пехотной дивизии. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. — командир бригады 62-й пехотной дивизии. Награжден Георгиевским оружием (высочайший приказ от 29 мая 1915 г.). В 1915–1917 гг. — командир 105-й пехотной дивизии. С 1916 г. — генерал-лейтенант. Был награжден орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (1877), II ст. с мечами (1879), Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1878), II ст. (1895), Св. Владимира III ст. (1908), Св. Георгия IV ст. (1917).

После объявления войны охрана границы Литовским полком была реорганизована в соответствии с требованиями военного времени. В день разрыва отношений с Турцией, 12 апреля 1877 г., в Крыму было объявлено военное положение, впрочем, мало отразившееся на

231 В настоящее время — Стара-Загора (Болгария).

привычной жизни полуострова. Офицеры полка стали с этого времени получать полевые порции, а командиры рот в связи с их разбросанностью — особое денежное пособие.

Побережье Черного моря от Херсона до Керчи разделили на пять самостоятельных военных отделов. 1-й и 2-й батальоны Литовского полка были включены в состав 4-го (Ялтинского) отдела — от деревни Мшатка²³² и имения Меллас до деревни Ускут²³³ (вблизи Судака) — протяженностью до 100 верст. Кроме литовцев здесь дислоцировались 5-я батарея 13-й артиллерийской бригады, 1-я и 4-я сотни Донского казачьего № 10 полка под общим командованием командира 2-й бригады 10-й кавалерийской дивизии генерал-майора Офросимова (заместитель — командир Литовского полка полковник А. И. Зашук). В свою очередь Ялтинский отдел разделили на два отряда: первым командовал командир 2-го батальона Литовского полка майор Андреевский, вторым — командир казачьего полка полковник Филин.

3-й батальон Литовского полка тем временем находился в Симферополе, в резерве корпусного командира генерал-адъютанта С. М. Воронцова.

Связь между всеми отрядами осуществлялась по телеграфу. Были разработаны подробнейшие инструкции для действий в случае появления турецких кораблей или попытки высадки десанта на берег. Артиллерии было приказано не открывать огонь, чтобы не обнаружить свои позиции, пока вражеские корабли не окажутся в зоне надежного поражения.

Еще одной задачей было постоянное патрулирование сел Южного берега Крыма. С одной стороны, это планировалось делать для контроля татарского населения, с другой — для изучения местности войсками. Полезным оказалось лишь второе. Татарское население было совершенно лояльным, не было зафиксировано ни единого случая проявления коллаборационизма, в отличие от, например, Крымской войны.

Служба была организована четко, чему способствовало и то, что во главе батальонов Литовского полка стояли закаленные службой ветераны: майоры Луцинский (1-й батальон), Андреевский (2-й батальон), Кашенко (3-й батальон). Под стать им был начальник стрелковых рот полка майор Д. Г. Троцкий, недавно произведенный из капитанов, старый кавказец, почти 25 лет прослуживший в полку.

---

232 В настоящее время — Санаторное (Республика Крым).

233 В настоящее время — Приветное (Республика Крым).

Кроме этих офицеров в полку оставался только один, шесть лет прослуживший с полком в Закавказье, — командир 11-й роты капитан Тертилов. Еще два боевых кавказца, братья Орловы, пришли в полк будучи унтер-офицерами²³⁴ в 1857 г., когда литовцы пребывали в составе Адагумского отряда.

Меньшие сроки на Кавказе прослужили заведующий хозяйством полка майор Горбакони, младший штаб-офицер майор Творогов и командир 4-й линейной роты капитан Табунов. Горбакони и Табунов²³⁵ имели знаки отличия Военного ордена. Творогов, Табунов, Кащенко²³⁶ и Андреевский²³⁷ были участниками знаменитого для литовцев Чолокского сражения²³⁸.

Командир 6-й роты капитан Лютостанский в 1854–1855 гг. шесть месяцев защищал Севастополь в составе Волынского пехотного полка, получив за боевое отличие чин подпоручика и орден Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость». Еще одним ветераном севастопольской обороны был командир 9-й роты капитан Толмачев, семь месяцев прослуживший в чине юнкера в 5-м резервном батальоне полка. Он был произведен в прапорщики после того, как получил контузию в правый глаз и левую ногу и ранение осколком бомбы в левую руку²³⁹.

В 1877 г. литовцы узнали о трагической участи их сослуживца Петровича. С началом войны он оставался в сербской армии в звании штабс-капитана, но вскоре восстановился на русской службе, получив назначение командиром роты в 54-й пехотный Минский полк. При переправе через Дунай понтон, на котором на другой берег перебиралась его рота, был потоплен. Спасся только один из солдат. Уже после окончания боевых действий на берегу было обнаружено истлевшее тело, при котором обнаружили записную книжку Петровича. В 1894 г. болгарские рыбаки подняли затонувший понтон, в котором оказалось 69 пробоин. Среди обнаруженных на нем предметов, оказались револьвер и сабля, врученная офицеру в Литовском полку за фехтовальный бой.

---

234 В офицеры были произведены в 1862 г.

235 Во время сражения при Чолоке был рядовым.

236 Получил за сражение при Чолоке орден Св. Анны III ст. с бантом.

237 Получил за сражение при Чолоке старшинство в чине прапорщика со дня боя.

238 Правда, все они служили тогда в 50-м Белостокском полку.

239 Впоследствии служил в 4-м резервном батальоне полка и вместе с ним в 1863 г. вошел в состав Путивльского пехотного полка, но вскоре вернулся в Литовский полк.

Вот как эти события были описаны в военном журнале «Разведчик» в 1894 г.:

Недавно близ Систова²⁴⁰ болгары-рыбаки подняли со дна Дуная наш понтон, затонувший во время переправы, в последнюю турецкую кампанию, наших войск через Дунай у Зимницы²⁴¹. В найденном понтоне 69 пробоин, из них 25 — в носовой части. О составе же команды, по всей вероятности целиком погибшей, можно судить по следующему количеству, найденного в понтоне, оружия: один револьвер, заряженный шестью патронами, и 15 винтовок.

Таким образом, наш понтон через 17 лет опять напомнил освобожденной Болгарии ту «кровоавую» ночь, с 14 на 15 июня, когда под руководством генерал-адъютанта Драгомирова началась переправа через Дунай 14-й пехотной дивизии и прикомандированных к ней войск (сводная гвардейская рота, две роты пластунов, 4-я стрелковая бригада и два горных батареи) на четырех понтонных парках, незаметно для турок сосредоточенных в Зимнице. В первый эшелон было посажено 11 рот 53 пехотного Волынского полка, которым и выпала судьба первыми укрепиться на турецком берегу и еще раз доказать, что для русского воина нет такой боевой задачи, которую бы он не выполнил и ради которой он не положил бы «живота своего на поле брани». Известно, что несколько понтонов было турецкими выстрелами потоплено, в том числе даже целый паром с двумя горными орудиями.

Остается сказать, что в поднятом рыбаками понтоне, кроме уже перечисленных предметов, найдена еще ценная по своему значению вещь. Это хорошо сохранившаяся офицерская сабля с серебряным государственным гербом, на котором имеется надпись «За фехтовальный бой». На лезвии же клинка сделана золотыми славянскими буквами еще следующая надпись: «Приз 51-го пехотного Литовского полка прапорщику Петровичу за состязание на штыках апреля 21-го дня 1875 г.»

Итак, владелец сабли был храбрый офицер. [Он] погиб, по всей вероятности, на продырявленном турецкими пулями пон-

240 В настоящее время — Свиштов (Болгария).

241 В настоящее время — Зимница (Румыния).

тоне и своей смертью поддержал тот завет нашей армии, который к ней стал прививаться со времени Полтавской битвы и так блестяще был еще раз выказан в последнюю турецкую кампанию, когда наши полки закончили свои военные операции под стенами Царьграда²⁴².

Остается лишь пожелать, чтобы современное правительство Болгарии в память тех кровавых жертв, которые были принесены русской армией для ее освобождения, было бы хоть настолько благородно, что передало бы найденную саблю или родственникам прапорщика Петровича, или же, что еще, пожалуй, лучше, обществу офицеров 51-го пехотного Литовского полка, которое, по всей вероятности, и причислит найденную саблю бывшего своего сочлена, столь геройски во славу русского оружия погибшего, к своим полковым регалиям, напоминающим боевую славу полка²⁴³.

Статья вызвала большую реакцию в российской армии. В том же номере «Разведчика» предлагалось перенести останки солдат и офицеров, обнаруженные на понтоне, в Россию. На родине их считали возможным предать земле на Братском кладбище в Севастополе.

Что касается найденной сабли, то болгарское правительство своим распоряжением определило, что право на ее наследование имеют литовцы, так как именно они вручили саблю штабс-капитану Петровичу. В 1895 г. полк получил это наследство и поместил саблю в особой витрине офицерского собрания. В память о погибшем отслужили панихиду. К слову, до настоящего времени сабля не сохранилась, и судьба ее неизвестна. Скорее всего, она была похищена во время событий 1917 г. или уже после окончания Гражданской войны в Крыму стала трофеем какого-нибудь красного командира.

Через шесть лет судьба штабс-капитана Петровича стала предметом воспоминаний одного из офицеров-литовцев, опубликованных в «Разведчике» в 1900 г.:

В 1871 г. я был адъютантом 3-го батальона Литовского пехотного полка. Полк этот в то время расположен был в Керчи.

---

242 Имеется в виду Константинополь.

243 Николаев Н. Находка русского понтона на дне Дуная // Разведчик. 1894. № 210.

Не помню с точностью, в 1871 или 1872 г., в наш полк прибыл из Одесского юнкерского училища портупей-юнкер Петрович, родом болгарин. С Петровичем я скоро сошелся, и именно сошлись мы с ним на верховой езде, так как оба были страстные ездоки. Я ездил на своей строевой лошади, а Петрович, прекрасный ездок, из любви к искусству объезжал лошадь полкового квартирмейстера г. Щ.

Из разговоров с Петровичем я узнал, что до переведения в русскую службу он служил в Сербии в конной артиллерии (чем и объясняется, что он прекрасно ездил верхом). На мои вопросы, почему Петрович оставил свою родину, Болгарию, он от объяснений видимо уклонялся; а я, конечно, не настаивал, почему и до нашего времени не знаю причины, побудившей Петровича оставить родину; хотя по некоторым словам Петровича и можно было заподозрить тут тяжелую драму, а может быть, и трагедию.

Помню раз в чудный августовский вечер я и Петрович после танцевального вечера в нашем лагере провожали мою сестру и ее подругу к родственнику моему, капитану Ш., жившему со своей семьей в крепости. Проводив сестру до двери квартиры Ш., я и Петрович отправились обратно в лагерь. Вечер был лунный, и мы тихо шли по гласису крепости, занятые каждый своими мыслями. Вдруг мне послышался тяжелый вздох Петровича, а затем он обратился ко мне:

— Счастливец ты, Д.! Вот у тебя есть сестра, с которой ты можешь смело показываться везде, зная, что ее никто не обидит и не отнимет у тебя; есть у тебя отец, которого у тебя на глазах не станут мучить и пытаться, чтобы вынудить у него предполагаемые деньги. Все вы, русские, живете под защитой одинакового и для богача и для бедняка закона. А есть на свете такая несчастная страна, в которой закон хоть и есть, но его можно купить, и кто больше заплатит, тот и прав. Есть на свете такая страна, где девушка не смеет показаться на улице, не опасаясь попасть в гарем тупоголового турка. Там же, в той стране, на глазах семьи мучают отца, отнимают у матери красивых девочек, будущий продукт для гаремов, а мать, защищающую этих детей, убивают. О турки, турки! — заскрипел зубами Петрович. — Да, и эта страна находится бок-о-бок с сильными державами; она известна всему цивилизованному миру, который с полным равноду-

шим смотрит на мучения целого народа. Страна эта Болгария, моя несчастная родина.

Удивляла меня в Петровиче его боязнь воды. Помню, в Керчи же мы с ним стояли на набережной, любуясь красивым вечерним видом на бухту. В это время из ближайшей купальни показался пловец и легко и быстро поплыл далеко в бухту. Петрович, внимательно следя за плывущим, задумчиво сказал мне:

— Как бы я хотел так хорошо пливот (Петрович говорил с сильным болгарским акцентом).

— Отчего же не учишься? Научиться плавать не трудно, — ответил я.

— Знаю, что не трудно; да вот беда, что воды боюсь. А через это если бы и научился плавать, то все-таки не плавал бы. И странное дело, с самого детства я без всякой причины боюсь воды. Должно быть, я жизнь свою закончу в воде! — засмеялся Петрович.

Второй раз, уже в Севастополе, куда перешел Литовский полк осенью 1872 г., Петрович приехал ко мне на Константиновскую батарею, и мы с ним отправились осматривать остатки башни, находившейся близ этой батареи.

Увлечшись осмотром и разговором, мы опоздали к последнему рейсу батальонного ялика в город. Море было спокойно и гладко как зеркало, и я предложил Петровичу перевезти его в город на моем ялике-двойке. Увидев этот крошечный ялик, Петрович, несмотря на мои уверения в полной безопасности езды, решительно отказался сесть в ялик и предпочел пешком отправиться на Северную слободку и оттуда на большом ялике переехать в город.

— Я и на большом ялике со страхом еду, а в твою скорлупу совсем не сяду! — говорил мне Петрович, отправляясь на Северную слободку.

Помню и еще случай. Это было осенью в скверный ветренный вечер. Я засиделся у знакомых и, возвратясь довольно поздно домой, [был] встречен Петровичем.

— Вот в чем дело: на завтра я назначен в Северное укрепление в караул. Узнал я об этом только вечером и теперь слишком поздно искать извозчика, чтобы ехать вкруговую, через Инкерманский мост на Северную; да и сдерет извозчик! А на ялике

при таком сильном ветре ехать я боюсь, и надежды, чтобы ветер стих, нет. Будь друг, иди завтра за меня в караул. Ты ехать на ялике не боишься. А я за тебя отдежурю. Пожалуйста!

— Да уж нечего с тобой делать, пойду!

— Ты вот что, Д., ты там не очень болтай об этом, — как-то сконфужено говорил Петрович.

— Боишься, что смеяться станут над водобоязнью? — сказал я. — Не бойся, не скажу!

При такой странной боязни воды о Петровиче далеко нельзя было сказать, что он трус. Трусость его была односторонняя, только по отношению к воде. Во всех других отношениях Петрович был бесспорно храбрым человеком, в чем я имел несколько случаев убедиться.

Началась мобилизация войск к последней русско-турецкой войне. Меня в это время в полку уже не было, и все последующее я знаю со слов товарищей-литовцев.

Как только сделалось известным, что война неминуема, некоторые из товарищей Петровича начали задавать ему вопросы: перейдет ли он из Литовского полка в действующую армию, пойдет ли он биться за свою родину, когда и т. п. Потом начались подтрунивания в роде того: какой ты есть болгарин, когда сидишь здесь, в то время как русские идут освобождать болгар и т. п. Как ни были добродушны эти товарищеские подтрунивания, но, вероятно, они добавили свою ложку дегтя в ту каплю меда, которая хранилась где-нибудь в глубине души Петровича, и колебания его разрешились тем, что он поступил в один из полков 14-й пехотной дивизии, которой выпала завидная доля первой начать переправу через Дунай и первой вступить на турецкую землю. И Петровичу в составе этой дивизии досталась честь начать переправу, да не досталось бедняку счастье вступить в числе освободителей на свою родную болгарскую землю, и в нескольких шагах от болгарского берега, пробитый пулями и гранатами, понтон утонул, унося на дно Дуная Петровича с 16 солдатами, бывшими с ним на понтоне.

Сабля Петровича хранится в офицерском собрании Литовского пехотного полка.

Мир праху твоему, товарищ! Да, жаль, что ты не умел хорошо «пливот» (плавать), благодаря чему ты утонул в несколь-

ких шагах от болгарского берега Дуная и не удалось тебе живому вступить на берег родины твоей, о которой ты так скорбел, и только пролежав 17 долгих лет в водах Дуная, ты с почетом зарыл в родную землю у Систова²⁴⁴.

В мае 1877 г. угроза высадки турок в Крыму заставила русское военное командование усилить бдительность. 27 июня несколько турецких военных кораблей обстреляли Евпаторию. 9 июля четыре вражеских корабля появились у Алушты. Литовцы несколько раз выходили на баркасах в море для разведки, а вечером того же дня ружейным огнем отогнали от берега турецкий пароход.

К осени напряжение спало: на фронтах Россия одерживала победы. В сентябре начальник корпуса принял решение вернуть 2-й батальон Литовского полка в Симферополь. 3-й батальон, наоборот, направлялся на Южный берег Крыма: 9-я рота расположилась в Ялте, 10-я и 11-я — в Ливадии, 12-я — в Симеизе, а 3-я стрелковая — в Алупке.

Турецкий флот продолжал иногда напоминать о себе. 30 декабря 1877 г. вновь была обстреляна Евпатория. 1 января 1878 г. бомбардировали Феодосию, где несли службу виленцы.

После подписания 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано мира, командующий Одесским военным округом издал приказ, в котором благодарил войска, задействованные в охране побережья. После Пасхи (27 апреля) литовцы вернулись в Симферополь.

Все чины полка получили медали темной бронзы на андреевско-георгиевской ленте, утвержденной в память войны 1877–1878 гг. Майор Андреевский (командир 2-го батальона и начальник отряда в Ялте), штабс-капитан Мирец (командир 1-й стрелковой роты, стоявшей в Алуште) и штабс-капитан Падалко (командир 2-й стрелковой роты) были награждены орденами Св. Станислава II ст., Св. Анны III ст. и Св. Станислава III ст. соответственно.

В полк тем временем вернулись офицеры, откомандированные в действующую армию, — поручик А. Н. Скорняков и штабс-капитан В. Д. Карачевский-Волк. Первый из них за работу по созданию болгарской армии вскоре был произведен в штабс-капитаны, а впоследствии сделал прекрасную военную карьеру. Второй, состоявший в Болгарии комиссаром и, позднее, смотрителем при военных госпиталях, почти

244 Дзякович П. Петрович // Разведчик. 1900. № 489. С. 203–204.

В. Д. Карачевский-Волк

одновременно был награжден орденами Св. Станислава III ст. и Св. Анны III ст. Кстати, В. Д. Карачевский-Волк был отцом еще одного офицера-литовца.

После войны 1877–1878 гг.

По окончании Русско-турецкой войны полк перевооружили на 4,2-линейную скорострельную винтовку Бердана № 2. Такому скорому переоснащению способствовал негативный опыт практического применения шестилинейной винтовки Крнка.

Кроме того, итоги войны показали, что русский солдат страдал от губительного огня неприятельского стрелкового оружия, не имея шанцевого инструмента для самоокапывания. В 1878 г. каждая пехотная рота получила по 80 малых лопат образца капитана датской службы Линнемана и по 20 топоров. Все это носилось в специальных чехлах на поясе нижними чинами. Полагавшийся прежде каждой роте шанцевый инструмент продолжал возиться в ротных ящиках.

После окончания Берлинского конгресса 1 июля 1878 г. было решено произвести переброску в Россию из Турции и Болгарии бывших там войск. Из их числа в Севастополь морем были доставлены участвовавшие в войне части гвардии: полки 1-й Гвардейской пехотной дивизии — лейб-гвардии Измайловский и лейб-гвардии Егерский. Литовцы, бывшие в это время в лагере на Куликовом поле под Севастополем, принимали у себя гвардейских егерей.

20 августа 1878 г. император Александр III провел смотр как войскам гвардии, так и вместе с ними полкам 13-й пехотной дивизии, 13-й артиллерийской бригады и Крымскому дивизиону. По окончании смотра последовало распоряжение императора всем чинам, бывшим в строю и имевшим шевроны из галуна и знаки отличия Военного ордена, пожаловать по 3 рубля, остальным — по 50 копеек на человека.

17 декабря 1878 г. был уволен в отставку командир Литовского полка полковник А. И. Защук с одновременным производством в генерал-майоры. 5 февраля 1879 г. на освободившуюся должность назначили полковника А. П. Калинина, 54-летнего «старого холостяка», в прошлом — командира 57-го резервного пехотного (кадрового) батальона, стоявшего в Керчи. Это был опытный офицер, имевший все ордена, какие мог иметь офицер его звания, исключая орден Св. Георгия.

Летом 1879 г. 1-я рота Литовского полка несла караульную службу в Ливадии, охраняя императорскую резиденцию в Крыму и оставаясь там до отъезда семьи самодержца. За отличную службу царь приказал, чтобы встречным маршем 51-го пехотного Литовского полка отныне был полковой марш лейб-гвардии Литовского полка.

14 ноября командир 1-й роты штабс-капитан Рафанович, младшие офицеры поручики Залесский и Ивашин-Надток, прапорщик Смирнов и полковой адъютант подпоручик Щербак были произведены в следующие чины. Капитан Рафанович, кроме того, вскоре получил орден Св. Станислава III ст. Прапорщику Аксенову, самому молодому из офицеров роты, было пожаловано в награду полугодовое жалование в размере 138 рублей.

Личный царский подарок — золотые часы — получил фельдфебель 1-й роты А. Крюковский. Это был «старый ветеран, много лет до того прослуживший уже в рядах литовцев и произведенный в унтер-офицеры в той же роте еще 30 августа 1859 г., при возвращении полка из пределов Кавказа в Новороссийский край». Он был «краса и богатырь твердого фронта, живое звено, соединявшее старое поколение с юными воинами» или, иначе, живая летопись полка, хранитель и популяризатор его боевых преданий. Из числа нижних чинов в полку только этот почтенный служака, до мозга костей преданный своей части, являлся очевидцем и участником тех событий, которые прославили некогда имя литовцев на полях брани, только этот служака, заставший еще на службе в рядах полка былых героев Кавказа, дравшихся с горцами на восточном берегу Черного моря, в лесах и горах Чечни и Дагестана, мог повествовать о доблестных подвигах стариков молодым литовцам и заставить их проникаться любовью и уважением к своему полку, что, конечно, было весьма важно в военно-воспитательном отношении.

Вместе с тем А. Крюковский был образцом прежней строевой выправки и всегда лихо отдавал честь, маршируя при этом с носка, несмотря на то, что давно был введен в армии нашей на все случаи вольный

шаг, и относясь с добродушной иронией к молодым солдатам, которые не умели подражать в этом случае старому ветерану, так как обучались уже при новых порядках. Вскоре, впрочем, этот последний из могикан в полку, являвшийся типичным фельдфебелем доброго старого времени, оставил службу, ставшую для старого служаки обременительной при тех новых условиях, которые водворялись в армии.

Закончив трехмесячную караульную службу, 1-я рота 24 ноября 1879 г. пешим порядком совершила марш из Ливадии в Симферополь.

7 сентября того же года вышел приказ о переименовании 10-го корпуса в 7-й армейский, с присоединением к нему 7-й кавалерийской дивизии вместо 10-й. Командиром корпуса оставался генерал-адъютант князь С. М. Воронцов. Вместо старого командира бригады, в которую входили литовцы, генерал-майора В. И. Троицкого, назначался бывший командир 52-го пехотного Виленского полка С. А. Горданов, приобретший вскоре симпатии всех подчиненных.

В 1880 г. на Южном берегу Крыма было обнаружено, что виноградники некоторых частных владельцев (в основном в районе Байдарских ворот) заразились филлоксерой. Было принято решение привлечь части 13-й пехотной дивизии для уничтожения зараженных виноградников, чтобы предупредить распространение заболевания. Литовцы выделили несколько подразделений для выполнения этих работ, причем особую опытность проявил прапорщик Грамматикаки, который в последующем стал в Крыму экспертом по болезням виноградников.

2 марта 1881 г. литовцы присягнули новому императору, Александру III. Начало его эпохи сопровождалось волнениями народных масс, затронувшими и юг России. 3-я и 4-я роты литовцев были откомандированы в Мелитополь для оказания помощи полиции в поддержании порядка. Там они находились до 12 июня.

В 1881 г. в полк был определен младшим врачом Б. Р. А. Родзевич, выпускник Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, где «20 декабря 1880 г. признан лекарем». В 1916 г. он был начальником медицинского отдела Юго-Западного фронта у генерала А. А. Брусилова.

В 1882 г. в полку пристальное внимание уделялось повышению уровня огневой подготовки. Усердие, в том числе помощника командира полка капитана Миреца 2-го, бывшего с 1876 г. заведующим оружием и самого искусного стрелка, не пропало даром. Результаты, показанные на летнем смотре, превзошли самые смелые ожидания: литовцы получили оценку «выше отличной».

Во время смотра войск под Севастополем рота литовцев принимала военную делегацию итальянской армии, прибывшую на освящение кладбища Сардинского корпуса на горе Гасфорта. Ротой командовал капитан Р. Я. Люстранский, ветеран обороны Севастополя. Впоследствии за усердие он был награжден кавалерским крестом ордена Итальянской короны²⁴⁵.

В 1882 г. в полк прибыл подпоручик Н. Ф. Высоцкий, имя которого неразрывно связано с судьбой русской артиллерии.

Высоцкий Николай Федорович (1858–1939) — русский военачальник. Образование получил во 2-й

Московской военной гимназии. В службу вступил в 1875 г. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Окончил 2-е военное Константиновское училище. В 1882 г. выпущен подпоручиком в 51-й пехотный Литовский полк. Позже перевелся в 34-ю артиллерийскую бригаду. С 1886 г. — поручик. С 1893 г. — штабс-капитан. С 1897 г. — капитан. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Окончил Офицерскую артиллерийскую школу. Командовал батареями. С 1904 г. — подполковник. В 1912 г. за отличие был произведен в полковники. С 1912 г. — командир 1-го дивизиона 7-й артиллерийской бригады. Участник Первой мировой войны. С 1910 г. — полковник. Генерал-майор. Командир 100-й артиллерийской бригады. Инспектор артиллерии 32-го армейско-

Знак «За отличную стрельбу» I степени, которым награждали чинов 51-го пехотного Литовского полка

²⁴⁵ Орден Итальянской короны (Ordine della Corona d'Italia) учрежден в честь объединения страны вокруг Сардинского королевства. Король Виктор Эммануил II учредил награду в 1868 г. в честь завершения объединения страны. Предназначение новой награды состояло в том, чтобы отметить наиболее значимые благие деяния, совершенные итальянцами или иностранцами, которые касаются непосредственно интересов нации. Число кавалеров рыцарского креста не ограничивалось.

го корпуса. В эмиграции в Югославии. Член Общества офицеров-артиллеристов. Умер в Нови-Бечее (Югославия). Был награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1904), Георгиевским оружием (высочайший приказ от 26 августа 1916 г.).

В 1882 г. произошли очередные изменения в униформе и снаряжении русской армии, начатые еще в 1881 г. Был введен мундир без пуговиц, замененных проволочными крючками и петлями, что должно было облегчить снабжение мундирной одеждой нижних чинов, особенно при мобилизации, так как появилась возможность пригонять мундиры одного и того же размера на людей различного роста, а при легкости перешивки бортовых крючков — и на людей различного объема. Нижним чинам были присвоены укороченные шаровары без канта и строевые фуражки без козырьков. Кепи образца 1862 г. отменялись. Устанавливался особый парадный головной убор как для нижних чинов, так и для офицеров в виде черной барашковой шапки круглой формы с суконным дном, гербом и кокардой уменьшенного образца. Шинели нижним чинам полагались тоже без пуговиц, на крючках. Солдатские ранцы были заменены двумя мешками из парусины — сухарным и вещевым. Первый полагалось носить через левое, а второй — через правое плечо. Обер-офицерам пехоты полагалось ранцев не иметь.

В качестве холодного оружия офицеров, подпрапорщиков и фельдфебелей учреждалась сабля драгунского образца в кожаных ножнах и с медным прибором, которую полагалось носить на плечевой портупее. У штаб-офицеров она была галунной, а у обер-офицеров, подпрапорщиков и фельдфебелей — из белой юфтевой кожи.

В 1883 г. было установлено в каждом полку иметь только одно полковое знамя. Им в Литовском полку стало Георгиевское знамя 3-го батальона. Знамена других батальонов были переданы для хранения в полковую церковь. Отныне они имели характер регалий и продолжали выноситься в строй в день полкового праздника, в день кавалерского праздника ордена Святого Георгия (26 ноября), на все парады с присутствием императора, проводимые в парадной форме, и на инспекторские смотры.

Тогда же для всего полка были установлены знаки отличия на головные уборы с одинаковой надписью «За отличие в 1854 и 1855 годах». Кроме того, было установлено старшинство полка с 1809 г. После установления старшинства полку был определен день праздника — 22 октября. В 1884 г. литовцы впервые отпраздновали свой юбилей — 75-летие.

В 1883 г. полк не участвовал в смотре, проводимом императором под Севастополем. 10 июля 1883 г. 3-й и 4-й батальоны, а также три роты 1-го батальона с полковым штабом отправились в Керчь, чтобы сменить в крепости караулы 52-го пехотного Виленского полка, убывшего в лагерь. 2-й батальон оставался в Симферополе.

10 июня 1885 г. полковника А. П. Калинина на посту командира полка сменил Генерального штаба полковник Н. И. Козлов. Это был высокообразованный офицер, выпускник двух высших учебных заведений, нижним чином артиллерии воевавший в Крымскую кампанию под Севастополем. Под его командованием полк провел высочайший смотр под Севастополем в августе того же года. Этот смотр отличался от предыдущих тем, что по его окончании литовцы с батареей 13-й артиллерийской бригады и эскадронам Крымского конного дивизиона десантом высадились под Одессой.

Итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. не могли устраивать российское правительство. Черноморские проливы под юрисдикцию России не вошли. Свобода судоходства и возможность выхода флота из Черного моря оставались под угрозой. В этих условиях перед Черноморским флотом стояли две важнейшие задачи. С одной стороны, необходимо было обеспечить противодесантную оборону российских берегов — крупных портов и военно-морских баз, в особенности Се-

*Нижние чины 51-го пехотного
Литовского полка в 1892 г.*

вастополя. С другой стороны — была настоятельная потребность изыскать возможность превентивного удара по Турции, который помог бы решить проблему проливов, причем в сроки, исключавшие возможность активной помощи британского флота.

Начиная с 1886 г. военное министерство внимательно изучало состояние укреплений Босфора. Весной того же года в Константинополь с разведывательной миссией был отправлен генерал А. Н. Куропаткин. Описывая настроения конца 1885 — начала 1886 гг., он отметил имевшее место сожаление по поводу упущенных возможностей захвата Босфора в 1878 г. и наличие планов его атаки в новой ситуации: «Возможен был такой случай, при котором турки просили бы помощи России, причем позиции на Босфоре могли бы достаться нам без войны»²⁴⁶.

Эти соображения, по свидетельству А. Н. Куропаткина, были причиной начала усиленной подготовки десанта в Одесском военном округе. А. Н. Куропаткин разделял идею захвата входа в Черное море. Его рекогносцировка наметила основные направления возможных боевых действий. Общую готовность намечали на весну — лето 1886 г. В Одесском военном округе в 1884, 1885, 1891 и 1893 гг. имитировалась высадка десанта у Одессы, в 1886 г. — в юго-западной части Крыма, у селения Байдары²⁴⁷, в 1887 и 1892 гг. — у Севастополя, в 1893 г. — у Очакова и в 1890 г. — у Судака. Десант обычно состоял из трех родов войск: от трех до четырех с половиной батальонов пехоты, от полуэскадрона до эскадрона кавалерии и от четырех до восьми орудий.

На назначенном в десант пароходе Русского общества пароходства и торговли «Пушкин» от Главного штаба присутствовал генерал-майор А. Н. Куропаткин. Хотя десантный отряд подошел к назначенному для высадки месту у села Люстдорф под Одессой, высадить войска на берег не позволила погода и разбушевавшийся шторм. В результате полк высадили в Одессе, где он, приняв участие в больших маневрах, пешим маршем прибыл в Бендеры, откуда по железной дороге направился в Одессу и уже оттуда пароходом вернулся в Крым.

Самые массовые учения по высадке десанта стали проходить с 1895 г., когда в Генеральном штабе в деталях был разработан план захвата Босфора. В учениях постоянно участвовали войска Одесского

---

246 Разведывательная миссия в Турцию. Терновый венец генерала А. Н. Куропаткина // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 44.

247 В настоящее время — Орлиное (Севастополь).

*Чины 1-й батареи 13-й артиллерийской бригады
с копией иконы Смоленской Божией Матери*

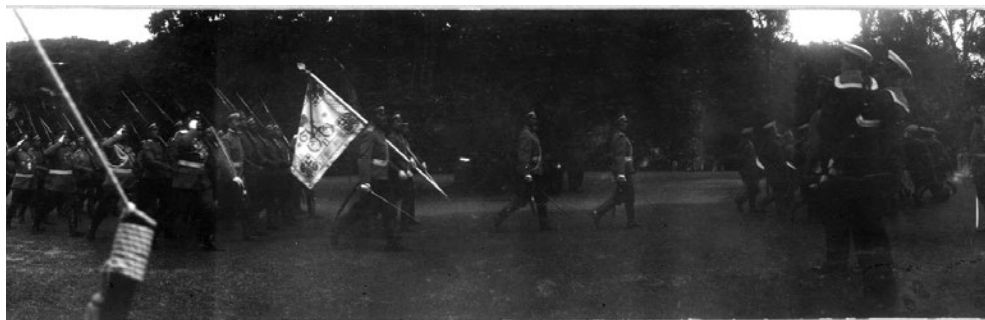
округа, оборонительного Севастопольского отряда и Практическая эскадра Черноморского флота. Так, во время проводившейся в 1897 г. высадки десанта Одесский отряд включал в себя 8213 офицеров и солдат, 16 орудий, 427 лошадей. Севастопольский отряд насчитывал 7050 человек, 22 орудия и 364 лошади. Ему предстояло выполнить свои задачи, то есть помешать высадке и, в случае неуспеха, вступив в бой, оборонять крымское побережье от Джарылгачской косы до Каланчанского лимана. В Севастопольский отряд входили 49-й Брестский, 50-й Белостокский и 51-й Литовский пехотные полки, а также 13-я артиллерийская бригада и 7-й Донской казачий полк.

19 января 1886 г. командиром полка был назначен командир 12-го Туркестанского батальона полковник К. В. Церпицкий. Это один из самых молодых командиров полка за всю его историю: на момент назначения ему было всего 36 лет. Боевой офицер, он был не только кавалером ордена Св. Георгия IV ст., но и имел крест ордена Почетного легиона, которым был награжден правительством Франции в 1884 г. Он прибыл в полк, находившийся в Симферополе, 19 марта 1886 г., когда литовцы несли службу по охране своего участка (севернее Симферополя) Лозово-Севастопольской железной дороги в ожидании проезда по ней направлявшегося в свою летнюю резиденцию в Крым императора с семьей.

Церпицкий Константин Викентьевич (1849–1905) — русский военачальник. Происходил из потомственных дворян Гродненской губернии. Образование получил во 2-й Петербургской военной гимназии. В 1865–1867 гг. учился в 1-м Павловском военном училище; окончил его по первому разряду. Выпущен подпоручиком в 72-й пехотный Тульский полк. В том же году направлен в Гренадерский саперный батальон. Летом 1868 г. выдержал экзамен на саперного офицера в Николаевской инженерной академии. В 1870–1872 гг. — на службе в 1-м саперном резервном батальоне. С 1871 г. — поручик; в том же году был награжден орденом Св. Станислава III ст.

В 1872 г. был переведен в Туркестанскую саперную роту. В 1873 г. в ее составе принял участие в экспедиции в Хиву. За отличие в ней награжден орденом Св. Анны III ст. После экспедиции по распоряжению командующего войсками Туркестанского военного округа строил канал для орошения так называемой Голодной степи. В 1875 г. — командир 3-го Западно-Сибирского линейного батальона. В 1875 г. во время Кокандского похода участвовал в бою у крепости Махрам и ее штурме, возглавлял команду охотников при обороне Намангана, за что был награжден орденом Св. Георгия IV ст. До 1876 г. участвовал в боевых действиях в составе Наманганского отряда, находившегося под командованием М. Д. Скобелева. В 1876 г. удостоен одновременно чина капитана и ордена Св. Станислава II ст. с мечами. После окончания боевых действий вновь возглавил работы по орошению Голодной степи в Ходжентском уезде, для чего был прикомандирован к 3-му Западно-Сибирскому линейному батальону, позднее переименованному в 12-й Туркестанский. В 1877 г. принял командование этим батальоном, будучи произведенным в чин майора. С 1879 г. — подполковник. В 1880 г. участвовал в Кульджинском походе, за который был награжден орденом Св. Анны II ст.

С 1882 г. — полковник. С 1884 г. — начальник российской военно-политической миссии в Бухаре. За успех в ее работе вне правил был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст., от эмира бухарского получил орден Восходящей Звезды I ст. В 1886–1887 гг. — командир Литовского полка. В 1887–1892 гг. — командир 85-го пехотного Выборгского полка, расположенного в Петербургском военном округе. С 1892 г. — командир 37-го Екатеринбургского пехотного полка. С 1895 г. — генерал-майор. С 1900 г. — генерал-лейтенант. В 1900 г. участвовал в Китайском походе. Принял участие в осаде крепости Бейтан и занятии Шанхайгуаня. Был назначен начальником Южно-Маньчжурского отряда. В 1901 г. был

Прохождение с полковым знаменем. Оренда, 1912 г.

награжден золотым оружием, в 1902 г. — орденом Двойного Дракона. В 1902–1903 гг. — командир 13-й пехотной дивизии. В 1904 г. — командир 1-го Туркестанского армейского корпуса. В 1904–1905 гг. — командир 10-го армейского корпуса, принимавшего участие в боях под Ляояном и Мукденом²⁴⁸ во время Русско-японской войны. В 1905 г. «за отличие в делах против японцев» был награжден орденом Св. Георгия III ст. Умер в Каннах от ран, полученных в Мукденском сражении. Похоронен там же, на кладбище Гран-Жас.

Новый командир построил вернувшийся в Симферополь полк на плацу возле гимнастического городка, в парадной форме и под знаменем. К. В. Церпицкий напомнил полку о требованиях присяги и сообщил о скором участии литовцев в высочайшем смотре под Севастополем. С этого дня началась непрерывная подготовка к смотру. Больше всего внимания уделялось прохождению церемониальным маршем, для чего полк по несколько часов в день отрабатывал его элементы под различную музыку, чаще всего под Петровский марш.

В середине апреля полк перешел под Севастополь, где расположился в своем лагере на Куликовом поле. 4 мая 1886 г. Александр III с семьей прибыл из Ливадии в Севастополь. На 5 мая был назначен смотр, в котором кроме литовцев приняли участие 49-й Брестский, 50-й Белостокский и 52-й Виленские полки, а также 13-я артиллерийская бригада 13-й пехотной дивизии, Крымская стрелковая рота²⁴⁹ (командовал

248 В настоящее время — Шэньян (КНР).

249 Крымская стрелковая рота была сформирована 17 апреля 1882 г. из крымских татар — пеших нижних чинов, состоявших при Крымском дивизионе сверх комплекта. Подчинялась командиру дивизиона до ее расформирования 24 декабря 1893 г.

ей бывший офицер-литовец капитан Мирец), 4-я и 5-я роты 53-го резервного пехотного батальона и Крымский дивизион.

Объехав войска и найдя их «в блестящем состоянии», император объявил благодарность командующему Одесским военным округом и выразил благоволение командующему 7-м армейским корпусом генерал-лейтенанту А. С. Аллеру. Всем нижним чинам, бывшим в строю и имевшим галунные шевроны, Александр III пожаловал по 3 рубля, имевшим знаки отличия Военного ордена — по 2 рубля, всем остальным — по 1 рублю.

6 мая царь присутствовал в Севастополе при спуске на воду двух броненосцев. В строю литовцев находились еще два офицера, видевших затопление флота в 1854 г. — подполковники Д. Г. Троцкий и Лютостанский.

Через несколько дней полк вновь охранял железную дорогу при поездке императора в Бахчисарай и 12 мая поездами был возвращен в Симферополь. Здесь командующий корпусом генерал-лейтенант А. С. Аллер посетил полк и поблагодарил офицеров за старание при подготовке к высочайшему смотру: каждый из них был поощрен двухмесячным окладом в соответствии со званием.

Той же весной на пост командующего 13-й пехотной дивизией вместо известного своей строгостью генерал-лейтенанта Н. К. Эйзена фон Шварценберга был назначен генерал-лейтенант К. А. Абрамов. Это был боевой офицер, получивший за шесть лет шесть производств в следующие чины и награжденный орденами Св. Георгия III и IV ст. ст., притом и то, и другое — исключительно за военные отличия.

Прибыв в Симферополь, полк вновь расположился у южной окраины города (у нового городского кладбища), где приступил к интенсивной боевой подготовке. Чаще всего занятия проходили на находившемся рядом стрельбище. Постоянно проводились учения с боевой стрельбой. Прослуживший 14 лет в тяжелых условиях Туркестана полковник К. В. Церпицкий уделял боевой подготовке много внимания. При нем в полку зародилась стрельба по глиняным тарелкам.

Летом 1886 г. 3-я рота Литовского полка была вызвана в район села Мамут-Султан²⁵⁰ для содействия властям в сдерживании возникших среди местного татарского населения волнений «аграрного характера».

Хотя в этом году полк был освобожден от участия в большом сборе, литовцы приняли участие в маневрах. Выйдя из Симферополя по Сева-

---

250 В настоящее время — Доброе (Крым).

стопольскому шоссе, полк прошел мимо ставка Славича за кладбищем, скакового поля, дачи Пушкиной, деревни Чистенькой. Достигнув Альмы, литовцы расположились на привал у корчмы «Приятное свидание». Ночевали у селения Азиз в предместье Бахчисарая. Через сутки полк вышел к старому мосту на Федюхиных высотах, «обильно политых русской кровью во время боя 4 августа 1855 г.»

После завершения учений литовцы вновь вернулись в Симферополь. Однако уже вскоре 1-я рота начала готовится занимать караулы в императорской резиденции в Ливадии. 12 сентября она вышла туда во главе со своим командиром штабс-капитаном Щербаком 2-м и офицерами — подпоручиками Ивашиной-Надтоком 2-м, Щербаком 1-м, Станишевским и Александровым.

В связи с тем, что сложная политическая обстановка на юге вынудила задержать увольнение чинов, выслуживших положенный срок, перед полком, содержавшимся в усиленном мирном штате, встала проблема размещения личного состава в Симферополе. Для решения этого вопроса 9-я и 10-я роты были направлены в села Зуя и Мазанка близ Симферополя. Остальные две роты 3-го батальона (11-я и 12-я) и весь 4-й батальон (командир — подполковник Лютостанский) по железной дороге перебросили в Мелитополь. Там 14-я рота разместилась в самом Мелитополе, 15-я — в предместье Кизияр, 16-я — в Песчаном, 13-я — в Семеновке (в 7 верстах от Мелитополя). 11-я и 12-я роты разместились в пределах Бердянского уезда (в Константиновке и Вознесенском соответственно).

Оставшимся в Симферополе ротам довелось принимать участие в похоронах в октябре 1886 г. своего командира дивизии генерал-лейтенанта К. А. Абрамова, скончавшегося от последствий своих многочисленных ранений. Его торжественно предали земле на симферопольском Братском кладбище, где покоились павшие и умершие от ран во время Крымской войны. На этом кладбище ежегодно перед днем Святой Троицы Литовский полк участвовал в торжественной церемонии в память павших при защите Отечества. Почетный караул при провозглашении «вечной памяти» павшим чествовал их троекратным залпом.

Вместо генерала К. А. Абрамова командиром 13-й пехотной дивизии 5 ноября 1886 г. был назначен генерал-лейтенант М. И. Батьянов, имевший за защиту Севастополя в 1854–1855 гг. орден Св. Георгия IV ст.

1887 г. отмечен в истории полка повышением жалования офицерам, что, несомненно, способствовало улучшению их социально-эко-

номического положения. К сожалению, до этого денег, получаемых обер-офицером, часто не хватало даже для нормального содержания семьи. В результате младшие офицеры-литовцы почти сплошь были холостяки. Как говорилось в полковой истории, «полк имел холостой, так сказать, характер»²⁵¹.

Весной 1887 г. в целях улучшения материального благосостояния офицеров им дали возможность иметь обмундирование из материала лучшего качества и по доступной цене. Для этого во дворе полковой канцелярии на Полицейской улице была открыта «офицерская обмундировальная мастерская». Каждому офицеру или чиновнику, служившему в полку, разрешалось делать заказы на 150 рублей в этой мастерской с постепенным погашением вычетами из жалования в размере от 5 до 15 рублей.

В том же году по приказу военного ведомства в полку сформировали «охотничью команду»²⁵², в которую отбирали наиболее развитых в умственном и физическом отношении солдат. Ее первым начальником стал подпоручик Ямчицкий, заядлый охотник. Благодаря ему команда быстро стала вполне удовлетворять всем требованиям. Немало тому способствовали организуемые для команды в Горном Крыму охоты.

Полковник К. В. Церпицкий командовал литовцами недолго. 3 ноября 1887 г. он был назначен командиром 85-го пехотного Выборгского полка, а на его место прибыл полковник Г. Н. Казбек. Это был «коренной пехотинец», человек «положительный, обстоятельный и обладавший широким служебным опытом вообще и боевым в частности». Его перу принадлежало несколько научных работ, в том числе такие, как «Военно-статистическое описание Терской области», «Куринцы в Чечне и Дагестане» и др.

Казбек Георгий Николаевич (1840–1921) — русский военачальник. Родился в дворянской семье. Получил первоначальное образование в Михайловском Воронежском кадетском корпусе. В 1860 г. поступил на военную службу. После окончания Константиновского военного училища был выпущен поручиком в Минский пехотный полк, откуда был переведен в 14-й гренадерский Грузинский полк. С 1864 г. командовал ротой. С 1866 г. — штабс-капитан. С 1869 г. — капитан. В 1870 г. окончил

251 Даже командиры полка полковники А. П. Калинин и К. В. Церпицкий были холостыми.

252 Охотничьи команды создавались для выполнения функций разведывательного характера в военное время.

по первому разряду Николаевскую военную академию Генерального штаба. С 1870 г. — майор. С 1874 г. — подполковник. С 1877 г. — полковник. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. занимал должность начальника штаба Рионского (затем Кабулетского) отряда. В боях был дважды контужен и за отличия награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны II ст. с мечами. Состоял под покровительством Александровского комитета о раненых (был причислен к 2-му классу раненых). Имел разрешение во всех случаях носить вместо барашковой шапки фуражку. В 1878–1879 гг. — командир 153-го пехотного Бакинского полка. В 1879–1882 гг. — командир 79-го пехотного Куринского полка. В 1882 г. был зачислен в запас Генерального штаба. В 1885 г. был возвращен на службу. В 1887–1892 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка. С 1892 г. — генерал-майор. В 1892–1897 гг. — начальник штаба Варшавской крепости. В 1897–1899 гг. — окружной генерал-квартирмейстер Варшавского военного округа. В 1899–1902 гг. — комендант Ивангородской крепости. С 1901 г. — генерал-лейтенант. В 1902–1905 гг. — комендант Варшавской крепости. В 1905 г. — комендант Владивостокской крепости. После подавления восстания солдат и матросов в крепости убыл в отпуск, после чего был уволен от должности коменданта с назначением в распоряжение командующего войсками на Дальнем Востоке. Состоял в прикомандировании к Главному штабу. В 1907 г. был уволен со службы с мундиром и пенсией. Поселился в Тифлисе. В 1921 г. эмигрировал в Константинополь, где и скончался. Был награжден орденами Св. Анны III ст. (1871), II ст. с мечами (1877) и I ст. (1899), Св. Станислава II (1874) и I (1895) ст. ст., Св. Владимира IV (1875), III (1888) и II (1903) ст. ст., румынским Большим крестом ордена Короны (1898).

Полковник Г. Н. Казбек, стремясь к повышению общего образовательного уровня офицеров и будучи сам офицером-интеллектуалом, сделал очень много для развития полковой библиотеки, которая и до этого находилась в образцовом порядке благодаря трудам поручика Ю. Ф. Цимковича, заведовавшего ей более семи лет.

Ю. Ф. Цимковича на этой должности сменил не менее деятельный подпоручик В. И. Набоков, «весьма серьезный, способный и развитой человек». При В. И. Набокове для полковой библиотеки был составлен каталог книг и периодических изданий, имевшихся в ней. В 1888 г. библиотека получала следующие газеты и журналы: «Русский инвалид»,

«Новое время», «Русский курьер», «Крым», «Крымский вестник», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Неделя», «Нива», «Осколки», «Стрекоза», «Военный сборник», «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Наблюдатель», «Русское богатство», «Русское дело», «Русская мысль», «Русская старина». Выписывались и некоторые иностранные издания²⁵³.

Именно при полковнике Г. Н. Казбеке подпоручик К. К. Павлюк приступил к написанию полковой истории. Нужно сказать, что в этот период среди офицеров полка развилось значительное стремление к образованию, ставшее одной из отличительных черт литовцев. Так, сразу двое литовцев обучались в академиях: к тому времени уже штабс-капитан К. К. Павлюк — в Академии Генерального штаба, штабс-капитан А. А. Володковский — в Военно-юридической академии.

Володковский Алексей Александрович (1866–?) — русский военачальник, военный судья. Образование получил в Полоцком кадетском корпусе. В службу вступил в 1884 г. В 1886 г. окончил 2-е военное Константиновское училище. В 1885 г. выпущен подпоручиком в 51-й пехотный Литовский полк. С 1889 г. — поручик. С 1894 г. — штабс-капитан. Окончил Александровскую военно-юридическую академию по первому разряду. С 1896 г. — капитан. В 1899–1906 гг. — помощник военного прокурора Варшавского военно-окружного суда. С 1900 г. — подполковник. В 1903 г. за отличие был произведен в полковники. В 1906–1908 гг. — военный следователь Киевского военного округа. В 1908–1912 гг. — военный следователь Петербургского военного округа. В 1912–1914 гг. — военный судья Кавказского военно-окружного суда. В 1912 г. за отличие был произведен в генерал-майоры. В 1914–1918 гг. — военный судья Одесского военно-окружного суда. В 1918 г. — в армии гетмана П. П. Скоропадского; был назначен на должность товарища начальника суда в Киевском высшем военном суде с зачислением по военно-судебному ведомству. Дальнейшая судьба неизвестна. Был награжден орденами Св. Анны III ст. (1907), Св. Станислава II (1910) и I (1915) ст. ст. и Св. Владимира III ст. (1913).

С каждым годом полковая база в Симферополе улучшалась и непрерывно обустроивалась. В 1889 г. лагерь литовцев на окраине Симфе-

253 Подробнее о полковой библиотеке см. далее.

рополя, имевший «примитивный характер», начал приводиться в должный вид. Для офицеров были построены из кирпича летнее офицерское собрание, барак командира полка и беседка перед ними. Из кирпича начали строиться и бараки для офицеров²⁵⁴. Для нижних чинов построили бараки, столовые, чайную. Кочевая походная жизнь становилась далеким прошлым.

В том же году полк провожал в отставку одного из «хранителей доблести» полка, участника сражения на реке Чолоке 4 июня 1854 г. в чине унтер-офицера в 3-м батальоне — подполковника Д. Г. Троицкого. Этот полковой старожил получил первую награду мирного времени в полку — орден Св. Станислава III ст. за строительство Керченской крепости в 1864 г.

Год литовцы закончили общим сбором под Симферополем, в котором кроме них участвовали 60-й резервный батальон, Крымская стрелковая рота, одна батарея 13-й артиллерийской бригады²⁵⁵ и полуэскадрон Крымского дивизиона.

Офицерский коллектив полка отличался сплоченностью, хотя жили офицеры «при скромном содержании... и не отличались особым наружным блеском». Отношения вне службы поддерживали в стенах офицерского собрания, где в зимнее время, кроме семейных и танцевальных вечеров, стали иногда даваться любительские спектакли, в которых принимали участие офицеры и члены их семейств, «а равно и знакомые дамы», исполнявшие женские роли в большей частью одноактных пьесах. Наибольшей популярностью пользовались водевиль «Затейница», фарс «По публикации», шутка «И на старуху бывает проруха». Среди офицеров, принимавших участие в любительских спектаклях, выделялись артистическими способностями капитан Ивашина-Надток 1-й, поручик Фоллендорф и прапорщик Ильин.

В 1890 г. полк по болезни покинул подполковник Лютостанский, участник обороны Севастополя. Он вышел в отставку «с мундиром» и присвоением чина полковника. После его смерти в 1898 г. он был с почестями похоронен на Братском кладбище в Севастополе. Для разрешения на погребение было подано прошение о «разрешении похоронить на Братском кладбище прах умершего отставного полковника

---

254 Использовали местный строительный материал, так называемый липач — необожженный кирпич.

255 Прибыла из Севастополя.

Обложка брошюры «На память солдатам 51-го пехотного Литовского полка» (Симферополь, 1892)

Лютостанского, защитника Севастополя... На службу вступил унтер-офицером. Участвовал во многих отбитиях атак неприятеля». 25 апреля 1898 г. пришла резолюция военного министерства: «Высочайше разрешено».

В том же 1890 г. полк покинул последний офицер, награжденный крестом «За службу на Кавказе», подполковник М. Т. Орлов, назначенный Миргородским уездным воинским начальником. Его срок службы в полку составил 33 года.

29 октября 1892 г. командир полка Г. Н. Казбек за отличие был произведен в генерал-майоры и назначен начальником Варшавской крепости, а командование полком принял полковник лейб-гвардии Семеновского полка

Н. Н. Гротельфельд, «человек добрый, мягкий, но одержимый неизлечимой болезнью».

В том же году была издана предшественница полковой истории — памятка для нижних чинов, названная «На память солдатам 51-го пехотного Литовского полка», написанная доходчивым языком полковым историографом поручиком К. К. Павлюком. Информация о работе появилась в журнале «Разведчик»:

«На память солдатам 51-го пехотного Литовского полка».
Текст поручика Павлюка, рисунки капитана Залесского и подполковника Рутковского. Издание под редакцией командира полка полковника Казбека. Симферополь. 1892 г.

Нелегко писать для солдат «Историю полка». Трудно приурочить ее к солдатскому развитию. Мало того, чтобы солдат понял прочитанное, надо еще заинтересовать «Историей», ибо только тогда она твердо засядет в его памяти и принесет известную пользу.

Перечень сражений, где отличился полк, по необходимости займет здесь главное место. И чем сокращеннее «История», тем кучнее, затемняя суть, будут числа, дни, месяцы, страны, города, деревни и имена разных лиц — им же нет конца. Кстати, скажем, что солдат не станет гоняться за исторической точностью. Ему все равно, когда, где и в котором часу [произошло] и что наш правый фланг примыкал к такому-то лесу, а левый — к такой-то деревне. А вот что мы победили турок — это ему важно. Важно так же, что в этом бою ефрейтор 5-й роты Кочерыга спас поручика Семенова, проткнув насквозь турка, когда тот уже занес саблю над головой офицера. Ефрейтор же Успенский, раненый в четырех местах, все-таки успел спасти знамя, под которым убит знаменщик и три ассистента. Все это сильно засядет в солдатской памяти, а разные цифры и имена, удостоверяющие историческую точность, не оставят никакого следа в его голове.

Но ведь нельзя же, в самом деле, скажут мне, начинать рассказ о всяком событии словами сказки: «В некотором царстве, да не в нашем государстве». Конечно нельзя — какая же это выйдет история? Но в этом и заключается вся трудность задачи. С одной стороны, необходимо сокращать возможно более историко-техническую часть; с другой — нельзя пропустить ни одного дела, где отличался полк; наконец, в-третьих — надо развивать возможно шире рассказ и показ. Под последним разумею картины, которые должны играть главную роль.

Идеальная «История полка» для солдат должна состоять исключительно из картин. Надписи и подписи на картинах дадут нужное объяснение о важных моментах в жизни полка. В виде же приложения следует поместить «Полковую хронологию», то есть: 1) перечень дел, в которых участвовал полк, 2) перечень полковых отличий и регалий, и 3) список особенно отличившихся нижних чинов.

Перед нами книжка «На память солдатам 51-го пехотного Литовского полка». Интересных эпизодов почти нет. В изобилии цифры и собственные имена. Наиболее выдающиеся события, очевидно назначенные для изучения, отпечатаны жирным шрифтом. Обработка материала добросовестная; положено много труда, чтобы приспособить книжку к солдатскому пониманию. Не понимаю, однако, зачем было упоминать о втором

Ваврском деле 19 марта 1831 года, в котором поляки застали врасплох один батальон и целиком его вырезали. Если для получения — то оно нужно только для офицеров, от распорядительности которых прямо зависит бдительность части.

В общем, слава 51-го Литовского полка доказана вполне. Согласится с этим всякий офицер, прочитав разбираемую книжку. Но для большинства солдат — она все-таки не по силам²⁵⁶.

В 1892 г. в Симферополь перешел штаб корпуса, ранее находившийся в Севастополе.

В 1893 г. штабс-капитан Яковлев вошел в число лучших стрелков российской армии, став девятым из 14 человек, выполнивших на состязательной стрельбе условия для получения императорского приза.

5 июля 1894 г. командир полка Н. Н. Гротельфельд неожиданно скончался и был похоронен в Ялте. За несколько месяцев до этого литовцы похоронили на Симферопольском военном кладбище, устроенном в 1891 г. рядом с городским кладбищем и лагерем, бригадного командира генерал-майора Смирнова.

2 августа 1894 г. командование полком принял лейб-гвардии Волынского полка полковник А. В. Мягков.

Мягков Александр Викторович (1845–1898) — русский военачальник. Происходил из дворян Псковской губернии. Воспитанник 2-го Московского кадетского корпуса. В 1863 г. поступил в Александровское военное училище. По окончании училища, в 1865 г., произведен в подпоручики и направлен в 95-й пехотный Красноярский полк, с прикомандированием к лейб-гвардии Волынскому полку. В 1867 г. был переведен в лейб-гвардии Волынский полк. В 1869–1875 гг. — адъютант 3-го батальона. С 1873 г. — поручик. В 1875 г. назначен полковым адъютантом. С 1877 г. — штабс-капитан. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1880 г. — капитан. Назначен командиром роты его высочества. В 1889–1890 гг. — исполняющий обязанности младшего штаб-офицера. С 1889 г. — подполковник. В 1890–1892 гг. — командир 3-го батальона. В 1892–1894 гг. — заведующий полковым хозяйством. В 1894–1898 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка. В апреле 1898 г. уволен в отставку по болезни с производством в генерал-май-

256 Данилов В. На память солдатам 51-го пехотного Литовского полка // Разведчик.

оры, с мундиром и пенсией. В том же году скончался. Был женат на дочери действительного статского советника, Эдите Эдуардовне. Имел сына и дочь.

Был награжден орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом и II ст. с мечами, Св. Анны III ст. с мечами и бантом и II ст., Св. Владимира IV ст. с бантом и III ст., австрийским орденом Франца-Иосифа III ст., персидским — Льва и Солнца III ст., Бухарской золотой звездой II ст., румынским Железным

крестом; медалями — светло-бронзовой за участие в войне с Турцией 1877–1878 гг., темно-бронзовой в память коронавания их императорских величеств, серебряной в память царствования императора Александра III, темно-бронзовой за всеобщую перепись населения империи.

А. В. Мягков

С 18 по 23 августа 1894 г. 51-й пехотный полк в ходе лагерных сборов принял участие в двусторонних учениях. Литовцы действовали в уже ставшей привычной для них роли — морского десанта. Для этого они были погружены на броненосцы Черноморского флота «Двенадцать апостолов», «Чесма» и «Екатерина II».

В том же году полк принял подарок от императрицы Александры Федоровны. Об этом сообщал журнал «Разведчик»:

Симферополь. 10 октября 51-й пехотный Литовский полк имел счастье принять монарший подарок для полковой церкви: воздухи и прочие принадлежности для чаши, собственноручно вышитые ее императорским величеством государыней императрицей Александрой Федоровной. Это столь милостивое и драгоценное августейшее внимание тесно связано с воспоминани-

ем о первом приезде ее императорского величества, будучи еще высоконазначенной невестой, когда Литовский полк первый из русских полков имел редкое счастье впервые приветствовать свою будущую царицу.

Для принятия монаршего дара полк со знаменем был выстроен на площадке перед казармами, где был устроен церковный намет, декорированный живыми цветами и национальными флагами.

Ровно в 8 часов утра полк взял «на караул», и командир полка принял из рук фельдъегеря, сопровождаемого полковым адъютантом, царский подарок и передал на руки полковому священнику, после чего обратился к чинам со следующей глубокопрочувствованной речью:

«Литовцы! Сегодня, в годовщину незабвенного для нас дня, когда полк первым из полков русской армии имел счастье приветствовать свою будущую царицу на русской земле, мы удостоились того высокого внимания ее величества, которое выпадает на долю счастливых не годами, а веками. Государыне благоугодно было в память этого дня прислать в дар полку своей работы воздуха и прочие принадлежности для чаши.

Около 2 тыс. верст разделяет нас от взоров царя и царицы, но настоящее милостивое внимание свидетельствует, что и мы, литовцы, в мыслях царских так же близки их сердцу, как и те, что на глазах.

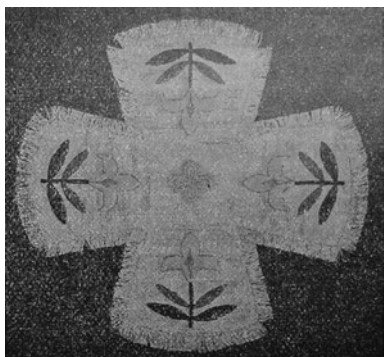
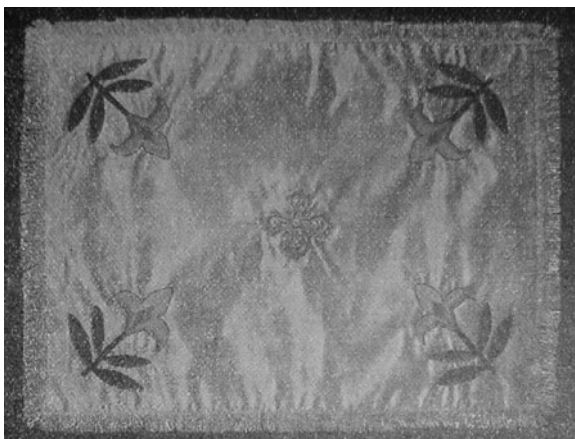
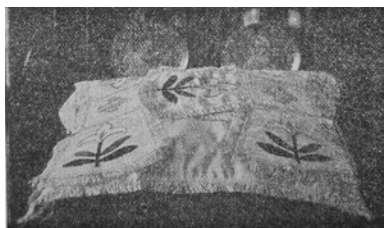
Приложим же все наши силы, чтобы быть достойными оказанной нам милости, будем трудиться и работать, чтобы радовать царя, а когда грянет час и раздастся царский клич на врага, мы докажем, что литовцы умеют умереть за защиту Святой Веры, Царя и Отечества».

Вслед за сим было отслужено тут же молебствие о здравии государя императора и государыни императрицы, после чего полк быстро выстроился шпалерами от казармы вплоть до самой церкви, и на руках ротных командиров под звуки [гимна] «Коль славен» драгоценный дар был отнесен в полковую церковь.

Это торжество закончилось товарищеским обедом, сервированным в полковом офицерском собрании, куда были приглашены все представители городской администрации²⁵⁷.

---

257 С-ий С. Л. [?] // Разведчик. 1894. № 264.

Воздухи и прочие принадлежности для чаши, вышитые императрицей Александрой Федоровной для полковой церкви 51-го пехотного Литовского полка

В мае 1895 г. полк посетил приезжавший в Крым эмир бухарский Сеид Абдулахад-хан, которого встречали построением всего личного состава. Уезжая, эмир снялся на групповой фотографии со всеми офицерами полка и пожаловал ордена Бухарской золотой звезды командиру полка полковнику А. В. Мягкову, командиру 1-го батальона полковнику Рутковскому, командиру 1-й роты штабс-капитану Шереметову и полковому адъютанту поручику Васильеву. Золотые и серебряные бухарские медали получили фельдфебель 1-й роты Урбанский, старшие унтер-офицеры Марин и Гетьман, младшие — Кудлатов, Павлов, Хизенко и Бабак.

В 1898 г. 9-я рота Литовского полка была направлена на Дальний Восток для формирования 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка²⁵⁸. 15 апреля во главе со своими офицерами — командиром

²⁵⁸ Офицеры бывшей 9-й роты приняли участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., достойным образом поддержав славное имя полка. Бывший поручик Литовского полка А. А. Кириленко был удостоен ордена Св. Георгия Победоносца IV ст. К тому времени в звании капитана он уже служил в рядах 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Капитан Ивашина-Надток 1-й был дважды ранен в 1900 г. в боях с китайцами, а в 1904 г. получил тяжелое ранение в сражении под Тюренченом (в настоящее время — Цзюляньчэн (КНР)). Штабс-капитан Е. А. Александров погиб в сражении под Ляояном. Поручик Е. К. Синькевич погиб в Порт-Артуре от разрыва снаряда, убившего генерала Р. И. Кондратенко в одном из казематов форта № 11.

штабс-капитаном Ивашиной-Надтоком 1-м²⁵⁹, младшими офицерами поручиками А. А. Кириленко, Е. А. Александровым 2-м и подпоручиком Е. К. Синькевичем — рота на плацу полка перед казармами 3-го батальона прощалась со знаменем литовцев, после чего для ее чинов был устроен торжественный обед. Затем личный состав убыл в Севастополь для погрузки на морские транспорты. Через Одессу рота была доставлена на Дальний Восток.

17 апреля 1898 г. А. В. Мягков был уволен в запас. 2 июня того же года командиром полка был назначен командир 1-го Финляндского полка полковник И. И. Холодовский. Под его командованием в августе 1898 г. литовцы участвовали в смотре, который провел новый император — Николай II. Царь был в восторге от полка и во время завтрака на борту яхты «Штандарт» в присутствии офицеров-литовцев поднял бокал в его честь.

---

259 К тому времени прослужил в полку 18 лет.

ПОД ЗНАМЕНАМИ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину...

Николай II, император России, прощальное обращение к армии при отречении от престола, 1917 г.

Полковой храм

Огромную роль в воспитании солдат всегда играла полковая церковь. Походная церковь Литовского полка вела свою историю со времени его формирования. Она сопровождала часть во всех кампаниях.

Возведение здания полковой церкви Святителя Николая для 51-го пехотного Литовского полка на углу Александро-Невской улицы и Церковного переулка (в настоящее время — переулок Пугачева) в Симферополе началось в 1896 г. Осенью 1898 г. строительство завершилось. 29 ноября церковь была торжественно освящена епископом Вольским Никоном²⁶⁰.

Свято-Никольский храм представлял собой большое, красивое каменное здание с куполом, в котором размещалась колокольня. По периметру оно было окружено железной оградой. Храм числился в реестре церквей Таврической епархии.

Церковь стала памятником встречи полком в 1894 г. императрицы Александры Федоровны. В ней совершались божественные литургии, молебны о защитниках Отечества, хранились армейские хоругви. В храме получали благословение воины, уходившие на Русско-японскую и Первую мировую войны.

Строили церковь на средства чинов гарнизона, пожертвования граждан и пособия инженерного ведомства. Иконостас был сооружен на средства церковного старосты симферопольского купца И. И. Лихвинцева. Наиболее интересными иконами в церкви были:

— образ-складень, в середине которого был начертан нерукотворный лик Спасителя, а по бокам — лики святого благоверного князя Александра Невского и святой равноапостольной Марии Магдалины.

---

260 Временно управлял Таврической епархией.

Николай II в воинском снаряжении

Его пожертвовала 1-й роте в 1879 г. покойная императрица Мария Александровна;

— образ-складень с изображением в середине Спасителя, молящегося о Чаше. Над образом изображен крест, нижним концом упирающийся в полумесяц. Образ был сооружен офицерами полка в память о победе на реке Чолоке 4 июня 1854 г.

Кроме икон в церкви имелись древние богослужebные книги.

По штату церкви полагался один священник. К ней же были приписаны церковь Всех Святых на Симферопольском братском кладбище и церковь Святого Алексия на гарнизонном кладбище²⁶¹.

---

261 Освящена 20 ноября 1903 г.

Отныне полковая церковь стала считаться в Симферополе церковью гарнизона, заменив прежнюю полковую церковь, «скромно ютившуюся при нестроевой роте». В новой церкви одновременно могли молиться несколько рот полка. Вместимость храма составляла около 500 человек. В день освящения церкви войска гарнизона получили телеграмму от Николая II, в которой император благодарил войска.

После окончания Гражданской войны и установления советской власти в Крыму в 1920 г. церковное здание некоторое время находилось в пользовании верующих, но в 1928 г. храм был ликвидирован, а его здание передали красноармейцам — 9-му полку 3-й стрелковой Казанской дивизии — под физкультурный зал. Церковное имущество было передано в государственный фонд.

Долгие годы здание находилось в ведении Министерства обороны СССР, затем Украины и все это время использовалось, как спортивный зал гарнизонного Дома офицеров. В годы перестройки в алтарной части храма некоторое время размещалось питейно-игорное заведение.

Постановлением Совета министров Автономной Республики Крым № 323 от 10 августа 1999 г. здание храма было передано Симферопольской и Крымской епархии Украинской православной церкви Московского патриархата — правопреемнице Таврической епархии. Свидетельство о праве собственности было выдано 17 ноября 1999 г. В настоящее время в церкви проводятся богослужения.

Сохранились упоминания о последних полковых священниках-литовцах:

— Протоиерей Тимофей Андреевич Ковальский

В 51-м пехотном Литовском полку — около 1863 г. — не позднее 1869 г.

— Иерей Михаил Пославский

В 51-м пехотном Литовском полку — не ранее 1869 г.

— Иерей Петр Борисович Васильев

В 1872 г. — священник 52-го пехотного Виленского полка. Около 1875–1876 гг. — священник 51-го пехотного Литовского полка.

— Протоиерей Симеон Кучеровский

На конец 1876 г. — священник 51-го пехотного Литовского полка, благочинный 13-й пехотной дивизии. На январь 1884 г. — священник Керченской крепостной церкви.

— Иерей Александр Антонович Горбачевич

В 1886–1895 гг. — священник 51-го пехотного Литовского полка.

С 1895 г. — священник 132-го пехотного Бендерского полка. Во время Первой мировой войны попал в плен. Был награжден камилавкой (1909), орденами Св. Анны III ст. с мечами (1915) и Св. Владимира IV ст. (1915).

— Иерей (Петр?) Раевский

В 51-м пехотном Литовском полку — около 1892 г.

— Протоиерей Павел Михайлович Преображенский

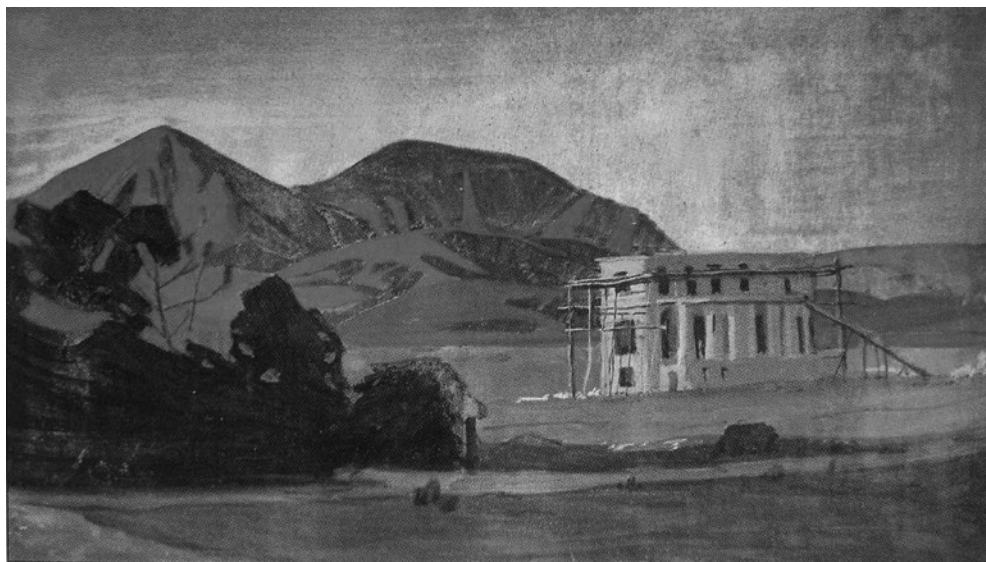
В 1882–1890 гг. — священник Костромской епархии. В 1890–1893 гг. — священник 36-го драгунского (12-го гусарского) Ахтырского полка. В 1895–1912 гг. — священник 51-го пехотного Литовского полка, одновременно с 1898 г. — благочинный 13-й пехотной дивизии. В 1903 г. был возведен в сан протоиерея. В 1912 г. был назначен протоиереем Рижского военного госпиталя. Был награжден орденом Св. Анны II ст. (1907), золотым наперсным крестом из кабинета императора с украшениями (1909), орденом Св. Владимира IV ст. (1915).

— Протоиерей Стефан М. Рожковский

Около 1912 — май 1914 г. — священник 51-го пехотного Литовского полка. На декабрь 1914 г. — священник 107-го пехотного Троицкого полка. Был награжден орденами Св. Анны III ст. (весна 1914) и Св. Анны II ст. с мечами (31 декабря 1914).

— Протоиерей Иоанн Авксентьевич Голубев

В 1881–1887 гг. — диакон, в 1887–1889 гг. — священник Костромской епархии. В 1889–1900 гг. — священник 2-го Закаспийского батальона. В 1900–1901 гг. — при управлении 6-й Туркестанской стрелковой бригады. В 1901–1904 гг. — священник 23-го драгунского (8-го гусарского) Вознесенского полка, благочинный 8-й кавалерийской дивизии. В 1904–1905 гг. находился в действующей армии во время Русско-японской войны, с 1904 г. — при штабе Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами в Маньчжурии. В 1905 г. был возведен в сан протоиерея. В 1906–1913 гг. — протоиерей 107-го пехотного Троицкого полка, благочинный 27-й пехотной дивизии. В 1913–1915 гг. — священник 51-го пехотного Литовского полка. С июня 1915 г. — в 43-м полевом запасном госпитале, гарнизонный благочинный Полоцка. После 1918 г. — протоиерей Сводного Крымского полка, благочинный 3-го Армейского корпуса Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). Умер в 1919 или 1920 г. Похоронен у полковой церкви Святого Николая в Симферополе. Вскоре могила была разграблена. Был награжден орденами Св. Владимира IV ст. с мечами (1904) и III ст. с мечами (1915), Св. Анны II ст. с мечами (1905), золотым наперсным крестом на георгиевской лен-

М. А. Волошин. Вид на дачу священника И. А. Голубева. Около 1915. Холст, темпера. Дом-музей М. А. Волошина.

те из кабинета императора «за совершение треб во время боя, за высокий пример мужества и самоотвержения» (1904) и палицей (1911).

— Иерей Павел Васильевич Юсупов

В 1901–1906 гг. — диакон Саратовской епархии. В 1906–1910 гг. — диакон на вакансии псаломщика Тифлисского военного госпиталя. В 1910–1912 гг. — священник 156-го пехотного Елисаветградского полка. В 1912 г. исполнял обязанности священника крейсера «Паллада». В том же году вышел в отставку с прикомандированием к Троицкой церкви в Колпине. С июня 1915 г. — священник 51-го пехотного Литовского полка. Был награжден набедренником (1909), скуфьей (1912), золотым наперсным крестом на георгиевской ленте из кабинета императора (1916).

Не установлена служба в полках 13-й пехотной дивизии:

— Священник Иоанн (Федорович?) Егоров

13-я артиллерийская бригада. Был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

— Протоиерей Иоанн Сергеевич Воскресенский

В 1915 г. — священник 70-го пехотного Рязского полка. В октябре 1920 г. — благочинный 13-й пехотной дивизии. Был награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте.

Жизнь и служба

Незадолго до освящения полковой церкви, в 1897 г., в полку случилось происшествие, ставшее причиной судебного разбирательства, длившегося почти два года. Действующими лицами стали подпоручик Бахчисарайского резервного батальона П. Кривенко и подполковник Литовского полка барон К. фон Кнорринг.

Последний 2 декабря 1897 г. «в зрительном зале симферопольского клуба во время оперного спектакля, в антракте, будучи раздражен тем, что поручик Кривенко явился вместе с его, фон Кнорринга, женою, подошел к названному офицеру и нанес ему удар по лицу биноклем». В свою очередь П. Кривенко, «обнажив бывшую при нем шашку, нанес ей удар сему штаб-офицеру». В результате подполковник К. фон Кнорринг был арестован на пять суток, а подпоручик П. Кривенко — лишен звания, дворянства и прав, после чего, по приговору Одесского военно-окружного суда, был сослан в Тобольскую губернию.

В 1899 г. литовцы провели общий сбор в Симферополе, который посетил командующий войсками Одесского военного округа генерал-адъютант граф А. И. Мусин-Пушкин. Смотр закончился двусторонним тактическим учением с участием 52-го пехотного Виленского полка, 53-й резервной пехотной бригады и артиллерии.

После учений полк провел подвижный сбор в Крыму под командованием командира 7-го армейского корпуса генерала-от-инфантерии П. Г. Дукмасова. Выступив из Симферополя, литовцы первую стоянку имели на реке Альма у деревни Кобазы²⁶², а затем перешли к Бахчисараю. Там, на реке Кача, Севастопольский и Симферопольский отряды соединились и в течение двух последующих дней проводили двусторонние маневры. После их окончания войска через Бельбек вышли к долине реки Черной у деревни Чоргунь²⁶³. Переночевав, литовцы, преодолев склоны Сапун-горы, вышли на Куликово поле. Там двусторонними учениями подвижной сбор был завершен.

1 октября 1899 г. Литовский пехотный полк отметил 25 лет со дня прибытия в Симферополь: «Нигде раньше они [литовцы] не квартировали столь продолжительное время, не оседали так прочно, как осели в губернском городе Тавриды, в коем ныне даже одна из улиц около

262 В настоящее время — Малиновка (Республика Крым).

263 В настоящее время — Черноречье (Севастополь).

казарм полка носит название Литовской».

В 1899 г. в Литовском полку, как и в других частях Одесского военного округа, было отменено ношение барашковой шапки. Вместо нее при парадной и обыкновенной формах стала надеваться фуражка с гербом, в полку же и со знаком отличия; вместе с тем строевым нижним чином присвоены были с этого времени фуражки с козырьком, вместо прежних бескозырок. У обер-офицеров португези из черной лакированной кожи заменены были галунными по цвету прибора.

В том же году вновь было значительно увеличено жалование офицеров, что благоприятно отразилось на их быте.

4 апреля 1901 г. полковник И. И. Холодовский за отличия был произведен в генерал-майоры и назначен генералом для поручений. Вместо него 22 мая командиром полка был назначен начальник штаба 38-й пехотной дивизии полковник М. А. Никулин.

Никулин Михаил Александрович (1857–?) — русский военачальник. Происходил из дворян Тверской губернии. Общее образование получил в Гродненской классической гимназии, военное — в Николаевском инженерном училище, которое окончил по первому разряду в 1877 г. Выпущен подпоручиком в 5-й саперный батальон, в рядах которого участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За отличие был награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом. В 1878 г. был произведен в поручики и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. В 1883 г. закончил обучение, был причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Киевский военный округ. Исполнял обязанности старшего адъютанта штаба 11-й кавалерийской дивизии. С 1884 г. — штабс-капитан. В 1885–1891 гг. — старший адъютант штаба 12-й кавалерийской дивизии. В 1887 г. был награжден орденом Св. Анны III ст. Командовал ротой в 48-м пехотном Одесском полку. С 1889 г. — подполковник. В 1891–1894 гг. — штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Семиреченской области. В 1893 г. был награжден орденом Св. Станислава II ст. С 1894 г. — полковник. В 1894–1895 гг. — штаб-офицер при управлении 5-й стрелковой бригады. В 1895–1897 гг. — штаб-офицер для поручений в штабе Виленского военного округа. В 1897 г. отбыл цензовое командование батальоном в 107-м пехотном Троицком полку. В 1899–1901 гг. — начальник штаба 38-й пехотной дивизии. В 1901–1905 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка.

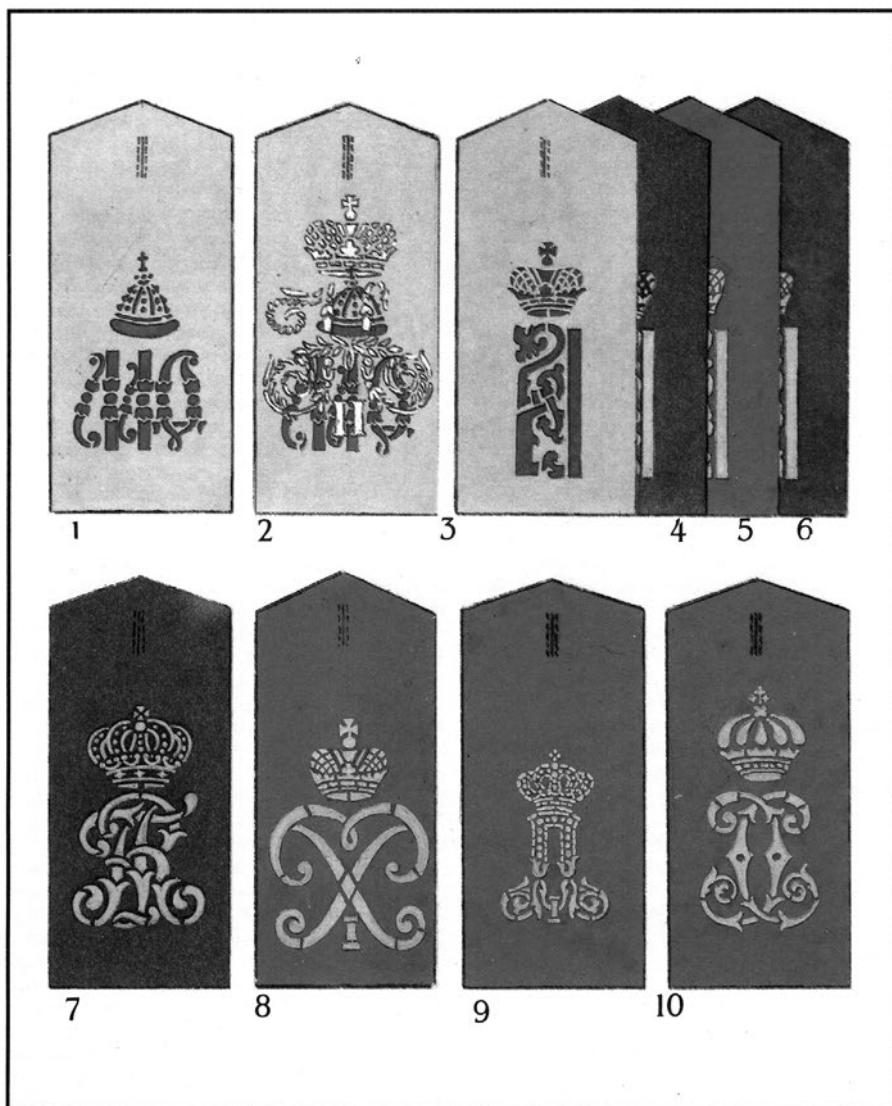
30 июля 1904 г. родился наследник престола цесаревич Алексей, и в этот же день, точнее в полночь, в полк поступила телеграмма о том, что цесаревич Алексей назначен шефом Литовского полка. Отныне полк получил новое наименование — 51-й пехотный Литовский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк. Первая рота полка стала именоваться ротой Его Высочества.

Так как полк стал шефским, с 21 августа 1904 г. по распоряжению Николая II на полковой мундир были положены пуговицы с изображением императорской короны, а на воротник и обшлага офицерского мундира — по две шитых гладких петлицы с каждой стороны. Впрочем, скоро первое из отличий исчезло в связи с тем, что вся армия получила изображение государственного герба на пуговицы. Кроме того, позднее (12 октября 1907 г.) на погоны и офицерские эполеты стали наносить вензель цесаревича Алексея в виде буквы «А», выполненный в старорусском стиле. Для штаб- и обер-офицеров вензель полагался гладким, по цвету металлического прибора. Нижним чинам изображение наносилось на погоны краской по трафарету, согласно установленному образцу.

24 февраля 1905 г. новым командиром Литовского полка был назначен командир 190-го полка полковник Д. Г. Черепяхин-Иващенко.

Черепяхин-Иващенко Дмитрий Георгиевич (1852–?) — русский военачальник. Происходил из дворян Херсонской губернии. Обучался в Елисаветградской военной прогимназии, после окончания которой в 1870 г. был зачислен в 49-й пехотный Брестский полк. Поступил в Одесское пехотное юнкерское училище, которое окончил в 1874 г. по первому разряду. Вернулся в полк портупей-юнкером. С 1874 г. — прапорщик. С февраля 1877 г. — подпоручик. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С июля 1877 г. — поручик. Участвовал в перестрелке береговых батарей с двумя турецкими броненосцами, преследовавшими яхту «Ливадия» от Каварны. После окончания войны исполнял обязанности полкового адъютанта. В 1882 г. за отличие был произведен в штабс-капитаны. В 1886 г. также за отличие был произведен в капитаны. В 1886–1894 гг. — командир роты. В 1893 г. был награжден орденом Св. Станислава III ст. С 1895 г. — подполковник. Назначен командиром батальона. В 1899 г. за отличие был награжден орденом Св. Анны III ст. С 1902 г. — полковник. В 1902–1905 гг. — командир 190-го резервного пехотного Венгровского полка. В 1905–1910 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка.

Погоны с вензелями Высочайших шефов

13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка: с 1912 г. (1), с 1913 г. (2). Полков Наследника Цесаревича: 14-го гренадерского Грузинского (с 1912 г.) (3), 51-го пехотного Литовского (4), 206-го пехотного Сальянского (5), 12-го Восточно-Сибирского стрелкового (6). 4-го пехотного Капорского Короля Саксонского полка (с 1913 г.) (7), 9-го пехотного Ингерманландского Императора Петра Великого полка (8), 14-го пехотного Олонецкого князя Петра Сербского полка (9), 18-го пехотного Вологодского Короля Румынии полка (10)

Погоны полков Русской императорской армии с вензелями высочайших шефов

Среди офицеров Литовского и других полков 13-й пехотной дивизии к началу XX в. лишь относительно небольшая часть относилась к образованному дворянству. По состоянию на 1914 г. не более 25 % из них имели дворянское происхождение. Остальные офицеры относились к детям офицеров и чиновников, происходили из мещанской среды, из крестьян, были выходцами из духовенства и купечества.

Относительно невысокая доля дворян была характерна в начале XX в. для большинства армейских полков, что отличало их от блестящей гвардии. Военный публицист П. М. Пильский писал в 1906 г.: «Сами офицеры большей частью нищи, незнатны, многие из крестьян и мещан, дьяконовых детей».

Упоминание о «нищете» не случайно. Жалование офицеров было очень небольшим. Подпоручик, к примеру, получал по нормам 1899 г. всего 55 рублей в месяц, штабс-капитан — 70 рублей, а ротный командир в чине капитана — 105 рублей.

Конечно, подпоручики в основном были молодыми людьми 19–20 лет, не обремененными заботами о семье. Но даже им прожить на такое мизерное содержание было непросто. А ведь у каждого офицера имелся целый комплекс расходов, от которых он не мог отказаться: шить обмундирование, покупать пропитание, туалетные принадлежности, выписывать специальную литературу полагалось на свои деньги. Если добавить к этому, что офицер должен был выплачивать взносы в заемную и эмеритальную (для назначения пенсии) кассу, посещать офицерское собрание и товарищеские обеды «вскладчину», то картина выходила весьма мрачная.

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Начало века полк встречал с тревожным ожиданием бури. Еще летом 1900 г. 21 нестроевой нижний чин полка был отправлен на Дальний Восток для формирования бригадного лазарета 4-й стрелковой бригады. Такие перемещения были не напрасными: на восточной окраине империи собиралась гроза.

С начала 1904 г. на Дальнем Востоке назревала война с Японией, и для усиления войск из состава Литовского полка в полном составе была выделена 8-я рота (командир — капитан А. А. Моисеев, младшие офицеры подпоручики Поль и Макушев). Она вошла в состав 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Проводы роты в Симферополе были трогательными. Кроме этого, на театр военных действий были переведены или

откомандированы два штаб- и 32 обер-офицера. Первыми убыли капитаны А. А. Яковлев и И. А. Погаевский. Оба они вступили в командование сибирских резервных пехотных частей, развернутых в полевые полки. Затем в течение одного года и девяти месяцев на театр военных действий убыли подполковники Матвеев и Ларионов, капитаны Савченко, Городков и Нищинский, штабс-капитаны Павлович, Сигаревич, Филиппов, Караянов и Н. Иванов, поручики Османов, Руднев, Доронин, Егоров, Руцинский, Годлевский, Каминский, Снесарев, Чекановский и Дейбнер, подпоручики Пуциловский, Болохвитинов, Гвоздииков, Быстрицкий, Горностайский, Петренко, П. И. Разгон, Терлецкий и Харагезян.

Многие офицеры за участие в Русско-японской войне были награждены орденами. Подполковник Погаевский, прошедший кампанию в составе 7-го пехотного Сибирского Красноярского полка удостоился орденов Св. Анны III ст. с мечами и бантом и II ст. с мечами, Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом и чином подполковника. Служивший в рядах 287-го Тарусского полка штабс-капитан Руднев был награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом и чином штабс-капитана; служивший в том же полку поручик Пуциловский — орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» и III ст. с мечами и бантом и Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом; служивший в 54-м пехотном Минском полку штабс-капитан Павлович — орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом и Св. Анны III ст. с мечами и бантом. Служившие в 212-м пехотном Бахчисарайском полку поручики Руцинский и Годлевский, в 7-м Восточно-Сибирском полку поручик Поль получили ордена Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость». Служивший в штабе 3-й Маньчжурской армии поручик А. Г. Доронин²⁶⁴ был награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава III ст. с мечами и бантом. Орден Св. Станислава III ст. был вручен и штабс-капитану 51-го пехотного Литовского полка К. Ф. Левашеву²⁶⁵, незадолго до этого переведенному офицером-воспитателем в кадетский корпус.

---

264 Доронин Александр Георгиевич (1878–?) — русский офицер. Происходил из мещан области Войска Донского. В 1899 г. окончил Киевское пехотное юнкерское училище. Служил в 51-м пехотном Литовском полку. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 г. — штабс-капитан, полковой адъютант.

265 Левашев Константин Федорович (?–?) — русский офицер. В 1896 г. выпущен из Виленского военного училища по второму разряду в 179-й пехотный полк. С 1899 г. — подпоручик 51-го пехотного Литовского полка. Временно исполнял должность офицера-воспитателя в 1905–1906 гг.

Смотритель полевого подвижного № 62 госпиталя 51-го пехотного Литовского полка поручик А. И. Снесарев получил орден Св. Станислава II ст. с мечами и бантом. Нам удалось обнаружить текст приказа о его награждении:

Приложение к приказу войскам 3-й Маньчжурской армии

1905 г. за № 324 параграф 1

Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом смотритель полевого подвижного № 62 госпиталя 51 пех. Литовского полка поручик Александр Снесарев

Но не всем литовцам удалось вновь увидеть Крым. Не вернулся с войны капитан А. А. Яковлев, умерший от ран уже в чине подполковника. Он служил в 3-м пехотном Сибирском Нерчинском полку. Но о нем хотя бы известны обстоятельства смерти. В 13-й пехотной дивизии так «повезло» не всем: подполковник К. И. Солоники²⁶⁶ из 50-го пехотного Белостокского полка пропал без вести в Порт-Артуре в бою за Высокую гору 22 ноября 1904 г.²⁶⁷

Беспокойный век

Политические события, происходившие в России в 1905–1906 гг. и известные, как первая русская революция, затронули и Крым²⁶⁸. В этой ситуации 51-й пехотный Литовский полк продемонстрировал трону свою верность.

Происходившее на русском флоте и в русской армии обращало на себя внимание не только российской, но и мировой общественности и становилось объектом живого обсуждения в те годы. Однако в исторической литературе бунты черноморцев не были подвергнуты тщательному изучению и политическому анализу. Достаточное количе-

---

266 Солоники Ксенофонт Иванович (?–?) — подполковник 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Уроженец Таврической губернии. Образование получил в Мелитопольской классической гимназии и затем в Одесском пехотном юнкерском училище.

267 Алфавитный список офицеров, без вести пропавших в минувшей войне с Японией в 1904–1905 гг. // Военный сборник. 1908. № 10. С. 276.

268 При подготовке этой подглавы использовался следующий текст: Королев В. И. Бунт на коленях (Политические партии в Таврической губернии. 1905–1907 гг.). Симферополь, 1993. С. 16–19, 36–39.

ство работ было посвящено лишь событиям на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков», но оценивались они в прокоммунистическом духе и освещались в загероизированном виде. Сведения о других бунтах скудны и не всегда отвечают исторической правде.

Начало прошлого столетия было отмечено целой серией актов воинского неповиновения со стороны матросов-черноморцев и солдат Севастопольского гарнизона. В июле 1904 г. вспыхнул бунт на крейсере «Березань», в начале 1905 г. — в Лазаревских казармах, в июне — на броненосце «Потемкин», миноносце № 267 и судне «Прут», в ноябре того же года — на крейсере «Очаков» и броненосце «Пантелеймон», в мае 1907 г. — на линейных кораблях «Синоп», «Три святителя» и «Ростислав», в сентябре того же года — в Брестском пехотном полку, в июне 1908 г. — в Минной роте, в мае 1912 г. — на линкоре «Иоанн Златоуст», а месяц спустя — на крейсере «Память Меркурия», и это далеко не полный список.

Несмотря на то что не обо всех актах воинского неповиновения нам известно в достаточной мере, сегодня уже можно говорить о причинах, характере, политической направленности и других аспектах этого явления в одном из крупных боевых формирований морского ведомства России, каковым являлся Черноморский флот. Анализ архивных документов, открывающих нам новые страницы флотской жизни тех лет, убедительно показывает, что первопричиной возникновения бунтов являлось неудовлетворенность нижних чинов военно-бытовыми условиями воинской службы²⁶⁹.

Способствовали вспышкам бунтов и война с Японией, ощущавшаяся «внизу» острее, чем «наверху». Материальное обеспечение морских и сухопутных войск заметно ухудшалось. Зато повысилась требовательность к воинской дисциплине и ужесточилась муштра. Поражение в войне сказалось и на некотором падении авторитета офицерства, часть из которого запятнала себя казнокрадством и «зуботычеством» по отношению к нижним чинам.

Разумеется, недовольство среди матросов и солдат существующими условиями службы постепенно накапливалось, но призывы отдельных леворадикалов или революционных комитетов начать бунт в определенный срок цели не достигали. Даже Очаковское восстание

---

269 Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. Документы и материалы. Симферополь, 1957. С. 130–131.

показало несогласованность в этом вопросе двух наиболее влиятельных партийных комитетов — эсеров и социал-демократов. Политическая наивность «фанатиков» бунтов просматривается и в их убежденности в том, что весь флот, а затем и прибрежные гарнизоны всегда готовы примкнуть к их «революционным затеям».

Вернемся к бунту на «Синопе». Зачинщики бунта, имевшие поверхностные связи с военными организациями эсеров и социал-демократов Севастополя, убеждали сослуживцев в том, что три четверти личного состава Брестского и Белостокского пехотных полков, ряд кораблей и революционные организации города готовы поддержать их «революционное предприятие». Последние находились в это время в угнетенном состоянии и склонялись к тактике индивидуального террора. Солдаты же, на самом деле, в абсолютном большинстве остались верными правительству и участвовали в ликвидации беспорядков. Участвуя в подавлении бунтов, матросы и солдаты продемонстрировали верность престолу и отечеству. Все «революционные мероприятия» происходили в пределах одной — трех воинских частей, то есть носили локальный характер.

События 1905 г. не обошли стороной и Литовский полк. Предпосылки случившегося обозначились еще в 1901 г., когда в Симферополе 5 мая состоялась демонстрация в честь Дня международной солидарности трудящихся. Рабочая демонстрация прошла при явном и ясном соучастии полиции, не ведавшей, что творится у нее под носом. Начальство пришло в себя позднее. В течение двух недель после демонстрации проходили обыски и аресты, которым подверглось более 250 горожан.

С этого времени маевки в разных городах Крыма стали обычным явлением. Власти принимали контрмеры. Любопытна в связи с этим одна публикация в газете «Искра»:

...Впервые на улицах Симферополя появились конные и пешие городовые... жандармский генерал Трубников, как он сам рассказывал, выпросил у корпусного командира, чтобы рота солдат «гуляла в публике» в день традиционного здесь праздника весны — с тем, чтобы по свистку бить демонстрантов, буде они окажутся... С 6 мая две недели в казармах с офицерами дежурили солдаты Литовского полка (две роты), получившие по четыре холостых и 16 боевых зарядов — на случай «бунта», которого ждали то к царскому рождению, то к царским именинам.

С 1905 по 1907 гг. литовцам пришлось активно участвовать в подавлении антиправительственных акций в Крыму и за его пределами. Так, в октябре 1905 г. по Симферополю носились слухи, что будет устроена общая забастовка с участием боевиков, которые вооружены револьверами и у которых припасены бомбы, предназначенные для полиции и войска²⁷⁰. По этой причине интересы полиции и солдат в подавлении революционного выступления совпадали. Утром 18 октября, на следующий день после принятия Николаем II манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», была устроена манифестация с красными флагами. Толпа прошла по городу, обходя учебные заведения, где к ней присоединялись учащиеся. Затем она направилась к тюрьме с целью освободить политических заключенных. Начальник тюрьмы сразу отправил запрос в 51-й пехотный Литовский полк о предоставлении охраны. К зданию тюрьмы толпа подошла к 11 часам утра. Ко времени прибытия войск из тюрьмы сбежало 127 человек, оставшиеся же арестанты оказали войскам сопротивление, которое было подавлено только с применением оружия.

11 ноября 1905 г. несколько рот Литовского полка были переброшены в Одессу, где в ходе вооруженного восстания вышли из-под контроля части местного гарнизона. Литовцы участвовали в подавлении восстания на крейсере «Очаков»²⁷¹. Учебная команда 15-й роты на учебном судне Черноморского флота «Прут» была доставлена из Севастополя в крепость Очаков, где обеспечивала охрану осужденных по делу о мятеже в Одессе. После приведения в исполнение приговора команда вернулась в Симферополь. Нижним чинам и командиру 15-й роты капитану Кучукову командующий Одесским военным округом объявил благодарность.

Когда волнения охватили большую часть городов Таврической губернии, роты литовцев были направлены в Севастополь, Ялту, Евпаторию, Бердянск, Мелитополь, Геническ, в село Благовещенка Мелитопольского уезда и другие населенные пункты. Там как и в самом Симферополе, подразделения полка взяли под охрану банки, тюрьмы, казначейства, почтово-телеграфные конторы, железнодорожные станции. В Евпатории караул литовцев от 14-й роты, расположенный в тюрьме, под коман-

270 Клейнершехт. Дело об октябрьском погроме в Симферополе: Судебный отчет с иллюстративными приложениями на отдельных листах. Симферополь, 1907. С. 2.

271 Руководил операцией командир 7-го Армейского корпуса генерал-лейтенант А. Н. Меллер-Закомельский.

дой унтер-офицера Гришуна 28 мая 1906 года отразил нападение толпы, которая пыталась освободить заключенных. Там же караул унтер-офицера Белана выстрелами разогнал толпу, пытавшуюся разграбить склад муки у мельницы С. Э. Дувана. За успешное воспитание подчиненных и верность их присяге командующий округом объявил благодарность командиру 10-й роты капитану В. В. Альмедингеру.

Офицеры Черноморского флота, которые в эти дни постоянно чувствовали угрозу со стороны своих матросов, периодически выходивших из подчинения, отмечали, что после входа в Севастополь армейских частей 13-й пехотной дивизии желание бунтовать в морской среде поубавилось.

События мятежного 1905 г. связаны для литовцев с именем С. Н. Сергеева, ставшего впоследствии известным советским писателем Сергеевым-Ценским. Прапорщик запаса С. Н. Сергеев был призван в армию в 1904 году, вскоре после начала Русско-японской войны. Переведенный в 51-й пехотный Литовский полк, офицер стал свидетелем революционных событий в Крыму, оставивших глубокий след в его сознании. Уже в день прибытия в часть он резко выступил против ротного командира капитана Андреева, который бесчеловечно обращался с солдатами (эпизод этот отразился в романе 1934 г. «Зауряд-полк»).

Сергеев (Сергеев-Ценский) Сергей Николаевич (1875–1958) — русский и советский прозаик. Родился в Тамбовской губернии в семье учителя, большого любителя чтения, что повлияло на сына. После окончания гимназии поступил в Глуховский учительский институт, где начал писать стихи. Позднее многие из стихотворений этого периода вошли в его первый поэтический сборник «Думы и грезы» (1901). Окончив институт в 1895 г., получил назначение в гимназию, но по собственному желанию отправился отбывать воинскую повинность и только через год стал учителем русского языка в Каменец-Подольском. С 1900 г. начал писать рассказы, первые из которых были напечатаны в «Русской мысли».

С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. был призван в армию и в звании прапорщика прибыл в Симферополь в 51-й пехотный Литовский полк. Пребывание в армии дало С. Н. Сергееву-Ценскому богатейший материал для творчества, который отразился в романах «Бабаев», повестях «Пристав Дерябин» и «Батенька», эпопеях «Севастопольская страда» и «Преображение России». В качестве прототипов

многих его героев выступили солдаты и особенно офицеры Литовского полка. Своим признанием писатель обязан другу отставному офицеру, А. И. Куприну²⁷², служившему в 46-м пехотном Днепровском полку, который убедил его приехать в Петербург, чтобы опубликовать там свои книги.

В годы Великой Отечественной войны С. Н. Сергеев-Ценский писал публицистические статьи и рассказы о героях-современниках: сборник «Настоящие люди», романы «Брусилловский прорыв», «Пушки выдвигают» и «Пушки заговорили». До конца жизни С. Н. Сергеев-Ценский оставался активно действующим писателем, продолжая работу над последними романами эпопеи «Преображение России».

В мае 1905 г. С. Н. Сергеев отказался выехать с ротой в Мелитополь на усмирение бастующих рабочих. В упомянутом уже романе «Зауряд-полк» он так описал события, происходившие в Симферополе:

...Отпуск я получил и уехал. А когда приехал, тут уж вскорости разыгрались большие события, те самые, которые царь наш революцией называть не хочет, а называет «беспорядками». Объявлены были свободы, и начались еврейские погромы. Вот один из этих погромов и произошел на моих глазах в Симферополе... Как убивали несколько десятков человек на бульваре кольями, этого я не видел: за мной прислали из полка, когда уж эта часть программы была окончена и начался грабеж еврейских магазинов. Полк наш стоял везде по улицам на охране, в помощь полиции, то есть в помощь тем самым господам, которые и сочинили и разыграли, как по нотам, весь этот погром. Ну, в этот день я всего насмотрелся и отлично видел, как все было организовано...²⁷³

После событий в Симферополе в октябре 1905 г. выступил с обличительным заявлением, попавшим в местные газеты. 8 ноября газета «Крымский вестник» писала: «Офицер Литовского полка Сергеев представил заседающей в Симферопольский городской управе комиссии

272 Куприн Александр Иванович (1870–1938) — русский писатель, журналист, переводчик.

273 Сергеев-Ценский С. Н. Преображение России: Эпопея. Утренний взрыв. Зауряд-полк. Лютая зима // Собр. соч.: В 12 тт. Т. 10. М., 1967. С. 91.

юрисстов пространное письменное показание по делу о погроме». За подобное деяние прапорщик С. Н. Сергеев попал под домашний арест, и лишь демобилизация в декабре того же года спасла его от суда.

Если одни чины полка верно служили Отечеству, другие на волне революционных настроений и увлечения идеями борьбы с гнетом государственной машины оказывались по другую сторону баррикад. В 1906 г. 2-му батальону литовцев довелось охранять в Севастопольской крепости известного террориста Б. В. Савинкова²⁷⁴, при этом сам арестант позже вспоминал, что литовцы сменили белостокцев, настроенных в своей массе революционно²⁷⁵. Но и бежать из крепости Б. В. Савинкову помог литовец — вольноопределяющийся В. М. Сулятицкий. В 1907 г. он был арестован и, затем, расстрелян в Петропавловской крепости за подготовку к покушению на П. А. Столыпина.

Сулятицкий Василий Митрофанович (1885–1907) — деятель партии социалистов-революционеров, член ее Боевой организации, участник ряда террористических актов. Родился в семье священника. Окончил курс духовной семинарии в Полтаве. Поступил на службу вольноопределяющимся в 6-ю роту 51-го пехотного Литовского полка в Симферополе. Вступил в партию социалистов-революционеров, был членом ее симферопольского комитета. По воспоминаниям Б. В. Савинкова, был «очень высоким, белокурым солдатом с голубыми смеющимися глазами». Принимал непосредственное участие в организации побега Б. В. Савинкова из тюрьмы в 1906 г. Побег удалось организовать с третьей попытки. После побега Б. В. Савинков и В. М. Сулятицкий уехали в Европу. За границей В. М. Сулятицкий вступил в Боевую организацию партии эсеров. Первоначально проживал в Париже. Вынашивал планы убийства императора. Тайно вернулся в Российскую империю, где в Санкт-Петербурге стал участником подготовки к покушению на премьер-министра П. А. Столыпина. После провала этого покушения входил в состав группы, готовившей убийство главного военного прокурора. В 1906 г. принимал участие в убийстве петербургского градоначальника В. Ф. фон дер Лауница на открытии новой клиники. В 1907 г. был арестован и отдан под суд. Петербургский военно-окружной суд

274 Савинков Борис Викторович (1879–1925) — русский революционер, один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров. Участник Белого движения, писатель.

275 Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 1991.

приговорил его и другого члена партии эсеров Л. И. Зильберберга к смертной казни через повешение. 16 июля 1907 г. приговор был приведен в исполнение в Петропавловской крепости.

Подверглись революционному влиянию и некоторые солдаты полка. Газета «Русское слово» писала в новостном блоке от 20 июня 1908 г.: «Ночью на квартире капитана Литовского полка Ильинского в его отсутствие полицией и жандармерией был произведен обыск. Обнаружена вполне оборудованная типография, масса шрифта, много экземпляров нелегального журнала “Рабочая правда”; в одной комнате найдены напильники, молотки, отвертки, токарный станок. Арестован денщик»²⁷⁶.

Обстановка в Крыму оставалась напряженной. 19 сентября 1908 г. несший службу у Симферопольской тюрьмы на посту № 5 рядовой 2-й роты Ф. Земляной увидел, как один из заключенных (некто Лобусов), работавший под наблюдением тюремного надзирателя, пытался сбив кандалы, бежать. Солдат преградил беглецу путь, выстрелом ранил его, когда тот попытался выхватить револьвер у подоспевшего надзирателя, и с помощью другого солдата по фамилии Лобан задержал. Командующий войсками Одесского округа в приказе объявил обоим солдатам благодарность и наградил их премией в размере 5 и 3 рубля соответственно.

Альбом для цесаревича

В 1906 г. литовцы решили преподнести подарок своему шефу — цесаревичу Алексею. Это был полковой альбом с фотографиями всех состоявших тогда на службе офицеров, врачей, классных чиновников, фельдфебеля роты его высочества, взводного унтер-офицера 1-го взвода и отделенного 1-го отделения 1-го взвода этой роты. Кроме этого в альбом включались фотографии зданий и учреждений полка, сцен полковой жизни. Снимки были сделаны именитым симферопольским фотографом Князьковым. Серебряная крышка для альбома с изображением Чолокского боя и надписью «Литовцы — своему августейшему шефу» заказывалась в Москве.

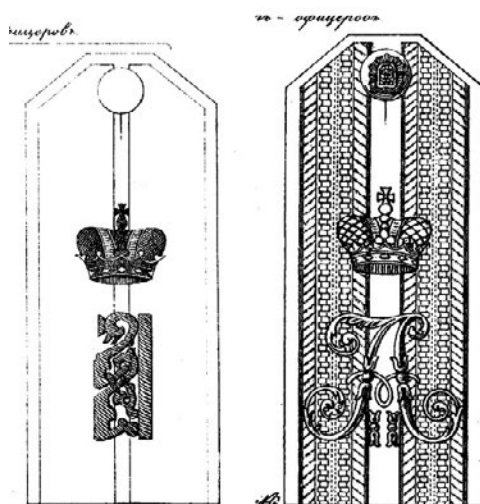
В конце 1906 г. было отправлено ходатайство о разрешении командировать от полка депутацию для вручения подарка наследнику престо-

---

276 Аресты и обыски // Русское слово. 1908. 20 июня.

М. Л. Трифонов

Чертеж погона с вензелем цесаревича
Алексея и короной

ла. После получения разрешения в столицу выехали командир полка полковник Д. Г. Черепяхин-Иващенко, командир роты его величества капитан М. Л. Трифонов, полковой адъютант штаб-капитан А. Г. Доронин, фельдфебель роты его высочества зауряд-прапорщик²⁷⁷ Красов. Прием был назначен в 2:30 пополудни 20 февраля 1907 г. Прибыв по железной дороге из Петербурга в Царское Село, делегация придворными экипажами была доставлена в Александровский дворец.

Офицеров Литовского полка встретили Николай II, императрица Александра Федоровна и наследник престола Алексей. Император был в форме стрелков императорской фамилии. Полковник Д. Г. Черепяхин-Иващенко вручил альбом наследнику престола. Император за руку поздоровался с каждым из офицеров и пообещал обязательно представить полку именитого шефа. 12 октября 1907 г. император присвоил штаб-офицерам, обер-офицерам и нижним чинам частей, шефом которых являлся наследник, вензель его имени на эполеты и погоны.

²⁷⁷ Зауряд-прапорщик — высшее воинское звание для унтер-офицеров русской армии с 1907 по 1917 г. Знаками различия для зауряд-прапорщиков были установлены погоны подпрапорщика с большой (больше офицерских) звездочкой в верхней трети погона на линии симметрии. Звание присваивалось наиболее опытным сверхсрочнослужащим унтер-офицерам.

военно-учебныхъ заведеній и частей войскъ, въ коихъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволить быть Шефомъ, а именно:

51-му пѣхотному Литовскому полку,
262-му пѣхотному Сальянскому полку,
12-му Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку,
16-му драгунскому Тверскому полку,
Алексѣевскому военному училищу,
Ташкентскому кадетскому корпусу.

XI. Вензелевыя изображенія, составляющія шифровки частямъ присвоенныя.

(Пр. в. в. 1909 г. № 100).

Вензелевыя изображенія Именъ Шефовъ армейскихъ частей войскъ, установленныя различными приказами по в. в., разрѣшается

имѣть на эполетахъ и погонахъ вышитыя или металлическія накладныя, *рубчатыя*, но не гладкія, причемъ эти вензелевыя изображенія должны быть въ пѣшихъ частяхъ— по цвѣту металлическаго прибора, а въ конныхъ — цвѣта противоположнаго металлическому прибору (для послѣднихъ на эполетахъ и наплечныхъ снурахъ всегда накладныя).

Примѣчаніе. Части войскъ, имѣющіе накладную *рубчатую* или *штучную* шифровку по Имени Шефа:

Л.-Гв. Кексгольмскій Императора Австрійскаго полкъ.

(Пр. в. в. 1894 г. № 287).

Л.-Гв. С.-Петербургскій Короля Фридриха-Вильгельма III-го полкъ.

(Пр. в. в. 1894 г. № 287).

Выписка из приказа о ношении формы и знаков различия с указанием присвоения вензеля «А» 51-му пехотному Литовскому полку

В то время в полк регулярно прибывали выпускники военных училищ. Местом для военной службы он считался неплохим и привлекал юнкеров, вышедших в офицеры с неплохим результатом. Например, прибывший в полк подпоручик В. Рудковский был по баллам 90-м из 170 выпускников Павловского военного училища 1904 г. Для замещения офицерских вакансий и, главным образом, получения офицерских должностей в полк направлялись представители крымских татар. Среди них были подпоручики И. Тайганский и О. Османов.

В 1908 г. в полку отбывал цензовое командование батальоном полковник Г. В. Покровский, один из наиболее славных офицеров российской армии, до последнего дня служивший под ее знаменами.

Покровский Григорий Васильевич (1871–1968) — русский военачальник. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. В службу вступил в 1890 г. В 1892 г. окончил 3-е военное Александровское училище. Выпущен в 1-й Туркестанский линейный батальон. С 1892 г. — подпоручик. Позже был переведен в лейб-гвардии Волынский полк тем же чином и старшинством. С 1896 г. — поручик. В 1899 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба.

Г. В. Покровский

С 1899 г. — штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба. Состоял при Московском военном округе. В 1900–1901 гг. — старший адъютант штаба 36-й пехотной дивизии. В 1900–1901 гг. отбывал цензовое командование ротой в 141-м пехотном Можайском полку. В 1901–1904 гг. состоял в прикомандировании к Александровскому военному училищу. С 1903 г. — подполковник. В 1904–1905 гг. — штаб-офицер для особых поручений при штабе Гренадерского корпуса. В 1905–1911 гг. — штаб-офицер для поручений при штабе Московского военного округа. С 1907 г. — полковник. С июня по октябрь 1908 г. отбывал цензовое командование батальоном в 51-м

пехотном Литовском полку. В 1909 г. был прикомандирован к артиллерии. В 1911 г. — начальник отделения Главного управления Генерального штаба. В 1911–1913 гг. — начальник штаба 3-й Гренадерской дивизии. В 1913–1915 гг. — командир 129-го пехотного Бессарабского полка. Отличился в боях против австрийцев. Находясь в авангарде 33-й пехотной дивизии в 1914 г. на Висле, взял в плен 31-й пехотный гонведный полк со знаменем и офицерами. В 1915 г. за боевые отличия был произведен в генерал-майоры. В 1915–1916 гг. — начальник штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса. В 1916 г. — генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии генерала А. М. Каледина. В 1917 г. — начальник штаба 8-й армии. Отставлен от должности во время выступления генерала Л. Г. Корнилова в 1917 г.

В 1918 г. прибыл в Добровольческую армию и находился в распоряжении помощника начальника Военного управления в штабе ВСЮР генерала В. Е. Вязмитинова. В Русской армии генерала П. Н. Врангеля находился в резерве чинов Генерального штаба и выполнял различные поручения. После эвакуации из Крыма в 1920 г. жил в Константинополе, откуда переехал во Францию. Состоял в Русском общевоинском со-

юзе (РОВС). Возглавлял Объединение офицеров 129-го и лейб-гвардии Волынского полков, а в конце жизни — Общество офицеров Генерального штаба во Франции. Был избран председателем Союза российских кадетских корпусов. До 85 лет зарабатывал на жизнь, трудясь в ресторане. Скончался в доме для престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа. Похоронен на местном русском кладбище на Кадетском участке.

Был награжден орденами Св. Станислава III (1903) и II (1910) ст. ст., Св. Анны III (1905) и II (1913) ст. ст. и Св. Георгия IV ст. (1915), а также Георгиевским оружием (1915).

Накануне юбилея

Лагерный сбор 1908 г. литовцы начали под Севастополем, где находилось большинство рот полка. В июле литовцев осматривал командующий войсками Одесского военного округа генерал от кавалерии А. В. Каульбарс. В ходе смотра прошло двустороннее учение, где противниками полка выступили учебная команда и одна рота 50-го пехотного Белостокского полка. Затем прошли боевые стрельбы, в которых участвовали Литовский и Белостокский полки с тремя батареями 13-й артиллерийской бригады, оцененные командующим округу как хорошие.

Каульбарс Александр Васильевич (1844–1925) — русский военный деятель, генерал от кавалерии, ученый-географ, один из основоположников русской авиации. Участник похода в Кульджу (1871), Хивинского похода (1873), Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военных действий в Китае (1900–1901), Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой (1914–1918) и Гражданской войн (1918–1920). В 1905–1909 гг. — командующий войсками Одесского военного округа. Член Военного совета (с 1909). Был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

Летом 1908 г. умер командир 2-й бригады 13-й дивизии генерал-лейтенант Давыдов, и на его место был назначен генерал-майор И. А. Думбадзе, до этого командовавший 2-й бригадой 34-й пехотной дивизии.

Думбадзе Иван Антонович (1851–1916) — русский военный и государственный деятель, генерал-майор свиты, градоначальник Ялты, покровитель Союза русского народа. Родился в Кутаисской губернии

в семье потомственных дворян грузинского происхождения (мать — урожденная княжна Накашидзе). Первоначальное образование получил в Кутаисской классической гимназии, по окончании которой поступил в Тифлиское юнкерское пехотное училище, которое окончил по первому разряду. В 1872 г. был произведен в прапорщики и определен в 18-й Кавказский линейный батальон. В 1875 г. был переведен в 162-й пехотный Аханцыхский полк. С 1876 г. — подпоручик. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За отличие был произведен в поручики. В 1879 г. в должности командира сотни был откомандирован в распоряжение военного губернатора Батумской области для уничтожения разбойничающих банд. В 1880 г. был произведен в штабс-капитаны и определен в Гурийскую пехотную дружину. В одной из рукопашных схваток был тяжело ранен. В 1882 г. награжден орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом. С 1883 г. — капитан. В 1886 г. при разгроме банды горцев был контужен в голову. Получил за успешную операцию орден Св. Анны II ст. с мечами. В 1887 г. назначен председателем дружинного суда и определен в 3-ю Кавказскую туземную дружину. С 1894 г. — подполковник. С 1900 г. — полковник. В 1903–1906 гг. — командир 16-го стрелкового императора Александра III полка.

В 1906 г. в разгар революционных беспорядков Ялта была объявлена на положении чрезвычайной охраны, и таврический губернатор В. В. Новицкий передоверил И. А. Думбадзе свои права главноначальствующего по Ялте. С 1906 г. — начальник войск охраны Ялтинского уезда. С 1907 г. — генерал-майор. В 1907–1908 гг. — командир 2-й бригады 34-й пехотной дивизии. В 1908–1912 гг. — командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии. Занимал эту должность, продолжая оставаться градоуправителем Ялты. В июле 1912 г. был уволен с должности ялтинского градоуправителя и назначен в распоряжение военного министра. В декабре 1912 г. был зачислен в свиту его императорского величества. В 1914 г. по личному желанию государя был возвращен в Ялту и занял вновь учрежденную должность ялтинского градоначальника. Оставался на этом посту до 1916 г. Был противником вступления России в Первую мировую войну. Подал в отставку по собственному желанию по причине болезни. Скончался в Ливадии в том же году, был похоронен с отдачей военных и гражданских почестей.

Был награжден персидским орденом Льва и солнца, бухарскими орденами Восходящей и Золотой звезды, греческим орденом Спасителя, черногорским орденом Князя Даниила и др.

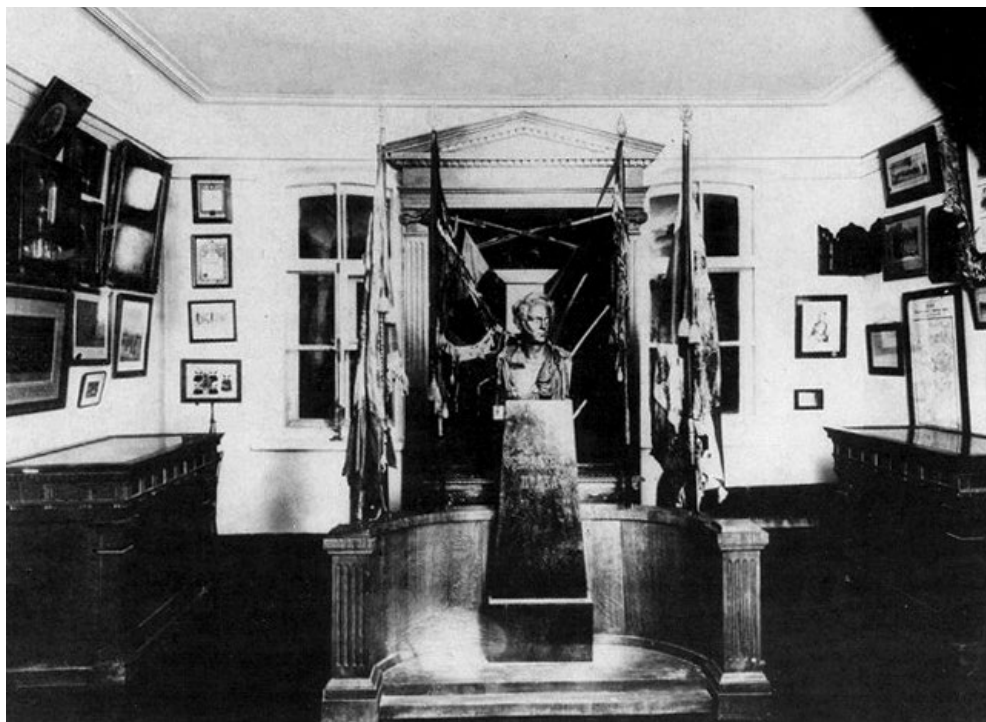
Думбадзе был трижды женат и имел двух дочерей и пятерых сыновей. Его сын Александр (от брака со светлейшей княжной Гуриели), ротмистр Крымского конного ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны полка, был убит 1 января 1918 г. при разгроме полка севастопольскими матросами. Другой сын, Антон (1887–1948), служил военным летчиком в звании капитана, после революции эмигрировал во Францию. Сын Георгий, по всей видимости, эмигрировал и, по некоторым данным, погиб в годы Второй мировой войны. Еще два сына, Владимир и Гавриил (?), по неточным данным, были расстреляны в Грузии в 1937 г. Пасынок И. А. Думбадзе от последнего брака с М. С. Марковой, С. В. Марков, служивший корнетом в Крымском конном ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны полку, после революции принимал участие в попытках спасения царской семьи, предпринятой одной из монархических организаций. Генерал-майорами императорской армии были и три брата И. А. Думбадзе — Иосиф, Николай и Самсон.

11 октября 1908 г. в полковом храме был отслужен молебен о даровании здоровья и многолетия семье царя в ознаменование десятилетия перенесения в полковую церковь полученных в дар от императрицы Александры Федоровны воздухов на чаши ее собственной работы. Командующий 7-м армейским корпусом генерал от кавалерии В. В. Сахаров²⁷⁸ отправил на имя военного министра телеграмму, которая 5 ноября вернулась назад с собственноручно сделанной Николаем II надписью: «Искренне благодарим литовцев за их чувства любви и преданности». Записка была 10 ноября передана в полк на вечное хранение. Вероятно, она хранилась в полковом музее и до нашего времени не сохранилась.

В Литовском полку служили офицеры, которые были не только хорошими командирами, но и известными в России специалистами в той или иной области. В то время в императорской армии имело распространение учебное пособие «Рас-

---

278 Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) — русский военачальник, генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военных действий в Китае (1900–1901), Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1906–1913 гг. — командир 7-го армейского корпуса. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. — главнокомандующий армиями Румынского фронта.

*Музей истории 51-го пехотного Литовского полка в здании офицерского собрания.
Фото 1913–1914 гг.*

пределение упражнений гимнастики по урокам»²⁷⁹. Его автором был штабс-капитан Ф. А. Годлевский, служивший в Литовском полку. Известный российский спортсмен, он долгое время был полковым инструктором по гимнастике и фехтованию. Другая его работа, «Подвижные игры для войск и школ», предназначалась в помощь ротным командирам, желавшим подробнее познакомиться со спортивными играми и активно использовать их в спортивно-массовой работе.

Литовцы делали служебную карьеру не только в качестве армейских офицеров. Многие из них со временем переходили в другие государственные структуры, в том числе в жандармерию и полицию. История Симферополя и Крыма сохранила

²⁷⁹ Распределение упражнений гимнастики по урокам / Сост. при инструктор. фехтовально-гимнаст. команде 51-го пех. Лит.полка и изд. для войск штабс-кап. Ф. А. Годлевский. 2-е изд. Симферополь.

имена некоторых из них. К примеру, должность начальника Севастопольской крепостной жандармской команды с 16 ноября 1892 г. выполнял ротмистр Н. С. Паллис²⁸⁰. Аdjютантом же губернского жандармского управления с 31 декабря 1896 г. был поручик Д. А. Цысс²⁸¹.

Юбилей полка

В 1909 г. Литовский полк готовился с большим размахом отметить свой вековой юбилей. За год до этого для подготовки торжеств в полку создали юбилейную комиссию, которую возглавил подполковник И. А. Погаевский²⁸². В период подготовки к празднованию в полку было принято решение об издании подробной полковой истории. Славный боевой путь литовцев был исследован бывшим офицером полка полковником Генерального штаба К. К. Павлюком. В 1909 г. составленная им подробная полковая история была издана в Одессе.

Торжества по случаю 100-летнего юбилея состоялись в Симферополе 22 октября 1909 г. На следующий день, 23 октября, чествование литовцев продолжилось в Ливадии, в присутствии императора и всей царской семьи. Состоялся полковой парад, после которого государь передал командиру полка юбилейное Георгиевское знамя с надписью «За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года и за отличие в сражении против турок за рекой Чолоком 4 июня 1854 года», которое во время молебна было освящено. Затем полк прошел церемониальным шагом.

Приятным подарком стало принятое императором решение об увеличении финансового содержания офицеров строевых частей и о вы-

---

280 Паллис Николай Спиридонович (1836–?) — ротмистр Литовского полка. Сын надворного советника Таврической губернии. Окончил Киевское пехотное юнкерское училище. На военной службе сначала в Литовском, потом в Виленском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1880–1890 гг. преподавал гимнастику в Феодосийском педагогическом институте. Служил адъютантом в Бессарабском, потом в Таврическом губернских жандармских управлениях.

281 Цысс Дмитрий Александрович (1870–?) — поручик Литовского полка. Происхождение неизвестно. Окончил 1-е Павловское военное училище, после чего служил в Симферополе.

282 Погаевский Иосиф Антонович (1864–?) — военнoслужаший Литовского полка. Выпускник 3-го Александровского военного училища. В 1885 г. поступил в 51-й пехотный Литовский полк. В 1904 г. был переведен в 7-й Красноярский резервный пехотный полк. В 1906 г. был переведен обратно в Литовский полк.

даче особых добавочных денег²⁸³. Увеличены были суточные лагерные и походные выплаты, размер которых не менялся с 1866 г.

В честь 100-летнего юбилея полка в Симферополе была учреждена стипендия 51-го пехотного Литовского его императорского величества наследника цесаревича Алексея Николаевича полка. Право пользования этими стипендиями предоставлялось детям военнослужащих названного полка и лицам, ранее служившим в Литовском полку.

К праздничной дате был учрежден полковой юбилейный нагрудной знак²⁸⁴.

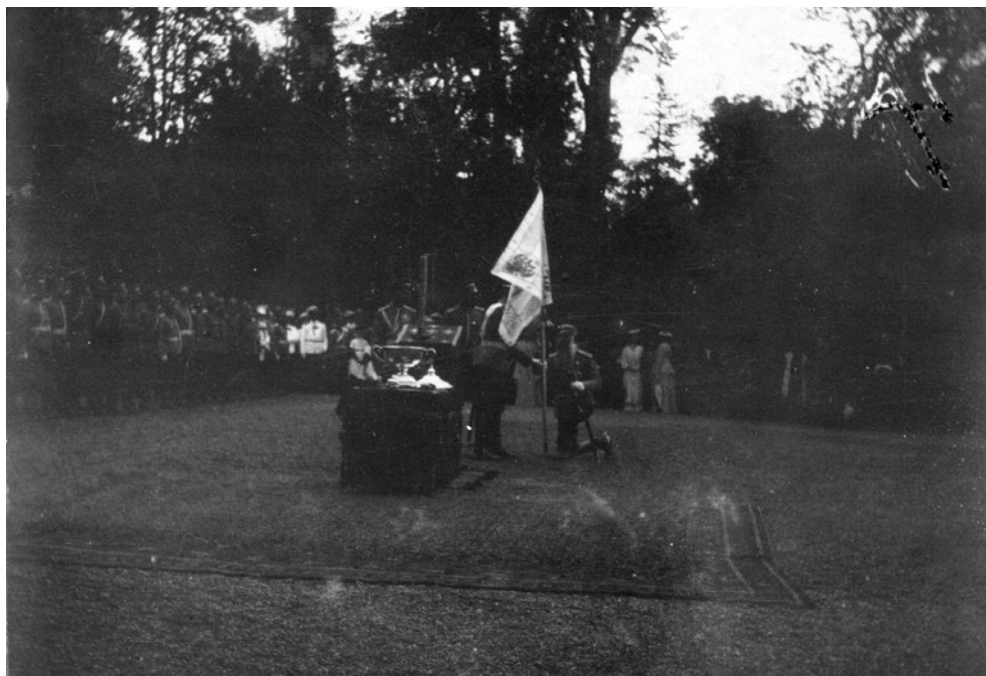
Первые памятные знаки в Российской империи появились в 1907 г. и предназначались исключительно для офицеров. Спустя два года Главный штаб разрешил награждать памятными знаками также солдат. В армии памятные полковые знаки имели большое воспитательное значение, были символом единения солдат и офицеров. Награждение памятным полковым знаком не давало никаких привилегий, но приобщало награжденного к боевой истории и традициям полка. Солдатам присваивали право на ношение полкового знака при безупречной службе либо при увольнении в запас. Вручение знаков проводилось в торжественной обстановке, обычно в дни полкового праздника или важных государственных праздников.

В конце XIX — начале XX вв. среди воинских частей Русской императорской армии и гвардии, отмечающих свой 100- или даже 200-летний юбилей, стало популярным учреждать юбилейные нагрудные знаки, которые становились своеобразным символом корпоративной солидарности всех чинов части, от командира и до последнего в строю рядового. Такие знаки, кроме общепринятых воинских символов, в обязательном порядке включали в себя элементы, связанные с историей конкретной воинской части (полка). Как правило, эскиз рисунка разрабатывался офицером или группой офицеров части. Все составляющие элементы и окончательный вариант рисунка обсуждались на об-

---

283 Например, прапорщику полагалось 120 рублей в год, подпоручику — 180 рублей, поручику — 240 рублей, штабс-капитану — 300 рублей, а по выслуге четырех лет в чине — еще 120 рублей, капитану — 360 рублей, а по выслуге четырех лет в чине — еще 120 рублей, подполковнику — 480 рублей, а по выслуге пяти лет в чине — еще 180 рублей.

284 Сегодня полковой знак 51-го пехотного Литовского полка является одним из самых дорогих в собраниях коллекционеров. По сообщению газеты «Независимое военное обозрение», самую большую цену за знак 51-го пехотного Литовского полка в золоте — 29 тыс. долларов США — заплатили на одном из аукционов в 2005 г.

Вручение Георгиевского знамени 51-му пехотному Литовскому полку

щих офицерских собраниях. Знаки для офицеров заказывались за их личный счет, при их изготовлении использовались драгоценные металлы и дорогие эмали. Знаки для нижних чинов, как правило, заказывались за счет полковой казны и, соответственно, были гораздо скромнее и значительно дешевле.

Право на ношение юбилейного знака получали не только офицеры и нижние чины, состоящие в списках части (полка) на момент юбилея, но также и те, кто служил в части (полку) до этой даты. Кроме того, право на ношение юбилейного знака также получали и все гражданские чины военного ведомства, служившие в части (полку), и даже полковые священники. К 1908 г. уже были законодательно разработаны основные положения по порядку учреждения и правилам ношения юбилейных нагрудных знаков²⁸⁵. К началу XX в. все официальные нагрудные знаки, в том числе юбилейные, учреждались высочайшим приказом, для чего документы, ходатайствующие об учреждении знака, должны были пройти все ступени должностной инстанции.

285 Приказ по Военному ведомству № 303 за 1889 г.

К 100-летию полка собственным юбилейным знаком решили обзавестись и литовцы.

К 22 июля 1908 г. проект рисунка юбилейного нагрудного знака 51-го пехотного Литовского полка был готов. «26 сентября 1908 г. последовало высочайшее соизволение на учреждение, согласно предоставленного при особом ходатайстве рисунка, особого полкового нагрудного знака в память грядущего юбилея. При этом право ношения такового знака предоставлено [было] всем офицерам и чиновникам полка, кои будут в день юбилея в списках полка, а равно ранее в нем служившим».

В его основу лег Кавказский крест — нагрудный знак «За службу на Кавказе», где полку за подвиги было пожаловано Георгиевское знамя с надписью «За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года». Вот как описан этот знак у К. К. Павлюка:

Ввиду того, что все свои боевые отличия полк заслужил некогда на Кавказе, упомянутый знак [представлял] из себя Кавказский крест, учрежденный в 1864 г., — зеленовато-черной эмали, окаймленный золотым ободком, увенчанный императорской короной и наложенный на серебряной овальный венок из лавровой и дубовой ветвей, связанных внизу белой эмалевой лентой (цвета полка) с надписью: «51-й пехотный Литовский полк». В середине на упомянутый крест с прикрепленными к нему двумя золотыми скрещенными мечами решено [было] наложить золотое вензелевое изображение имени его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича, августейшего шефа полка, а на лопастях креста предположено [было] поместить золотые изображения: на верхней — «1809» (год формирования полка), на нижней — «1909» (год столетнего юбилея полка), на левой — вензель императора Александра I, в бозе почившего основателя полка, и на правой — вензель его величества государя императора Николая II, соизволившего даровать литовцам, как настоящим, так и бывшим, возможность украсить грудь свою упомянутым знаком, дабы таковой постоянно напоминал им о прошлом полка, его минувшей столетней службе, каковая, как известно, создало ему заметное место в ореоле славы Русской армии²⁸⁶.

---

286 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 2. С. 397.

К сожалению, установить авторство рисунка знака не представилось возможным. Вероятно, он был разработан одним из офицеров или группой офицеров Литовского полка. В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге хранится ряд документов, непосредственно касающихся учреждения юбилейного нагрудного знака 51-го пехотного Литовского полка — рапорт, описание, справки, ходатайства и представления, на основании которых и был учрежден знак.

Приведенный ниже текст является рапортом командира 51-го пехотного Литовского полка полковника Д. Г. Черепяхина-Иващенко начальнику 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту К. М. Алексееву о ходатайстве на учреждение юбилейного знака, так как организационно Литовский полк входил третьим полком в состав 13-й дивизии, а непосредственным начальником для командира полка был командир дивизии. Текст рапорта выполнен машинописью на бланке с оттиском углового полкового штампа.

Алексеев Константин Михайлович (1851–1917) — русский военачальник, генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военных действий в Китае (1900–1901), Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1907–1909 гг. — начальник 13-й пехотной дивизии. В 1909–1910 гг. — командир 6-го армейского корпуса. В 1910–1911 гг. — командир 3-го Кавказского армейского корпуса. Скоропостижно скончался в Москве 8 мая 1917 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

51-й Литовский его императорского высочества наследника
цесаревича полк

По части строевой

22 июля 1908 г.

№ 6375

Лагерь у г. Севастополя

Об утверждении нагрудного юбилейного знака

Начальнику 13-й пехотной дивизии

Рапорт

Представляю при сем выработанный рисунок нагрудного знака с описанием для гг. офицеров вверенного мне полка в память столетнего юбилея основания полка, прошу ходатайствовать об учреждении его.

Приложение: 2 рисунка нагрудного знака и 4 экземпляра описания.

Командир полка

Полковник (*подпись Черпахин-Иващенко*)

За полкового адъютанта

Подполковник (*подпись неразборчива*)

Судя по оттиску, рапорт был составлен и зарегистрирован в полковых книгах в лагере под Севастополем. Дело в том, что полевой лагерь полков 13-й пехотной дивизии располагался на южной окраине Севастополя, на так называемом Куликовом поле. Видимо, в момент составления рапорта Литовский полк находился там на летних занятиях или учениях.

В верхней части листа с рапортом имеется чернильный оттиск штампа «Штаб 13-й пехотной дивизии / получено 23 июля 1908 г. / № 3708», указывающий на то, что данный рапорт поступил в штаб 13-й пехотной дивизии (в Севастополе) 23 июля 1908 г. и был зарегистрирован в дивизионной книге входящих документов под номером 3708.

На этом же листе, ниже текста рапорта, имеется допечатанный машинописный текст:

Командиру 7-го армейского корпуса

В виду предстоящего 22 октября 1909 г. юбилея 51-го пехотного Литовского полка, ходатайствую об учреждении нагрудного юбилейного знака.

Приложение: 2 рисунка нагрудного знака и 4 экземпляра описания его.

Начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант (*подпись Алексеев*)

Судя по этому тексту, начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант К. М. Алексеев препроводил рапорт командира полка командиру 7-го армейского корпуса генералу от кавалерии В. В. Сахарову и одновременно ходатайствовал по сути этого рапорта.

На этом же листе ниже приведенного текста имеется чернильный оттиск штампа «Штаб 7 арм. корп. / Получено 27 августа 08 г. / вх. жур. № 4472». Под оттиском имеется машинописный текст: «Вр. и. д. начальника штаба капитан Готшалько». Судя по штампу, рапорт с ходатай-

ством начальника 13-й пехотной дивизии поступил в штаб 7-го армейского корпуса (в Симферополе) 27 августа 1908 г. и был зарегистрирован в корпусной книге входящей документации под номером 4472.

Описание нагрудного знака 51-го Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка (столетний юбилей)

1. Серебряный венок (оксидированный).
2. На венке прикреплен Кавказский крест. За бои на Кавказе полк получил Георгиевское знамя.
3. Крест серебряный, залит зелено-черной эмалью, окаймлен золотой канвой и увенчан золотой императорской короной.
4. В середине креста — золотое вензельное изображение инициала наследника цесаревича — шефа полка.
5. На лопастях креста помещены следующие золотые изображения:
  - на верхней — цифра 1809 (год формирования полка);
  - на нижней — цифра 1909 (год празднования юбилея);
  - на правой — буква «А» — инициал императора Александра Первого, в царствование коего сформирован полк;
  - на левой — буква «Н» — инициал ныне царствующего государя императора Николая Второго.
6. К кресту прикреплены два золотых скрещенных меча.
7. Венок внизу скреплен лентой, залитой эмалью белого цвета, по цвету приборного сукна полка, с надписью «51 п. Литовский полк»
8. Длина знака — 2 дюйма²⁸⁷. Ширина — 1 дюйм с четвертью. Председатель юбилейной комиссии подполковник Погаевский
Делопроизводитель поручик Сарадж²⁸⁸

Этот лист является одним из четырех экземпляров описания проекта знака, который, по всей вероятности, был приложен к приведенному выше рапорту командира 51-го пехотного Литовского полка.

---

287 Дюйм — английская мера длины, равная 2,54 см.

288 Сарадж Владимир Григорьевич — военнотружущий Литовского полка. 13 декабря 1907 г. был переведен в 51-й пехотный Литовский полк из 55-го Подольского пехотного полка.

*Полковой юбилейный нагрудной знак
51-го пехотного Литовского полка,
выпущенный к его 100-летию*

Правила ношения юбилейного знака 51-го Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка

Право ношения юбилейного знака присваивается всем гг. офицерам, чиновникам военного ведомства и священникам, как состоящим в списках полка на день юбилея включительно, так же состоящим в запасе, отставке и переведенным

в другие части, ранее служившим в полку. Наградной знак будет носиться на мундире, сюртуке и кителе на левой стороне груди, на высоте половины длины талии, от воротника до пояса и левее звезд, если такие имеются.

Основание: Приказ в. в. 1889 года за № 303 №№ по порядку 14–18

Председатель юбилейной комиссии подполковник Погаевский

Делопроизводитель поручик Сарадж

Июля 6-го дня 1908 г.

г. Севастополь

На этом листе приведены правила ношения юбилейного знака, который, вероятно, также был приложен к рапорту командира 51-го Литовского полка об учреждении знака.

Командующему войсками Одесского военного округа

Представляю и ходатайствую —

Приложение: 2 рисунка нагрудного знака и 4 экземпляра описания его

Командир 7-го армейского корпуса

Генерал от кавалерии (*подпись Сахаров*)

5 августа 1908 г., Симферополь

Этот лист является препроводительным документом к рапорту командира 51-го Литовского полка и одновременно ходатайством командира 7-го армейского корпуса генерала от кавалерии В. В. Сахарова перед командующим войсками Одесского военного округа генералом от кавалерии А. В. Каульбарсом об учреждении юбилейного знака 51-го Литовского полка.

В Главный штаб
Командующий войсками ходатайствует
Приложение: 2 рисунка нагрудного знака, 2 экз. описи и 2 экз. правил ношения
Нач. штаба Одесского военного округа
Генерал-лейтенант (*подпись Васильев*)
11 августа 1908 г.
№ 12812
г. Одесса

Этот лист также является сопроводительным документом — ходатайством об учреждении знака, но уже командующего войсками Одесского военного округа перед военным министром генералом от инфантерии А. Ф. Редигером. Это ходатайство подписано начальником штаба Одесского военного округа генерал-лейтенантом Ф. Н. Васильевым²⁸⁹ и зарегистрировано в окружной книге исходящих документов 11 августа 1908 г. под номером 12812.

Редигер Александр Федорович (1853–1920) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1880 г. — адъюнкт-профессор, с 1890 г. — ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба по военной администрации. В 1882–1883 гг. служил в болгарской армии, был помощником военного министра и управляющим

²⁸⁹ Васильев Федор Николаевич (1858–1923) — русский военачальник, генерал-лейтенант. Окончил 1-е Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил в лейб-гвардии Литовском полку. С 1908 г. — начальник штаба Одесского военного округа. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Первой мировой войны. После 1917 г. перешел на сторону советской власти, преподавал в Военной академии РККА.

*Элементы полкового юбилейного
нагрудного знака 51-го пехотного
Литовского полка*

делами военного министерства Болгарии. В 1884–1905 г. служил в канцелярии военного министра (с 1898г. — начальником канцелярии), участвовал в разработке вопроса о полевом управлении армии. В 1905–1909 г. — военный министр.

Справка

В представленном при сим всеподданнейшем докладе испрашивается утверждение проекта нагрудного знака для 51-го Литовского его императорского высочества наследника це-

саревича полка, юбилей которого исполняется лишь в будущем 1909 г. Подобные случаи заблаговременного испрашивания высочайшего утверждения проектов нагрудных знаков уже были, а именно:

для 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка знак высочайше утвержден 2 апреля, юбилей — 6 декабря сего года;

для 11-го драгунского Рижского полка знак высочайше утвержден 5 июля 1908 г., юбилей — 27 января 1909 г.;

для 7-го Стрелкового полка знак высочайше утвержден 5 июня 1908 г., юбилей — 28 июля 1909 г.

Генерал-майор *(подпись неразборчиво)*

В верхнем левом углу имеется машинописный текст: «Отделение 1, стол 3, 20 сентября 1908 г., № 133», а в правом верхнем углу оттиск штампа «3 стол, 1 отделение Главного штаба, № 144, 29 сентября 1908 г., № 505». Эта справка, по всей видимости, была изготовлена одним из офицеров Главного штаба военного министерства. В Главном штабе подготовкой документов для учреждения знаков и представления их военному министру, который, в свою очередь, должен был предоставлять их для утверждения императору Николаю II, занимался 3-й стол 1-го отделения.

Видимо, при подготовке документов по учреждению знака Литовского полка военный министр генерал А. Ф. Редигер поставил вопрос о преждевременном ходатайстве, так как юбилей полка должен был быть более чем через год. Справка указывает на то, что случаи преждевременного учреждения Николаем II юбилейных полковых знаков уже были.

М. в.

Доклад по Главному штабу

Управление генер[ального] квартирмейстера

Отделение 1

Стол 3

26 Сентября 1908

№ 70

Об утверждении нагрудного полкового знака высочайшее соизволение на испрашиваемое последовало 26 сентября 1908 года.

Генерал от инфантерии (*подпись Редигер*)

Командующий войсками Одесского военного округа ходатайствует об испрошении высочайшего вашего императорского величества соизволения на утверждения проекта нагрудного знака 51-го Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка по случаю исполняющегося 22 октября 1909 года 100-летнего юбилея со дня его сформирования.

Нагрудный знак состоит из Кавказского креста зеленоватой-черной эмали, окаймленного золотым ободком и увенчанной императорскою короною; в середине креста наложено золотое вензельное изображение имени его императорского высочества наследника цесаревича августейшего шефа полка, к кресту прикреплены два скрещенных меча.

Крест наложен на серебряный овальный венок из лавровых и дубовых ветвей, связанных внизу белой эмалевой лентой.

На лопастях креста помещены следующие золотые изображения: на верхней — «1809» — год сформирования полка; на нижней — «1909» — год предстоящего столетнего юбилея; на левой — «А I» — вензельное изображение имени императора Александра I, в царствование коего полк сформирован; на правой — «Н II» — вензельное изображение имени вашего императорского величества.

На ленте, связывающей концы венка, — надпись «51-й пех. Литовский полк».

Право ношения сего знака предполагается всем офицерам и чиновникам, состоящим в списках полка в день его 100-летнего юбилея и ранее в нем служившим.

Настоящее ходатайство повергается на высочайшее вашего величества благоволение.

Испрашивается: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше соизволить на утверждение проекта нагрудного знака 51-го Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка?

Генерал от инфантерии (*подпись Редигер*)

Этот лист является представлением, которое военный министр генерал от инфантерии А. Ф. Редигер направил императору Николаю II для утверждения проекта рисунка юбилейного знака 51-го пехотного Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка. Представление было отпечатано машинописным способом на ведомственном бланке 3-го стола 1-го отделения Главного штаба военного министерства. На листе имеется собственноручная подпись А. Ф. Редигера, заверяющая то, что 26 сентября 1908 г. Николай II дал высочайшее соизволение на утверждение знака.

Лист 166 Главн. штаба

Высочайшее повеление

27 сентября 1908 г. № 2346

Испрашивается высочайшее соизволение

На утверждение проекта нагрудного знака 51-го пехотного Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка по случаю исполняющегося 22 октября 1909 г. 100-летнего юбилея со дня его формирования.

В верхней части листа имеется рукописный текст: «Собственною его величества рукою написано “Согласен” 26 сентября 1908 года. Генерал от инфантерии (*подпись неразборчива*)». В самом низу листа имеется также рукописный текст: «Генерал-лейтенант Мышлаевский²⁹⁰».

---

290 Мышлаевский Александр Захарович (1860–1940 или 1941) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. В 1908–1909 гг. — начальник Главного штаба военного министерства.

Представленный документ является внутренним документом Главного штаба военного министерства, который подтверждает, что император Николай II 26 сентября 1908 г., рассмотрев полученное от военного министра представление на утверждение проекта юбилейного нагрудного знака 51-го пехотного Литовского полка, утвердил его и на оригинале представления собственноручно написал «Согласен».

27 сентября 1908г.

70815

на № 12812

Начальник штаба Одесского военного округа

В 26-й день сего сентября последовало высочайшее соизволение на утверждение проекта нагрудного знака 51-го пехотного Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка в память 100-летнего юбилея полка, исполняющегося 22 октября 1909 г.

Высочайше утвержденный рисунок названного знака с описанием и правилом ношения в копиях при сем препровождается.

На основании высочайшего соизволения 4 декабря 1907 г. нагрудные знаки для нижних чинов должны быть того же рисунка, как и для офицеров и чиновников.

К изложенному присовокупляется, что, согласно циркуляра Главного штаба от 13 февраля 1907 г. за № 59, образчик или рисунок нагрудного знака с описанием и правилами ношения должен быть представлен так же и в главное интендантское управление.

Генерал-квартирмейстер

Генерал-майор *(подпись неразборчива)*

За начальника отдела подполковник *(подпись неразборчива)*

Этот лист является уведомлением об учреждении знака, которое Главный штаб военного министерства отправил начальнику штаба Одесского военного округа. Текст выполнен машинописным способом на листе папиросной бумаги.

К сожалению, представленный Николаю II проект рисунка юбилейного знака 51-го пехотного Литовского полка в архивном деле не сохранился. Однако в истории 51-го пехотного Литовского полка приведен «Рисунок нагрудного знака в память столетнего юбилея полка». Вероят-

нее всего, это именно тот рисунок, который был приложен к ходатайству командира 51-го пехотного Литовского полка № 6375 от 22 июля 1908 г. и впоследствии представлен военным министром генералом от инфантерии А. Ф. Редигером императору для утверждения.

В день полкового юбилея 22 октября 1909 г. юбилейный нагрудный знак 51-го пехотного Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка был поднесен шефу полка наследнику цесаревичу Алексею.

Пасха у императора

В 1911 г. командир полка, адъютант командира, командир шефской роты и фельдфебель этой же роты были приняты Николаем II в Ливадийской резиденции по случаю праздника Пасхи. Воспоминания об этом событии бывшего полкового адъютанта А. Г. Доронина, который впоследствии, в 1920 г., был начальником Симферопольского отделения политической части главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, удалось обнаружить в издававшемся в эмиграции журнале «Часовой»:

Это было в 1911 году. В Страстную Пятницу я, полковой адъютант, сидел в штабе полка за работой один: день был не-присутственный, но для адъютантов их не существовало. Колесо полковой жизни и службы не переставало вращаться, и адъютанты всегда должны были следить за их движениями, получая распоряжения и приказания сверху и направляя их вниз.

Так было и в этот день. Я сидел и разбирал почту, [когда] дежурный писарь подал мне телеграмму. Распечатываю ее и читаю: его величество повелеть соизволил депутации полка прибыть в Ливадию на заутреню Св[ятого] Христова Воскресения. Генерал Орлов».

Немедленно по телефону доложил телеграмму командиру полка и, получив от него указания, сейчас же передал их командиру шефской, его высочества наследника цесаревича, роты.

На следующий день, в Страстную Субботу, депутация в составе командира полка, командира и фельдфебеля шефской роты и полкового адъютанта выехала в Ялту, куда к вечеру этого же дня и прибыла. Сейчас же о прибытии сообщили в канце-

лярию его величества, откуда в тот же день получили распоряжение о том, что представление депутации назначено на второй день Пасхи, и приглашение прибыть в этот день в придворную церковь к обедне.

К назначенному времени мы были в Ливадии. В церкви присутствовали только придворные чины. Их величества с семьей по обыкновению были на левом клиросе. Проникновенно служил придворный священник, и отлично пел небольшой, всего в несколько человек, хор придворной

Император Николай II

капеллы. Обедня длилась, как всегда, 45 минут. По окончании обедни депутация была приглашена на внутреннюю дворцовую террасу. К нашему там появлению она уже была забита и народом. Кого здесь только не было: гимназисты и гимназистки местных гимназий с учительским персоналом, ученики и ученицы местных начальных школ, кухонная прислуга дворца и еще, и еще какие-то скромные люди в штатском платье, служебное положение коих я не мог определить. У всех на лицах в ожидании высочайшего выхода царской семьи [был] какой-то торжественный и [в] то же время взволнованный вид. И я сам чувствовал все легкое волнение, хотя и не был новичком во дворце.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут в сопровождении министра двора ген[ерал]-адъютанта Фредерикса и дежурства на террасу вышел государь император, а вслед — ее величество и вся семья. За ними два придворных лакея вынесли большую корзину, наполненную писанками.

Его величество со свитой стал впереди, а государыня императрица с семьей немного сзади. Тут же поставили и корзину с писанками. Началось «христосование». Подходили по очере-

Император Николай II и чины 51-го пехотного Литовского полка в Ливадии

ди к его величеству. Он подавал каждому руку и три раза лобызался. Затем похристосовавшийся подходил к ее величеству, целовал ей руку, а ее величество одаривала писанками, которые подавали ей дети.

Так длилось час. Я искренне не завидовал государю императору и удивлялся его выносливости; ведь каждый христосовался с ним от души и норовил поцеловать прямо в губы. А что это значит, знает тот, кому приходилось христосоваться хотя бы с ротой. Здесь же присутствовавших было больше!

Христосование было закончено. Все разошлись. Депутация же была приглашена к высочайшему завтраку, а потому мы направились в столовую. Посредине столовой, но ближе к внутрен-

ней стенке стоял стол, накрытый на 14 персон. На другом конце столовой — у входа из царских покоев — стоял другой, закусочный стол с напитками и рюмками.

Все присутствовавшие собрались здесь и в ожидании выхода его величества тихо беседовали. Его величество скоро вышел и, обведя всех своим ласковым взглядом, жестом радушного хозяина попросил присутствовавших ближе к столу.

Места за обеденным столом уже были заранее обозначены карточками, и так как обедающих было всего 14 человек и кроме нас трех посторонних — все

придворные чины, то место свое я нашел легко. Сели за стол. Придворные лакеи начали разносить кушанья и разливали вино. Каждому кушанью соответствовало и особое вино.

Разговор за столом вертелся вокруг погоды, которая неожиданно одарила накануне Ялту снегом.

Минут через 25 завтрак закончился черным кофе. Государь вынул неизменную мундштук-трубку, вставил папиросу и закурил. Все последовали примеру государя.

В это время в столовую вбежал августейший шеф нашего полка — наследник цесаревич. Обычно ее величество и семья на общих завтраках участия не принимали, завтракая отдельно у себя, и этот порядок нарушался лишь в особо высокоторжественные дни, когда бывало много приглашенных. Вбежав в столовую, наследник остановился у стола, обвел глазами всех присутствовавших, затем сразу нырнул между стульями под стол у места государя. Его величество погладил наследника по головке, ласково смотря ему в лицо. Но вот царственный ребе-

Цесаревич Алексей

нок покинул отца и начал обходить вокруг стола, толкая своей ручкой в спинку переплета венских стульев, на которых сидели обедающие. Дойдя до моего стула и, очевидно, увидав незнакомого, миновал мой стул и только улыбнулся.

Государь встал, и вслед за ним встали все и вышли на террасу. Здесь его величество подошел к нам и начал расспрашивать о жизни полка, вспоминая, где и когда ему приходилось видеть наш полк. Память у его величества была необыкновенная: он назвал безошибочно не только года, но и месяцы встречи с полком, фамилии командиров полков и т. д.

Помню такой случай: в 1904 году депутация полка представлялась его величеству по случаю назначения наследника шефом полка. Государь, обходя нашу депутацию, дошел до командира роты капитана Шереметова, и, когда командир полка, представляя нас, хотел назвать фамилию командира роты, его величество сказал: «Погодите, погодите, я сам вспомню фамилию капитана». И сейчас же безошибочно назвал, прибавив: «Вы ведь в 1902 году окончили стрелковую школу и по окончании ее представлялись мне».

Поговорив с нами минут 15, государь подал нам руку и, обращаясь к командиру полка, сказал: «Передайте привет полку от меня и от вашего шефа».

Представление депутации было закончено, и мы отправились к себе в гостиницу, вспоминая по дороге все подробности приема, дабы передать их полку и запечатлеть в приказе.

Сейчас же мы наняли автомобиль и поехали к себе домой, в штаб-квартиру полка: хотелось остатки великого праздника провести в кругу своих и полковой семей²⁹¹.

Марш «Прощание славянки»

С Литовским пехотным полком тесно переплетена история музыкального произведения «Прощание славянки» — популярного русского патриотического марша начала XX в. Этот марш был написан в Тамбове композитором и дирижером В. И. Агапкиным, штаб-трубачом 7-го запасного кавалерийского полка. Это произведение было создано под

---

291 Доронин А. Г. Пасха в Ливадии (из воспоминаний) // Часовой. 1935. № 211. С. 25.

впечатлением от начала Балканских войн 1912–1913 г. Марш состоял из двух частей. Мелодической первоосновой произведения послужили запев и припев песни времен Русско-японской войны.

Свои нотные наброски В. И. Агапкин показал своему начальнику — капельмейстеру Милову. Тот, оценив новый марш, посоветовал отвезти ноты в Симферополь, где жил и работал известный в то время в музыкальных кругах композитор и нотоиздатель, капельмейстер 51-го пехотного Литовского полка Я. И. Богорад, более 40 лет проработавший в музыкальной

Я. И. Богорад

школе Симферополя. За свою жизнь Я. И. Богорад выполнил сотни оркестровок, в основном военных маршей. Благодаря его таланту и стараниям военная музыка Литовского полка всегда была превосходной, а по выходным и праздничным дням полковой оркестр давал возможность симферопольцам наслаждаться своей виртуозной игрой.

Богорад Яков Иосифович (1879–1941) — музыкант, педагог, издатель, композитор, капельмейстер 51-го пехотного Литовского полка. Родился в семье учителя начальных классов. В 1900 г. окончил Варшавскую консерваторию, получив два диплома: военного капельмейстера и учителя музыки. В 1900–1903 гг. служил в 160-м пехотном Абхазском полку. В 1903 г. переехал в Симферополь. Там создал издательство «Бюро военной инструментовки “Богорад и К”», ставшее одним из самых популярных музыкально-издательских предприятий дореволюционной России. В издательстве печатались новые произведения для духовых оркестров.

Я. И. Богорад был прекрасным аранжировщиком и талантливым педагогом. Более 40 лет он проработал в музыкальной школе Симферополя. Среди его учеников — профессора, преподаватели А. Л. Ста-

севич и А. А. Федотов; композитор, народный артист СССР, директор Большого театра М. И. Чулаки; военный дирижер, профессор Московского института военных дирижеров, автор многих пьес для духового оркестра полковник Г. М. Калинин и др. Имя Я. И. Богорада вошло в историю отечественной музыки как автора оркестровки военного марша «Прощание славянки».

Я. И. Богорад был расстрелян в числе прочих евреев Симферополя 12 или 13 декабря 1941 г., в противотанковом рву на 11-м километре Феодосийского шоссе.

В. И. Агапкин последовал совету Милова. Я. И. Богорад, прослушав марш, помог автору дописать третью часть, записал клавиру и выполнил оркестровку. Совместно они придумали название марша — «Прощание славянки». Вскоре Я. И. Богорад напечатал в симферопольской типографии первую сотню экземпляров нот. На обложке была изображена сцена прощания молодой женщины с воином на фоне Балканских гор и надпись: «“Прощание славянки” — новейший марш к событиям на Балканах. Посвящается всем славянским женщинам. Сочинение Агапкина». За все это, включая выпуск первого тиража нот, Я. И. Богорад не взял с В. И. Агапкина ни копейки. Эта история не подтверждается какими-либо документами и стала известна, лишь благодаря устным воспоминаниям самого В. И. Агапкина и его дочери.

По странному совпадению лагерь Литовского полка, в котором служил Я. И. Богорад, находился на берегу речки Славянка. Оркестр литовцев можно считать первым оркестром, сыгравшим «Прощание славянки». Впервые публично новый марш был исполнен осенью 1912 г. в Тамбове на строевом смотре полка, в котором служил автор.

Марш «Прощание славянки» оставался популярным и после Октябрьского переворота 1917 г., особенно в белом лагере. Во время Первой мировой войны на музыку марша сочинили добровольческую песню («Вспоили вы нас и вскормили...»), которая дошла до нас не в изначальном виде, а в трех вариантах времен Гражданской войны: песня Студенческого батальона Добровольческой армии, «Сибирский марш» (марш Сибирской народной армии, затем — армии А. В. Колчака) и марш Дроздовской дивизии.

В книге «Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии» приводятся воспоминания артиллериста В. А. Ларионова: «Пели и новую, уже сложенную в Крыму полковую песню:

Через вал Перекопский шагая,
Позабывши бывшие беды,
В дни веселого, светлого мая
Потянулись на север “дрозды”»²⁹².

Штабс-капитан В. А. Ларионов также упоминает, что 1-я рота 1-го полка Дроздовской дивизии несла свой традиционный Андреевский флаг под пение «Славянки». Посему следует признать, что этот вариант «Прощания славянки» не только существовал в мае 1920 г., но и (возможно) являлся полковой песней 1-го полка Дроздовской дивизии.

Офицерское собрание Литовского полка

Офицерские собрания в России берут свое начало с петровских ассамблей, неизменными участниками которых являлись обер-офицеры. Лишь много позднее они выделились в самостоятельную организацию, призванную помочь общению и воспитанию офицеров и членов их семей. Так, во второй половине 70-х годов XVIII в. по инициативе адмирала С. К. Грейга было создано Кронштадтское морское собрание. На взносы его членов содержался Кронштадтский морской клуб. Аналогичные офицерские клубы имелись и в некоторых пехотных полках, а в 1782 г. военный клуб возник в Санкт-Петербурге.

В 60-е гг. XIX в. в столице был образован кружок офицеров, собиравшихся в Петропавловской крепости для изучения военно-технических вопросов. Этому примеру быстро последовали в войсках. Кроме того, во многих частях Варшавского, Виленского, Финляндского и Петербургского военных округов организовывались офицерские собрания. К 1874 г. они были открыты почти во всех дивизиях и гарнизонах, а в сентябре 1884 г. военное ведомство приняло специальный документ — «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях».

Популярный в XIX столетии журнал «Нива» так характеризовал задачу офицерских собраний: «Офицерские собрания в отдельных частях войск и общие собрания для офицеров того или другого гарнизона введены у нас в начале 70-х гг. Более чем двадцатилетний опыт доказал несомненную их пользу. Они сплотили общество офицеров, укрепили

---

292 Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003.

*Здание бывшего офицерского собрания 51-го пехотного Литовского полка
(в настоящее время — Симферопольский художественный музей)*

корпоративный их дух и способствовали развитию военного среди них образования...»²⁹³

Свое офицерское собрание было и у литовцев. В 1910 г. в Симферополе на улице Долгоруковской было заложено новое здание полкового офицерского собрания. Авторами проекта здания, разработанного по заказу военного ведомства, были известные крымские архитекторы Ф. К. Киблер, Е. Д. Садовский и Я. А. Рыков, которым пришлось выдержать конкурс со столичными коллегами.

22 октября 1913 г., к 300-летию Дома Романовых и к 104-й годовщине создания Литовского полка, здание офицерского собрания было торжественно открыто. Стоимость строительства составила 66 тыс. рублей. Это был прекрасный комплекс зданий с преобладанием стиля Ренессанса — исторического стиля, охотно применявшегося при возведении официальных сооружений, тогда как в окружавших офицерское собрание частных домах проявлялся набиравший популярность стиль модерн.

²⁹³ Нива. 1898.

*Офицеры 51-го пехотного Литовского полка в зале офицерского собрания.
Фото начала XX в.*

жественный характер сооружения, а светлая окраска стен (желтый и белый цвета) придавали офицерскому собранию праздничную легкость. До наших дней сохранилась (едва ли не единственная в городе) старинная ограда вокруг палисадника и двора с флигелем, где сегодня расположены выставочные залы Симферопольского художественного музея.

Об освящении и торжественном открытии здания офицерского собрания писали крымские газеты «Южное слово», «Южные ведомости» и «Крымский вестник». В городе состоялся настоящий праздник — крестный ход с освящением, приветственные речи, фейерверк. Симферопольская дума и общественность города приветствовали полк «через особо выбранную депутацию». Современники отмечали, что новое здание в классическом стиле стало «истинным украшением города».

Здание офицерского собрания Литовского полка стало одним из первых в армии, в котором, согласно приказу Николая II от 1912 г., вводился фехтовальный зал. Помимо него, в здании имелись следующие помещения: на первом этаже — два буфета, столовая, бильярдная, ком-

наты для дежурств и для прислуги; на втором этаже — музей, читальный зал, библиотека, гостиная, аванзал, зал и гостиная.

Интерьер отличался обилием света. Вестибюль поражал торжественностью и парадностью. Мраморная лестница, ведущая на второй этаж, балкон, с обеих сторон декорированный геральдическими атрибутами в виде орнамента, со вкусом оформленный плафон и мозаичные полы поражали своей представительностью и роскошью. Тонко и элегантно была продумана отделка парадного зала. Декорированные ниши на плоскостях стен, ажурно отработанный фриз и плафон в технике лепки, паркетные полы спокойного рисунка, балкон для оркестра, художественная осветительная аппаратура (люстры, бра, шандалы) обеспечивали парадному залу торжественность и уют. Здание быстро стало любимым местом отдыха офицеров полка.

После переворота 1917 г. здание передали под управление военного коменданта города. После установления в 1920 г. в Крыму советской власти здание использовалось как госпиталь № 57 Красного креста, а флигель был приспособлен под кухонный корпус. Затем усадьбу предоставили в пользование военкомату, а в июле 1922 г. по ходатайству профессора Н. Л. Эрнста Президиум Совета народных комиссаров Крымской ССР своим постановлением передал здание военкомата под Центральный музей Тавриды.

На первом этаже музея разместились археологический отдел и библиотека кримоведения (с фондом в 15 тыс. книг), на втором этаже — художественный и этнографический отделы, во флигеле открылся Музей революции. Коллекцию создавали из произведений, собранных в национализированных дворцах, виллах и особняках Южнобережья. Постепенно она пополнялась из фондов Третьяковской галереи, Русского музея и Центрального музейного фонда.

В сентябре 1923 г. сотрудники секции по охране памятников старины и искусства при отделе народного образования Крымревкома (КрымОХРИС) составили анкету, содержащую материалы о состоянии здания офицерского собрания. Это было связано, прежде всего, с предоставлением музею нового помещения. В связи с этим основное содержание анкеты было сосредоточено вокруг оценки состояния помещений и их пригодности. В пунктах анкеты были представлены все технические данные здания, вплоть до состояния электричества (не работало) и водопровода (работал частично), наличия противопожарных приспособлений и охранной сигнализации (отсутствовали). Очевидно, акцент на

Интерьер одного из залов Симферопольского художественного музея

состояние помещения музея при составлении анкеты делался с расчетом на выделение средств для проведения реконструкции здания.

В 1936–1937 гг. на основе Центрального музея Тавриды была сформирована Симферопольская картинная галерея, которую в 1966 г. переименовали в Симферопольский художественный музей. В годы Второй мировой войны одна часть коллекции галереи была утрачена во время налета фашистской авиации на Керченский порт, другая была благополучно доставлена в Ереван, а после войны возвращена в Симферополь.

В период оккупации немцы разместили в здании бывшего офицерского собрания конюшню, затем приспособили его под казарму, а впоследствии использовали как мыловаренный завод. Перед отступлением из города немецкие войска подожгли здание в двух местах, а мебель и металлическую ограду, окаймлявшую особняк, вывезли.

В 1945–1947 гг. здание было восстановлено. В 1994 г. в музее проводилась реставрация, в ходе которой специалисты Крымского реставрационного управления восстановили как интерьеры офицерского собрания, так и элементы его внешнего убранства.

В настоящее время здание сохранило облик периода послевоенного ремонта за исключением некоторых изменений.

Полковая библиотека

Каждое офицерское собрание Русской императорской армии, в соответствии с приказом по военному ведомству № 279 от 15 сентября 1884 г., должно было иметь собственную библиотеку. Большое развитие библиотеки получили и в частях русской армии — в полках, бригадах, отдельных батальонах, ротах и равных им подразделениях. Эти библиотеки делились на два типа: полковые (для унтер-офицеров и более подготовленного личного состава) и ротные (для остальных нижних чинов).

Статьи 46–48 упомянутого выше приказа определяли основные направления деятельности библиотек. Библиотека создавалась из отдельных книг и периодических изданий, на приобретение которых распределительный комитет офицерского собрания запрашивал у командира дивизии или лица, пользовавшегося одинаковыми с ним правами, необходимые денежные средства.

К началу XX в. в каждом полку должна была иметься собственная библиотека. В ней должен был быть свой систематический каталог, образцом которого служил каталог полковых библиотек 2-й Гвардейской пехотной дивизии. Он включал следующие разделы:

1. Книги религиозно-нравственного содержания.
2. Военный отдел, включавший: а) книги военно-научного содержания; б) книги по военной истории; в) военную беллетристику; г) книги по словесности.
3. История и география: а) история; б) география и народоведение.
4. Книги популярно-научного содержания: а) математика и естествоведение; б) медицина и гигиена; в) сельское хозяйство.

Помимо этого в библиотеках должны были иметься алфавитный каталог и книга учета пожеланий офицеров о приобретении новых книг, газет и журналов.

Приказ военного ведомства также определял, что книгами, журналами и всем имуществом библиотеки, «служащим для чтения и других занятий», офицеры полка пользовались на основании частных правил, которыми определялись:

- порядок выдачи книг;
- порядок сдачи книг в библиотеку;
- продолжительность времени, в течение которого офицер может пользоваться взятой из библиотеки книгой;
- внутренний порядок в библиотеке и прочее.

Приглашенные гости могли пользоваться библиотекой только в помещении офицерского собрания.

Объем библиотек постоянно рос, так как увеличивался книжный фонд за счет покупки новых книг, включения в ротную библиотеку книг, присылаемых из штабов через полковую канцелярию, а также за счет добровольных пожертвований книг офицерами.

С развитием библиотечной сети как в стране, так и в армии получило свое развитие и книгоиздательское дело. Информация о выходе в свет новых изданий постоянно доводилась до библиотек и массового читателя через газету «Русский инвалид». В войска отправлялись циркуляры Главного штаба, в которых рекомендовалась литература, необходимая для офицеров.

Настоящей гордостью Литовского полка была его библиотека. Первоначально она располагалась в старом здании офицерского собрания, учрежденного в Симферополе на Александро-Невской улице в 1879 г. Первое упоминание о ней встречается в отчете городского полицейского управления за 1882 г. Библиотека была открыта с разрешения полицеймейстера и комплектовалась преимущественно книгами и журналами на русском языке, хотя были и иностранные издания и специальные руководства, выписывались газеты, велся каталог.

К 1911 г. фонд полковой библиотеки насчитывал 6390 томов и был одним из самых больших в Симферополе. Библиотекой могли пользоваться только офицеры, чиновники и врачи полка. В 1913 г. должность заведующего библиотекой занял штабс-капитан С. И. Гаврилюк.

Гаврилюк Сергей Иванович (1880–?) — заведующий библиотекой Литовского полка. Служил в чине подпоручика в 73-м пехотном Крымском полку. В июне 1905 г. был переведен в 88-й пехотный Петровский полк, в июле того же года — в 86-й пехотный Вильманstrandский полк, в 1906 г. — в 73-й пехотный Крымский полк. С 1906 г. — поручик. В 1910 г. был переведен в 51-й пехотный Литовский полк. Был произведен в штабс-капитаны. В 1914 г. был переведен в 247-й пехотный Мариупольский полк. Был награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1915).

В 1912 г. в полк прибыл окончивший Павловское военное училище подпоручик Пеленкин. Это не было случайным явлением. Даже среди выпускников элитных военных училищ

13-я пехотная дивизия пользовалась хорошей репутацией. Как вспоминал будущий генерал П. Н. Краснов, сам бывший «павлон»: «Выше всего стояла гвардия с ее блестящими стоянками — Петербург, Царское Село и Варшава. За нею следовал Гренадерский корпус — Москва, Тифлис и окрестности этих городов. Потом полки, имевшие стоянку в больших городах, — Киев, Воронеж, Харьков, Одесса, Севастополь или в окрестностях Петербурга»²⁹⁵. Конечно, Симферополь — не Севастополь, но дивизия та же, да и вакансию можно подождать. В конце концов, не Великие Грязи.

Пионер российской авиации

Замечательным представителем 51-го пехотного Литовского полка был один из первых российских авиаторов Д. Г. Андреади. В начале XX в. его имя было известно всей империи.

Андреади Дмитрий Георгиевич (1878–1914) — штабс-капитан Литовского полка, военный летчик, неоднократный рекордсмен России по дальности полетов. Родился в Константинополе. В 1889 г. семья переехала в Российскую империю, поселилась в Симферополе, где приняла российское гражданство. Окончил Одесское юнкерское училище по первому разряду. В 1904 г. был произведен в первый офицерский чин. Участвовал в Русско-японской войне, командуя пехотным подразделением. За отличие в боях был награжден боевыми орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом и Св. Анны III ст. Войну окончил поручиком 211-го пехотного Евпаторийского резервного полка. Служил в 51-м пехотном Литовском полку. В мае — июле 1911 г. — курсант Севастопольской офицерской школы авиации. Пройдя полный курс обучения, успешно сдал пилотский экзамен. На аэроплане «Фарман» принял участие в окружных маневрах, по результатам которых был удостоен звания «военный летчик». В 1912 г. совершил рекордный перелет из Севастополя в Санкт-Петербург, преодолев с некоторыми промежуточными посадками 3,2 тыс. километров. В 1913 г. окончил теоретические авиационные курсы при Петербургском политехническом институте. Погиб в окрестностях Севастополя в результате крушения самолета.

²⁹⁵ Краснов П. Н. Воспоминания о Русской императорской армии. М., 2006. С. 55.

Начав своей боевой путь в пехоте, Д. Г. Андреади вскоре увлекся полетами. Он отучился в Севастопольской офицерской школе авиации и всего лишь через месяц после ее окончания установил свой первый всероссийский рекорд по продолжительности полетов с пассажиром на борту. В воздухе аэроплан провел 2 часа 35 минут.

Д. Г. Андреади

2 июня 1912 г. Д. Г. Андреади начал свой самый знаменитый полет, вошедший в историю мировой авиации. На аппарате «Ньюпор» ему удалось с минимальным количеством посадок преодолеть свыше 3 тыс. километров по маршруту Севастополь — Херсон — Одесса — Кременчуг — Полтава — Москва — Санкт-Петербург, что на тот момент являлось мировым рекордом. Полет проходил на высоте 700–800 метров, и только над Москвой Д. Г. Андреади поднялся до 1,2 тыс. метров. Пилоту удалось обойтись без серьезных аварий и поломок техники, а небольшие задержки случались лишь из-за некачественного топлива. В районе Новгорода Д. Г. Андреади преодолел грозовую тучу и спокойно миновал Валдайскую возвышенность, считавшуюся в то время сложной для воздушных полетов: сказался опыт полетов над горами Крыма.

Самолет Д. Г. Андреади приземлился в Санкт-Петербурге 11 июля. Чистое время пути, в общей сложности, составило 30 часов. За месяц полета авиатор потерял 17 фунтов веса. Ему приходилось очень мало спать, поскольку по своему обыкновению он вставал в 2–3 часа ночи. Общее самочувствие у Д. Г. Андреади по окончании полета было превосходным. По его словам, он был готов совершить и обратный перелет.

Императорский Всероссийский аэроклуб наградил штабс-капитана Д. Г. Андреади за этот беспрецедентный перелет большой серебряной вазой и учредил для российских авиаторов переходящий кубок его имени «За совершенные дальние перелеты».

После возвращения в Севастополь штабс-капитан Д. Г. Андреади был назначен инструктором Севастопольской авиационной школы. Свои главные полеты один из пионеров отечественной авиации совер-

Д. Г. Андреади на московском аэродроме

шил на серийном самолете «Ньюпор-4» с двигателем «Гном», так называемом моноплане «Дукс».

В августе 1912 г. принц Греции Николай, находившийся в то время в России и очарованный полетами Д. Г. Андреади, предложил ему почетную службу в Греции. Но штабс-капитан, российский поданный, хоть и грек по национальности, от лестного предложения отказался. Осенью 1912 г. Д. Г. Андреади находился в командировке во Франции с целью приобретения для Севастопольской авиационной школы новых типов аэропланов.

Блестящий летчик, постоянно желающий совершенствовать свое мастерство, добился направления в Санкт-Петербург на теоретические авиационные курсы при Петербургском политехническом институте, которые с успехом окончил в 1913 г. В том же году Д. Г. Андреади совершил беспосадочный перелет Феодосия — Севастополь — Керчь, а также руководил групповым перелетом Севастополь — Евпатория — Севастополь. После этого слава летчика еще больше возросла.

В марте 1914 г. все российские газеты сообщили о трагической гибели выдающегося пилота во время тренировочного полета под Севастополем:

7 марта в 9 час. 30 мин. утра на Александро-Михайловском аэродроме погиб при падении аэроплана руководитель офицерской школы отдела воздушного флота 51-го Литовского пехотного полка штабс-капитан Дмитрий Георгиевич Андреади²⁹⁶.

***

Севастополь. 7 марта. Утром на Качинском аэродроме известный авиатор, герой прошлогодного перелета Севастополь — Одесса — Москва — Петербург, шт.-капитан 51-го Литовского полка Дмитрий Георгиевич Андреади во время полета на «Ньюпоре» упал и разбился насмерть²⁹⁷.

*Самолет Д. Г. Андреади над Москвой.
Фото 1912 г.*

В это время в Каче находился другой выдающийся летчик П. Н. Нестеров, завершивший перелет по маршруту Киев — Одесса — Севастополь. Вот что он написал о случившемся своей жене: «Утром я полетал немного, затем спустился, взял пассажира и направился в Севастополь. Я сделал несколько кругов над городом и вернулся на аэродром. Увидел толпу, спустился рядом. Оказалось, убили Андреади. Взлетел, сделал большой крен и не имел возможности его выровнять, зацепил крылом и убили. Впечатление ужасное, в особенности для меня, как будто бы я принес им это несчастье».

А вот как описан этот инцидент в биографии самого П. Н. Нестерова:

7 марта, желая продемонстрировать перед прославленным гостем свое умение хорошо летать, после Петра Николаевича вылетел, также на «Ньюпоре», лучший инструктор авиационной

296 Крымский вестник. № 62. 8 марта 1914. С. 3.

297 Крымский вестник. № 63. 9 марта 1914. С. 4.

*Вырезка из газеты, посвященная перелету Д. Г. Андреади
по маршруту Севастополь — Одесса*

школы штабс-капитан Д. Г. Андреади — тот самый, который совершил в 1912 г. перелет из Севастополя в Петербург.

Вскоре после взлета, находясь на небольшой высоте, Андреади также начал делать поворот с крутым креном, и вдруг все присутствовавшие увидели, как самолет, не уменьшая крена, но уже опуская свой нос вниз, начал скользить на крыло... Вера в искусство Андреади была так велика, что всем еще хотелось думать, что вот летчик выровняет самолет, и только побледневший Петр Николаевич тихо, но отчетливо прошептал: «Смерть...» Мгновение, и самолет с грохотом врезался в землю. Подбежавшие товарищи с трудом вытащили из-под обломков страшно изуродованное тело летчика. Андреади уже не дышал...²⁹⁸

Истинные причины и обстоятельства аварии так и не удалось выяснить. Между тем П. Н. Нестеров «тщательно проанализировал ката-

298 Бурче Е. Ф. Петр Николаевич Нестеров // Викичтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/211456> (дата обращения: 30.09.2022).

Д. Г. Андреади рядом со своим самолетом

строфу и на следующий же день сделал в школе обстоятельный доклад об ее причине»²⁹⁹.

В книге А. М. Маркуши приводится догадка о том, что Д. Г. Андреади мог свести счеты с жизнью: «Старейший российский летчик А. А. Кузнецов был председателем комиссии по осмотру вещей Андреади. В вещах была обнаружена записка с просьбой никого в его смерти не винить. Акт был представлен адъютанту школы. Вскоре тот сообщил: “Господа, князь Мурузи (начальник школы) берет с вас слово офицера, что никогда и никому вы не будете рассказывать о найденной вами записке”»³⁰⁰.

Похороны Д. Г. Андреади в Симферополе собрали многотысячную толпу людей, которые провожали своего любимца в последний путь. Почетный караул 51-го пехотного Литовского полка сопровождал тело летчика от казарм до собора Святого Александра Невского, затем — до полкового храма Святого Николая и оттуда на вокзал для отправки

---

299 Там же.

300 Маркуша А. М. Я — летчик // Библиотека электронной литературы в формате fb2. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/markusha-anatolij-markovich/ya--lyotchik> (дата обращения: 30.09.2022).

в Севастополь. Похоронили летчика в Севастополе, его могила, к сожалению, не сохранилась.

Штабс-капитан Д. Г. Андреади был не единственным офицером-литовцем, чье имя связано с русской авиацией. С ноября 1910-го по май 1911 г. исполняющим обязанности полкового квартирмейстера был поручик Ф. Ф. Лазовский, переведенный в Крым по «климатическим условиям» из 72-го Тульского пехотного полка. В марте 1916 г. он был откомандирован в Военную школу летчиков-наблюдателей, а уже в июне того же года стал летчиком-наблюдателем 17-го корпусного авиаотряда. 10 марта 1917 г., во время Первой мировой войны, он уничтожил пулеметным огнем неприятельский аэроплан, за что был награжден орденом Св. Георгия IV ст.

НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим мы прежде всего обязаны России.

Ф. Фош, маршал Франции

Мобилизация

В 1914 г. 5-я рота Литовского полка участвовала в параде в честь полкового праздника в Ялте, у Массандровских казарм, в присутствии императора Николая II и полкового шефа цесаревича Алексея Николаевича. Но уже скоро мирная жизнь полка завершилась. Началась Первая мировая война.

Было время, когда ее называли «Великой войной», поскольку ей не было равных по масштабам разрушений и числу погибших. Почти во всех странах начало Первой мировой было встречено с воодушевлением и энтузиазмом. Не стала исключением и Россия. После убийства в Сараеве эрцгерцога Франца-Фердинанда Вене стало известно, что Сербия отклонила предъявленный ей ультиматум и что в тот же день, 25 июля 1914 г., в Шабаце в 4 часа пополудни было получено распоряжение о всеобщей мобилизации сербских войск.

1 августа 1914 г. Российская империя оказалась втянута в первую в истории человечества глобальную войну. С первого дня войны крымские газеты поместили на своих полосах специальные рубрики, которые выделялись крупным шрифтом «Война». Они существовали вплоть до 1918 г. Первым сообщением, опубликованным в них, был текст, полученный от Генерального штаба армии.

Начало войны повлияло на все последующее развитие страны, в том числе на судьбы непосредственных участников конфликта — солдат и офицеров 51-го пехотного Литовского полка. На территории Таврической губернии не проводилось военных действий, но она в полной мере испытала на себе все негативные последствия вступления России в войну. Итогом противостояния для Крыма стало установление в Севастополе 16 декабря 1917 г. советской власти, затопление кораблей черноморской эскадры и оккупация полуострова германскими войсками в апреле 1918 г.

В 1910 г. было принято решение об упразднении всех резервных и крепостных войск и направлении освободившегося личного состава

*Солдаты 51 ЛП в мундирах
образца 1907 г.*

на усиление пехотных полков. В среднем каждый полк получил до 20 офицеров и 380 солдат, в результате чего роты увеличились с 96 до 120 штыков. Одновременно была введена так называемая система скрытых кадров, в соответствии с которой при мобилизации второочередные части развертывались из заранее определенных пехотных полков и артиллерийских бригад. Скрытый кадр включал в себя 19 офицеров и 262 нижних чина. Помимо этого, была радикально изменена система комплектования частей: с этого времени части пополнялись новобранцами из ближайших к местам дислокации уездов. При подобном

развертывании 13-я пехотная дивизия при мобилизации должна была сформировать 62-ю пехотную дивизию второй очереди.

Второочередная дивизия представляла собой весьма точный слепок со своей первоочередной, что было вполне естественно: одна плоть, одна кровь, один дух. Она была как бы ухудшенным ее вариантом, что тоже понятно: полки велись старшими штаб-офицерами, батальоны — ротными командирами, роты — младшими офицерами первоочередных полков, вынужденными приобретать под огнем не достававший им командный навык и опыт.

В соответствии с планом развертывания 51-й пехотный Литовский полк еще до начала боевых действий произвел мобилизацию личного состава и выдвинулся в направлении Западного фронта. Уходя из Симферополя в соответствии с мобилизационным расписанием, полк сформировал еще одну воинскую часть для так называемых второочередных дивизий. Это был 247-й пехотный Мариупольский полк.

Новые полки формировались в районе квартирования первоочередных и укомплектовывались запасными кадрами из близлежащих уездов. Таким образом, в Литовских казармах на улице Инженерной

(в настоящее время — Павленко) с того момента находились кадры двух полков. При этом 247-й полк получил от литовцев не только место дислокации, но и Георгиевское знамя 1-го батальона с надписью «1809 года. Свеаборгский гарнизонный полк. 1846 года. Поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года. 1880 год. 51-го пех. Литовского полка 1-го батальона». В числе переведенных в Мариупольский полк литовцев был бывший полковой библиотекарь штабс-капитан С. И. Гаврилюк.

К сожалению, Русско-японская война не повлияла на существенное изменение боевой подготовки в войсках. Немецкий военный агент Г. фон Базедов летом 1911 г. наблюдал за стрельбами 13-й пехотной дивизии и отметил, что проходили они «очень поверхностно», напоминая уровень принятой в германской армии начальной стрелковой подготовки³⁰¹. Немец был прав: в скором времени императорская армия жестоко начнет расплачиваться за формализм в боевой подготовке.

*Унтер-офицеры 51 ЛП.
Ателье Васили-Симферополь*

На фронт

С началом войны Литовский полк вошел в состав 7-го армейского корпуса³⁰² генерал-лейтенанта Э. В. Экка, в свою очередь входившего в состав 8-й армии генерала А. А. Брусилова³⁰³. В состав армии

301 Базедов Г. фон. Путевые впечатления о военной России (перевод с немецкого) // Военный сборник. 1911. № 10. С. 177–204.

302 В состав корпуса входили: 13-я и 34-я пехотные дивизии, 3-й Ейский казачий полк, 32-я отдельная донская казачья сотня, 7-й мортирный артиллерийский дивизион, 12-й саперный батальон. Всего — 32 батальона, девять эскадронов и сотен, три саперных роты, одна телеграфная рота и одна рота пограничной стражи.

303 Начальник штаба — генерал П. Н. Ломновский.

входили войска 12-го корпуса Киевского военного округа, 7-го и 8-го корпусов Одесского военного округа, 24-го корпуса Казанского военного округа с одной кавалерийской и четырьмя казачьими дивизиями. Всего — десять пехотных и пять кавалерийских дивизий при 516 орудиях.

Экк Эдуард Вильгельмович (1851–1937) — русский военачальник, генерал от инфантерии. Происходил из дворян Петербургской губернии. Сын тайного советника. Образование получил в Николаевской академии Генштаба (1878). Службу начал в 1868 г. в лейб-гвардии Семёновском полку. Первый офицерский чин прапорщика получил в 1869 г. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1895 г. — командир 26-го пехотного Могилевского полка. С 1897 г. — начальник штаба 7-го армейского корпуса. В 1900–1904 гг. — помощник начальника штаба Одесского военного округа. В 1904 г. — дежурный генерал штаба Одесского военного округа. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1904–1906 гг. — начальник 71-й пехотной дивизии. В 1906–1907 гг. — начальник 8-й пехотной дивизии. В 1907–1912 гг. — командир Гренадерского корпуса. В 1912–1916 гг. — командир 7-го армейского корпуса, с которым вступил в войну в составе 8-й армии генерала А. А. Брусилова. С 1910 г. — генерал от инфантерии. В 1914 г. за бои подо Львовом был награжден орденом Св. Георгия IV ст. Отличился в боях на Гнилой Липе и под Ячином. В августе и октябре 1915 г. атаковал и захватил укрепленную позицию австрийцев от Иквы до Горыни и разбил превосходящие силы неприятеля, за что был награжден орденом Св. Георгия III ст. (1916). Участник Брусиловского прорыва. В 1916–1917 гг. — командир 23-го армейского корпуса. После Февральской революции во время чистки высшего командного состава потерял свой пост. В 1917 г. был зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. С ноября 1917 г. — член Александровского комитета о раненых. После Октябрьской революции уехал на Юг России и в 1918 г. вступил в Добровольческую армию. В январе 1919 г. был зачислен в резерв чинов при главнокомандующем ВСЮР. В 1919–1920 гг. — председатель военно-полевого суда при ВСЮР, в сентябре — ноябре 1920 г. — председатель Высшей комиссии правительственного надзора. После поражения белых войск эмигрировал в Югославию. В 1924–1933 гг. — начальник 4-го отдела РОВС; также был председателем Союза объединенных офицерских организаций.

8-я армия была сформирована приказом № 1748 от 16 июля из войск Проскуровской группы Киевского военного округа. Она одной из первых закончила переброску войск и образовала Юго-Западный фронт, которым командовал генерал Н. И. Иванов. Обязанности начальника штаба фронта исполнял генерал М. В. Алексеев.

В отличие от хорошо оснащенной и сильной армии Германии австро-венгерские войска считались более слабыми в техническом отношении, поэтому российское командование поставило перед Юго-Западным фронтом задачу покончить с Австро-Венгрией до того, как ей поможет Германия.

*Нижний чин 51 ЛП
в мундире образца 1907 г.*

Иванов Николай Иудович (1851–1919) — русский военачальник, генерал от артиллерии, генерал-адъютант. Происходил из семьи сверхсрочнослужащего. Образование получил в Михайловском артиллерийском училище (1869). Выпущен в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду, с которой участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1884–1888 гг. — командир 2-й батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. В 1888–1890 гг. — заведующий мобилизационной частью Главного артиллерийского управления. В 1890–1899 гг. — командир Кронштадтской крепостной артиллерии. С 1899 г. состоял в распоряжении великого князя Михаила Николаевича, одновременно до 1901 г. — исполняющий должность начальника артиллерии десантного корпуса. Считался в России знатоком практического артиллерийского дела и выдающимся артиллерийским начальником. С началом Русско-японской войны в апреле — июле 1904 г. состоял в распоряжении командующего Маньчжурской армией. С июля 1904-го по август 1905 гг. — начальник Восточного отряда. В 1914 г. был назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, предназначенного для действий против Австро-Венгрии.

В первых числах августа 1914 г. 51-й пехотный Литовский полк эшелонами прибыл в Проскуровский уезд Подольской губернии. С этого месяца для литовцев началась боевая служба.

Штатные должности, в первую очередь командиров батальонов и рот, экстренно комплектовали из резерва. Почти перед самой отправкой на фронт в полк прибыли окончившие Одесское военное училище в июле 1914 г. подпоручики Н. С. Иванов и (Георгий?) Дуб³⁰⁴. Оба окончили училище по первому разряду и были произведены из портупей-юнкеров со старшинством от 6 августа 1913 г.

К счастью, мы имеем описание действий полка во время Первой мировой войны. Они взяты из воспоминаний участников войны, документов и частных писем.

Бой за Тарнополь

Боевые действия на русском фронте Первой мировой войны делятся на два периода: маневренный (кампании 1914 и 1915 гг.) и позиционный (кампании 1916 и 1917 гг.). Характерной особенностью кампании 1914 г. стали активные наступательные действия обеих сторон, в результате которых довольно часто происходили встречные бои. В ходе таких боев русские войска нанесли врагу ряд сокрушительных ударов в Восточной Пруссии и Галиции. В ходе кампании 1915 г. русским войскам приходилось вести маневренную оборону, отражая удары превосходящих сил противника, который осенью, исчерпав свои наступательные возможности, вынужден был также перейти к обороне.

Накануне войны русская разведка получила данные о планируемом расположении австрийской армии. Рассчитывая, что австрийцы будут находиться в районе Львова, командование разработало план окружения и уничтожения основных сил Австрии силами 3-й, 4-й, 5-й и 8-й армий Юго-Западного фронта.

Военные действия на территории Украины, в Галиции, начались уже в первые дни августа 1914 г. К концу июля 8-я армия генерала А. А. Брусилова была сосредоточена на линии Печески — Проскуров³⁰⁵ — Антоновцы — Ярмолинцы. Две ее кавалерийские дивизии были выдвинуты вперед, заняв южный участок русского фронта от Проскурова до

304 Имя и отчество подпоручика Дуба установить пока не удалось.

305 В настоящее время — Хмельницкий (Украина).

румьинской границы. По плану стратегического развертывания и действий войск в первый период военных действий 8-й армии предписывалось на восьмой день перейти в наступление.

2 августа был получен приказ начать действия на Львовском направлении и овладеть Восточной Галицией. 5 августа части и соединения 8-й армии выступили в поход. За три дня они достигли линии государственной границы на реке Збруч и 7 августа перешли ее.

Начиналась Галицийская битва 1914 г. — одно из крупнейших сражений Первой мировой войны, в котором 51-й пехотный Литовский полк получил боевое крещение. Битва развернулась

23 августа и продолжалась до конца сентября. С обеих сторон в ней приняли участие свыше 1,5 млн человек — 700 тыс. российских солдат и 830 тыс. военнослужащих австро-венгерской армии.

13-я пехотная дивизия начала наступательные действия с некоторой поспешностью, не имея в достаточном количестве необходимого тылового обеспечения. Особенно вызвали опасения недостаток продовольствия и некомплект дивизионных обозов. Однако командование фронта и армии решили не терять время на ожидания, а немедленно приступить к активным боевым действиям.

Дальнейшее тыловое и материально-техническое обеспечение предполагалось вести «с колес», для чего действовавшие в полосе наступления 8-й армии 8-й и 9-й железнодорожные батальоны должны были строить узкоколейные железные дороги³⁰⁶. Но уже вскоре стало

*Унтер-офицер (слева) и рядовой
в мундирах образца 1907 г.*

306 Это правильное по своей сути решение начальника военных сообщений Юго-Западного фронта запоздало: войска начали действовать столь активно, что от идеи сопровождения их узкоколейными железными дорогами вскоре пришлось отказаться.

*Офицер и подпрапорщик 51-го
Литовского полка*

ясно, что все предвоенные расчеты по снабжению войск оказались искусственно подогнанными под реальное состояние железных дорог и не учитывали множества других факторов военного времени. Оба железнодорожных батальона были отвлечены на строительство второстепенной железной дороги у Тарнополя³⁰⁷ и Ярмолинец, в то время как на важнейшем Львовском направлении их не было совсем. В то же время каждая армия требовала подвоза ежедневно 20–25 тыс. пудов одних только боеприпасов и столько же других военных грузов.

9 августа 13-я пехотная дивизия активно продвинулась по направлению на Тарнополь двумя колоннами. В авангарде шли

батальоны Литовского полка. Двигались осторожно — о противнике имели данные скудные. Разведка доносила, что Тарнополь и окружающие его высоты заняты противником. Ожидалось наличие одной дивизии австрийцев с поддерживающей артиллерийской бригады. Знали, что имеется долговременный форт с броневой башней и что австрийцы начали укреплять город с момента объявления войны. Они энергично вели работы до последнего дня.

Воздушная разведка сообщила, о нарытых многочисленных окопах. По сведениям, полученным от местных жителей — русинов и пленных австрийцев, — было известно, что укрепления около Тарнополя прикрыты проволочными заграждениями, обнесены волчьими ямами, а впереди заложены фугасы.

В 10 часов утра передовая рота литовцев подошла к высотам восточнее Тарнополя. Вскоре обнаружилось, что эти высоты действитель-

307 В настоящее время — Тернополь (Украина).

но заняты австрийской пехотой, которая растянулась на протяжении 2 верст фронтом на восток. Литовский полк быстро развернулся вправо от шоссе и ввязался в оживленную перестрелку с противником. Справа от него развернулся в боевой порядок Белостокский полк. Два русских полка начали наступление. Виленцы и брестцы наступали, придерживаясь правого фланга общего боевого порядка.

Около 12 часов начался бой за город. Поддержали атаку гаубицы 13-й артиллерийской бригады. В свою очередь открыли огонь и австрийские батареи, ранее измерившие дистанции. 5-я батарея 13-й артбригады потеряла несколько человек. Жестоко сражались за каждый метр батальоны Литовского полка. К счастью, русские артиллеристы усилили огонь. Австрийские гаубицы были вынуждены прекратить обстрел и стали постепенно отходить. 51-й полк продолжал наступать, и «наступление было столь стремительно и настолько ошеломило противника, что он, не думая даже отстреливаться, обратился по всему фронту в беспорядочное бегство, стремясь как-нибудь скорее добраться и укрыться в городе»³⁰⁸.

Позже, когда замолчала артиллерия противника, литовцы и белостокцы стали агрессивно рваться в схватку, что «примерно в начале второго часа дня проявилось особенно порывисто»³⁰⁹. Их поддерживала 1-я батарея, которая, сопровождая пехоту и несколько раз меняя позиции, дошла до околицы города. Было видно, как убийственный огонь артиллеристов, ведших стрельбу через город, разметал отходившие вражеские колонны, обоз и пушки австрийцев.

В 2 часа 40 минут литовцы взяли город полностью, а правее вошли белостокцы. «В общем, весь бой под Тарнополем продолжался, в сущности, около четырех часов и достигнутый успех, выразившийся в полном разгроме австрийцев, объясняется как стремительностью натиска литовцев и белостокцев, ошеломивших противника и сбросивших его с высот к востоку от Тарнополя, так и удачным действием нашей артиллерии»³¹⁰.

Потери русских составили пять нижних чинов убитыми, четыре офицера и 99 нижних чинов — ранеными. «Необходимо отметить, что

---

308 Журнал военных действий частей 13-й пехотной дивизии с 17 июля 1914 г. по 31 декабря 1915 г. // РГВИА. Ф. 2343. 13-я пехотная дивизия. Оп. 1. Штаб 13 пехотной дивизии. Д. 187. Описание боевых действий частей 13-й пехотной дивизии. С. 1–11.

309 Там же.

310 Там же.

Солдат в зимней одежде с полевыми знаками различия

в молодецком бою под Тарнополем, при взятии его, главную роль выполнил Литовский его императорского высочества наследника цесаревич полк, который в этом первом своем боевом крещении упрочил боевую славу и вплел новую пышную ветвь в свой победный лавровый венок», — говорилось в сообщении штаба дивизии³¹¹.

За этот бой командир полка полковник Г. А. Лихачев был награжден золотым Георгиевским оружием «За храбрость».

Лихачев Гавриил Александрович (1856–1924) — русский военачальник. Уроженец Москвы. Окончил Калужскую классическую гимназию,

Московское пехотное юнкерское училище. В офицеры был произведен в Петербургский местный батальон. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., в ходе которой был ранен. В 1905 г. — подполковник 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка. С ноября 1905 г. — полковник. В 1906 г. за боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия IV ст. и чином полковника. В 1910–1915 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка. В октябре 1914 г. был награжден Георгиевским оружием. С 1915 г. — генерал-майор. В 1915–1916 гг. — командир бригады 13-й пехотной дивизии с зачислением по армейской пехоте. В ноябре 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия III ст. В мае — сентябре 1916 г. — начальник Саратовской пехотной бригады. С сентября 1916 г. по 1917 г. — командующий 122-й пехотной дивизией. С 1916 г. — генерал-лейтенант. В 1917 г. — командующий 1-й гвардейской пехотной дивизией. Участник Белого движения на Юге России. В январе 1919 г. был зачислен в резерв чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В январе — феврале 1919 г. — начальник Перекопского отряда. В феврале — марте 1919 г. —

311 Там же.

Н. С. Самокиш. Бой под Ярославом (на Галицийском фронте). 1914 г.

в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской добровольческой армии. В марте — июле 1919 г. — начальник гарнизона Симферополя. В июле — сентябре 1919 г. — комендант Ялты. С сентября 1919 г. — в резерве чинов при штабе Добровольческой армии. В эмиграции в Югославии, проживал в Панчеве, где умер в госпитале от инсульта в июле 1924 г.

Сражение на Гнилой Липе

После взятия Тарнополя 8-я армия продолжила наступление. В результате австрийцам пришлось в спешном порядке отступить на реку Гнилая Липа³¹², где впоследствии произошло крупное сражение. Австрийское командование недооценило силы русских, посчитав, что те не смогут быстро сосредоточиться в районе Львова. В результате на стороне русской армии оказался явный перевес.

7-й корпус, являясь правофланговым соединением 8-й армии, наступал на Гнилую Липу во взаимодействии с левофланговым корпусом

³¹² Гнилая Липа — река, левый приток Днестра. Протекает в Перемышлянском и Золочевском районах Львовской области, а также Рогатинском и Галицком районах Ивано-Франковской области Украины.

3-й армии — 10-м армейским. Но главная нагрузка в этом сражении легла именно на 7-й корпус.

15 августа 8-я русская армия взяла направление на город Бобрка. На следующий день в районе Перемышлян австрийский фронт был прорван. 17 августа 8-я армия вошла в Рогатин.

Накануне сражения на Гнилой Липе Литовский полк был сосредоточен севернее Проскурова, у села Западницы. 10 августа литовцы заняли позиции на северной окраине Тарнополя, имея противником 55-й пехотный полк австрийской армии. В последующие дни они с боями наступали от Козова на Бржежаны³¹³, к которым вышли 15 августа. Затем 51-й полк начал наступление от Бржежан. Все эти дни литовцы практически не выходили из огня.

На второй день боя литовцы, как и весь корпус, перешли через Гнилую Липу и с большим трудом и значительными потерями стал охватывать левый фланг противника. Неприятель еще стоял на месте и упорно сопротивлялся. Но вскоре русская воздушная разведка донесла, что видна масса войск, стягивающихся к Львовскому железнодорожному вокзалу, и что поезда один за другим уходят на запад; о том же донесли кавалерийские разъезды, сообщившие, что неприятельские колонны быстро отходят, минуя Львов.

16 августа А. А. Брусилову доложили, что воздушная разведка выяснила намерение австрийцев 17 августа пробить центр, разрезать русскую армию пополам и по ближней дороге к Львову захватить этот важный административный пункт. К 7-му и 8-му корпусам генерал стянул все резервы. К рассвету 17 августа в центре русского боевого порядка было сосредоточено около 85 батальонов пехоты с артиллерией, то есть больше половины армии. Сюда же был передан дивизион тяжелой артиллерии.

Двум корпусам, усиленным резервами, было приказано перейти в наступление не для того, чтобы разгромить неприятеля, сосредоточенного против них, а в надежде, что такое наступление именно в том месте, где австрийцы рассчитывали неожиданно нанести сокрушительный удар, собьет их с толку, и они перейдут от наступления к обороне.

В этих боях погиб протоиерей Стефан Рожковский — священник 51-го Литовского полка и благочинный 13-й пехотной дивизии. С этого времени его обязанности исполнял священник Иоанн Голубев. Вместе с ним в Литовском полку воевал его сын — поручик Е. И. Голубев, один

---

313 В настоящее время — Бережаны (Украина).

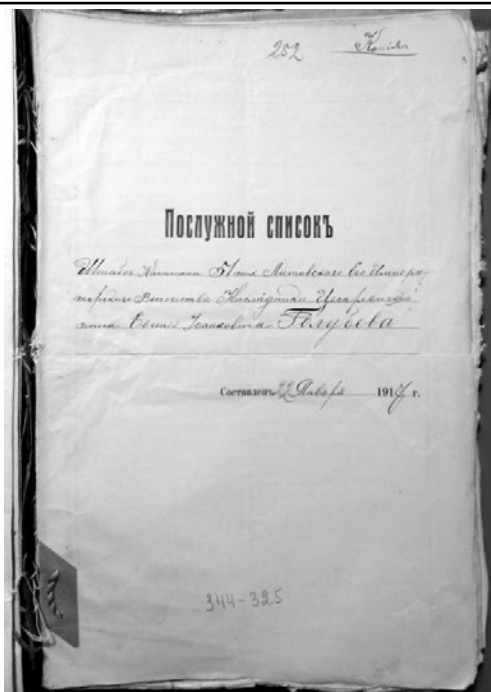
из первых в составе полка кавалеров ордена Св. Георгия IV ст.

Три дня ожесточенных боев на Гнилой Липе закончились разгромом австрийских войск. Остатки разбитого войска Австро-Венгрии спешно отступили в западном направлении, в районы Львова, Галича и Николаева, бросая при этом оружие и боеприпасы. Это грандиозное сражение стало переломным моментом Галицийской битвы, главной целью которой для русских войск было занять восточную Галицию и Буковину. Планы германского командования удерживать весь Восточный фронт силами только австро-венгерской армии потерпели крах. В ходе операции армия Российской империи выполнила свой союзнический долг, что на время спасло Сербию от разгрома.

29 августа австрийскому генералу Конраду стало ясно, что его план наступления на Львов не удался. Он приказал прекратить боевые действия и отвести армии за реку Сан. Победа 8-й армии привела к тому, что уже 2 сентября русские войска заняли Галич, а 3 сентября — Львов.

Генерал А. А. Брусилов высоко оценил действия русских войск в сражениях на Золотой и Гнилой Липах. Отдельно был отмечен 7-й корпус, в который входил 51-й пехотный полк: «На реке Гнилая Липа моя армия дала первое настоящее сражение. Предыдущие бои, делаясь постепенно все серьезнее, были хорошей школой для необстрелянных войск. Эти удачные бои подняли их дух, дали им убеждение, что австрийцы во всех отношениях слабее их, и внушили им уверенность в своих вождях»³¹⁴.

После боев у Львова литовцы занимали фронт по берегу реки Сан. На некоторое время их (в составе корпуса) передали в 3-ю армию, но вскоре А. А. Брусилов вытребовал 7-й корпус назад.

Обложка послужного списка
Е. И. Голубева

314 Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983.

Генерал А. А. Брусилов

дела» 34-й дивизии генерала Баташева под Янчином до последнего под Марашештами, когда 13-я дивизия ликвидировала прорыв Макензена, — их присутствие неизменно служило залогом верного успеха. Неудач эти дивизии не знали, в самом худшем случае сводя бои вничью. За взятие Балиграда³¹⁶ на Карпатах командир 51-го полка Литовского полковник Лихачев (впоследствии начальник 122-й пехотной дивизии) награжден³¹⁷ орденом Св. Георгия III ст³¹⁸.

К 8 сентября русские войска заняли почти всю восточную Галицию и почти всю Буковину и осадили Перемышль³¹⁵. 10 ноября русская армия взяла Лупковский перевал и перешла Карпаты. К концу ноября были заняты города Медзилаборце, Свидник, Гуменне и Снина.

Известный русский военный историк А. А. Керсновский писал о действиях 13-й дивизии в первый период войны:

В 7-м армейском корпусе старого ветерана генерала Экка 13-я и 34-я пехотные дивизии зарекомендовали себя так, что в продолжение всей войны — с первого боя на Гнилой Липе, знаменитого «генеральского

315 В настоящее время — Пшемьсль (Польша).

316 В настоящее время — Балигруд (Польша).

317 «За то, что в боях 15 февраля 1915 г. у с[еления] Балигорода, будучи начальником важнейшего боевого участка позиции (высот 817 и 810), прилегающей к шоссе — кратчайшему направлению от Балигорода к Перемышлю, — и находясь под сильным и действительным огнем, благодаря своей спокойной распорядительности и искусному управлению, отбил ряд яростных атак превосходных сил противника в течение всего 15-го и ночи 16 февраля, умело направив подошедшую на поддержку бригаду 10-й кавалерийской дивизии и этим предотвратил прорыв двух дивизий противника в важнейшем в стратегическом отношении направлении».

318 Керсновский А. А. История Русской армии: В 4-х тт. М., 1990.

Карпатская операция

Начало 1915 г. ознаменовалось участием литовцев в Карпатской операции — наступлении русских армий Юго-Западного фронта, принятом с целью выводу русских войск на Венгерскую равнину и выводу Австро-Венгрии из войны³¹⁹.

Под конец 1914 г. в генеральных штабах всех противоборствующих сторон осознали, что вместо короткой победоносной войны, которая должна была закончиться «раньше, чем листья упадут с деревьев», получился конфликт мирового масштаба. На Западном и Восточном фронтах возникло хрупкое равновесие сил, которое страны Антанты и Тройственного союза в предстоящей кампании 1915 г. попытались сдвинуть в свою пользу.

В январе 1915 г. командование Юго-Западного фронта русской армии по своей инициативе приступило к разработке плана операции, направленной к скорейшему форсированию Карпат. Выполнение этой задачи возлагалось на 8-ю армию. Она должна была занять сосредоточенное положение на фронте Дукля — Балиград и, действуя в направлении на Гуменне, открыть русским армиям доступ на Венгерскую равнину.

По плану кампании 1915 г. русское верховное командование сначала намечало нанести главный удар через Восточную Пруссию на Берлин, и Юго-Западный фронт рассматривался как второстепенный. Однако по настоянию командующего Юго-Западным фронтом генерала Н. И. Иванова в план было включено наступление Юго-Западного фронта через Карпаты как самостоятельная стратегическая операция.

В свою очередь, австро-германское командование, планируя кампанию 1915 г., отказалось от активных действий на французском фронте и также наметило план концентрического наступления на русском фронте с Юго-Запада на Львов и из Восточной Пруссии на юг с целью разгрома русских армий в Польше. Проведя перегруппировку сил, оно сосредоточило в Карпатах на Стрыйском направлении вновь сформированную Южную армию генерала А. фон Линзингена в составе шести пехотных дивизий.

---

319 При подготовке этой подглавы использовался следующий текст: Карпатская операция 1915 года // [Первая мировая война]. URL: <http://firstww.narod.ru/rus/karpat.html> (дата обращения: 30.09.2022).

Солдаты Русской императорской армии в полевом снаряжении. 1915 г.

Командующий русским Юго-Западным фронтом, узнав о готовящемся контрманевре и не имея достаточных сил для крупных наступательных операций, решил нанести частное поражение противнику. Ставка верховного главнокомандования с этим согласилась. Успех такой операции поставил бы под угрозу Будапешт и Вену, выручил Сербию и повлиял на скорое выступление Румынии и Италии против Тройственного союза. В такой ситуации Габсбургская монархия терпела военное поражение, оставляя Германию один на один против стран Антанты.

10 января 1915 г. началось наступление австро-германских войск. Почти одновременно перешли в наступление и русские войска. Из состава Юго-Западного фронта русской армии в нем принимала участие 8-я, а с конца февраля — также 9-я армии. Со стороны противника в операции участвовали 5-я и 3-я австрийские армии и Южная германская армия, превосходившие русские войска в живой силе и особенно в артиллерии.

Карпатская операция проводилась на фронте протяженностью около 220 километров. Русские вначале имели успех на правом фланге 8-й армии, где они овладели линией Конечна — Балиград. Литовский полк двигался через Турку на Ужгород, отвлекая на себя часть неприятельских

Е. И. Голубев (второй справа) со своей семьей у рождественской елки. Фото 1914 г.

сил. Именно здесь полк обеспечил успех 13-й пехотной дивизии. Особенно тяжело пришлось литовцам в центре, на участке Турка — Клаусе, где завязались упорные бои с наступавшей Южной германской армией.

В этих боях подпоручик полка Е. И. Голубев стал первым кавалером ордена Св. Георгия в составе 51-го пехотного Литовского полка, о чем 19 апреля 1915 г. был издан соответствующий приказ: «За то, что в бою 2 декабря 1914 года у деревни Турка, командуя ротой и получив приказание отбросить противника, обходившего наш левый фланг, стремительным штыковым ударом обратил противника в бегство, захватил два действующих пулемета».

Просьбу генерала Н. И. Иванова об усилении Юго-Западного фронта ставка отклонила, так как не имела резервов. Поэтому Н. И. Иванов начал переброску части войск (восемь с половиной пехотных и пять кавалерийских дивизий) с правого фланга на левый и образовал здесь к концу февраля 9-ю армию. По первоначальному же замыслу главный удар Юго-Западного фронта должен был наноситься на правом фланге.

В марте австро-германцы пытались активными действиями деблокировать Перемышль, но неудачно. В это время Перемышль переживал

последние дни осады, и по беспроволочному телеграфу комендант сообщал в Вену, что если город не будет вскоре освобожден, то ему придется сдать крепость. Вследствие этого австрийцы, желая во что бы то ни стало освободить Перемышль, бросили на этот участок все силы, которые только могли собрать, и сосредоточили на направлении Балиград — Леско, по-видимому, свыше 14 пехотных дивизий. Все их усилия не могли сломить сопротивление русских войск, и 8-й корпус с приданными ему подразделениями, а также часть 7-го корпуса доблестно выдерживали отчаянные атаки противника и сами все время наносили чувствительные контрудары. Таким образом, борьба свелась к тому, чтобы отстоять осаду Перемышля и добиться его сдачи, что, в свою очередь, очищало наш тыл и освобождало несколько дивизий пехоты, которые могли быть направлены на помощь войскам, дравшимся в Карпатах.

Австро-венгерское главное военное командование осознавало угрозу, которую представляло решающее русское наступление в Карпатах. Войска монархии в начале весны 1915 г. были крайне истощены, так как германский союзник не смог выполнить довоенные обещания о быстром разгроме Франции и не передвинул основную массу своих войск на Восточный фронт. Вместо запланированных семи недель австро-венгерские войска сдерживали натиск превосходящих сил русской армии уже семь месяцев, находясь в марте 1915 г. в очень тяжелой ситуации. Командование немецкой Южной армии, созданной для помощи австро-венгерским войскам, перед собой ставило единственную задачу: удержать линию обороны в Карпатах и выиграть время до прихода немецких подкреплений, которые должны были быть высланы с Западного фронта.

Решающее наступление главных сил Юго-Западного фронта (соединения 3-й армии генерала Р. Д. Радко-Дмитриева и 8-й армии генерала А. А. Брусилова) началось в ночь с 6 на 7 марта 1915 г. 9 марта 120-тысячный гарнизон Перемышля капитулировал. Успешное начало наступления и занятие Перемышля максимально подняли боевой дух русских войск. Большинству офицеров и солдат казалось, что победа уже близко.

Освободившиеся войска 11-й русской армии были распределены между 3-й и 8-й армиями, нацеленными для нового удара на участке южнее Вислы и в Бескидах (западная часть Карпат). Немцы, разгадав замысел русских, перебросили сюда Бескидский корпус (три дивизии).

На противоположной стороне фронта австро-венгерское командование бросало в бой последние резервы и умоляло немецкого союзника

Пулеметчики

побыстрее выслать подкрепление, которое предотвратило бы прорыв обороны в Карпатах. В позднейших мемуарах австро-венгерских военачальников и в официальной австрийской шеститомной истории Первой мировой войны откровенно признается факт, что конец марта и начало апреля 1915 г. представляли наиболее критический момент всей войны, когда войска Габсбургской монархии держались из последних сил. В наибольшей степени это касалось соединений 2-й армии генерала Э. фон Бем-Эрмолли и 3-й армии генерала С. Бороевича, принявших на себя главные удары русских войск.

Ожесточенные бои шли по обе стороны современных границ Словакии, Польши и Украины. Начиная от района севернее Бардеёва³²⁰ и заканчивая районом восточнее Ужокского перевала, по всей длине карпатского фронта гремели орудия, а пехота вела кровавые схватки за овладение господствующими высотами, вершины которых были еще покрыты тающим снегом.

К середине апреля обе стороны прекратили активные боевые действия, так и не достигнув намеченных целей. Карпатская операция только ослабила русский фронт. План ее не был обеспечен необходи-

³²⁰ До конца 1918 г. официально назывался Бартфельд (Бартфа).

Полковой оркестр

мыми силами и средствами. Вместе с тем она дала возможность Англии и Франции начать операции в районе Дарданелл, а также активизировать военные действия в Месопотамии и у Суэцкого канала.

Литовцы в 1915 г.

Русское весеннее наступление в Карпатах было одной из самых важных операций в кампании 1915 г., поскольку в нем решалась дальнейшая судьба войны³²¹. Стратегическое значение этих боев подчеркивает тот факт, что на остальных участках Восточного фронта царил покой, а на Западном фронте все было «без перемен». Пока русские войска напрягали все усилия для достижения осязаемых результатов с целью вывести Австро-Венгрию из войны, их англо-французские союзники на Западном фронте сидели в пассивной обороне, а активные наступательные действия вели только в Дарданеллах против Турции.

13-я пехотная дивизия находилась в самом центре описываемых боев, и составлявшие ее костяк крымские военнослужащие приняли участие в форсировании Карпат в районе перевала Руске-Седло на со-

---

321 При подготовке этой подглавы использовался текст Корба М.

временной границе Словакии и Польши. Командующим 13-й пехотной дивизии в то время был генерал Е. М. де Гениг Михелис. Во время Карпатской операции дивизия входила в состав 8-го армейского корпуса 8-й армии генерала А. А. Брусилова вместе с 15-й и 35-й пехотными дивизиями.

Де Гениг Михелис, Евгений Михайлович (Eugeniusz de Henning-Michaelis, 1863–1939) — русский и польский военачальник, генерал-лейтенант Русской императорской армии, дивизионный генерал Войска Польского, заместитель военного министра Второй Речи Посполитой. Происходил из дворян Люблинской губернии. Образование получил в Варшавской классической гимназии. Поступил на военную службу в 1881 г. В 1883 г. окончил Варшавское пехотное юнкерское училище. С 1883 г. — прапорщик. Служил в 29-м резервном пехотном батальоне, позже — в 1-м Новогеоргиевском крепостном пехотном батальоне. С 1884 г. — подпоручик. С 1888 г. — поручик. С 1889 г. — штабс-капитан. В 1891 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. С 1891 г. — капитан. Состоял при Варшавском военном округе. В 1892–1896 гг. — старший адъютант штаба 10-й пехотной дивизии. В 1894 г. отбывал цензовое командование ротой в лейб-гвардии Санкт-Петербургском полку. В 1896–1899 гг. состоял при Иркутском пехотном юнкерском училище для преподавания военных наук. С 1896 г. — подполковник. В 1899–1901 гг. — штаб-офицер при управлении 3-й стрелковой бригады. С 1900 г. — полковник. В 1900 г. отбывал командование батальоном в лейб-гвардии Санкт-Петербургском полку. Участник Китайской кампании 1900–1901 гг. В 1901–1904 гг. — начальник штаба 3-го округа отдельного корпуса Пограничной стражи. В 1904 г. — командир 76-го пехотного Кубанского полка. В 1904–1908 гг. — командир 187-го пехотного резервного Холмского полка. С 1908 г. — генерал-майор. В 1908–1910 гг. — окружной генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа. В 1910–1911 гг. — командир 2-й бригады 41-й пехотной дивизии. В 1911 г. — командир 2-й бригады 18-й пехотной дивизии. Участник Первой мировой войны. В 1914 г. — комендант крепости Ивангород. В 1915–1917 гг. — командующий (позже начальник) 13-й пехотной дивизией. С 1915 г. — генерал-лейтенант. В 1917 г. — командир 29-го армейского корпуса. С декабря 1917 г. — главный инспектор польских вооруженных сил на Украине.

С 1918 г. — в польской армии, командир 3-го Польского армейского корпуса. В 1918 г. — член Верховного совета польских вооруженных сил. С 1919 г. — председатель Военного совета при военном министре Польши. Летом 1919 г. получил предложение стать главой военной миссии при адмирале А. В. Колчаке в Сибири, но отклонил его. Участник Советско-польской войны 1920–1921 гг. С 1920 г. — генерал-поручик. В 1920 г. возглавлял фортификационный комитет обороны Варшавы. В 1920–1921 гг. — заместитель военного министра Польши. С 1922 г. — дивизионный генерал Войска Польского. В 1923 г. вышел в отставку. Жил в Варшаве. После начала германо-польской войны (1939) эвакуировался на восток. Убит выстрелами проезжавших мимо немецких мотоциклистов. Похоронен рядом с местной часовней. В 1950 г. прах перенесен на Вольское кладбище в Варшаве.

Был награжден орденами Св. Станислава III ст. (1896) и I ст. с мечами (1916), Св. Анны III ст. (1901), II ст. (1904) и I ст. с мечами (1916), Св. Владимира IV ст. (1907), III ст. (1911) и II ст. с мечами (1916), Св. Георгия IV ст. (1916), Белого орла с мечами (1916), Почетного легиона III ст. (Франция, 1921), а также Георгиевским оружием (1915) и Крестом Храбрых (Польша, 1921).

Части 8-го армейского корпуса уже с середины января 1915 г. вели тяжелые бои южнее Перемышля, в районе Балиграда, на территории современной Польши. Перед ними стояла задача не допустить прорыва австро-венгерских войск, стремящихся деблокировать осажденную крепость. После отражения двух крупномасштабных попыток противника прорваться к Перемышлю в январе и феврале 1915 г. части 8-го армейского корпуса вместе со всей 8-й армией перешли в начале марта 1915 г. в наступление, направленное против соединений 2-й армии генерала Э. фон Бем-Эрмолли. Согласно австро-венгерским разведанным, к началу русского наступления против 110 тыс. военнослужащих 2-й армии действовало 156 тыс. русских офицеров и солдат.

Дивизии 8-го армейского корпуса находились на правом фланге 8-й армии, на стыке с левым флангом 3-й армии генерала Р. Д. Радко-Дмитриева³²². Их задачей было форсирование главного хребта Карпат, который на участке между Лупковским перевалом и перевалом Руске-Седло назывался Бескидами.

322 Разграничение армейских участков проходило восточнее Лупковского перевала, расположенного на современной словацко-польской границе.

Пленные австро-венгерские солдаты

Австро-венгерская 2-я армия сдерживала усиливающийся натиск русских войск, но после капитуляции Перемышля стало ясно, что свои позиции она не удержит. В связи с этим генерал Э. фон Бем-Эрмолли 19 марта 1915 г. отдал приказ об отступлении на южную сторону главного Карпатского хребта, на территорию современной Словакии.

Соединения русского 8-го армейского корпуса преследовали дивизии австро-венгерской корпусной группы генерала Шмидта³²³ и вскоре форсировали Бескиды. Но отступление противника они нарушить не смогли, и его части 4 и 5 апреля заняли новые позиции по линии сел Осадне³²⁴ — Парихузовце³²⁵ — Велька-Поляна³²⁶. Этот маневр привел к повышению плотности австро-венгерской обороны, и теперь против

323 Представляла собой костяк австро-венгерского 8-го армейского корпуса. В начале апреля 1915 г. в ее состав входили 13-я, 32-я и 43-я пехотные дивизии.

324 До конца 1918 г. официально называлось Телепоч.

325 До конца 1918 г. официально называлось Юхос.

326 До конца 1918 г. официально называлось Нагиполани.

*Кладбище воинов Первой мировой войны
в селе Осадне (Словакия)*

трех дивизий 8-го корпуса находились не только три дивизии корпусной группы генерала Шмидта, но и еще одна дивизия 19-го армейского корпуса³²⁷.

Командующий 8-й армией генерал А. А. Брусилов отдал приказ 8-му армейскому корпусу с ходу прорывать оборону противника и продолжать наступать в направлении города Снина³²⁸. Занятие этого города и соседнего перекрестка шоссе

в селе Стакчин³²⁹ открывало русским войскам путь на юго-восток, к Ужгороду, а также на юго-запад, к Гуменне. А. А. Брусилов рассчитывал, что после овладения Сниной направит свой главный удар на Ужгород, чтобы освободить путь от Ужокского перевала к выходу на Венгерскую равнину. Вспомогательный удар на Гуменне должен был помочь левому флангу соседней 3-й армии, соединения которой пытались прорваться к этому городу с севера и открыть путь от Лупковского перевала к выходу на равнину.

В соответствии с приказом А. А. Брусилова атаки частей 8-го армейского корпуса начались 24 марта 1915 г. Последующие бои стали одним из пиков русского весеннего наступления на Карпатском фронте. Подразделения 13-й пехотной дивизии находились южнее и юго-западнее перевала Руске-Седло, в районе сел Смольник и Велька-Поляна. Батареи 13-й артиллерийской бригады были размещены на огневых позициях около села Руске³³⁰. Задачей «крымских» пехотных полков был прорыв обороны противника в долине реки Цироха и проникновение

327 Это была 41-я пехотная дивизия, к которой между 11 и 13 апреля на помощь прибыла еще 51-я пехотная дивизия. Вследствие этого три дивизии русского 8-го армейского корпуса противостояли пяти австро-венгерским пехотным дивизиям. Эти две группировки были по общему количеству штыков одинаковыми, поэтому к середине апреля 1915 г. на описываемом участке фронта возникло равенство сил.

328 До конца 1918 г. официально назывался Шинна.

329 До конца 1918 г. официально называлось Такчани.

330 Села Смольник, Велька-Поляна и Руске были выселены и снесены в 1980-е гг., так как находились в экологической охранной зоне водохранилища Старина. В 1997 г. в этом районе был основан Национальный парк «Полонины».

на юг. Нужно было «оседлать» обе стороны шоссеиной дороги, спускающейся с перевала в направлении села Стакчин и города Снина.

В вечерней сводке 8-й армии от 24 марта говорится: «Части 35-й и 13-й дивизии медленно продвигаются вперед, противник развивает сильный артиллерийский и ружейный огонь. Поражает большое количество работающих у австрийцев пулеметов. Левый фланг 13-й дивизии достиг вершины высоты 922 юго-восточнее села В.-Поляна. Северная окраина села уже занята частями этой дивизии»³³¹. Под условным обозначением «высота 922» первый раз мелькнула гора Кучалата, название которой запомнилось всем солдатам противоборствующих армий, имевшим счастье уцелеть в предстоящей мясорубке.

На следующий день натиск русских усилился, и вечерняя сводка от 25 марта приводит подробности этого наступления: «50-й пехотный Белостокский полк приблизился к высоте 719 западнее села Смол[ь]ник, 51-й пехотный Литовский полк овладел гребнем от отметки 434 восточнее села В.-Поляна, 49-й пехотный Брестский полк атаковал вершину высоты 922. Бои всюду носили ожесточенный характер. Противник, вводя резервы, упорно обороняется»³³².

Тяжелые бои продолжались и 26 марта, но австро-венгерские военнослужащие 32-й и 43-й пехотных дивизий³³³ удержали позиции, не допустив на своем участке прорыва фронта.

Наступательный порыв полков 13-й пехотной дивизии постепенно начал ослабевать. 27 и 28 марта продолжались только бои тактического значения, связанные с улучшением достигнутых позиций. Несмотря на то, что противника удалось потеснить, атаки остальных двух дивизий русского 8-го армейского корпуса не принесли ожидаемых результатов. За этот успех пришлось дорого заплатить защитникам этих территорий, которые понесли серьезные потери. В наибольшей степени пострадала австро-венгерская 43-я пехотная дивизия, в которой буковинчане и га-

---

331 Сводка 8-й армии от 24 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 3603. Оп. 1. Д. 10. Л. 278.

332 Сводка 8-й армии от 25 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 3603. Оп. 1. Д. 10. Л. 284.

333 По состоянию на начало апреля 1915 г. 32-я пехотная дивизия состояла из 6-го, 23-го, 70-го и 86-го пехотных полков (мобилизационные округа — в области Войводина на территории современной Сербии), а 43-я пехотная дивизия состояла из 24-го и 41-го пехотных полков (мобилизационные округа — в области Буковина на территории современной Украины), а также из 20-го и 36-го ландверных полков (мобилизационные округа — в области Восточная Галиция на территории современной Украины).

M. KIR. HONVÉDELMI MINISTERIUM.

Másolat.

I/a. osztály. (Lt.)

Csoport

Iktató szám: 2347

1917 APR. 12.

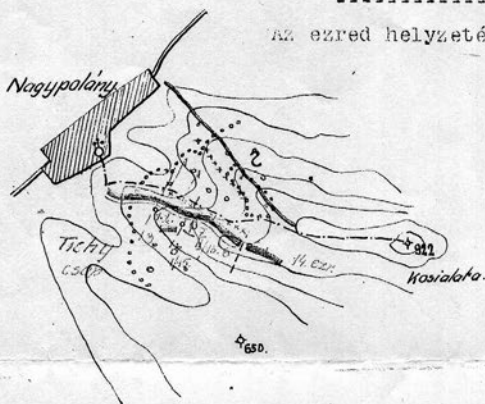
Lapszám: 1

Magy.kir.trencsényi 15.h.gy.ezr.

500 lépés

V Á Z L A T

Az ezred helyzetéről IV/12.-én

LEGENDA:

Működő őrsök-századonként 2-2 a völgyben vannak beásva.
állandó járőr menetek.

4/15 szd.a cs.kir.22.ezrednél Kkülömvé, melynek mielőb-
bi bevonását, a vonal terhére érdekében kérem.-
Hátlapon: Akadályok építés alatt.

A legénység a megszállást megelőző éjjeli menetek, vala-
mint az állandó éjjeli szolgálat és nedves időjárás követ-
keztében igen szenved, -kimerült.

Az ejtett foglyok bemondás szerint, az ezreddel szemben
az 51.-ik gyalog ezred van.

1914. IV/12.

Szegheő szds.

A másolat hiteles!

1917. júly 30.

[Handwritten signature]

[Handwritten note]

План сражения у села Велька-Поляна

личане³³⁴, державшие оборону на участке от села Велька-Поляна до высоты Кучалата, были выдавлены из нескольких линий своих окопов³³⁵.

Генерал А. А. Брусиллов по причине неудачи первого удара разрешил короткую оперативную передышку, и с 29 марта по 2 апреля части 8-го армейского корпуса приводили себя в порядок, ведя подготовку к повторению удара. На участке 13-й дивизии «крымчане» на своем правом (северном) фланге перешли к обороне и наступательные действия готовили только на левом (южном) фланге. Оборонительную позицию между селами Смольник и Велька-Поляна заняли 50-й пехотный Белостокский полк и 51-й пехотный Литовский полк. На наступательной позиции южнее села Велька-Поляна сосредоточился 49-й пехотный Брестский полк, а в резерве у села Руске расположился 52-й пехотный Виленский полк³³⁶. Объектом атаки была назначена господствующая высота 922, закрывавшая путь для дальнейшего продвижения русских долиной речки Цироха к городу Снина. Гора Кучалата замерла в ожидании нового жертвоприношения.

Орудия с новой силой загремели 3 апреля 1915 г. Пехотные цепи двинулись в штыковые атаки. Наступление левого фланга 13-й дивизии было одновременно поддержано атакой правого фланга соседней 14-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса 8-й армии. Гора Кучалата представляла помеху в дальнейшем продвижении для обеих дивизий. Координированный удар должен был устранить ее, открыв дорогу на юг. В утренней сводке 8-й армии от 4 апреля сообщается: «Вчера с 11 часов дня части 14-й дивизии повели наступление на высоту 922 при поддержке со стороны левого фланга 13-й дивизии. Противник спустился с высоты 791 и атаковал фланг наступающих частей. В 7 часов вечера 14-я дивизия штурмом овладела высотой 922, захватив в плен десять офицеров, 465 нижних чинов и четыре пулемета. Австрийцы переходили в ночные контратаки, но каждый раз [они] были отбиты»³³⁷.

Картину боя за гору Кучалата дополняет оперативное донесение штаба русского 8-го армейского корпуса от 4 апреля: «Вчера вечером на участке 13-й пехотной дивизии 49-й пехотный Брестский полк атаковал

---

334 Дивизия формировалась из жителей Буковины и Галиции.

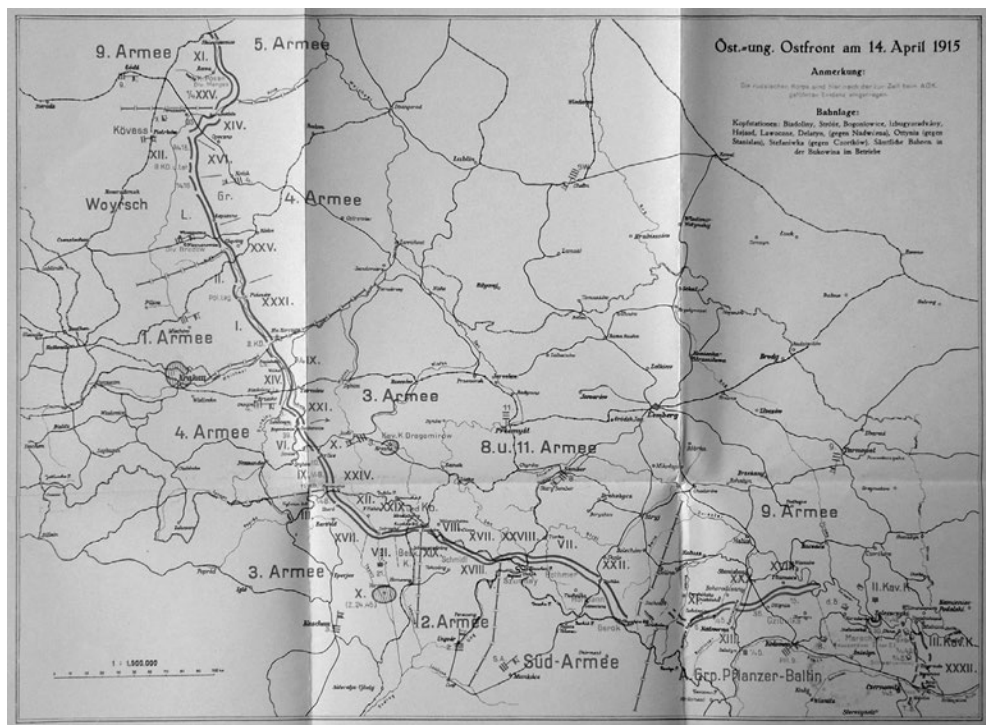
335 OULK, Band II, Teil 1, b. 258.

336 Схема расположения 13-й пехотной дивизии 2 апреля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2194. Оп. 1. Д. 32. Л. 515.

337 Сводка 8-й армии от 4 апреля 1915 г. // РГВИА. Ф. 3603. Оп. 1. Д. 10. Л. 292.

Расположение немецких, австро-венгерских и российских войск на Юго-Западном фронте на 4 апреля 1915 г.

Немецкая карта положения на Восточном фронте. 14 апреля 1915 г.

*Генерал А. А. Брусилов перед встречей императора Николая II в Самборе.
Фото 1915 г.*

и взял высоту 922, захватив в плен 14 офицеров, 656 нижних чинов, два пулемета, один прожектор и одну телефонную станцию. Сегодня с утра противник перешел в контратаку, и 49-й пехотный Брестский полк отбил их семь, а 50-й пехотный Белостокский полк отбил две контратаки. Расположение всей 13-й пехотной дивизии обстреливается тяжелой артиллерией»³³⁸.

Австро-венгерское командование не смирилось с потерей ключевой оборонительной позиции на горе Кучалата и в последующие дни, начиная с 4 апреля, организовало серию попыток вернуть себе контроль над высотой 922. Пехотные полки буковинчан и ландверные полки галичан австро-венгерской 43-й дивизии при поддержке артиллерии проводили одну контратаку за другой. На вершине Кучалаты доходило до яростных штыковых схваток. Упорные и кровопролитные бои длились до 7 апреля 1915 г. Несмотря на громадные австро-венгерские потери, бои закончились для контратакующих безрезультатно. Корпусная группа генерала Шмидта была вынуждена перебросить к горе Кучалата по-

338 Оперативное донесение штаба 8-го армейского корпуса от 4 апреля 1915 г. // РГ-ВИА. Ф. 2194. Оп. 1. Д. 32. Л. 247.

следние резервы и до 13 апреля создала на подступах к ней новую оборонительную линию³³⁹.

Тяжелые потери понесли и подразделения русской 13-й пехотной дивизии, которые при поддержке правого фланга соседней 14-й дивизии защищали гору Кучалата. Командующему «крымской» 13-й дивизией генералу Е. М. де Гениг Михелису пришлось забрать несколько батальонов у правофланговых полков, перебросив их на левый фланг, на высоту 922.

Оборонительные бои в Галиции

14 августа 1915 г., после долгого бездействия на рубеже рек Буг и Золотая Липа, австро-венгерские армии перешли в общее наступление с целью обойти открытый правый фланг Юго-Западного фронта. Наступлением на Ровненском направлении и давлением на Нижней Стрыпе им удалось к 20 августа отеснить русских на линию Деражно³⁴⁰ — Броды — река Серет. В последующие дни, продолжая давление на Ровно, австрийцы стремились овладеть оборонительной линией у реки Иква. К началу сентября им удалось заставить русских отвести левофланговые корпуса 8-й армии за Икву. Дальнейшие попытки австро-венгров проникнуть в промежуток между Иквой и Горынью успеха не имели.

Как и вся русская армия, 51-й пехотный Литовский полк с лета 1915 г. отступал. Русские войска оставили Перемышль, Львов и почти всю Галицию. Одной из проблем стала неготовность войск к позиционной войне. Южнее Перемышля заблаговременно подготовленных позиций у русских не было, войска стали спешно окапываться лишь по прибытии на места. Окопы были весьма примитивными, надлежащим образом их усовершенствовать не было никакой возможности, так как приходилось вести чрезвычайно упорные бои, перекидывая войска с места на место. Русская армия несла огромные потери: общее число убитых и раненых за время Великого отступления составило 1,41 млн человек. В то же время отступление не было беспорядочным, почти всегда оно происходило организовано. «Наш фронт, лишенный снарядов, — замечал позднее А. И. Деникин, — медленно отходил шаг за шагом, не допуская окружения и пленения корпусов и армий, как это

339 OULK, Band II, Teil 1, b.266.

340 В настоящее время — Деражное (Украина).

Генерал А. А. Брусилов и великий князь Георгий Михайлович. Фото 1915 г.

имело место в 1941 г., в первый период Второй мировой войны». Наступающий противник тоже терял сотни тысяч солдат и офицеров пленными, убитыми и ранеными.

Постепенно полк терял свой последний кадровый состав. В Симферополе, в Государственном архиве Республики Крым, сохранились данные об уроженцах Таврической губернии, прибывших в Крым для лечения после ранений и болезней.

С конца августа 1915 г. армии Юго-Западного фронта под давлением австро-венгров продолжили отход к русской границе. К 1 сентября правофланговая 8-я армия отступила к линии Деражно — Крупец — Радзивиллов³⁴¹ — Подкамень — Подбересце³⁴² протяженностью около 120 километров. При этом отходе фронт 8-й армии сохранил общее меридиональное направление фронта юго-западных армий только на южном участке (Радзивиллов — Подбересце), на остальном же протяжении,

---

341 В настоящее время — Радивиллов (Украина).

342 В настоящее время — Подберезцы (Украина).

составлявшем три четверти общей длины, линия фронта была резко изогнута в направлении на северо-восток. Такое начертание фронта армии создавало опасное, выдвинутое к западу, положение 7-го корпуса, подвергавшее его удару противника с фронта и с правого фланга. В эти дни литовцам пришлось выдержать одно из самых тяжелых испытаний в полковой истории — бой у высоты 354.

Бой у высот 354 и 358

7-й корпус занимал участок фронта длиной до 35 километров, от Радзивилова до Подбересце, силами обеих дивизий: 13-й — от дороги Баранья — Радзивилов до линии высот 296 и 311 и 34-й — от этой линии до плотины у Подбересце.

13-я пехотная дивизия контролировала 20-километровый участок тремя полками. 50-й пехотный Белостокский полк, усиленный дивизионной учебной командой и двумя ротами 49-го пехотного Брестского полка, располагался на участке от дороги Баранья — Радзивилов до Суходолы. 52-й пехотным Виленский полк занимал участок от Суходолы до поворота шоссе в 1 километре к западу от высоты 258 у Малого Гая. 51-й пехотный Литовский полк находился на позиции от этого поворота до высоты 358.

Брестский полк был разделен на две части: два батальона составляли корпусной резерв на станции Радзивилов, один батальон относился к дивизионному резерву в Березине. Дивизионная артиллерия также была разделена на две группы: правая, в составе 1-го дивизиона 13-й артиллерийской бригады и 4-орудийной легкой гаубичной батареи, находилась в районе Радзивилов — Немировка с целью содействовать обороне позиций 50-го и 52-го полков; левая, в составе 2-го дивизиона 13-й артиллерийской бригады, располагалась в районе Проказы³⁴³ — Дранча-Русская³⁴⁴ для содействия обороне позиций 51-го и 52-го полков.

Сотня 3-го Уманского казачьего полка и саперная рота с двумя ротами 648-й дружины дислоцировались при штабе дивизии в Подзамче. Головной парк размещался в двух группах — в Дранче-Русской и у пересечения проселка с железной дорогой южнее Вапнярки. Обозы 2-го эшелона 1-го разряда находились: 49-го и 50-го полков — в Перенятине,

343 Современное название не установлено.

344 Современное название не установлено.

51-го и 52-го — в Стояновке; обозы 2-го разряда всех частей — в Гряде; дивизионный обоз — в Бережцах (5 сентября был переведен в Борки). Санитарные учреждения располагались следующим образом: перевязочный отряд — в Дранче-Русской, лазареты номер 1 и 2 — в Гряде, отряды Красного Креста: № 10 — в Башаровке и графини Шуваловой — в Крыжи. Телефонные станции были открыты на станции Радзивилов, в Бучине и Малом Гае.

Таким образом, на 51-м пехотном полку лежала ответственность за стык флангов дивизий, который он обеспечивал вместе со своим соседом слева — 135-м пехотным Керчь-Еникальским полком 34-й пехотной дивизии³⁴⁵.

К 20 августа в корпусе насчитывалось около 19 тыс. штыков, 80 пулеметов (в том числе 32 трофейных австрийских), 12 легких пушечных и две легких гаубичных батареи, саперный батальон и шесть казачьих сотен (766 шашек), в том числе в 13-й дивизии — 8339 человек при 37 пулеметах, в 34-й дивизии — 10 727 человек при 43 пулеметах.

Ощущался серьезный недостаток боеприпасов к стрелковому оружию. Некомплект артиллерийских снарядов в частях корпуса (кроме парков) достигал 2464 легких шрапнелей и 786 гранат при почти полном комплекте легких гаубичных снарядов. Моральное состояние войск корпуса было удовлетворительным, но лучше оно было в более сохранившейся 34-й пехотной дивизии, судя по тому, что в ней не было случаев открытой сдачи в плен, чего нельзя сказать о 13-й дивизии.

Начались патронный, снарядный и другие виды голода. Вскоре к ним добавился и кадровый. А. А. Брусилов писал:

Кадровых офицеров... в строю было очень мало, примерно человек пять-шесть на полк; остальной состав офицеров, также в недостаточном количестве, состоял из прапорщиков, наскоро и плохо обученных. Впрочем, некоторые из них уже впоследствии на практике выработались в хороших командиров. Были не только роты, но и батальоны, во главе которых находились малоопытные прапорщики. Старых унтер-офицеров также почти не было, а пополнялись они восстановленными полковыми учебными командами, из которых ускоренным курсом выпу-

345 135-й пехотный Керчь-Еникальский полк был сформирован в 1863 г. из частей Подольского пехотного полка.

Конвоирование пленных русскими солдатами

скались столь же малоопытные унтер-офицеры. В каждой роте можно было найти в среднем четыре — шесть рядовых старого состава, все же остальные нижние чины были, в сущности, плохо обученные милиционеры, а не настоящие солдаты регулярной армии. За год войны обученная регулярная армия исчезла; ее заменила армия, состоявшая из неучей. Только высокие боевые качества начальствующего персонала, личное самопожертвование и пример начальников могли заставить такие войска сражаться и жертвовать собой во имя любви к родине и славы ее³⁴⁶.

Преследующие 8-ю армию корпуса 2-й австро-венгерской армии к полудню 20 августа подошли к радзивилловской позиции и, неожиданно встретив сильное сопротивление на прудах близ Ратища, у Подкамня, в районе Карпиловки и по обоим берегам реки Пляшувки, решили, что русские, очевидно, заняли новую укрепленную позицию. Все части 2-й армии немедленно развернулись и вышли: на линии фронта Раты-

346 Брусилов А. А. Указ.соч.

щи — Подкамень — четыре дивизии 5-го венгерского корпуса (14-я, 34-я, 33-я на фронте и 43-я в резерве); между Подкамнем и Суходола — 29-я дивизия 19-го корпуса; севернее, до Клекотова включительно, — 51-я и 27-я дивизии 4-го корпуса; между реками Слоневкой и Пляшувкой, против левофланговой (35-й) дивизии 17-го корпуса, — 32-я и 31-я дивизии 18-го корпуса — всего девять дивизий.

Перед участком 13-й дивизии (Радзивилов, высота 358) после полудня было обнаружено наступление противника из Бродов на Радзивилов.

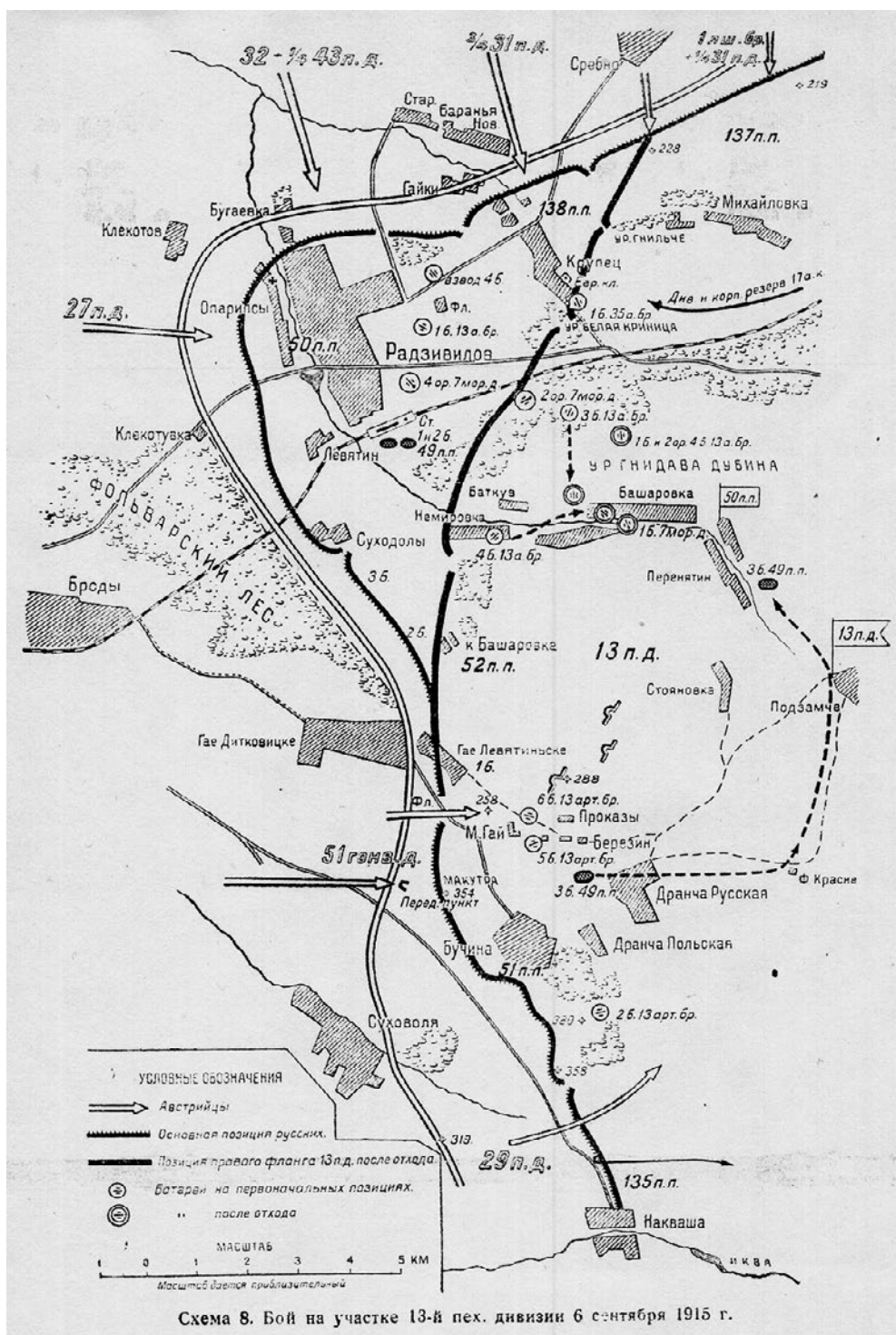
23 августа в 10 часов утра австро-венгры открыли артиллерийский огонь по всему фронту 7-го корпуса. 18-й австро-венгерский корпус энергично атаковал левый фланг 35-й пехотной дивизии и правый фланг 13-й дивизии, направляя главные усилия на Крупец и на высоту севернее Михайловки. Части 31-й австрийской дивизии овладели окопами среднего участка 138-го пехотного Болховского полка на северо-западной окраине Крупца и начали быстро распространяться внутри селения, угрожая батарее 35-й артиллерийской бригады, занимавшей позицию у еврейского кладбища, и охватывая фланговые участки прорванного полка правее и левее Крупца.

Батарея снялась с позиции у кладбища. Наступление австрийцев на правый фланг 50-го полка было отбито сосредоточенным огнем правой группы артиллерии 13-й дивизии. Цепи противника были остановлены. Часть их разбежалась, часть залегла. Этот день прошел для литовцев относительно спокойно.

Однако уже 24 августа одновременно с главным ударом, наносимым войсками 5-го австро-венгерского корпуса, 51-я гонведная³⁴⁷ дивизия 4-го корпуса должна была овладеть высотой Макутрой на участке 51-го пехотного Литовского полка, который не пожалел сил для фортификационной подготовки местности. В 1 километре западнее отметки 354, на безымянной высоте, литовцы устроили передовой опорный

---

347 Гонвед (венг. honvéd, буквально — защитник отечества) — название венгерской армии в XIX–XX вв. В средние века гонведом называется венгерская пехота; в период Венгерской революции 1848–1849 гг. — сначала пехота, а затем вся венгерская национальная армия. По закону 1868 г. сухопутная армия Австро-Венгрии состояла из трех частей: общеимперской армии, австрийского ландвера и венгерского гонведа, который находился на территории Венгрии и предназначался для усиления общеимперской армии и внутренней службы в Венгрии. В мирное время в начале XX в. насчитывалось 14 пехотных и четыре кавалерийских бригады гонведа, в военное время из них формировались дивизии. В 1918–1949 гг. гонведом назывались вооруженные силы Венгрии.

План боя на участке 13-й пехотной дивизии

пункт с хорошо оборудованными окопами, блиндажами и сильными проволочными заграждениями в четыре-шесть рядов, с превосходным обстрелом во все стороны. Австрийцы оценили это укрепление как крепость и уже накануне поставили 30,5-сантиметровую батарею для подготовки наступления.

Артиллерийская подготовка атаки на участке 51-го полка началась после 16 часов, а сама атака последовала после отхода 135-го полка. В результате проведенной операции около 18 часов противник занял этот опорный пункт, оставленный 4-й ротой 51-го полка, понесшей большие потери и потерявшей все свои пулеметы. В то же время, вследствие обнажения левого фланга 51-го полка в результате отхода 135-го полка, не остановившегося на тыловой позиции, противник начал «обтекать» литовцев. Высланная для установления боевой связи с 135-м полком 12-я рота не нашла последнего и была окружена австрийцами в тылу позиции. Последующие разведки фланга 135-го полка, естественно, также оказались бесплодными. Обстоятельство это в связи с нападением противника на литовцев с фронта и проникновением в стык с 52-м пехотным Виленским полком, при отсутствии в полку резервов, создавало очень тяжелую обстановку, сильно нервировавшую командование 13-й дивизии.

Одна из вылазок австрийцев успешно прошла против 10-й роты виленцев капитана Н. Дьяконова. В плен чуть не попал прапорщик И. Эйхенбаум. «Однако наше позиционное житье по-прежнему продолжалось довольно мирно, если не считать особенной бдительности после того, как к нам откуда-то и как-то пробралась австрийская разведка, захватила двух пленных, убегая, чуть не забрала и меня. Я метнулся под откос и так спасся; меховое же одеяло и полевая сумка попали в плен. Мое молодечество было посрамлено, главное, в собственном сознании: пока, убегая, я очухался и выхватил наган, враг пропал»³⁴⁸, — описывал впоследствии И. Эйхенбаум этот эпизод.

51-й полк, неся тяжелые потери, держал позиции. Однако команды на отход не поступало. Командование не признавало возможным отходить на тыловую позицию, так как на последней было только несколько полукольцевых окопов без проволочных заграждений. Вырыть же окопы за ночь под натиском противника признавалось невозможным.

---

348 Эйхенбаум И. Сражатели. Записки пехотного офицера. 1915–1917. 1917–1918. 1940–1941. М., 2015. С. 29.

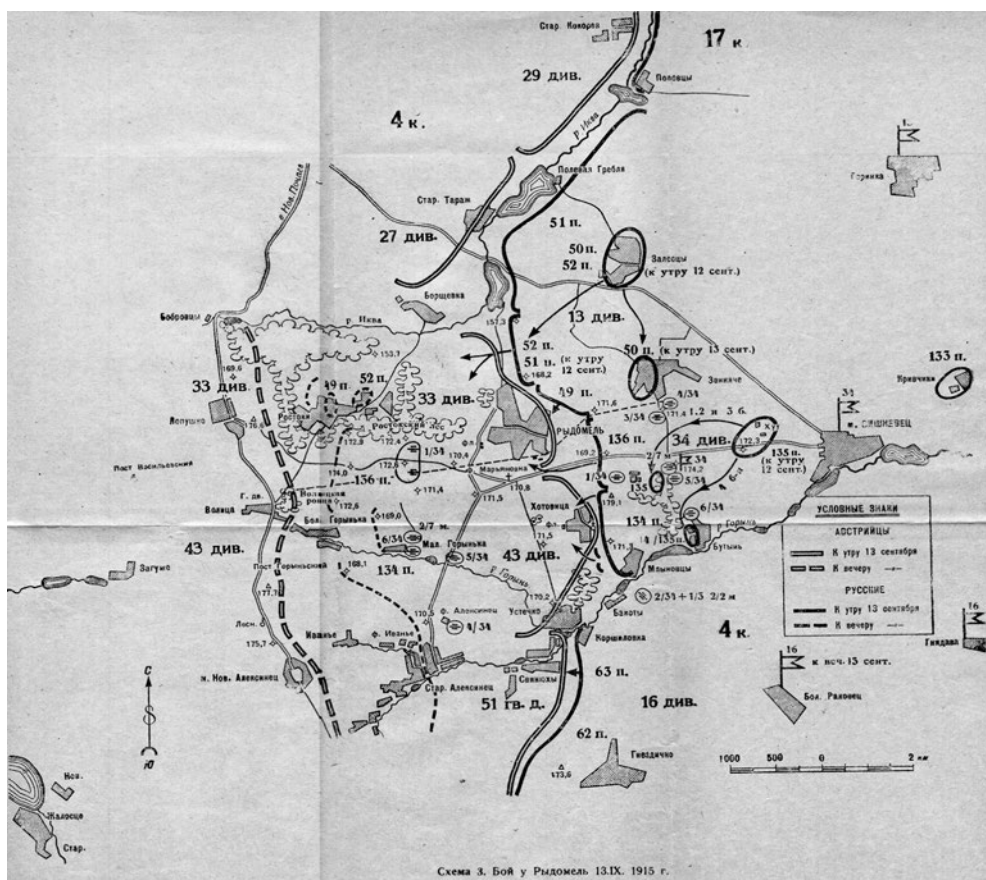

Схема боя 13-й и 34-й дивизий у Рыдомель. 13 сентября 1915 г.

Поэтому уже в 18 часов 30 минут командующий дивизией донес командиру корпуса о невозможности удержаться на занимаемых позициях и желательности отойти за реку Икву.

Прорыв у Крупца застал штаб 13-й дивизии врасплох, и ему пришлось вместо организации контратаки, как это было предписано штабом корпуса, использовать батальон корпусного резерва и Уманский казачий полк для обеспечения отхода своего правого фланга. При обнаружившемся к 18 часам опасном положении левого фланга начальник дивизии не принял никаких мер для его обеспечения (хотя располагал батальоном дивизионного резерва в Подзамче), а сразу с настойчивостью, достойной лучшего применения, запросил разрешения отойти за Икву. Когда вопрос о разрешении отхода затянулся, а положение 51-го пехотного Литовского полка ухудшилось, начальник дивизии не нашел

*Унтер-офицеры 51-го Литовского полка
в парадной форме образца 1907 г.*

ничего лучшего, как приказать полку отойти и стянуться в Подзамче к штабу дивизии. Сюда же в дальнейшем отошел 52-й полк, после чего 2-я бригада двинулась в Дунаев. Полки 1-й бригады сосредоточились в Стояновке, откуда проследовали через Крыжи на Бережцы. Отдав распоряжения для отхода, начальник дивизии выехал на автомобиле к новой стоянке штаба. Вид начальника, едущего на автомобиле, когда войска топтали осеннюю грязь по отвратительным дорогам, справедливо вызывал их нарекания, что нашло отражение даже в журнале военных действий одной из батарей 13-й артбригады.

Штаб 13-й пехотной дивизии недостаточно внимательно отнесся к вопросу о стыке с 34-й пехотной дивизией, из-за чего 51-й полк первоначально не занял высоту 358. Упущение это не имело вредных последствий, так как было быстро исправлено, но все же потребовалось вмешательство штаба корпуса.

Между тем уже 24 августа завязалось большое сражение на реке Серет. Прорыв русских в этом месте вскоре принял значительные размеры и вынудил отойти к Стрыпе и Днестру не только корпуса М. Гофмана Южной армии, но и расположенную к югу 7-ю австро-венгерскую армию. В районе Тарнополя еще держался сводный австро-германский корпус Маршалла. Чтобы усилить его, австрийцы сняли с фронта у реки Иква и южнее несколько дивизий, в том числе с участка 7-го русского корпуса — 51-ю и 32-ю дивизии. Эти дивизии усилили левый фланг корпуса Маршалла, на котором с трудом держалась 19-я австрийская дивизия. Чтобы помешать таким переброскам, содействовавшим, очевидно, упорной обороне выступа у Тарнополя, командующий 11-й русской армией решил 30 августа перейти в наступление 6-м и 7-м корпу-

сами, последний из которых переходил в его подчинение с 6 часов утра 30 августа.

Напротив 7-го корпуса (от Старого Кокорева до Борщевки) находились части 29-й и 27-й дивизий 4-го корпуса. Далее к югу располагались две дивизии 5-го корпуса: от Борщевки до Рыдомиля — 33-я и далее, до реки Горынь (у Свинюх³⁴⁹), — 43-я. 13-я пехотная дивизия располагалась по реке Иква: от (исключая) Поповцев через высоту 157,3 до высоты 168,2 — 51-й пехотный Литовский полк; далее на юг, до высоты 171,6, — 49-й пехотный Брестский полк. Остальные полки этой дивизии числились в корпусном резерве и занимали: 52-й — Залесцы, 50-й — Звиняче. Штаб дивизии располагался в Горинке.

Во время наступления литовцы находились во второй линии, и к вечеру 30 августа 13-я дивизия расположилась так: 51-й полк с одной ротой 50-го полка — в Поповцах до гати южнее Борщевки, 52-й полк — у деревни Ростоки, 49-й полк — в Ростоках, 50-й полк — в Рыдомили. От 49-го полка было выставлено сторожевое охранение севернее Росток.

Брусиловское наступление

К 19 мая 1916 г. были отданы все необходимые распоряжения, и войска Юго-Западного фронта заняли исходное положение для наступления. 7-й армейский корпус (вошедший к этому времени в состав 11-й армии) в составе отряда генерала Г. А. Лихачева, 13-й и 34-й пехотных дивизий, занимал фронт в районе Поповцев — высоты в 2 километрах к северо-западу от Росток — высоты в 1 километре к юго-западу от Нового Олексинца — Янковце.

Боевое расписание частей 7-го армейского корпуса 11-й армии на тот момент было следующим:

— 13-я пехотная дивизия: 49-й Брестский, 50-й Белостокский, 51-й Литовский и 52-й Виленский пехотные полки, 13-я артиллерийская и 13-я парковая артиллерийская бригады;

— 34-я пехотная дивизия: 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский, 135-й Керчь-Еникальский и 136-й Таганрогский пехотные полки, 34-я артиллерийская и 34-я парковая артиллерийская бригады;

— Саратовская пехотная бригада: Еламский и Верхнемедведицкий пехотные полки, 15-я пулеметная команда.

---

349 В настоящее время — Очеретное (Украина).

В. В. Мазуровский. В атаку. 1915 г.

При корпусе также состояли 1-й взвод Чешско-Словацкого стрелкового полка, 3-й Уманский казачий полк, 32-я отдельная Донская казачья сотня, 7-й мортирный артиллерийский и 7-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, отдельный взвод противозаэропланной артиллерии, 34-й автопулеметный взвод, 12-й саперный батальон, 4-е отдельное кабельное отделение, 7-й авиационный отряд и корпусное радиотелеграфное отделение.

Всего в корпусе насчитывалось 38 батальонов, семь эскадронов (сотен), 746 офицеров, 38 038 штыков в строевых ротах, 3442 штыка в командах, 994 сабли, 162 пулемета, орудий: легких — 73, мортир — 12.

Планирование операции основывалось на хорошей аналитике имевшихся данных разведки, полученных путем допроса военнопленных, наблюдения за противником и авиационного контроля над ситуацией, а также на информации, собранной разведывательными партиями (кавалерийскими разъездами). Советская военная историография считала именно разведку одной из сильных сторон штаба Юго-Западного фронта.

22 мая с наступлением теплого летнего утра на всем фронте началась методическая артиллерийская подготовка небывалой силы. Глав-

ная сила артиллерийского огня была обращена на фронт 2-й и южный фланг 37-й пехотных дивизий австрийцев. Тяжелая и мортирная артиллерия разрушали укрепленные пункты, а легкая артиллерия делала проходы в проволочных заграждениях. Огонь русской артиллерии производил большие повреждения, разрушая бруствер и засыпая окопы и ходы сообщения.

51-й пехотный полк в первые дни почти не принимал участия в боях. Его действия ограничились поисками крупных разведывательных партий, не давших положительных результатов.

Решение австрийцев не удерживать разрушаемые позиции, осуществить отход на следующую подготовленную линию обороны явилось полной неожиданностью для командования 11-й армии. Только 30 мая штаб армии начал разбираться в обстановке, когда уже австрийцы устраивались на линии Бережцы — Жабче. Это обстоятельство вызвало целый ряд распоряжений генерала В. В. Сахарова об организации усиленной разведки частями 7-го и 17-го армейских корпусов. На 2 июня командующий 11-й армией наметил оперативный план прорыва фронта австрийцев в центре армии, для чего приказал 7-му армейскому корпусу занять линию Новый Почаев (исключительно) — Лопушно — Янковце.

Выполняя этот приказ, 11-я армия 2 июня перешла в наступление, охватывая австрийцев фланговыми корпусами, и вынудила их отойти за реку Слоневка, захватив при этом четыре вражеских орудия, 26 пулеметов и 6 тыс. пленных. Однако 3 июня корпуса 11-й армии проявили медлительность в преследовании противника, и к исходу этого дня 7-й корпус достиг линии Ледухов — Лопушно — Мшанец, где и закрепился.

4 июня командующий 11-й армией предполагал продолжать наступление. Однако 3 июня контрудар противника против 8-й армии и частично правого фланга 11-й армии задержал наступление частей 11-й армии. В дальнейшем все действия на этом участке фронта вылились в короткие контратаки с целью вырвать инициативу.

Войска Юго-Западного фронта к 11 июня достигли крупных оперативных успехов на правом фланге фронта и южнее Днестра. В период с 22 мая по 10 июня они захватили в плен 2993 офицера, 188 681 солдата и 216 орудий противника. Из них 8-я армия захватила 437 офицеров, 75 547 солдат, 87 орудий, 276 пулеметов, 90 бомбометов и минометов и 30 прожекторов; 11-я армия — 594 офицера, 24 767 солдат, 16 орудий, 91 пулемет, 64 бомбомета и миномета, 52 зарядных ящика; 7-я ар-

Русские солдаты. Первая мировая война

мия — 716 офицеров, 33 708 солдат, 47 орудий, 106 пулеметов, девять бомбометов и минометов, 57 зарядных ящиков; 9-я армия — 1246 офицеров, 54 659 солдат, 66 орудий, 172 пулемета, 32 бомбомета и миномета.

Достигнув 18–19 июня некоторых успехов, русские войска остановили операцию, потому что солдаты сочли свой долг выполненным либо открыто высказывали пораженческие взгляды. Особенно это было заметно в 5-й и 11-й армиях.

Характерным подтверждением стал июльский контрудар немцев. Прорыв фронта 11-й армии вызвал панику, рост само-

стрелов (до трети всех ранений) и в итоге форменное бегство. Уговоры не помогали, а для применения силы у генералов были связаны руки.

Явственно ощущалась нехватка руководящих кадров. Кадровые офицеры и унтер-офицеры погибли или были ранены в первых же боях, и когда зимой 1914–1915 гг. в запасные батальоны хлынул поток молодых солдат, обучить их уже было некому. Производили в офицеры наиболее опытных унтер-офицеров. Едва успевшие приобрести минимальный фронтовой опыт младшие офицеры тоже выбывали из строя. Среди них был и призванный в Литовский полк из запаса караим прапорщик Илья Гиббер (Гибор).

В русском экспедиционном корпусе

Кадровые проблемы усугублялись тем, что офицеры уходили в другие части, в том числе на более высокие должности. Так, в 1916 г. часть офицеров Литовского полка была отправлена на формирование российских частей на Западный фронт — к союзникам.

В разгар Первой Мировой войны царское правительство по просьбе союзников по Антанте направило во Францию и Македонию четыре

Особых бригады, которые составили экспедиционный корпус. В начале апреля 1916 г. в России было начато формирование 2-й особой пехотной бригады Русского экспедиционного корпуса на Салоникский фронт. Предполагалось, что ее состав будет аналогичен составу 1-й бригады, но если в 1-ю бригаду вошло некоторое количество французских офицеров, то во 2-й бригаде на все офицерские должности предполагалось назначить русских офицеров и использовать французов только в качестве переводчиков.

Солдат с семьей. Первая мировая война

Приказ по 2-й Особой пехотной бригаде № 31
10 июня 1916 года, г. Москва

П. 1. Высочайшим приказом, состоявшимся 28 мая сего года, я назначен командующим 2-й Особой пехотной бригадой.

Тем же приказом назначены: командир 51-го Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка полковник Тарбеев — командиром 3-го Особого пехотного полка; штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем полковник Александров — командиром 4-го Особого пехотного полка.

Справка: Сношение окружного дежурного генерала штаба Московского военного округа 8 сего июня

№ 824...

Начальник бригады генерал-майор Дитерихс

Начальником бригады был назначен исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта генерал-майор

И. М. Тарбеев

военное училище. Выпущен подпоручиком с зачислением по армейской пехоте и прикомандированием к лейб-гвардии Московскому полку. В том же году был переведен в полк с чином подпоручика гвардии. С 1894 г. — поручик. С 1900 г. — штабс-капитан. Окончил Офицерскую стрелковую школу. С 1902 г. — капитан. Командовал ротой. С 1912 г. — полковник. Участник Первой мировой войны. В 1915–1916 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка. В 1916–1917 гг. — командир 3-го Особого пехотного полка (2-я Особая пехотная бригада, вошедшая в состав русского Экспедиционного корпуса и действовавшая на македонском театре). В 1917 г. в связи со сведением 2-й и 4-й Особых бригад в дивизию был назначен командиром бригады. Умер в Веллингтоне (Новая Зеландия), куда переехал после замужества дочери. Был награжден орденами Св. Анны III ст. (1908) и Св. Станислава II ст. (1911).

Во время боев русская пехота изумила неприятеля своим умением приспособиться к местности и быстро самоокопаться, но еще больше — своей способностью переносить самые жестокие потери, не утрачивая боевых качеств. Искусство ружейной стрельбы, на которое было затра-

М. К. Дитерихс, командиром 3-го полка — командир 51-го Литовского полка полковник И. М. Тарбеев, назначенный на эту должность 10 июня 1916 г. Вскоре он стал командиром 2-й Особой бригады с присвоением генерал-майорского звания, а затем и начальником 2-й Особой дивизии. Одновременно с И. М. Тарбеевым в Особую бригаду перешел из 51-го пехотного Литовского полка младший полковой врач коллежский асессор Милькович.

Тарбеев Иван Михайлович (?-?) — русский военачальник. Образование получил в Московском кадетском корпусе. В службу вступил в 1890 г. Окончил Александровское

На Салоникском фронте

чено столько времени и усилий, оказалось в условиях войны малоприменимым. На полях сражений царил артиллерийский и пулеметный огонь. После гибели значительной части изначального кадрового состава наша пехота стреляла так же плохо, как и неприятельская. Пополнение вовсе не умело стрелять, да и в хорошо обученных частях при наступлении перебежками забывали переставлять прицелы.

Огромный вред армии принесла частая смена полковых командиров — назначение на короткие сроки командирами полков офицеров Генерального штаба, незнакомых со строем и чуждых полку. За время войны каждый полк пережил по две, три, а то и четыре таких смены командования. Одни смотрели на вверенную им часть лишь как на средство сделать карьеру и получить прибыльную статутную награду. Другие, сознавая свою неподготовленность, лишь отбывали номер, взвалив все управление полком на кого-либо из уцелевших кадровых капитанов либо подполковников — батальонных командиров.

Несмотря на все неурядицы храбрость литовцев была на слуху. Газета «Русский инвалид» сообщала о награждении Георгиевским золотым оружием с надписью «За храбрость» в том числе и офицеров-литовцев³⁵⁰:

350 Русский инвалид. 21 июля 1916. № 194.

...поручикам: ...состоящему в 51-м пехотном Литовском его императорского высочества наследника цесаревича полку Ивану Агапову за то, что, командуя 13 июля 1915 г. сводной ротой названного полка, при наступлении на высоту 234 у Вильчи-Ляса, в направлении на Сокаль, несмотря на сильный фланговый пулеметный и ружейный огонь противника, заметя влево от себя, за рожью, окопы неприятеля, по собственному почину завернул правым плечом и, подавая пример неустрашимости подчиненным, подошел шагов на 40 к окопам, бросился вперед с криком «ура», занял окопы и лично взял два действовавших пулемета, захватил пленными трех офицеров и 138 нижних чинов.

В числе потерь, понесенных литовцами в этот период войны, были не только убитые и раненые. Часть солдат попала в плен при самых различных обстоятельствах. Большинство из них содержались в лагерях военнопленных на территории современной Польши. И хотя условия содержания были лучше, чем во время Второй мировой войны, некоторым так и не довелось вернуться домой. Большею частью причиной смерти стали ранения, полученные в бою, или заболевания, приобретенные в плену.

На старом кладбище в польской деревне Ламбиновице (бывший Ламбсдорф) неподалеку от Вроцлава мы обнаружили могилы, в которых похоронены тела нижних чинов 51-го пехотного Литовского полка. Сохранился и список умерших³⁵¹:

- Белогуров Ефрем (1879 — 1918-05-07)
- Бербушенко Порфирий (? — ?)
- Бушаев Николай (1892 — 1918-06-30)
- Друтченко Илья (1887 — 1918-05-10)
- Койкаев Габриель (1892 — 1918-08-22)
- Костизенко Марк (1895 — 1918-05-25)
- Костизенко Марк (1896 — 1918-05-25)³⁵²
- Ловачев Андрей (? — 1917-03-05)
- Мохаметдинов Костантин (1895 — 1918-06-02)
- Овчинников Александр (1895 — 1918-03-14)

351 Приводим его в том порядке и в той транскрипции, которые имеют место в оригинале. В скобках — дата рождения и дата смерти.

352 Именно так в списке. Разница только в годах рождения.

Почтовая открытка времен Первой мировой войны

- Проданчук Иван (1895 — 1918-04-10)
- Тимошенко Яков (1899 — 1918-10-22)
- Ткачук Николай (1888 — 1918-05-04)

В декабре 1916 г. командиром полка стал К. К. Лисицын.

Лисицын Константин Константинович (1874–?) — русский военачальник. Образование получил в Глуховской классной гимназии и Чугуевском пехотном юнкерском училище (1896). В службу вступил в 1894 г. В 1896 г. был выпущен из училища подпоручиком в 174-й пехотный Романский полк. С 1900 г. — поручик. С 1904 г. — штабс-капитан. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1904). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В июне — августе 1905 г. — старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии. В 1905–1906 гг. — обер-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера 1-й Манчжурской армии. В 1906–1907 гг. — старший адъютант штаба 12-й пехотной дивизии. С 1906 г. — капитан. В 1906–1907 гг. отбывал цензовое командование ротой в 165-м пехотном Луцком полку. В 1907–1912 гг. состоял в прикомандировании к Чугуевскому военному училищу для преподавания военных наук. С 1909 г. — подполковник. С 1912 г. — полковник. В 1912–1914 гг. — штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа. Участник Первой мировой войны. В 1914–1916 гг. — заведующий этапно-транспортной частью этапно-хозяйственного отдела штаба 3-й армии. В 1916–1917 г. — командир 51-го пехотного Литовского полка. Был награжден орденами Св. Анны IV ст. (1905), III ст. с мечами и бантом (1905) и II ст. (1913), Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (1905) и II ст. (1910).

Развал армии

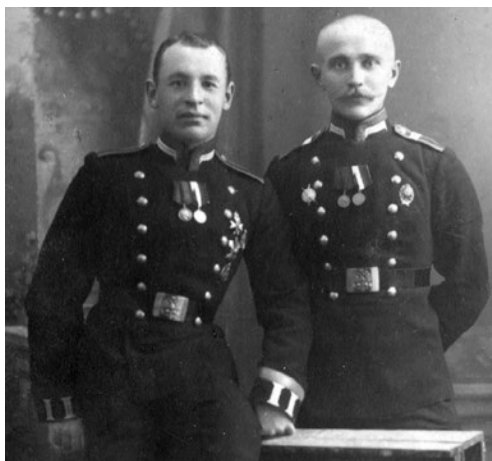
Февральскую революцию 1917 г. литовцы встретили на Румынском фронте. Развал армии нарастал как снежный ком. Не избежали его и полки 13-й пехотной дивизии. В конце мая, когда войска уже развертывались для наступления, комиссар при 7-й армии телеграфировал главе Временного правительства А. В. Керенскому: «В 12-й дивизии 48-й полк выступил в полном составе, 45-й и 46-й полки в половинном составе строевых рот; 47-й отказывается выступить. Из полков 13-й дивизии выступил почти в полном составе 50-й полк. Обещает выступить завтра 51-й полк; 49-й не выступил по расписанию, а 52-й отказался выступить»

и арестовал всех своих офицеров». Такая картина наблюдалась почти повсюду.

На донесение комиссара последовал ответ правительства: «45-й, 46-й, 47-й и 52-й полки расформировать, подстрекавших к неповиновению офицеров и солдат предать суду». Это звучало грозно, но уже не пугало. Солдаты, не желавшие воевать, не страшились ни расформирования, ни суда. При развертывании приходилось нередко пускать одни части против других.

Информация о Литовском полке попала даже на страницы иностранной прессы³⁵³:

Унтер-офицеры 51-го Литовского полка в парадной форме образца 1907 г.

Стокгольм, 1 декабря. Газета «Новая жизнь» пишет: «По приказу Революционного комитета в Петербург прибыли 1200 матросов из Гельсингфорса, которые должны выступить против Каледина, в случае, если тот продолжит наступление. По сообщениям той же газеты, Ленин назначил командующего Румынским фронтом генерала Щербачева главнокомандующим армией³⁵⁴. Как полагают, генерал принял назначение. Согласно информации, опубликованной в газете «День», 51-й пехотный Литовский полк сообщил, что несмотря на то, будет ли заключено перемирие, он будет оставаться на занимаемых позициях до 3 декабря, а затем покинет фронт.

Российская монархия, столкнувшись в начале XX в. с серьезными внешними и внутренними потрясениями, оказалась неспособной к трансформации в духе времени и рухнула под собственной тяжестью.

353 Berliner Tageblatt: цензура блокирует печать сообщений о событиях в России // Русская планета. 20 февраля 2015. URL: <http://rusplt.ru/ww1/press/berliner-tageblatt-tsenzura-blokiruet-pechat-soobscheniy-o-sobyitiyah-v-rossii-15712.html> (дата обращения: 30.09.2022).

354 На самом деле это было не так.

Прокатились митинги в полках и на флотах. В 51-м полку на одном из них солдаты не дали слова начальнику дивизии. Когда их попытался успокоить командир полка полковник Грушевицкий, раздались крики: «Арестовать их! Пора прикончить этих николаевских генералов!»

Полковой священник Иоанн Голубев в мае 1917 г. говорил:

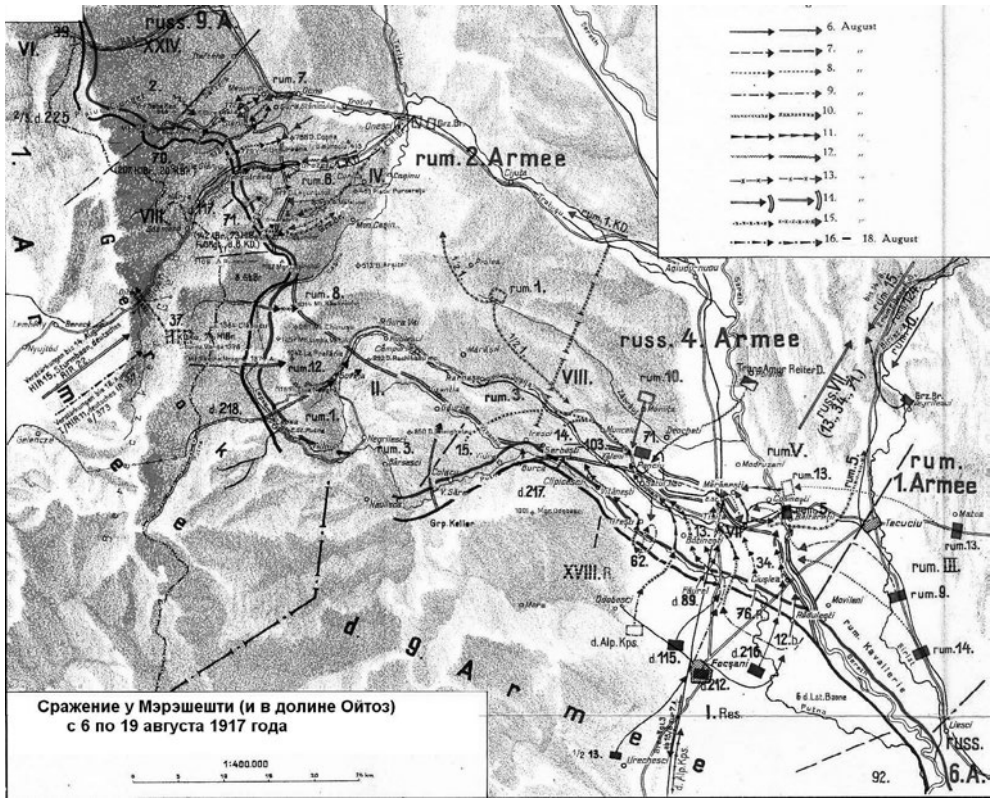
За 25 лет службы в должности военного священника я успел узнать душу русского солдата, научился говорить с ним. Нервы у меня были железные. Но сейчас нервы мои не выдерживают, не нахожу я слов для своих речей... Начинаю говорить кротко, ласково, сердечно, как говорил бы отец со своими детьми. А из задних рядов раздаются реплики «Воевать хочешь, бери винтовку и вой. Ты нам лучше расскажи, как разделить панскую землю, чтоб всем было поровну и каждый обрабатывал землю собственными руками».

Не будем винить солдат. Конечно, герои Серета и Марашешты — это не те бравые солдаты, что маршировали улицами Симферополя в 1914 г. Русские войска первой и второй очередей, особенно воевавшие на Юго-Западном фронте, сменили не менее семи составов. Первый, кадровый, состав императорской пехоты ушел в вечность в осенних боях 1914 г. Второй окрасил своей кровью карпатский снег первой зимней кампании. Третий состав — это «перебитые, но не разбитые» полки Великого отступления 1915 г. Пришедший ему на смену четвертый состав вынес вторую зимнюю кампанию. Пятый лег в ковельские болота в 1916 г. Шестой погиб в Румынии.

Начался развал армии, ее растаскивание «по национальным квартирам». При этом зачастую мнение личного состава особого значения не имело.

После заключения Брестского мирного договора в марте 1918 г. советское правительство приступило к официальной ликвидации «старой» армии. В 1918 г. подверглись расформированию полки 13-й и 34-й дивизий.

На волне общего развала Румынского фронта 51-й полк начал возвращаться в Крым, к своим зимним квартирам в Симферополе. В итоге 2-я бригада 13-й пехотной дивизии (51-й пехотный Литовский и 52-й пехотный Виленский полки) после трудного перехода, сохранив порядок и весь полковой обоз, прибыла в Крым и разместилась в Севастополе. Однако здесь их ожидала новость, крайне отрицательно воспринятая большинством офицеров: полк мусульманизировали, переименовав

План боя у города Марашетты

в «Пеший Татарский полк». Мотивацией послужило то, что до 1914 г. литовцы имели местом постоянной дислокации Крым.

Учитывая большой процент мусульман в русской армии, командование решило сформировать три мусульманских корпуса: 1-й — на Румынском фронте (из крымских татар), 2-й («Казанский») — в Поволжье (из поволжских татар) и 3-й («Азербайджанский») — в Закавказье (из закавказских мусульман).

Для формирования 1-го Мусульманского корпуса, который возглавил генерал-лейтенант М. А. Сулькевич³⁵⁵, отдали штабы 36-го, 40-го

355 Сулькевич Матвей (Магомет) Александрович (1865–1920) — русский и азербайджанский военачальник, крымско-татарский деятель, генерал-лейтенант. После командования 1-м Мусульманским корпусом поехал в Крым, где в июне 1918 г. возглавил Крымское краевое правительство, а в конце 1918 г. переехал на Кавказ, где стал во главе армии Азербайджанской республики. Был расстрелян в Баку после захвата Азербайджана большевиками.

и 7-го армейских корпусов, 13-ю (2-ю бригаду), 23-ю, 25-ю, 41-ю, 48-ю и 191-ю пехотные дивизии, 2-ю стрелковую и 3-ю Туркестанскую дивизии. В конечном счете по состоянию на январь 1918 г. в составе корпуса очутились следующие соединения: 191-я пехотная (1-я Мусульманская стрелковая), 13-я пехотная (2-я Мусульманская стрелковая) и 3-я Туркестанская (3-я Мусульманская стрелковая) дивизии.

Реакция офицеров на решение о переименовании полка была предсказуемой: большинство из них не поддержали генерал-лейтенанта М. А. Сулькевича, который, мусульманизовавшись из Матвея в Магомета, начал собирать под своими знаменами остатки не только крымских, но других татарских (литовских, поволжских) формирований.

Это привело к тому, что все остававшиеся в строю кадры, в первую очередь офицеры, покинули часть. Не менее тяжело восприняли случившееся и ветераны-литовцы. Не выдержав случившегося, умер один из наиболее известных из них — бывший командир батальона полковник М. Л. Трифонов, тот самый, кто входил в состав делегации, принятой императором при вручении полкового альбома в 1907 г.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: ПОСЛЕДНИЕ БОИ ЛИТОВЦЕВ В РОССИИ

Само собой разумеется, что нейтральных в гражданской войне не может быть. Это признавалось и во времена предшествующих гражданских войн, но мы сделали шаг вперед, превратив этот моральный принцип в законодательную норму.

*М. А. Волошин, русский художник и поэт,
«Гражданская война»*

Против новой власти

Многие офицеры 51-го пехотного Литовского полка покинули его ряды, но с положением в стране согласились далеко не все³⁵⁶. Оставшиеся верными присяге литовцы возглавили первое в России офицерское восстание. Оно произошло в городе Ставрополе-Кавказском³⁵⁷. Восстание вспыхнуло в ночь на 27 июня 1918 г. Это трагическое событие до недавнего времени оставалось малоизвестным. В настоящий момент многие исследователи считают, что именно с него началась Гражданская война на Ставрополье.

Это происшествие генерал А. И. Деникин упомянул в «Очерках русской смуты»³⁵⁸. Трагедия офицеров-литовцев, храбрых перед лицом врага и не склонивших голову перед захватившими власть политическими противниками из собственного народа, заслуживает отдельного описания.

Ставрополь-Кавказский какое-то время был «тихой пристанью». Последствия событий октября 1917 г. докатились сюда только в январе 1918 г. На первом съезде крестьян комиссар Временного правительства

---

356 При подготовке этой подглавы использовался следующий текст: «В тех и других война вдохнула гнев...»: Офицерское восстание в Ставрополе 27 июня 1918 года // Ставропольская правда. 9 июля 2014. URL: https://stpravda.ru/20140709/ofiterskoe_vosstanie_v_stavropole_27_iyunya_1918_goda_grazhdans_77759.html (дата обращения: 30.09.2022).

357 В настоящее время — Ставрополь.

358 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.

Полковник Павел Федорович Ртищев

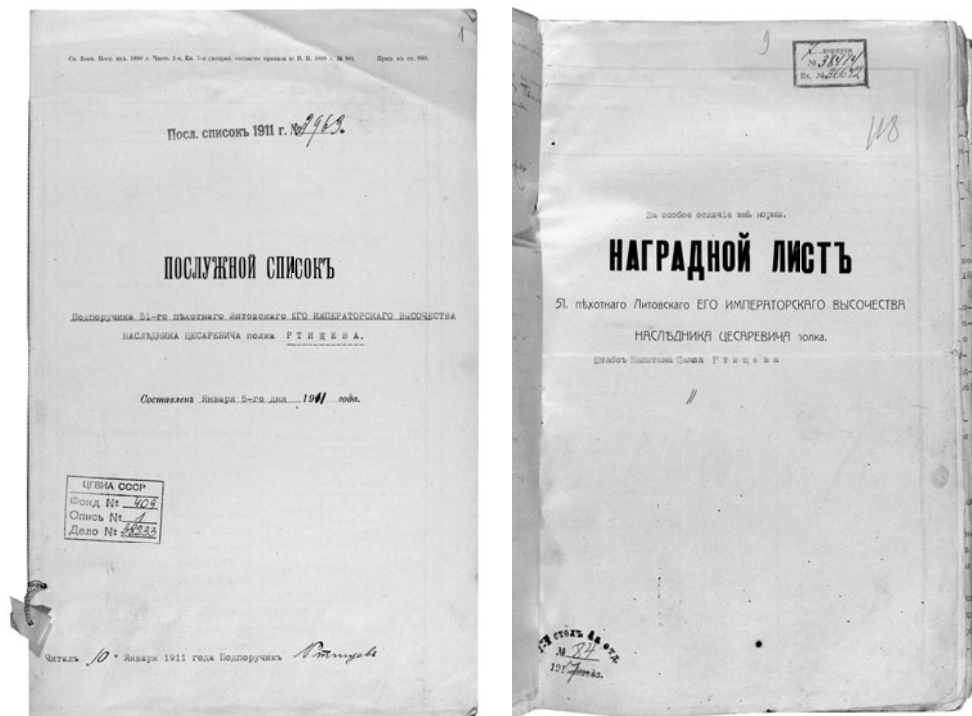
Д. Д. Старлычанов вручил власть местному Совету народных комиссаров во главе с большевиком А. Пономаревым и губернскому исполкому, возглавляемому эсером г. Мещеряковым.

В Ставрополе в это время квартировал недавно вернувшийся с войны 112-й запасной полк, принимавший участие в февральских боях за Ростов против Добровольческой армии генерала А. И. Деникина и снискавший дурную репутацию за счет насилия и грабежей местных обывателей. Обстановку усугубил батальон матросов, прибывший в Ставрополь в начале марта. Матросы удивлялись, что буржуазия на свободе, офицеры не переловлены, контрибуции не наложены.

17 июня 1918 г. на митинге Красной армии было официально объявлено о начале «немедленного уничтожения контрреволюции на местах». Автомобили с пулеметами и черными флагами разъезжали по городу, останавливаясь у домов, из которых выхватывались намеченные жертвы. «Выводили в расход» даже отставных военных стариков. Среди них 20 июня в районе Холодного родника был убит генерал П. А. Мачканин, участник покорения Кавказа, Крымской кампании, Русско-турецкой войны.

За несколько месяцев до начала кровавых событий среди ставропольского офицерства зародилась мысль о свержении советского строя. В феврале офицеры тайно создали офицерскую боевую организацию, куда вошло немало студентов и гимназистов. Создавались склады оружия. К концу мая в организации состояло около 300 человек. Июньские убийства способствовали тому, что она разрослась до 400 участников.

Организацию возглавил полковник Павел Федорович Ртищев, участник боев на Юго-Западном фронте в 1916 г. в составе 51-го пехотного Литовского полка. Находясь на фронте, он был награжден аннин-

Обложки послужного списка и наградного листа П. Ф. Ртищева

ским оружием “За храбрость”, а после — орденом Св. Георгия IV ст. «за то, что, будучи в чине штабс-капитана, в боях 21 и 22 июля 1916 г. во главе своей роты переправился через реку Серет под губительным огнем противника совместно с другими ротами, атаковал и взял д[еревню] Дзички и окопы противника в районе д[еревни] Чистопады. Весь день 22 июля отражал двумя ротами контратаки противника на дер[евню] Чистопады. 23 июля, будучи начальником боевого участка из 3 1/2 рот, атаковал противника на выс[оте] 372, отбил все его контратаки, занял выс[оту] 372 и захватил пленных до 300 человек. В боях с 28 по 31 [июля], командуя батальоном, лично повел свой батальон в штыковую атаку, взял высоту 388 и захватил свыше 500 пленных и один действующий пулемет. Отбил новую контратаку и захватил вновь 300 пленных и один пулемет» (приказ по армии и флоту от 30 июня 1917 г.)³⁵⁹.

359 Ртищев Павел. Орден Святого Георгия IV-й степени. Документы о награждениях // Первая мировая война 1914–1918. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie57616263/ (дата обращения: 30.09.2022).

Выступление было назначено на 2 часа ночи 27 июня 1918 г. Обстановка, казалось, благоприятствовала этому. Ставропольский красноармейский гарнизон был ослаблен отправкой частей на Медвеженский фронт: в Ставрополе осталось не более 400 красноармейцев, правда, хорошо вооруженных, снабженных пулеметами, автомобилями и артиллерией. Главную силу в городе составляли несколько тысяч рабочих, получивших винтовки для защиты советской власти. Но после убийств мирных граждан на своих митингах рабочие выносили резолюции протеста против убийств без суда и следствия. Около 150 рабочих должны были примкнуть к восставшим. Предполагалось, что остальные останутся нейтральными, а потом их удастся привлечь на сторону повстанцев.

Отряд военнопленных-интернационалистов, насчитывающий до 200 штыков, также обещал сохранить нейтралитет. Должен был подойти и большой отряд, организованный в селе Петровском³⁶⁰. Но когда начали действовать, выяснилось, что желающих сражаться всего 86 человек, около десятка из которых безоружны. Многие не рискнули выступить против новой власти. На борьбу решились в основном офицеры-фронтовики.

Полковник П. Ф. Ртищев, посоветовавшись с начальниками отрядов, решил предпринять отчаянную попытку. В четвертом часу ночи повстанцы двинулись по направлению к осетинским казармам (ныне район Дворца детского творчества). Часть красноармейцев, спавших и не ожидавших нападения, бросилась бежать. Другая группа оказала сопротивление, бросая гранаты и отстреливаясь. До двух десятков красноармейцев было заколото на месте. Первый успех использовать не удалось, так как повстанцы располагали слишком малыми силами, а помощи ждать было неоткуда. Отряд интернационалистов, обещавший держать нейтралитет, выступил на стороне Красной армии. Вооруженные рабочие, стекающиеся к месту перестрелки, тоже перешли на сторону красноармейцев. Вскоре появились матросы на автомобилях с пулеметами.

Обстреливаемые со всех сторон, неся урон, повстанцы стали отходить к окраине города. Отряд численностью 18 человек во главе с П. Ф. Ртищевым пошли по направлению к селу Татарка. Но местный житель выдал офицеров проходившей мимо части большевистского

---

360 В настоящее время — Светлоград (Ставропольский край).

Дербентского полка. Дербентцы окружили и уничтожили маленький отряд, а П. Ф. Ртищева вместе с братом доставили в город. В штабе в Ставрополе быстро вынесли приговор: к расстрелу. Казнь состоялась 28 июня на Ярмарочной площади у Успенского собора. Для острастки — публичная, при большом стечении народа.

Журналист и историк С. Познанский писал о том, как проходила казнь:

...Организатором офицерского восстания в Ставрополе был полковник Павел Федорович Ртищев. Его младший брат Петр, поручик, был первым членом этой организации. Офицерское восстание произошло 27 июня, а 28-го оба брата были расстреляны на Ярмарочной площади.

Братья Ртищевы были коренными ставропольцами. Старшему в тот день было 32 года. Окончил Ставропольское духовное училище и, не окончив духовной семинарии, вышел из нее и поступил в Тифлисское юнкерское училище. Блестяще окончил его и служил до Первой мировой войны в Симферополе. С начала военных действий был в самых опасных местах. Был ранен в обе ноги. Только встал на ноги — и вновь в бой. Еще раз был ранен, на этот раз в руку. Первым вошел в город Почаев и получил за это заветный офицерский Георгий IV степени. Его любили солдаты, ибо нельзя было не любить: всегда тонко остроумный, наблюдательный, владевший даром слова. Отзывчиво-сердечный, внимательный и глубоко честный до щепетильности, он был прекрасным товарищем...

Любили все и его младшего брата. Это был живой фейерверк неожиданных шуток и острот. И он тоже три с половиной года был в первых рядах на позициях. А когда началась позорная страница развала Русской армии, братья в солдатских шинелях приехали домой в Ставрополь.

...И вот последние мгновения их жизни после неудачного мятежа. По дороге к месту казни на Ярмарочной площади Павел Ртищев говорит с конвойными и шутит с братом. Громадная толпа, жадная до зрелищ, уже заполонила всю площадь. Павел просит предсмертное слово. Ему дают, и он громко, убежденно говорит толпе и палачам. Он не просит пощады, он не умоляет о помиловании.

— Мы — солдаты, — говорит он, — мы сражались за Родину три года. Мы сражались за счастье народа. А теперь вам выкололи глаза, и вы не видите той пропасти, в которую упала Россия; у вас вырвали сердце, и вы перестали чувствовать весь ужас совершающегося в России...

— Довольно, — раздается резкий окрик начальника палачей. Старший брат благословляет младшего, как отец, обнимает в последний раз, целует его.

Начальник отряда нервничает, торопит.

— Мы готовы, — говорит Павел.

— Цельтесь верней!

Раздался залп. Свинец сносит верхнюю часть черепа старшего, и он падает. Еще выстрелы, которые лишь ранят младшего.

— Добивай скорей! — кричит он.

И неумелыми торопливыми ударами его бьют саблех. Он все еще жив.

— Добивай, я жив!

И озлобленные, возбужденные кровью солдаты бьют его по лицу, по голове. Потом бросают всех на повозку и везут за город...

17 августа, уже после изгнания большевиков из города, братьев Ртищевых торжественно перезахоронили. Громадная толпа народа провожала их до могилы. Похоронены они были в ограде Варваринской церкви, в той самой ограде, откуда они вышли на смерть... Кончилась земная короткая жизнь, началось долгое бессмертие.

На прилюдной казни Ртищевых и их боевых товарищей присутствовали родные и близкие братьев, а в их числе и будущий писатель Б. А. Филиппов, оставивший свидетельства о произошедшем в книге «Всплывшее в памяти»:

На следующее утро, как раз в день Петра и Павла, офицеров, выданных мельником, а заодно и еще многих офицеров, никакого участия в восстании не принимавших, захваченных просто так, как потенциальных классовых врагов, повели на расстрел.

Казнь была — для острастки — публичная, на Ярмарочной площади у Успенского собора. Офицеров вели босыми, в одном

белье. Мать Ртищевых, Федосья Ильинична, почти без слез, в каком-то окаменении, бросилась к месту казни. Напрасно дочери, жены ее сыновей, мы с мамой, ее сестра — моя бабушка — удерживали ее. Все было бесполезно. Она только твердила каким-то неестественным, глухим, деревянным голосом: «Я пойду... Я не могу не идти... Я последний раз хотя бы погляжу на Петю и Павлушу».

Отпустить ее одну было нельзя. Я и мой двоюродный брат пошли за нею, едва поспевая. Весь городской плебс, все хулиганы, все окраинные мальчишки сбежались на площадь. В стороне жалась матери и жены расстреливаемых. Площадь гудела, слышались злобные выкрики озверелого хамья, задирали родных и близких расстреливаемых: и до вас, мол, очередь дойдет. Мальчишки, забравшиеся на крыши и верхушки деревьев, чтобы получше видеть, восторженно орали, свистели, матерились. Пьяные солдаты ЧК стреляли плохо. Павел был убит сразу, Петр Ртищев и еще несколько офицеров только ранены. Окровавленный, страшный, Петр крикнул расстрельщикам:

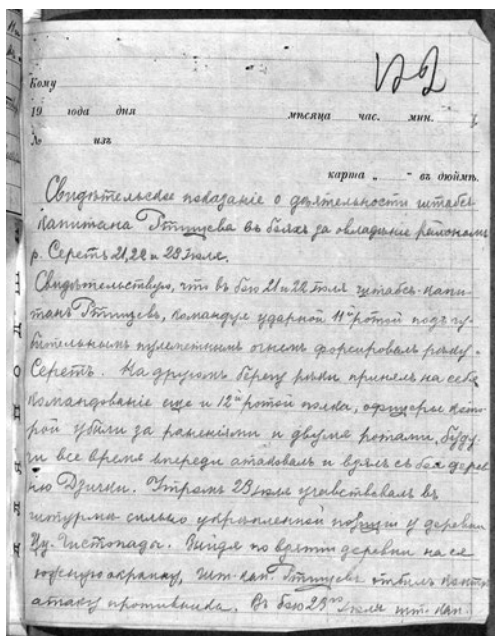
— Мерзавцы, даже стрелять не умеете! Говно вы, а не солдаты!

Петра Ртищева и других подстреленных, но не убитых офицеров добивали штыками. Трупы увезли за город, на Холодный родник. Босячье, не разошедшееся сразу после расстрела офицеров, стало угрожающе надвигаться на близких и родных расстрелянных. Слышалось: «Вон этих буржуев еще не добили». Мы тщетно пытались увести Федосью Ильиничну. Она села на землю на том месте, где стояли ее сыновья, сгребала руками пропитанную кровью землю и песок, бережно складывала в два носовых платка: «Вот Петина кровушка... Вот Павлуши». И только когда смерклось, дала увести себя домой...³⁶¹

«Кончилась земная короткая жизнь, началось долгое бессмертие», — повторяем мы слова, сказанные о гибели братьев Ртищевых³⁶².

361 Филиппов Б. А. Всплывшее в памяти. Лондон, 1990.

362 Беликов Г. А. Безумие во имя утопии, или Ставропольская голгофа. Ставрополь, 2009.

Свидетельские показания о деятельности
штабс-капитана Ртищева в боях
за овладение районом реки Серет
21, 22 и 23 июля

нем форсировал реку Серет. На другом берегу реки принял на себя командование еще и 12-й ротой полка, офицеры которой убыли за ранениями, и двумя ротами, будучи все время впереди, атаковал и взял с боя деревню Дзички. Утром 23 июля участвовал в штурме сильно укрепленной позиции у деревни... (неразборчиво) Чистопады. Выйдя по взятии деревни на ее южную окраину, шт[абс]-кап[итан] Ртищев отбил контратаку противника. В бою 23 июля шт[абс]-кап[итан] Ртищев командовал батальоном левого боевого участка полка. По своей инициативе повел батальон в рукопашный бой и одержал полную победу, захватив в плен трех офицеров и 300 ниж[них] чинов. Во время боев штабс-кап[итан] Ртищев всегда [находился] впереди роты, воодушевляя ее своим непоколебимым мужеством и храбростью. Свидетельствую это как очевидец, так как участвовал в боях совместно со шт[абс]-капитаном Ртищевым.

Командующий 12-й ротой
Прапорщик Головки

Но вместо бессмертия на протяжении всех последующих десятилетий имена восставших или замалчивались, или обливались грязью.

Так умирали литовцы. Верно служившие стране, они гибли от рук ее же граждан.

122 (на официальном
бланке для боевых донесений)

Свидетельские показания о деятельности штабс-капитана Ртищева в боях за овладение районом реки Серет 21, 22 и 23 июля

Свидетельствую, что в бою 21 и 22 июля штабс-капитан Ртищев, командуя ударной 11-й ротой, под губительным пулеметным огнем

123

Свидетельские показания о действиях шт[абс]-капитана Ртищева в бою у дер[евни] Нестеровце³⁶³ 29 июля

Свидетельствую, что в бою с австро-германцами у дер[евни] Нестеровце 29 июля штабс-капитан Ртищев командовал 1-м батальоном и кроме того 7-й и 8-й ротами полка. Будучи в передовых цепях, шт[абс]-капит[ан] Ртищев среди града пуль с невозмутимым спокойствием вел свой батальон и бросился на высоту 388, которой и овладел после пятиминутной схватки. После этого он направил 1-й батальон к дерев[не] Нестеровце, а сам с 7-й и 8-й и полуротой 3-й роты бросился в тыл противнику к западу от высоты 388, где (?) противник перешел в контратаку против 11-й и 12-й рот полка. Штабс-капитан Ртищев этим ударом сломил сильное (?) сопротивление и удержал за собой столь важный пункт, с занятием которого нами противник должен был отойти далеко к западу. При взятии высоты были захвачены два пулемета, из которых один действующий, 14 офицеров и 846 нижних чинов.

Командующий 4-й ротой

Прапорщик Вуилков (неразборчиво)

Награжден на осн. п. 25 ст. 8

16/XII-1916

Делопроизводитель Георгиевской думы

Капитан (*подпись неразборчиво*)

125

Свидетельское показание

Свидетельствую, что в бою у дер[евни] Нестеровце 29 июля штабс-капитан Ртищев командовал первым батальоном полка. Будучи с передовыми полками рот при 2-й роте штабс-капитан Ртищев, презирая личную опасность, повел батальон в атаку на высоту 388, своим примером вдохнул неудержимый порыв в нижних чинов и овладел высотой. После пятиминутной штыковой схватки около 500 человек австрийцев [были взяты в плен], при чем 2-я рота захватила действующий пулемет. Остальные австрийцы бросились бежать частью в балку по направлению к высоте 375, а частью в дер[евню] Нестеровце. Штабс-капитан

363 В настоящее время — Нестеровцы (Украина).

Ртищев направил роты в деревню Нестеровце для преследования бежавших туда австрийцев, а сам, оставшись на высоте с полуротой 3-й роты, потребовал прибытия туда же своего частного резерва — 7-й и 8-й рот полка, которые следуя за 4-й ротой несколько замешкались и отстали. В это время положение первого батальона становилось критическим, ввиду того что противник удержал за собой позиции на выс[оте] 375 и в балках, что западнее выс[оты] 388, и перешел в контр-атаку против 11-й и 12-й рот, действовавших правее первого батальона, а часть около роты стали подниматься с балки на выс[оту] 388, в тыл первому батальону. В это время прибыли 7-я и 8-я роты. Штабс-капитан Ртищев лично повел их в атаку в тыл и фланг еще держащемуся в балках противнику. Снял на своем пути роту австрийцев и обратил в беспорядочное бегство остальных, что перешли в контратаку на участке 11-й и 12-й рот. При этом [было] взято в плен еще до 300 человек и один пулемет, а всего у дер[евни] Нестеровце было взято два пулемета, 14 офицеров и 846 нижн[их] чинов. После этого штабс-капитан Ртищев объединил под своей командой десять рот полка и утвердился с ними на высотах западнее дер[евни] Нестеровце.

Временно командующий 2-й ротой
Прапорщик Сурин(неразборчиво)

Второе рождение 13-й пехотной дивизии

В 1918 г. военным министерством гетмана П. П. Скоропадского в Екатеринославе был сформирован состав 8-го украинского корпуса³⁶⁴. Этот корпус, в основном, состоял из чинов 34-й пехотной дивизии, стоявшей до войны в районе этого города. После свержения гетмана и захвата власти петлюровцами этот корпус не подчинился новой власти, оказал вооруженное сопротивление и 27 ноября 1918 г., выйдя из города, пошел на соединение с частями Добровольческой армии (Крымско-Азовская армия генерала А. А. Боровского) в Крыму.

Поход продолжался 34 дня. Под командованием генерала И. М. Васильченко этот отряд выдержал по пути ряд боев с петлюровскими

364 При подготовке этой подглавы использовался следующий текст: Горяйнов И. Н. 13-я и 34-я пехотные дивизии // Военная быль. № 117. Июль 1972.

и махновскими бандами и соединился с добровольческими частями в Крыму. Пехота отряда образовала Сводный полк 34-й пехотной дивизии, в составе кадров следующих полков: 133-го пехотного Симферопольского (не следует путать с Симферопольским офицерским полком, уже несшим боевую службу в Крымско-Азовской армии), 134-го пехотного Феодосийского, 135-го пехотного Керчь-Еникальского и 136-го пехотного Таганрогского полков. Полку был придан Сводный дивизион 34-й артиллерийской бригады. Конница отряда была сведена в Сводный дивизион 3-го драгунского Новороссийского полка.

Тем временем на территории Крымского полуострова стал формироваться Сводный полк 13-й пехотной дивизии (стоявшей в мирное время в Крыму)³⁶⁵. Этот процесс начался 23 ноября 1918 г. под руководством генерал-майора Г. Б. Ангуладзе. Возрождение частей 13-й пехотной дивизии происходило в соответствии с приказом № 15 командующего войсками Добровольческой армии в Крыму генерал-лейтенанта барона Н. А. Боденко от 7 декабря 1918 г. «В целях восстановления старых частей, ранее расквартированных в Крыму, главнокомандующий разрешил из чинов бывшей 13-й пехотной дивизии сформировать один пехотный батальон в составе четырех рот полков дивизии, по одной роте от полка; из бывших чинов Крым-

Солдат 51 ЛП. Фото сделано в ателье Симферополя до 1907 г.

³⁶⁵ Сводный полк 13-й пехотной дивизии формировался в составе Крымско-Азовской армии в Симферополе на базе кадров стоявших до войны в Крыму 49-го Брестского, 50-го Белостокского, 51-го Литовского и 52-го Виленского пехотных полков. В феврале 1919 г. именовался также Крымским сводным пехотным полком. Во ВСЮР входил в состав 4-й пехотной дивизии. Позже был развернут в два полка. По состоянию на сентябрь 1919 г. 1-й полк насчитывал 1125 штыков при 16 пулеметах, 2-й — 950 штыков при 15 пулеметах. В Русской армии в мае 1920 г. на основе Сводного полка была развернута 13-я пехотная дивизия.

*Солдаты 51 ЛП в мундирах образца
1907 г.*

ского конного полка — эскадрон, из чинов 13-й артиллерийской бригады — батареею», — говорилось в документе.

Ангуладзе Георгий Бежанович (1866–1948) — русский военачальник, генерал-лейтенант. В 1887 г. окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1916 г. — полковник. В 1916–1917 гг. — командир 49-го пехотного Брестского полка. С 1917 г. — генерал-майор. В 1917–1918 гг. — командир бригады в 13-й пехотной дивизии. С февраля по лето 1919 г. — командир Крымского сводного пехотного полка. Летом

1919 г. — командир 13-й пехотной бригады, развернутой на базе Крымского сводного полка, а затем — 13-й пехотной дивизии, в которую была переформирована бригада. В апреле 1920 г. со своей дивизией овладел станцией Сиваш во время выхода Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Северную Таврию. В конце августа 1920 г. командовал группой войск из 13-й и 34-й пехотной дивизий во время неудачного штурма Каховки и по приказу генерала П. Н. Врангеля перешел к обороне. В ноябре 1920 г. с армией генерала П. Н. Врангеля эвакуировался из Крыма в Галлиполи. С декабря 1920 г. — генерал-лейтенант. В эмиграции проживал в Париже, где возглавлял Объединение офицеров и солдат 13-й пехотной дивизии. Скончался в Доме для престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа. Похоронен на местном русском кладбище. Был награжден орденом Св. Георгия (1916) — за прорыв укрепленной позиции и форсировании реки Серет во время Брусиловского наступления.

Таким образом, 7 декабря 1918 г. можно считать датой второго рождения 51-го пехотного Литовского полка. Он был возрожден в виде кадровой роты под командованием полковника Моисеева, старого офицера-литовца.

К этому времени в Крым начали стекаться из разных мест чины Литовского полка. Одни надеялись, что на полуострове и «родные стены помогают», верили, что можно будет переждать, отсидеться. Увы, это удалось далеко не всем... Оказавшиеся в Крыму офицеры-литовцы и некоторые примкнувшие к ним нижние чины, принявшие решение сражаться против новой власти, вступили в возрожденный 51-й пехотный Литовский полк. Конечно, это уже было не то полнокровное боевое подразделение, что покинуло Крым в 1914 г., ведь далеко не каждый офицер и солдат-лиловец хотел продолжать борьбу. Поэтому в самые лучшие дни численность Литовского полка не превышала батальона (не более 300 человек). К осени 1919 г. часть так и оставалась лишь кадровым батальоном 51-го Литовского полка в Сводном полку 13-й пехотной дивизии.

Нужно сказать, что Литовскому полку при втором рождении удалось избежать стихийного стремления к формированию под лозунгом «возрождения исторических частей российской армии», сильно вредившего делу. «Ячейки» старых полков, в особенности в кавалерии, возникали, обособлялись, стремились к отделению, обращая боевую единицу — полк — в мозаичный коллектив десятков старых полков, ослабляя ряды, единство и силу его. Такие формирования возникали в тылу, существовали негласно по целым месяцам, добывая частные средства или пользуясь попустительством властей разных рангов, ослабляя фронт и превращая иной раз идейный лозунг «Под родные штандарты» в прикрытие шкурничества. 51-й пехотный Литовский полк счастливо уклонился от подобных метаморфоз смутного времени и в скором времени стал полноценной боевой единицей.

В крупных городах в то время сосредоточилось большое количество офицеров. По данным штаба, в Симферополе их было до 10 тыс. человек. В 1918–1919 гг. из них были сформированы 3-й Ставропольский, Кавказский, Терский, Киевский и Симферопольский офицерские полки, а также Полтавский офицерский батальон, 1-я и 2-я офицерские роты города Николаева и Кременчугская офицерская полурота. Ряд частей, официально не именуясь офицерскими, фактически являлись таковыми.

В Симферополе центром формирования офицерских рот (вскоре развернутых в 133-й офицерский Симферопольский полк) стало собрание Литовского полка. В связи с тем, что от полка практически ничего не осталось, здание полкового офицерского собрания было передано под управление военного коменданта Симферополя, а в 1920 г. — под госпиталь Красного Креста.

*Солдат 51 ЛП в парадной форме
образца 1913 г.*

В центре происходивших в собрании событий оказался тогда еще малоизвестный в военных кругах, но необычайно популярный в молодежной среде города штабс-капитан Н. И. Орлов. С его именем связано много страниц крымской истории 1918–1920 гг. Русский офицер, неофициальный историограф Симферопольского офицерского полка В. В. Альмедингер писал о нем:

В конце декабря я узнал, что будут формироваться офицерские роты и что формирование их якобы поручено кап[итану] Н. Орлову. Впервые после 1913 г. я услы-

шал опять об Орлове, о том, что он находится в Симферополе...

Он был в чине штабс-капитана, носил погоны 60-го пехотного Замосцкого полка. Когда, где и как он был во время Великой войны (на фронте), я ничего не могу сказать, ничего не слышал, никогда не пришлось с ним беседовать на эту тему.

Формирование рот происходило по распоряжению штаба. Помню одно собрание офицеров, на котором случайно присутствовал в самом конце декабря или в начале января, в офицерском собрании 51-го пехотного Литовского полка на Долгоруковской улице. Там было говорено о формировании рот и, если не ошибаюсь, было предложено записываться в эти роты, которые должны были быть расквартированы вначале в собрании. Во главе рот был поставлен кап[итан] Н. Орлов. Кто его назначил, каким образом произошел выбор Орлова для такой ответственной работы — сказать не могу. Его имя, однако, и его популярность в прошлом привлекали офицеров, особенно уроженцев Симферополя, каждый ему доверял. Формирование рот, однако, происходило медленно, вяло, нерешительно, без особого энтузиазма. Сколотить роты в хорошую боевую часть было

тяжело также из-за недостатка времени, да и настроение чинов рот было не подходящее (говорилось о нейтралитете)³⁶⁶.

Литовцам приходилось рассчитывать почти исключительно на себя. Офицеров в Симферополе было более чем достаточно, но большая их часть, особенно из дислоцировавшихся в городе 33-го, 34-го и 35-го запасных пехотных полков, не стремились включаться в активную борьбу с новой властью, а точнее с ее отсутствием, и можно было надеяться в лучшем случае на их нейтралитет. И все-таки бытовавшее в советской историографии Гражданской войны ленинское утверждение, что войска П. Н. Врангеля состояли почти сплошь из офицеров, не соответствуют истине. Хотя, конечно, на этапе формирования войск офицеров, особенно из числа «фронтowej молодежи», было много.

Неизвестно, насколько новые литовцы по униформе соответствовали прежним, так как значительная часть обмундирования была распределена по новым военным формированиям, постоянно возникавшим в Крыму в то время. Например, Егерская бригада, созданная из немец-колонистов, довольно быстро получила обмундирование из старых армейских складов в Севастополе — «пехотные мундиры черного цвета и бескозырки с белыми околышами». Безусловно, это были двубортные мундиры образца 1907 г., которые Егерской бригаде выдали со складов 51-го пехотного Литовского полка. Это вызвало непонимание и буквально ненависть со стороны строевых и интендантских офицеров Крымско-Азовской армии, не имеющих возможности получить с русских складов в Севастополе даже пары сапог.

Литовцы в Белой армии

Формирование обновленного Литовского полка проходило в составе Крымско-Азовской армии. Многие офицеры-литовцы заняли должности в ее руководящем составе. Например, начальником связи армии стал капитан А. П. Петренко.

Петренко Антон Пименович(?-?) — военнoслужаший Литовского полка. Образование получил в Сельскохозяйственном училище. В 1903 г. окончил Одесское пехотное юнкерское училище. На январь

366 Альмедингер В. Орловщина. Лос-Анджелес, 1966.

*Солдат 51 ЛП в мундире
образца 1907 г.*

1909 г. — поручик 51-го пехотного Литовского полка. Участник Первой мировой войны. Капитан. Временноисполняющий должность начальника штаба 181-й пехотной дивизии. В 1918 г. окончил ускоренный курс военной академии. Участник Белого движения на юге России. С ноября 1918 г. — в Добровольческой армии в Крыму. С марта 1919 г. — полковник (одновременно с чином подполковника). В марте — июне 1919 г. — начальник штаба Перекопского отряда и начальник связи Крымско-Азовской армии. В июне — ноябре 1919 г. — старший адъютант отдела связи. В ноябре — декабре 1919 г. — помощник начальника связи штаба 3-го армейского корпуса и войск Новороссийской области.

Другие офицеры Литовского полка принимали участие в Белом движении на других должностях и в других организациях. Так, полковник Н. И. Гошталк одним из первых стал на путь борьбы с новой властью, заняв пост начальника штаба ополчения защиты народов Крыма. Затем, перейдя в Добровольческую армию, был в июле 1919 г. помощником командира Таврической бригады Государственной стражи. Во ВСЮР также служил генерал-майор А. А. Бабочкин, который в 1909 г. был подполковником в Литовском полку.

Последние месяцы боевой службы литовцев были связаны с именем командира 13-й пехотной дивизии генерал-майора Г. Б. Ангуладзе. Генерал Я. А. Слащёв оценил его так: «Генерал Андгуладзе³⁶⁷, начальник 13-й дивизии, командовавший дивизией еще в старой армии, человек, не хватавший звезд с неба, но упорный, храбрый и честный — ни предательства, ни паники, ни интриг от этих людей³⁶⁸ ожидать в тот

367 Вариант написания фамилии «Ангуладзе».

368 Речь идет и о командире 34-й пехотной дивизии генерале В. В. Теплове.

момент было нельзя, а исполнительности и веры в благоприятный исход — полностью»³⁶⁹. В конце 1918 г. Г. Б. Ангуладзе прибыл добровольцем в Крымско-Азовскую армию генерала А. А. Боровского. Именно ему поручили сформировать полк из бывшей 13-й пехотной дивизии с включением его в Крымскую добровольческую дивизию.

В составе Белого движения были не только чины полка, но и их дети. В 1919 г. от ран, полученных под Керчью, скончался 19-летний поручик Крымско-Азовской армии А. В. Карачевский-Волк, сын бывшего подполковника 51-го пехотного полка В. Д. Карачевского-Волка. Тело его на старом Римско-католическом кладбище в Симферополе 28 июля 1919 г. похоронил настоятель симферопольского римско-католического прихода декан П. Шуберт.

В 1919 г. чины Литовского полка активно участвовали в подавлении периодически возникавших в Крыму мятежей. 2 февраля работники имения Колумбет помещика Шнейдера начали акцию неповиновения, требуя повышения уровня жизни. В ответ Шнейдер вызвал войска, и вскоре к нему прибыл отряд во главе с капитаном 51-го пехотного Литовского полка Моисеевым. Последний собрал работников и троих из них жестоко высек. На следующий день подобная экзекуция повторилась в Булганаке³⁷⁰. Еще через день — в Николаевке, но уже сопровождаясь расстрелами.

Летом полк понес тяжелые потери в боях с анархо-синдикалистскими формированиями Н. И. Махно, «опустошавшими тыл белых с силами от 40 до 50 тыс. человек». 24 августа 1919 г. две роты этого бата-

*Рядовые и унтер-офицер (сидит)
51-го Литовского полка*

369 Слащёв-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990.

370 В настоящее время — Кольчугино (Республика Крым).

*Солдаты 51 ЛП в мундирах
образца 1907 г.*

льона были разбиты и пленены под Песчаным Бродом. Вот как об этом вспоминал В. В. Альмедингер:

...Большую тревогу вызвал рейд Махно по нашим незащищенным тылам с угрозой городу Таганрогу, где была ставка главнокомандующего. Для окружения и ликвидации «армии» Махно были сосредоточены в районе Умани три казачьих полка и две дивизии пехоты слабого состава. Однако вследствие плохой взаимной связи, медленного сосредоточения операция не удалась. Махновцы, действуя

быстро, отлично ориентируясь всевидящей конницей, окружили и уничтожили, изрубив, батальон Литовского полка. Вышли из предполагавшегося окружения и в свою очередь окружили 1-й и 2-й батальоны доблестного 1-го Симферопольского офицерского полка, которые и погибли почти полностью 14 сентября 1919 г. Полк перед выходом в поход против Махно имел в своем составе 1500 человек; 3-й батальон, действовавший отдельно, в окружение не попал³⁷¹.

В ноябре 1919 г. Сводный полк 13-й пехотной дивизии развернулся в 13-ю пехотную дивизию в составе 49-го пехотного Брестского, 50-го пехотного Белостокского, 51-го пехотного Литовского и 52-го пехотного Виленского полков, а также 13-й артиллерийской бригады. Только тогда кадровый батальон 51-го Литовского полка и стал официально именоваться полком. 13-я пехотная дивизия вместе со Сводным полком 34-й пехотной дивизии, также развернувшимся в дивизию, образовали

³⁷¹ Альмедингер В. В. Указ.соч.

3-й армейский корпус. Его командующим был назначен генерал-майор Я. А. Слащёв.

В конце 1919 г. части Добровольческой армии вошли в Крым. Несмотря на то, что численность этих полков и дивизий даже близко не приблизилась к штатной численности императорской армии, они смогли успешно отстоять полуостров зимой 1919–1920 гг.

Бои за Крым

Литовцы начали 1920 г. в упорных боях по защите Крыма от наступавшей в Северной Таврии Красной армии³⁷². Генерал Я. А. Слащёв так оценил численный перевес противника: «Было от чего прийти в уныние»³⁷³.

К этому времени в составе 13-й пехотной дивизии насчитывалось не более 800 человек, и она представляла в лучшем случае усиленный батальон. 7 января 1920 г. штаб генерал-майора Г. Б. Ангуладзе прибыл в Мелитополь. В тот же день литовцы получили приказ занять оборону на позициях от Крыма до брода у хутора Мурза-Каяш³⁷⁴. С этого времени на 13-ю пехотную дивизию и ее «напарницу» еще с мировой войны — 34-ю дивизию — легла основная нагрузка по обороне Белого Крыма.

23–24 января начался бой на Перекопском перешейке. К началу марта стало ясно, что красные проиграли первое сражение за Крым, операцию, «блестяще задуманную и плохо выполненную»³⁷⁵. Литовский полк к этому времени сосредоточился в районе Воинки. На этом участке части красного командира Д. П. Жлобы, пытаясь вырваться из окружения, наткнулись на пехоту 13-й дивизии, усиленную четырьмя бронепоездами. Выйти смогли не более 1 тыс. человек. За успешные бои по защите Крыма корпус генерала Я. А. Слащёва стал называться Крымским.

Военный городок литовцев в Симферополе стал известен по событиям, изображенным в художественном фильме «Бег»³⁷⁶. Прото-

372 В составе подходивших частей Красной армии были 3-я, 9-я, 46-я и Эстонская стрелковые дивизии, 8-я и 11-я кавалерийские дивизии, а также, возможно, 13-я кавалерийская дивизия.

373 Слащёв-Крымский Я. А. Указ.соч.

374 В настоящее время — Красноармейское (Республика Крым).

375 Слащёв-Крымский Я. А. Указ.соч.

376 Киностудия «Мосфильм», 1970 г., режиссеры — А. А. Алов, В. Н. Наумов.

Солдаты в мундирах образца 1907 г.

тип генерала Хлудова, генерал Я. А. Слащёв, использовал городок как место приведения в исполнение приговоров. Там оборвалась жизнь известных крымских анархистов. В Симферополе, в Собачьей (ныне Петровской) балке, в марте 1920 г. корпусная контрразведка генерала Я. А. Слащёва сумела изловить «неуловимых международных террористов» В. Бжостека и его знаменитую «полевую жену», известную просто как Маруся. В Симферополь эта далеко не «сладкая парочка» прибыла с единственной целью — казнить от имени Партии анархистов свободной России генерала Я. А. Слащёва. Оба были пове-

шены на столбах у Литовских казарм в Симферополе 19 марта 1920 г.

В апреле командование войсками на полуострове принял генерал П. Н. Врангель. 28 апреля (11 мая) 1920 г. из эвакуированных в Крым войск Добровольческой армии, чье название было скомпрометировано грабежами и насилием по отношению к мирному населению, новый главнокомандующий ВСЮР создал Русскую армию. Крымский корпус, в состав которого входила 13-я пехотная дивизия, был переименован во 2-й армейский корпус.

В 1920 г. 13-й пехотной дивизией командовал генерал Г. Б. Ангуладзе, а 34-й — генерал В. В. Теплов, бывший командир лейб-гвардии Финляндского полка. Командирами полков в Крыму были следующие офицеры: 50-го пехотного Белостокского — полковник Винокуров, 51-го пехотного Литовского — полковник А. Я. Буяченко, 135-го пехотного Керчь-Еникальского — полковник Лосиевский и 136-го пехотного Таганрогского — полковник Куявский. Начальником штаба дивизии был сначала генерал-майор Г. А. Дубяго, а после перехода его в строй — преподаватель тактики в Константиновском военном училище полковник Генерального штаба А. Г. Фролов. Начальником же штаба 2-го армей-

ского корпуса стал полковник Генерального штаба Ф. Э. Бредов, кадровый офицер лейб-гвардии Финляндского полка. Командир корпуса генерал-лейтенант В. К. Витковский был кадровым офицером лейб-гвардии Кексгольмского полка.

В состав 2-го корпуса входил также 8-й кавалерийский полк под командованием полковника Мезерницкого, кадрового офицера лейб-гвардии Волынского полка. Ранее этот полк действовал на Северном Кавказе во главе с полковниками А. Г. Шкуро и Я. А. Слащёвым, сначала во 2-й Кубанской дивизии, а потом, с лета 1918 г., — в Кубанской партизанской.

Литовский полк продолжал в это время вести оборонительные бои на севере полуострова, в районе Юшуни³⁷⁷. Кроме литовцев в состав войсковой группы входили остальные части 13-й и 34-й пехотных дивизий, батальон юнкеров Константиновского военного училища, Пинско-Волынский батальон, батальон немцев-колонистов, отряд Н. И. Орлова, Донская бригада полковника В. И. Морозова, сводный гвардейский отряд, сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, часть конвойного полка — всего около 5 тыс. штыков и шашек при шести танках. Генерал Я. А. Слащёв вспоминал, что красные, остановленные во время Юшуньского боя, держались пассивно, но существовала опасность прибытия их подкрепления, а фронт «под влиянием темных слухов о борьбе за власть среди начальства, естественно, начинал волноваться и чувствовать себя неуверенно»³⁷⁸.

Хотя численность 13-й дивизии значительно не сократилась, моральный дух ее чинов заметно снизился. Это сказалось в ходе апрельско-

*Поручик 51-го Литовского полка.
Кабинет-портрет*

377 В настоящее время — Ишунь (Республика Крым).

378 Слащёв-Крымский Я. А. Указ.соч.

Прапорщик 51-го Литовского полка

го боя у полуострова Тюп-Джанкой в районе моста через Сиваш. Бригада 13-й пехотной дивизии (Литовский и Виленский полки; около 500 штыков) и батальон юнкеров (около 120 штыков) находились в первой линии, имея в резерве 8-й кавалерийский полк (бывший конвой; около 300 шашек). Кроме того, к месту событий были подтянуты четыре бронепоезда, один из которых имел дальнобойные восьмидюймовые морские орудия. Починка железнодорожного моста, находившегося посредине почти двухверстной гати, за ночь закончена не была. Красные дей-

ствовали активно и постоянно предпринимали попытки проникнуть на гать. Борьба бригады 13-й дивизии с красными закончилась тем, что после обоюдных неудач в продвижении гать с железнодорожным мостом осталась нейтральной, и цепи борющихся сторон залегли по берегу Сиваша. Таким образом, ряд встречных столкновений на местности, не дававшей возможности развернуться, не дал успеха ни той, ни другой стороне. Однако к вечеру, когда красные, видимо, получили сильное подкрепление, в том числе артиллерией, они открыли плотный огонь по бронепоездам белых. Не прошло и десяти минут, как цепи 13-й дивизии под сосредоточенным огнем красных стали отходить назад, очищая местность около гати, куда входила неприятельская пехота. Создалась угроза Крыму: отремонтированный белыми мост мог перейти в руки красных. Положение спасли юнкера и 8-й кавалерийский полк. Причиной этого стало, в первую очередь, пополнение, получаемое в основном из числа пленных красноармейцев, большая часть которых была из 46-й стрелковой дивизии красных, бригада которой действовала перед фронтом 13-й пехотной дивизии. В ходе боя генералу Г. Б. Ангуладзе неоднократно приходилось самому поднимать цепи пехоты.

В бою у гати возле Тюп-Джанкой только поддержка юнкеров спасла литовцев от разгрома. К вечеру 22 апреля части бригады 13-й дивизи-

зии достигли станции Сиваш и закрепились около нее. Через несколько дней 13-я дивизия с трудом взяла станцию Джумбулук³⁷⁹, которую буквально несколько дней назад сдала красным³⁸⁰.

24 мая 1920 г., за день до выхода врангелевских войск за Перекоп, 2-й армейский корпус генерала Я. А. Слащёва высадился в тылу красных, в Азовском море, между селами Кирилловка и Степановка. Вместе с Литовским полком в десанте участвовали 49-й Брестский, 50-й Белостокский и 52-й Виленский полки, а также 34-я пехотная дивизия в полном составе (133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский, 135-й Керченский и 136-й Таганрогский полки) и Сводная кавалерийская бригада с артиллерией и поддерживающими частями. Войска были погружены в Феодосии. Условия высадки были чрезвычайно тяжелыми, на море был сильный шторм, шел дождь, сильный прибой переворачивал шлюпки, войска высаживались по плечи в воду. Потери при высадке — один вольноопределяющийся и две лошади.

Отбросив большевиков с занятых позиций, части корпуса перерезали железную дорогу, идущую на Чонгарский фронт. 28 мая белые взяли Мелитополь — главную базу Красной армии. Потери были относительно небольшими — 40 человек убитыми и ранеными.

Благодаря одновременному выходу из Крыма 1-го корпуса генерала А. П. Кутепова, действия Крымского корпуса генерала Я. А. Слащёва привели к разгрому 13-й советской армии. В плен попали 10 тыс. красноармейцев, были захвачены десятки орудий, сотни пулеметов, два бронепоезда, все склады снаряжения и снабжения 13-й армии. Остатки армии отошли за Днепр.

Литовский пехотный полк стал одним из восьми пехотных полков Русской армии барона П. Н. Врангеля, удостоенных оригинальной и крайне редкой коллективной награды за бои по защите Крыма в 1919 г. Сам главнокомандующий лично познакомился с литовцами 10 июня 1920 г., когда в районе колонии Гальбштадт³⁸¹ провел смотр частям 13-й пехотной дивизии. Приказом главнокомандующего отличившиеся части получили в соответствии с традициями ленту на головные уборы с надписью «1919. За защиту Крыма. 1920».

379 В настоящее время — Новодмитровка (Украина).

380 В этом бою была ранена жена генерала Я. А. Слащёва, участвовавшая в нем в роли его ординарца — «юнкера Нечволодова».

381 В настоящее время — Молочанск (Украина).

Генерал Я. А. Слащёв выделял литовцев из остальных войск своего корпуса и, по воспоминаниям сослуживцев, здоровался с ними всегда по русской военной традиции: «Здорово, литовцы!» Похоже, что литовцы старались соблюдать былую корпоративность и не слишком охотно принимали в свои ряды бывших красноармейцев, попавших в плен. По воспоминаниям генерала П. И. Аверьянова³⁸², в полку не было крайностей в отношении военнопленных красноармейцев, имевших место в Добровольческой армии А. И. Деникина, где красных массово расстреливали. Из захваченных в плен вражеских солдат немедленно расстреливали только явных комиссаров и коммунистов, а остальных распределяли по ротам запасных батальонов, где они воспитывались и обучались. С ними в запасных ротах обращались хорошо, но они составляли отдельную команду в роте, не надевали полковой формы, а оставались в своей одежде без погон, которые они еще должны были «заслужить», равно как должны были они заслужить и звание «солдата» (до того времени их продолжали называть красноармейцами). С ними офицеры здоровались: «Здорово, красноармейцы!», а с остальными солдатами: «Здорово, братцы!» или «Здорово, литовцы!». Погоны выдавались красноармейцам не всем одновременно, а постепенно, по выбору и списку командира запасной роты, когда последний находил, что известное число красноармейцев достаточно обучено и воспитано в духе прежнего русского солдата. Раздача погон (а с погонами красноармейцы получали почетное звание «солдата») происходила в торжественной обстановке.

Среди литовцев (как и во всей дивизии) не допускались грабежи населения и так называемого самоснабжения войск. Я. А. Слащёв иногда карал смертной казнью одинаково и офицера, и солдата за самый ничтожный случай грабежа, например за украденного у крестьян гуся³⁸³. Таким образом он совершенно искоренил в подчиненных ему войсках грабежи и насилие в отношении населения, которое поэтому и относилось к слащёвцам совершенно иначе, нежели к другим войскам Добровольческой армии или ВСЮР. От войск Добровольческой армии крестьяне все прятали, не соглашаясь часто продать им даже за деньги те или иные продовольственные товары, но когда крестьяне узнавали

---

382 Записаны в 1929 г. в Белграде со слов полковника А. Г. Фролова и капитана В. Н. фон Дрейера.

383 Подробнее см.: Слащёв-Крымский Я. А. Указ.соч.

и убеждались, что они имеют дело со слащёвцами, то не только в изобилии приносили ими требуемые продукты, но даже отказывались от платы за последние.

Последние сражения

Одним из крупнейших сражений, в которых 51-й пехотный полк принял участие во время Гражданской войны, стала Каховская операция в июле —августе 1920 г.

В 2 часа ночи 26 июля 1920 г. 13-я и 34-я пехотные дивизии генерала Г. Б. Ангуладзе атаковали противника по направлению к Малокаховке. Не будучи в состоянии преодолеть проволочных заграждений, они залегли под проволокой, расстреливаемые орудийным и пулеметным огнем. Перед рассветом все части, участвовавшие в прорыве Каховского плацдарма, были оттянуты на исходные позиции. Литовцы сражались на участке Любимовка — Терны и даже пытались контратаковать.

27 июля 13-я дивизия из последних сил держала оборону у Могилы-Высокой. В ходе боя красные почти окружили ее. Только атака 50-го пехотного Белостокского полка и картечный огонь артиллерии спасли положение. 28 июля Литовский полк в составе 13-й дивизии³⁸⁴ под натиском свежих латышских частей, которые подтянули красные, начал отходить к Черной Долине.

29–30 июля дивизия продолжала отходить на юго-восток. Попытки атаковать красных в последующие дни приводили к новым потерям и не давали никаких результатов. Силы личного состава, в том числе и литовцев, шесть дней не выходивших из огня, были на исходе. Операция окончилась.

Начало августа 1920 г. было сопряжено с вновь начавшимися тяжелыми боями, которые застали литовцев в Черной Долине. 6 августа 1920 г. генерал Я. А. Слащёв по болезни был отстранен от командования 2-м армейским корпусом. Его заменили генералом В. К. Витковским, бывшим начальником Дроздовской дивизии.

А вскоре наступила очередь наступления Красной армии: в середине октября войска Южного фронта красных перешли в решительное наступление. К этому времени Литовский полк даже ротой было

---

384 Состав дивизии в это время насчитывал 1 тыс. человек, 50 пулеметов, 12 легких и два тяжелых орудия.

Унтер-офицеры — кавалеры знака отличия ордена Св. Георгия

можно назвать с трудом: в строю находилось 67 человек с 11 пулеметами³⁸⁵. К началу последнего наступления Красной армии литовцы в составе своей дивизии³⁸⁶ предназначались для переброски на Чонгарский участок.

Литовским полком в это время командовал полковник А. Я. Буяченко, кадровый офицер-литовец, в 1910 г. служивший прапорщиком в 51-м пехотном полку. Волею судьбы ему было суждено стать последним полковым командиром. Из других офицеров известны имена штабс-капитана Глеклера, в мае 1920 г. занимавшего должность командира батальона, а также служившего под Новороссий-

ском во ВСЮР полковника С. Н. Гаврилюка, командовавшего во время Первой мировой войны 2-м батальоном Литовского полка.

Литовский полк вел последние бои с наступавшими войсками Красной армии, сдерживая их натиск до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Когда возможность сопротивления была утеряна, личный состав начал отступление на юг полуострова. Все эти дни полковник А. Я. Буяченко старался удерживать организацию и порядок, несмотря на тяжелейшие условия, в которых оказались его подчиненные.

Главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель высоко оценил действия литовцев в летних боях. Командир полка полковник А. Я. Буяченко стал единственным полковым командиром 13-й пехотной дивизии, награжденным недавно учрежденным орденом Св. Николая Чудотворца II ст. (приказ главнокомандующего № 3651 от 16 сентября 1920 г.).

385 В распоряжении литовцев также находились 75 человек нестроевых. Очевидно, это были остатки полкового кадра в Симферополе или Севастополе.

386 В этот резерв входили Отдельный сводный батальон, а также 13-я и 34-я пехотные дивизии.

27 октября 1920 г. был получен приказ генерала П. Н. Врангеля о сосредоточении ударной группы, в состав которой были включены 1-й и 2-й Дроздовские стрелковые полки и части 13-й пехотной дивизии генерала Г. Б. Ангуладзе. Утром 28 октября началось наступление. Прорыв удался, было захвачено около тысячи пленных и два орудия, но красные подтянули резервы, и наступление стало захлебываться. Пришедшая кавалерия опоздала на два часа и лишь отчасти смогла повлиять на исход боя.

Это были последние бои литовцев в России. По состоянию на 28 октября (10 ноября) 1920 г. 51-й Литовский полк насчитывал 250 штыков при 20 пулеметах³⁸⁷. Через несколько дней полк в составе дивизии был отведен в тыл. Его сменили части Марковской и Корниловской дивизий 1-го армейского корпуса.

Началось отступление...

---

³⁸⁷ Интересно, что по данным красной разведки, в 51-м полку на 1 октября 1920 г. состояло 100 человек при пяти пулеметах, сведенные в три батальона.

НА ВОЛНАХ ВЕЛИКОГО ИСХОДА

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине,
И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
«Двадцатый год — прощай, Россия!»

Н. Н. Туроверов, русский поэт

Судьбы ушедших

Трагедия покинувших Россию офицеров и солдат Литовского полка неразрывно связана с судьбой Крымской армии генерала П. Н. Врангеля, которая сохранила организацию.

Конечно, общее число чинов полка, покинувших родину, не так велико, как кажется. Оно исчисляется максимум одной-двумя сотнями человек, и то с учетом покинувших страну не только из Крыма, но и из других мест. Почти никто из этих людей нам неизвестен. Покинул Россию командир полка полковник А. Я. Буяченко, был эвакуирован на транспорте «Ялта» тяжело раненный подпрапорщик Гисько, почти с первого дня служивший в возрожденном полку. На корабле «Цесаревич Георгий» покинул Россию некто Волынский, до этого бывший старшим унтер-офицером 51-го пехотного Литовского полка.

Уходили не все. Многие оставались. Причины, вынудившие их сделать это, были разными, и не нам осуждать этих людей. Надеялись, что все обойдется, зачтутся заслуги в войне с Германией, просто думали, что пронесет. Так подумали капитаны Е. И. Голубев и П. И. Разгон, штабс-капитан И. Гибор. Не получилось: не отсиделись, не учли, не пронесло. Едва ли не в один день все офицеры-литовцы были расстреляны в Симферополе.

Были и такие, кто по разным причинам (и опять-таки — не нам их судить) поступили на службу в Красную армию. Таким был подполковник В. В. Любимов, служивший в Литовском полку с 1915 по 1916 гг. В 1919 г. он перешел на службу к красным. Дослужился до должности

начальника штаба армии, после Гражданской войны преподавал в Военной академии механизации и моторизации. Был награжден орденом Красного знамени. Но в 1937 г. приговор и пуля в затылок прервали его блестящую карьеру.

Любимов Владимир Виссарионович (1879–1937) — русский и советский военный деятель. Уроженец Самарской губернии. По состоянию на январь 1909 г. — поручик 211-го пехотного резервного Евпаторийского полка. В 1914 г. окончил Николаевскую военную академию. После объявления мобилизации был откомандирован в свою часть. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. — капитан 51-го пехотного Литовского полка. В том же году причислен к Генеральному штабу. В 1916 г. — помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. Старший адъютант штаба 5-го Сибирского армейского корпуса. С 1917 г. до демобилизации — исполняющий должность помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба. Подполковник.

Добровольно вступил в Рабоче-крестьянскую красную армию (РККА). В апреле — мае 1919 г. — начальник штаба 8-й армии. В мае — июле 1919 г. — командующий 8-й армией. В распоряжении главкома. Начдив 55-й стрелковой дивизии. В ноябре — декабре 1919 г. — начальник штаба 3-й армии. В июле 1919 — августе 1920 гг. включен в списки Генштаба РККА. В сентябре 1920 — сентябре 1922 гг. — начальник штаба 5-й армии, начальник штаба Восточно-Сибирского военного округа. В августе 1922 г. — временно исполняющий дела командующего 5-й армией. Помощник командира 16-го стрелкового корпуса. Был награжден орденом Красного знамени (приказ Революционного военного совета республики № 26, 1922 г.). В 1928–1934 гг. — командир 16-го стрелкового корпуса. В 1936 г. — военрук Ростовского автодорожного техникума. С 1936 г. — комбриг. Преподаватель кафедры тактики Военной академии механизации и моторизации (ВАММ). В июле 1937 г. был арестован. Упомянут в списке лиц, подлежащих осуждению Военной коллегией Верховного суда (ВКВС) СССР по первой категории, от 7 декабря 1937 г. (раздел «Москва — центр»; подписан И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, А. А. Ждановым). В декабре 1937 г. приговорен ВКВС к высшей мере наказания. Расстрелян на полигоне «Коммунарка» в Московской области. Реабилитирован в 1963 г.

Вольноопределяющийся, унтер-офицер

22 ноября 1920 г. первые солдаты и офицеры ступили на землю Галлиполи. Еще в море начались работы по реформированию организационной структуры покинувшей Крым армии. По решению генерала П. Н. Врангеля она сводилась в корпус, командиром которого назначался генерал от инфантерии А. П. Кутепов, а начальником штаба становился генерал-лейтенант Е. И. Доставалов. Под их началом оказалось свыше 25 тыс. человек. В ходе реорганизации все пехотные дивизии и полки были сведены в 1-ю пехотную дивизию под командованием генерал-лейтенанта В. К. Витковского (начальник штаба — полковник Ф. Э. Бредов).

13-я пехотная дивизия батальоном вошла в 4-й партизанский Алексеевский полк³⁸⁸. Офицеры, не вошедшие в батальон, были включены в сформированный в каждом полку офицерский батальон.

На Русском кладбище в Пирее (Греция) покоится прах умершего в 1922 г. в возрасте 32 лет Ф. Ф. Белокопытова, подпоручика 51-го пехотного Литовского полка. В Нови-Бечее (Сербия) похоронен умерший в 1939 г. генерал-майор Н. Ф. Высоцкий, бывший офицер 51-го пехотного полка, а затем — 34-й артиллерийской бригады, командир 100-й артиллерийской бригады, инспектор артиллерии 32-го армейского корпуса, георгиевский кавалер. В эмиграции в Югославии он был членом Общества офицеров-артиллеристов.

В Турции в 1944 г. умер генерал-майор А. А. Бабочкин, занимавший в 1915 г. должность помощника командира 51-го пехотного Литовского полка.

³⁸⁸ Это лишний раз напоминает о том, что громкие названия «дивизия», «бригада», «полк» воинские части в Белой армии часто имели лишь номинально. На деле полк иногда не превышал по численности пехотную роту.

Бабочкин Александр Артемьевич (1866–1944) — русский военный деятель, генерал-майор. Образование получил в Ростовском реальном училище. В службу вступил в 1884 г. В 1887 г. окончил Одесское пехотное юнкерское училище, был выпущен подпоручиком в 135-й пехотный Керчь-Еникальский полк. С 1890 г. — поручик. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С 1900 г. — штабс-капитан. С 1901 г. — капитан. С 1904 г. — подполковник. С 1910 г. — полковник. В 1915 г. — помощник командира 51-го пехотного Литовского полка. С 1915 г. — генерал-майор. В 1916–1917 гг. — командир бригады 81-й пехотной дивизии. С июня 1917 г. — командующий 69-й пехотной дивизией. Был контужен. В ВСЮР — в войсках Новороссийской области. В 1919 г. — кандидат на должности в Крыму. В эмиграции в Турции. Умер в Стамбуле. Был награжден орденами Св. Владимира III и IV ст. ст., Св. Анны III ст. (1909) и Св. Станислава II ст. (1912).

Длительное время действовало объединение 13-й пехотной дивизии, возглавляемое, по данным на 1938 г. генералом Г. Б. Ангуладзе и входившее в РОВС. Нет сомнения, что последние литовцы состояли в нем.

Генерал Г. Б. Ангуладзе, несомненно, был душой литовской эмиграции и многих из среды российской военной эмиграции вообще. По его инициативе с 1929 г. начали объединяться бывшие офицеры и юнкера Тифлисского юнкерского (затем военного) училища. В том же году объединение 13-й пехотной дивизии (в его составе указано и объединение 51-го пехотного Литовского полка) приняло участие в пожертвовании денежных средств на установку памятной доски в память полугодовой даты с момента кончины великого князя Николая Николаевича в Каннах³⁸⁹.

Судьба рассеяла офицеров и солдат-литовцев по всему миру. Их потомки живут сегодня в Южной и Северной Америке, Австралии, Европе. Некоторые стали весьма известными людьми — например, отец Митрофан Виноградов, служивший в полку еще в конце XIX в. и ставший затем настоятелем русской православной церкви в Монтевидео.

Виноградов Митрофан (1865 — после 1942) — русский военный священник. Происходил из семьи духовенства, сын священника. Окон-

389 Была заказана у русской фирмы Н. Ф. Матвеева «Старая Москва», имевшей мастерские и магазины в Ницце и Виши.

чил Таврическую духовную семинарию (1885) и Одесское пехотное юнкерское училище (1887). Служил в 51-м пехотном полку в Симферополе. В 1887–1900 гг. служил в 105-м пехотном Оренбургском полку. В 1905–1906 гг. служил в 147-м Царицынском полку. В 1906 г. вышел в отставку. Во время Гражданской войны служил в Добровольческой армии на южном фронте в чине полковника. В 1920 г. эмигрировал в Сербию. С 1924 г. — диакон. В том же году был рукоположен в сан священника и стал настоятелем церкви штаба главнокомандующего Добровольческой армией. В 1924–1925 гг. — настоятель сербской церкви в селе Црквенице. В 1925–1927 гг. — настоятель сербской церкви в селе Ваяковац. С 1927 г. состоял в юрисдикции Русской зарубежной церкви РЗЦ. В том же году переселился в Уругвай. В 1927–1942 гг. — настоятель русской церкви в Монтевидео.

В 1946–1947 гг. группа русских эмигрантов была арестована по требованию Москвы и передана в Белграде представителям советской власти. Все арестованные были отправлены этапом в СССР. В эту группу входили старшие офицеры Белой армии, в том числе председатель отделения Союза военных инвалидов А. Я. Буяченко, последний командир 51-го пехотного Литовского полка. Дальнейшая судьба его, к сожалению, не известна.

Судьбы оставшихся

Мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения. Война и революция, напротив, требуют их, прививают эти рефлексy, благоприятствуют им всячески.

Убийство, разрушение, насилие, уничтожение врага они возводят в доблесть и заслугу; исполнителей их квалифицируют как великих воинов и бесстрашных революционеров, вместо наказания одаряют наградой, вместо порицания — славою... Жизнь человека потеряла ценность.

Моральное сознание отупело. Ничто не удерживало от преступлений. Преступления

стали «предрассудками». Нормы права и нравственности — «идеологией буржуазии».

П. А. Сорокин, русский и американский социолог

Мы ли с Врангелем не сладим,
Пулю в лоб ему не всадим,
И ему, и всем, кому
Нынче весело в Крыму!

Д. Бедный, советский поэт

Когда в 1920 г. армия П. Н. Врангеля ушла из Крыма, десятки тысяч солдат и офицеров не захотели покинуть родную землю. Тем более что М. В. Фрунзе в листовках обещал тем, кто останется, сохранить жизнь и свободу. Остались многие. Однако советская власть, установившаяся в Крыму после ухода врангелевских войск, ознаменовала свое правление одной из самых страшных трагедий современности. За сравнительно небольшой период самым жестоким образом было беспощадно истреблено огромное количество бывших военнослужащих Белой армии, поверивших новой власти и не покинувших родину.

Неизвестно точно, сколько литовцев ушли из России. Точно так же мы точно не знаем, сколько их осталось в стране. Вероятно, что и тех и других было немного: годы Первой мировой и Гражданской войн сказались на их численности. Но благодаря родственникам, сохранившим память о предках, нам известно, что судьба подавляющего большинства солдат и офицеров, оставшихся в Крыму, была ужасной. Значительная их часть попала под репрессии пришедших вслед за частями Красной армии «инквизиторов» от революции: Б. Куна, М.Залки, Р. Землячки и других.

Кун Бела (1886–1939) — советский и венгерский партийный деятель. Родился в Венгрии. Сын писаря. Образование получил в Калужском университете. В 1902 г. вступил в социал-демократическую партию Венгрии. Участвовал в революционном движении в Австро-Венгрии. В 1914 г. призван в австро-венгерскую армию. Участник Первой мировой войны, прапорщик. В 1916 г. был взят в плен русской армией. Находясь в лагере военнопленных в Томске, установил контакт с большеви-

ками и вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). В 1917 г. работал в Томской парторганизации. В 1918 г. переехал в Москву. В марте 1918 г. создал венгерскую группу Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), организовывал из военнопленных-венгров «коммунистические» отряды, которые наряду с латышскими стрелками стали гвардией большевиков. Эти отряды отличались жестокостью и принимали участие во многих карательных акциях, в том числе в расстреле царской семьи в июле 1918 г. В мае — августе 1918 г. — председатель Федерации иностранных групп РКП(б). В августе — ноябре 1918 г. — комиссар отряда интернационалистов на Восточном фронте, затем военком бригады. Участвовал в расстрелах заложников и «классовых врагов» в Сибири. В ноябре 1918 г. нелегально вернулся в Венгрию, в 1919 г. был арестован, но с созданием в марте 1920 г. Венгерской социалистической республики освобожден. После поражения революции уехал в Австрию, а в 1920 г. переехал в РСФСР. В 1920 г. член Реввоенсовета Южного фронта, а после эвакуации Русской армии генерала П. Н. Врангеля — председатель Крымского ревкома. Организатор массовых казней белых офицеров, оставшихся в Крыму. Число жертв Б. Куна точно определить практически невозможно. В 1921 г. был направлен в Германию, где пытался поднять коммунистическое восстание. С 1921 г. — член исполкома Коминтерна, руководил нелегальной работой. В 1921–1923 гг. — на руководящей партработе на Урале. С 1923 г. — уполномоченный ЦК РКП(б) в ЦК Российского коммунистического союза молодежи. В 1928 г. был арестован в Вене за революционную деятельность, но после вмешательства СССР освобожден. С 1928 г. жил в СССР. В 1938 г. арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян. Посмертно реабилитирован.

В тот момент победившие в Гражданской войне большевики считали своими опаснейшими врагами людей, которые когда-либо служили в армии, носили форму, и при этом не выбрали их сторону, пусть они и не воевали в рядах белой армии. Так жертвами режима стали среди прочих офицеры и солдаты 51-го пехотного Литовского полка. При этом длительность службы, а также участие или неучастие в Белом движении в большинстве случаев в расчет даже не принимались. Чаще всего для выносивших приговор сам по себе офицер являл собой образ носителя идеологии и духа прошлого мира и потому подлежал нещадному истреблению. Полуостров, оказавшийся последним пристанищем огром-

Чины пулеметной команды 51-го Литовского полка

ного количества людей, пытавшихся сбежать от большевиков, стал местом уничтожения победителями своих врагов. Венгерский авантюрист Б. Кун разослал органам большевистской власти в Крыму телеграмму с предписанием «расстрелять всех офицеров, служивших у Деникина и Врангеля и во время германской кампании».

Работы для палачей было много. По воспоминаниям профессора В. И. Вернадского, «в Симферополе осталось много офицеров Врангелевской армии, не успевших на пароходы в Севастополь». Кстати, сам В. И. Вернадский, пользуясь некоторой лояльностью к нему советской власти, сделал многое для спасения оставшихся в Крыму чинов Белой армии, в том числе и литовцев. Незадолго до того как в феврале 1921 г. В. И. Вернадского вместе с группой профессоров и крымских деятелей из-за их неблагонадежности большевики отправили в Петроград, произошел эпизод, который едва ли не стоил ученому жизни. Узнав о том, что оставшимся в Крыму белым офицерам грозит опасность, В. И. Вернадский распорядился немедленно выдать 200 молодым людям удостоверения студентов Таврического университета, чем спас их жизни. К сожалению, информация об этом дошла до чекистов. Что помешало им расстрелять профессора, остается только гадать.

Созданная Б. Куном и Р. Землячкой Крымская чрезвычайная комиссия (КрымЧК)³⁹⁰ с невероятным садизмом организовала дело по уничтожению бывших белых офицеров. Прежде всего нужно было заманить оставшихся в свои сети. Для этого использовался самый невинный повод — регистрация. Прибыв на объявленную регистрацию бывших офицеров царской и Белой армий, в своем большинстве они уже не вернулись домой. «Под топор» пошли не только те, кто действительно сражался в рядах Белой армии против красных, но и те, кто давно ушел со службы по возрасту, состоянию здоровья и иным причинам.

До сих пор не названа точная цифра жертв «красного террора»³⁹¹. Тем более, мы не можем сказать, сколько литовцев погибли от него. Известно, что в Симферополе, в районе Марьино, по постановлению чрезвычайной тройки особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) при Реввоенсовете Южного фронта от 22 ноября 1920 г. в составе председателя Манцева, членов Евдокимова и Плятта было расстреляно 154 человека³⁹². Среди них были офицеры-литовцы: капитан П. И. Разгон, не имевший шансов пережить советскую власть кавалер ордена Св. Георгия IV ст. капитан Е. И. Голубев, караим штабс-капитан И. Гибор, полковник А. И. Снесарев и др. П. И. Разгон и А. И. Снесарев были друзьями в жизни, Александр Иванович был крестным отцом детей Павла Ивановича. Затем был расстрелян еще один литовец — капитан Н. С. Теплов.

Теплов Николай Сергеевич (1889–1920) — русский офицер. Уроженец Симбирской губернии. По происхождению дворянин. Служил в 51-м пехотном Литовском полку. Участник Первой мировой войны. Приказом по армии и флоту от 4 апреля 1917 г. был награжден «за то, что, будучи в чине штабс-капитана начальником пулеметной команды, в бою 22 июля 1916 г. на р[еке] Серет, занимая высоту 363 — такти-

390 Руководитель — С. Ф. Реденс, начальник оперативного отдела — Я. П. Бизгал, командант — И. Д. Папнин.

391 Называют в различных источниках цифры от 120 до 150 тыс. человек.

392 Советская власть не любила хранить память о зверствах ее «героев», именами которых до сих пор названы улицы Симферополя, окраины которого были завалены непогребенными по христианским обычаям телами часто невинных людей. Поэтому в соответствии с традициями заматывать следы своих преступлений уже после войны советская власть устроила на этом месте водохранилище, долгое время бывшее излюбленным местом отдыха симферопольцев. Никаких памятных знаков там не установлено до сих пор.

Откуда родились.		В каком возрасте.	Имя при рождении.	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и классное звание.	Звание, имя, отчество и фамилия воспитавших.	Все сведения о службе.	Религиозные сведения.
Место рождения.	Место рождения.	Место рождения.	Имя при рождении.	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и классное звание.	Звание, имя, отчество и фамилия воспитавших.	Все сведения о службе.	Религиозные сведения.
Декабрь	7	10	Александр	Портняжко Александр Александрович Литовского воинского полка и поручика Высшего полка Павла Александровича Разгона и законны женаты Александра Александровна, адъютанта и классного вожатого Кривошеина Павла	Портняжко Александр Александрович Литовского воинского полка и поручика Высшего полка Павла Александровича Разгона и законны женаты Александра Александровна, адъютанта и классного вожатого Кривошеина Павла	Портняжко Александр Александрович Литовского воинского полка и поручика Высшего полка Павла Александровича Разгона и законны женаты Александра Александровна, адъютанта и классного вожатого Кривошеина Павла	

Запись в метрической книге о рождении сына Александра у П. И. Разгона

ческий ключ позиции, под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем тяжелых и легких батарей противника, огнем своих четырех пулеметов, несмотря на большие, до 50 %, потери среди пулеметчиков, отбил четыре атаки противника, веденные в значительных силах, удержал за собой высоту 363 и тем дал возможность подтянуться резервам полка и переправлявшимся через р[еку] Серет частям 34-й пехотной дивизии».

По состоянию на 1920 г. — капитан. По постановлению чрезвычайной тройки особого отдела ВЧК при Реввоенсовете 4-й армии и Крыма от 7 декабря 1920 г. в составе председателя Манцева, членов Гусина и Васюкова, был признан врагом трудового народа и расстрелян.

Катаклизмы Гражданской войны и последовавшего за ней «красного террора» удалось пережить в основном нижним чинам. По крайней мере, на сегодняшний день мы не знаем ни одного из офицеров полка, кто бы благополучно уцелел в эти страшные годы. Даже тот, кто по одному ему известным причинам принял решение перейти на сторону советской власти, впоследствии был ей же уничтожен. По крайней мере, один из них нам известен: это ранее упомянутый бывший капитан-литовец В. В. Любимов, кавалер ордена Красного знамени.

Приговоры приводили в исполнение тоже иногда бывшие сослуживцы. Например, среди них был некто И. Я. Дагин, бывший нижний чин одного из полков 13-й пехотной дивизии (Брестского или Литов-

ского), лично отправлявший «к стенке» своих бывших командиров и в конце концов тоже оказавшийся перед расстрельным взводом, но уже в печально известные годы сталинского террора. Этот палач настолько усердно старался выполнять свою работу, что ему спустя много лет было даже отказано в посмертной реабилитации.

Дагин Израиль Яковлевич (1895–1940) — советский политический деятель. Уроженец Таврической губернии. Сын шапочника. Окончил три класса начальной школы (1908). С 1908 г. работал на шапочной фабрике. В 1915 г. был призван в армию. Участник Первой мировой войны в составе 49-го пехотного Брестского полка (по другой информации — 51-го пехотного Литовского полка). В январе 1917 г. был ранен в плечо в штыковой атаке на фронте и отправлен в госпиталь в Симферополь. В феврале 1917 г. участвовал в разоружении полиции. В октябре 1917 г. был арестован за антивоенную агитацию, затем дезертировал из армии. В октябре 1917 — 1918 гг. — командир роты 1-го Симферопольского отряда Красной гвардии. В 1918 г. — командир партизанского отряда в Крыму и Украине, член коллегии Мелитопольской ЧК, комиссар банков в Мелитополе. В июне 1919 г. вступил в РКП(б). В 1919 г. — заведующий военным отделом, военрук Николаевского подпольного губкома КП(б) Украины, организатор восстаний в Николаевской губернии. В декабре 1919 г. возглавил Николаевскую городскую ЧК, руководил кампанией террора против непролетарских элементов. В 1920–1938 гг. — на руководящих должностях в региональных органах ЧК-ОГПУ. В ноябре 1938 г. был арестован. В январе 1940 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни. Расстрелян. В реабилитации отказано.

Наверное, хорошо, что спустя 100 лет после описанных событий мы вновь говорим о них, офицерах-литовцах, сражавшихся за отечество и своими жизнями заплативших за ошибки собственной государственной власти. Хочется верить, что этого больше не повторится.

Память

Да встретит он обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!

В. А. Жуковский, русский поэт

История опознается через историческую память.

Н. А. Бердяев, русский философ

Автор истории 51-го пехотного Литовского полка К. К. Павлюк так подводил итоги столетней службы этого подразделения:

Бросая ныне взгляд назад, на службу эту, каждый литовец может видеть, что она протекала, особенно в течение первых 50 лет существования полка, при самых разнообразных условиях. Зародившись по воле монарха среди озер и гранита Финляндии, полк вскоре воспринял боевое крещение в приснопамятную Отечественную войну 1812 г., а затем подвизался на полях брани уже за рубежом России, покрыв себя между прочим славой при Краоне, близ стен Парижа. При дальнейшем существовании полка над ним, в силу особых обстоятельств, имевших исключительный характер, стряслось несчастье, но литовцы не замедлили честной и доблестной службой своей загладить свою невольную вину и реабилитировать себя. Новая боевая слава вскоре озарила полк в пределах Кавказа, в лесах и дебрях, среди мрачных и угрюмых скал Дагестана. Немало там поработали литовцы; немало выпадало на их долю трудов в этот период и при мирной обстановке, при создании твердынь Киева и Севастополя, при беспрестанных передвижениях с места на место. Подвиги, совершенные потом у подножия Карпат, а затем на Кавказе, окончательно утвердили за полком репутацию доблестной и примерной части, для которой в служебной деятельности импульсом всегда и везде служили три священных для русского слова: Бог, Государь и Родина³⁹³.

Прошло уже более 200 лет с того момента, как в составе российской армии появился Литовский пехотный полк. Более 100 лет назад он прекратил свое существование как штатная боевая единица, а его оставшиеся чины или рассеялись по миру по волнам Великого исхода, или разделили трагическую судьбу оставшихся на родине. Время может многое, однако ему не подвластна память. И вот уже в Севастопо-

---

393 Павлюк К. К. Указ.соч. Т. 2. С. 397–398.

На улице Литовской в Севастополе на Корабельной стороне

ле мы можем идти по Литовской улице, названной в честь резервных батальонов полка, защищавших город в 1854–1855 гг. Она получила это название 22 декабря 1954 г.³⁹⁴ В Симферополе тоже имелась улица Литовская, но своего названия она не сохранила, будучи издевательски переименованной в Красногвардейскую. В настоящее время в Симферополе существует улица Литовского полка.

Зато в Симферополе сохранилось офицерское собрание полка. Судьба благоприятствовала ему. О его судьбе мы писали выше.

Постепенно возрождается церковь Святого Николая, бывший полковой храм. Особо интересна судьба полковых религиозных символов, которые просто чудесным образом удалось вернуть из забвения. Сейчас полковые хоругви, сохраненные за годы советской власти, находятся в Кизилташском монастыре.

Интересен один из жетонов, хранящийся в коллекции известного симферопольского коллекционера Аверкина. Это, судя по гравированной на нем надписи, так называемый бальный жетон. Подобные изделия были популярны в русской армии в конце XIX — начале XX вв. Как

³⁹⁴ До этого улица называлась Шестой. Находится в Нахимовском районе Севастополя.

правило, они вручались гостям одним из офицеров при входе в бальное помещение. Очевидно, что этот предназначался для полковых дам, посетивших собрание в день его открытия — 22 октября 1913 г. Возможно, многие находки еще впереди.

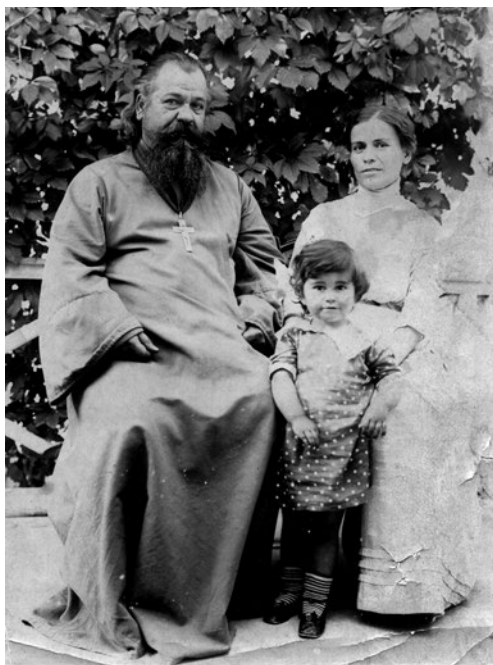
Обнаружены остатки полковой библиотеки. Частично они хранятся в фондах Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в Симферополе, частично в частных коллекциях. К сожалению, объединить их в одно собрание маловероятно.

Удалось объединить потомков офицеров и солдат Литовского пехотного полка.

В их числе:

- Татаренко (Трифонова) Е. А. — внучка подполковника М. Л. Трифонова;
- Коцур (Разгон) Е. А. — внучка поручика П. И. Разгона;
- Фонский В. Н. — внук рядового И. П. Руденкова;
- Барановская Т. К. — внучка последнего полкового священника Иоанна Голубева и двоюродная внучка кавалера ордена Святого Георгия Победоносца IV ст. капитана Е. И. Голубева.

Надеемся, что этот список будет пополняться, в том числе и благодаря этой книге.

*Протоиерей И. А. Голубев с дочерью
Ф. И. Барановской и внучкой
О. Л. Барановской*

Цесаревич Алексей (1904–1918) — сын последнего российского императора Николая II, наследник престола, шеф 51-го пехотного Литовского полка

*Константин Константинович (Косьмич) Павлюк (1864 — после 1914) —
русский военный деятель, генерал-майор,
автор летописи 51-го пехотного Литовского полка*

„Настоящее хранится въ прошедшемъ“.

ИСТОРИЯ

51-го

ПѢХОТНАГО

ЛИТОВСКАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

ПОЛКА.

1809—1909 г.г.

СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Полковникъ Павлюкъ,
бывшій сенцерь полка.

Томъ I.

ОДЕССА.

Типо-Литографія Штаба Одесск. воен. Округа,
1909.

Титульный лист книги К. К. Павлюка «История 51-го пехотного Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка. 1809–1909 гг.» (Одесса, 1909)

Обер-офицеры гарнизонных полков
и батальонов в 1808–1810 гг.

Фурлейт гарнизонных полков и батальонов в 1809–1811 гг.

Рядовые гарнизонных полков и батальонов в 1809–1809 гг.

*Унтер-офицер и штаб-офицер пехотных полков
Отдельного Литовского корпуса в 1817–1823 гг.*

*Мушкетер полков
Отдельного Литовского корпуса в 1823–1828 гг.*

Русский солдат в форме образца 1881 г.

*Погоны 51-го пехотного Литовского полка.
Повседневная сторона*

*Погоны 51-го пехотного Литовского полка.
Полевая сторона*

IMPERIAL RUSSIAN ARMY

Composed and drawn by Paul Spodimo-Lylovitch (Maj-General, Imp. Russian Army, 1870)

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

13th INFANTRY DIVISION

FIRST BRIGADE (LINE)

1. Field Officer in Full Dress Uniform	} 25 th INF. BRESTSKY REGIMENT
8. Private in Undress (Summer) Uniform	
3. Subaltern Officer (Field Uniform)	} 26 th INF. BELOSTOKSKY REGIMENT
6. Private in Full Dress Uniform	
7. Private in Field Uniform (Coats)	
9. Drummer in Full Dress Uniform	

SECOND BRIGADE (JÄGERSKY-RIFLE)

2. Subaltern Officer in Full Dress (Summer) Unif.	} 25 th JÄGERSKY LITOVSKY REG.
5. N.C.O. ditto.	
4. Private in Undress Unif.	} 26 th JÄGERSKY VILENSKY REG.

1843-55.

Образцы формы военнослужащих 13-й пехотной дивизии,
в том числе Литовского егерского полка,
времен Крымской войны 1853-1856 гг.

*Полковой юбилейный нагрудной знак
51-го пехотного Литовского полка, выпущенный к его 100-летию*

*Юбилейное Георгиевское знамя 51-го пехотного Литовского Е.И.В.Н.Ц полка.
Реконструкция*

*Виды крепости Суоменлинна (быв. Свеаборг),
где был сформирован Свеаборгский гарнизонный полк —
предшественник 51-го пехотного Литовского полка*

*Здание Симферопольского художественного музея.
Фото 2022 г.*

*Обложка первого издания нот марша «Прощание славянки»,
оркестровку которого выполнил капельмейстер
51-го пехотного Литовского полка Я. И. Богорад*

Симферополь конца XIX в. походил на европейский провинциальный город — все строения были каменные, а улицы частью шоссированные, частью замощённые хорошей мостовой, были засажены деревьями

Церковь Св. Николая 51-го пехотного Литовского полка в Симферополе. Построена, как гарнизонная церковь. Освящена в 1898 г.

*Здание офицерского собрания 51-го пехотного Литовского полка в Симферополе.
Фото начала XX в.*

Открытка в действующую армию времен Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

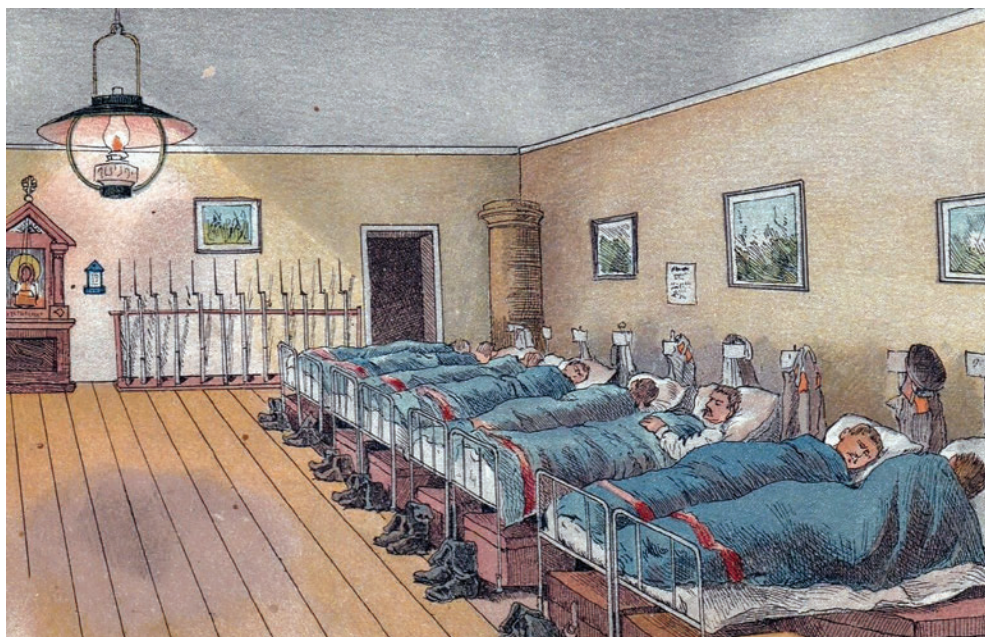
Казарменный быт Русской императорской армии времен Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

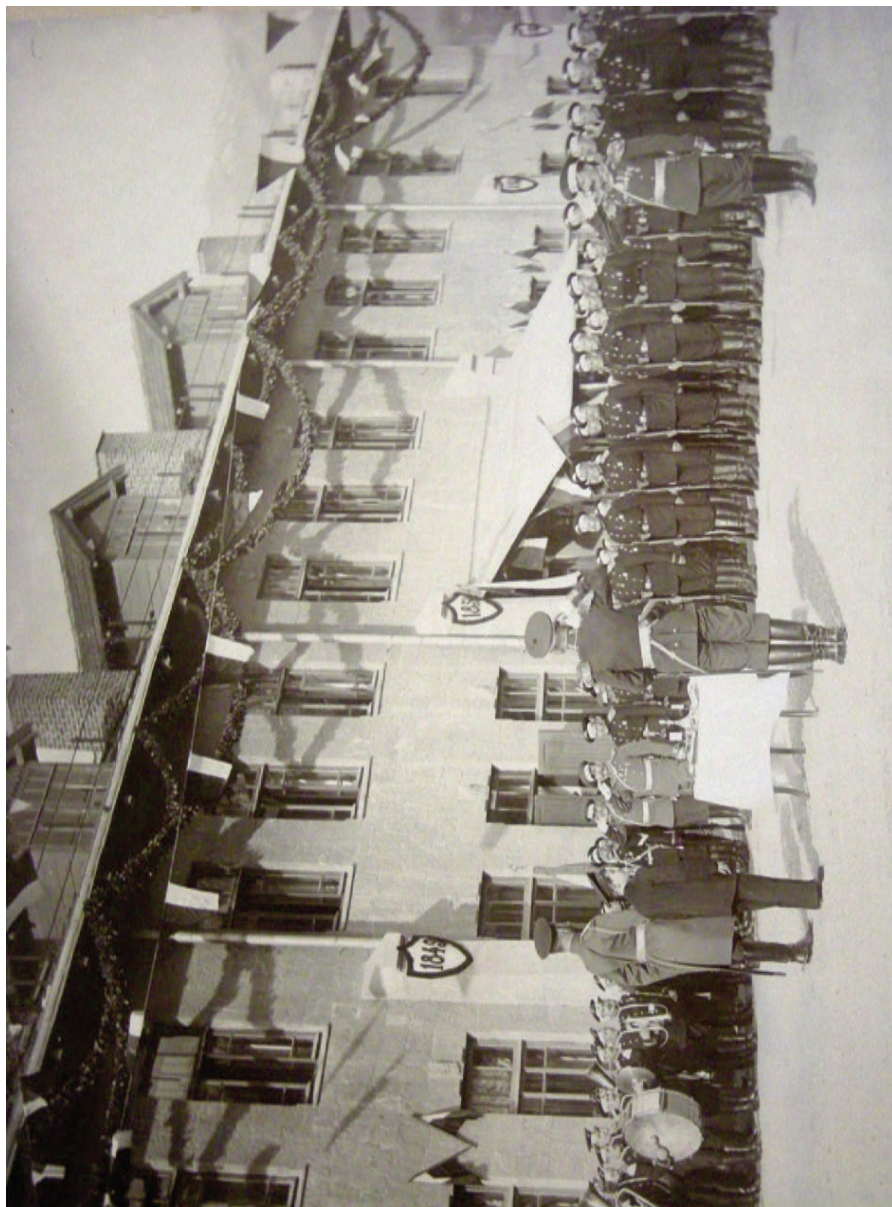
*Казарменный быт Русской императорской армии времен Первой мировой войны
(1914–1918 гг.)*

*Казарменный быт Русской императорской армии времен Первой мировой войны
(1914–1918 гг.)*

Совместное фото офицеров и нижних чинов Крымского конного полка
и 51-го пехотного Литовского полка

Парад 51-го Литовского полка в Ливадии. На фуражках солдат видны ленты за отличие. 1907–1912 гг.

Офицеры 51-го пехотного Литовского полка с императором Николаем II в Ореанде

*Император Николай II и офицеры
51-го пехотного Литовского полка у императорской резиденции в Ливадии.
Фото 1913 г.*

*Офицеры 51-го пехотного Литовского полка во время Первой мировой войны
(1914–1918 гг.)*

*Михаил Луптович Трифонов (1863–1917) —
подполковник 51-го пехотного Литовского полка*

*Протоиерей Иоанн Авксентьевич Голубев (? — 1919 или 1920) —
священник 51-го пехотного Литовского полка в 1913–1915 гг.*

Евгений Иванович Голубев (?–1920) — капитан 51-го пехотного Литовского полка, кавалер ордена Святого Георгия Победоносца IV ст., сын о. Иоанна Голубева

Иван Пантелеймонович Руденков (1870–1959) — в 1892–1896 гг. рядовой 51-го пехотного Литовского полка. Впоследствии – советский художник и фотограф

Дмитрий Георгиевич Андреади (1878–1914) — штабс-капитан 51-го пехотного Литовского полка, один из первых российских авиаторов

*Полковник 51-го пехотного Литовского полка
Костевич В. В.*

*Служащие 51-го Литовского полка.
Справа Морозов Андрей Савельевич (1913–1914 гг.)*

*Полковник Тарбеев И. М. (крайний слева).
В 1915–1916 гг. командовал 51-м пехотным Литовским полком*

*Прапорщик 51-го Литовского полка Карп Ломов. Тяжело ранен в августе 1914 г.
под Тарнополем, убит в январе 1915 г.*

Капитан 51-го пехотного Литовского полка на отдыхе в Крыму

У могилы боевых товарищей

Рядовой с вензелями Алексея на погонах во ВСЮР. Годы Гражданской войны

Могилы солдат Первой мировой войны в Карпатах. Словакия

Поминовение жертв Первой мировой войны. Словакия

Крипта в селе Осадне. Словакия

*Гробница воинов, погибших в Первой мировой войне,
в Осадне (Словакия)*

*Памятник Павшим русским воинам.
Словакия*

Церковь в Осадне. Словакия

*Словацкие реконструкторы у памятника
Павшим русским воинам. Словакия*

Хоругвь 51-го Литовского полка. Хранится в Кизилташском монастыре, в Крыму

Протоиерей Николай Сопига — настоятель Свято-Никольской церкви в Симферополе (бывшей гарнизонной церкви 51-го пехотного Литовского полка)

Реконструкторы 51-го пехотного Литовского полка в полковой церкви в Симферополе

Командир клуба 51-го пехотного Литовского полка И. Демешев

Ефрейтор клуба 51-й пехотный Литовский полк С. Зыков

*Член клуба 51-го пехотного Литовского полка В. Емельянов с дочерью
в зале офицерского собрания полка*

*Младший унтер-офицер клуба 51-го пехотного Литовского полка А. Могильников
в парадной форме образца 1907 г.*

*Члены клуба 51-го пехотного Литовского полка на полевом выходе.
Фото 2022 г.*

*Члены клуба 51-го пехотного Литовского полка на полевом выходе.
Фото 2022 г.*

В офицерском собрании 51-го пехотного Литовского полка

Пулеметчики

Подгонка снаряжения

vk.com/ww1_crimea

*Член клуба 51-го пехотного Литовского полка
в походном снаряжении образца 1909 г.*

*Члены клуба 51-го пехотного Литовского полка в крепости Керчь.
Фото 2019 г.*

Полковой праздник. Фото 2021 г.

*Члены клуба 51-го пехотного Литовского полка
у здания офицерского собрания полка в Симферополе. Фото 2017 г.*

*Члены клуба 51-го пехотного Литовского полка
проходят по улицам Симферополя. Фото 2017 г.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Полковые командиры Литовского пехотного полка

- 1809–1811 — полковник Шиллер
- 15.10.1811–19.3.1818 — майор (затем подполковник) Сергеев
- 17.3.1818–28.2.1829 — подполковник (затем полковник) Михаил Федорович Никитин 2-й
- 1.4.1829–17.5.1831 — полковник Михаил Иванович Курош³⁹⁵
- 17.5.1831–22.9.1839 — полковник (затем генерал-майор) Федор Афанасьевич Масловский 1-й
- 3.5.1840–22.10.1851 — подполковник (затем полковник, генерал-майор) Павел Петрович Артамонов
- 6.12.1851–23.10.1855 — полковник князь Лев Васильевич Гагарин
- 12.12.1855–19.7.1859 — полковник Николай Николаевич Чихачев 2-й
- 19.7.1859–8.6.1868 — полковник Петр Васильевич Шафиров
- 8.6.1868–28.11.1874 — полковник Петр Иванович Арцыбашев
- 30.11.1874–17.12.1878 — полковник Александр Иосифович Зашук
- 5.2.1879–10.6.1885 — полковник Александр Павлович Калинин
- 10.6.1885–12.1.1886 — полковник Николай Иванович Козлов
- 19.1.1886–3.11.1887 — полковник Константин Викентьевич Церпицкий

---

³⁹⁵ Исключен из списков умершим 17 мая 1831 г.

- 11.11.1887–29.10.1892 — полковник Георгий Николаевич Казбек
- 23.11.1892–16.7.1894 — полковник Николай Николаевич Гротенфельд
 Родился в 1847 г. Происходил из дворян. Образование начал в Финляндском кадетском корпусе, затем был переведен в Пажеский корпус, который окончил в 1866 г. Направлен прапорщиком в Лейб-гвардии Семеновский полк. С 1869 г. — подпоручик. С 1871 г. — поручик, командир 3-й роты полка. В этой должности участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в боях под Плевной, затем в составе Западного отряда генерал-адъютанта В. И. Гурко. За боевые отличия был награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом. С 1878 г. — капитан. В 1882 г. был награжден орденом Св. Анны III ст., а в 1885 г. — Св. Станислава II ст. В 1888 г. был произведен в полковники, за месяц до этого сдав роту после многолетнего командования. С 1890 г. — командир батальона. В 1891 г. был награжден орденом Св. Анны II ст. В 1892–1894 гг. — командир 51-го пехотного Литовского полка. Всю свою службу до принятия под командование Литовского полка Н. И. Гротенфельд провел в составе только одной части, но при этом получил прекрасный служебный и боевой опыт.
- 2.8.1894–17.4.1898 — полковник Александр Викторович Мягков
- 2.6.1898–4.4.1901 — полковник Иван Иванович Холодовский
- 22.5.1901–6.12.1905 — полковник Михаил Александрович Никулин
- 24.12.1905–1910 — полковник Дмитрий Георгиевич Черепашин-Иващенко
- 24.3.1910–24.1.1915 — полковник Гавриил Александрович Лихачев

24.1.1915–29.4.1915 — полковник Генерального штаба Алексей Алексеевич Ткаченко

Родился в 1868 г. Окончил Симбирский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище (1888) и Николаевскую академию генерального штаба по первому разряду (1900). В службу вступил в 1886 г. В офицеры произведен в 5-й саперный батальон, позже служил в 14-м саперном батальоне. С 1888 г. — подпоручик. С 1891 г. — поручик. С 1899 г. — штабс-капитан. С 1900 г. — капитан. Состоял при Виленском военном округе. В 1900–1904 гг. — старший адъютант штаба 45-й пехотной дивизии. В 1902–1903 гг. отбывал цензовое командование ротой в 177-м пехотном Изборском полку. В 1904 г. — офицер для поручений при штабе Виленского военного округа. С 1904 г. — подполковник. В 1904–1910 гг. — старший адъютант штаба Виленского военного округа. С 1908 г. — полковник Генерального штаба. В 1910 г. был прикомандирован к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук. В 1911 г. отбывал цензовое командование батальоном в 131-м пехотном Тираспольском полку. В 1912 г. был прикомандирован к артиллерии. Участник Первой мировой войны. В октябре 1914 г. был награжден Георгиевским оружием. В 1914 г. — старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. В 1914–1915 гг. — старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. В январе — апреле 1915 г. — командир 51-го пехотного Литовского полка. В апреле — июне 1915 г. — в резерве чинов при штабе Киевского военного округа с зачислением по армейской пехоте. В июне — сентябре 1915 г. — командир 11-го стрелкового полка. С сентября

1915 г. — в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа с зачислением по армейской пехоте. В 1916 г. был уволен со службы с пенсией. С 1918 г. состоял на учете в РККА. Возглавлял военный штаб партии социалистов-революционеров. В 1919 г. был арестован и отчислен с должности как находящийся под арестом. В 1921 г. вновь под арестом. Был награжден орденами Св. Станислава III (1905) и II (1914) ст. ст., Св. Анны III ст. (1912) и II ст. с мечами (1914), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1915), а также Георгиевским оружием (1914).

29.4.1915–?.1915

— полковник Владимир Иванович Вадзинский
Родился в 1860 г. В службу вступил в 1881 г. Окончил пять классов Одесской классической гимназии. В 1886 г., после окончания Одесского пехотного юнкерского училища по первому разряду, был произведен в подпоручики и выпущен в 49-й резервный пехотный батальон. С 1890 г. — поручик. С 1895 г. — штабс-капитан. С 1900 г. — капитан. Командир роты в Резервной пехотной бригаде. С 1905 г. — подполковник. В 1909 г. — командир батальона. С 1909 г. — полковник, младший штаб-офицер 182-го пехотного Гроховского полка. В 1913 г. (?) был уволен со службы. В 1914 г. вернулся на службу, был определен в 56-й пехотный Житомирский полк. Участник Первой мировой войны, был ранен. В 1915 г. — врио командира 56-го пехотного Житомирского полка. В том же году — командир 51-го пехотного Литовского полка. В июле 1915 г. по причине болезни был переведен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа с зачислением по армейской пехоте. В 1916 г. был уволен в отставку с мундиром и пенсией. По-

сле Октябрьской революции — участник Белого движения в составе ВСЮР. В 1920 г. был взят в плен. С 1921 г. состоял на особом учете в Одесской ЧК. Дальнейшая судьба неизвестна. Был награжден орденами Св. Станислава III ст., Св. Анны III ст. и Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, а также Георгиевским оружием (1916).

- ?1915–05.1916 — полковник Иван Михайлович Тарбеев
- 31.05.1916–23.10.1916 — полковник Михаил Степанович Стахов
Общее образование получил в Одесском городском училище. В службу вступил в январе 1884 г. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище. В офицеры произведен в 49-й пехотный Брестский полк. С 1887 г. — подпоручик. С 1891 г. — поручик. С 1900 г. — штабс-капитан. С 1901 г. — капитан. По состоянию на ноябрь 1911 г. — в 49-м пехотном Брестском полку. Участник Первой мировой войны в рядах 136-го пехотного Таганрогского полка. Командовал батальоном. В 1915 г. за боевые отличия был произведен в полковники. С мая 1915 по октябрь 1916 г. — командир 51-го пехотного Литовского полка. В ноябре 1915 г. был награжден Георгиевским оружием. В октябре 1916 г. был отчислен по причине болезни в резерв чинов при штабе Одесского военного округа. Был награжден орденом Св. Анны III ст. (1906) и Георгиевским оружием (1915).
- 14.12.1916–8.9.1917 — полковник Константин Константинович Лищицын
- 1918–1920 — (до окончательного расформирования полка) — полковник Александр Яковлевич Буяченко

Приложение 2

Литовцы — кавалеры ордена Св. Георгия Победоносца

В этом списке приведены имена офицеров 51-го пехотного Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка — кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия.

Покорение Чечни и Дагестана:

– Степанов Федор Макарович, майор, орден Св. Георгия Победоносца IV ст., 8.8.1845 г.

Восточная (Крымская) война:

– Выковский Антон Николаевич, поручик, орден Св. Георгия Победоносца IV ст., 17.10.1854 г.

– Мокрыз Георгий (Егор) Иванович, майор, орден Св. Георгия Победоносца IV ст., 17.10.1854 г.

Первая мировая война:

– Голубев Евгений Иванович, подпоручик, орден Св. Георгия Победоносца IV ст., 9.9.1915 г.

– Гречухин Сергей Владимирович, поручик, Георгиевское оружие, 8.5.1917 г.

– Доронин Александр Георгиевич, капитан, Георгиевское оружие, 24.2.1915 г.

– Кузьменко Борис Платонович, штабс-капитан, Георгиевское оружие, 29.5.1916 г.

– Леснов Илья Иванович, подпоручик, Георгиевское оружие, 10.12.1915 г.³⁹⁶

– Лихачев Гавриил Александрович, генерал-майор, командир 51-го пехотного Литовского полка, Георгиевское оружие, 11.10.1914 г.; орден Св. Георгия Победоносца III ст., 3.11.1915 г.

– Молчанов Михаил, прапорщик, Георгиевское оружие, 10.12.1915 г.

– Ртищев Павел Федорович, капитан, орден Св. Георгия Победоносца IV ст., 30.6.1917г.

---

³⁹⁶ Убит 16 января 1917 г.

– Сахаров Александр Владимирович, капитан, Георгиевское оружие, 24.2.1915 г.

– Слюсарев Александр Давидович, поручик, орден Св. Георгия Победоносца IV ст., 13.11.1916 г.:

«За то, что в бою 6 июня 1915 г. у д[еревни] Ставки, когда наши части начали под натиском германцев отступление и обнажили левый фланг названного полка, он, командуя батальоном на левом фланге своего полка и видя тяжелое положение соседних справа батальонов, получивших приказание отходить, по собственной инициативе решил прикрыть отход полка. Искусными действиями своих рот он, сдержав натиск превосходных сил противника, переходя не раз в контратаку и убедившись, что соседние справа батальоны полка вышли из тяжелого положения, скрытно и постепенно отвел батальон в тыл, присоединившись к полку».

– Смирнов Лев Александрович, штабс-капитан, Георгиевское оружие, 1.2.1917 г.

– Теплов Николай Сергеевич, капитан, орден Св. Георгия Победоносца IV ст., 4.4.1917 г.

– Тимченко Федор Устинович, поручик, Георгиевское оружие, 1.2.1917 г.

– Чика Сергей Николаевич, штабс-капитан, Георгиевское оружие, 13.11.1916 г.

Приложение 3

Биографии чинов Литовского пехотного полка

Станишевский Лев Александрович (1862–?)

Общее образование получил в военной прогимназии. В службу вступил в 1878 г. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище. В офицеры произведен в 51-й пехотный Литовский полк. С 1881 г. — прапорщик. С 1884 г. — подпоручик. С 1888 г. — поручик. С 1899 г. — штабс-капитан. С 1900 г. — капитан. С 1912 г. — подполковник. По состоянию на май 1913 г. — в том же чине в 13-м пехотном Белозерском полку. Участник Первой мировой войны в рядах 51-го пехотного Литовского полка. Командовал батальоном. С 1916 г. — полковник. По состоянию на август 1916 г. — в том же чине и полку. До апреля 1917 г. — командир 13-го пехотного Белозерского полка. В апреле 1917 г. был отчислен за болезнью в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Дальнейшая судьба неизвестна. Был награжден орденами Св. Анны III ст. (1906) и Св. Станислава II ст. (1910)³⁹⁷.

Табенцкий Франц Францевич (1867–?)

По вероисповеданию католик. Окончил пехотное юнкерское училище. Выпущен в 166-й пехотный резервный Луцкий полк. В службу вступил в 1886 г. С 1892 г. — подпоручик. С 1896 г. — поручик. С 1900 г. — штабс-капитан. С 1904 г. — капитан. По состоянию на январь 1909 г. служил в 51-м пехотном Литовском полку. С 1914 г. — подполковник. Полковник. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР и Русской армии до эвакуации белых из Крыма. В январе 1920 г. — начальник отряда, посланного для ликвидации выступления капитана Н. И. Орлова в Крыму. Галлиполиец. Осенью 1925 г. — в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии. Был награжден орденами Св. Анны III ст. (1906) и II ст. с мечами (1915), Св. Станислава II ст. (1910).

Руденков Иван Пантелеймонович (1870–?)

Родился в Юзовке³⁹⁸. Рано потеряв родителей, остался на попечении старшей сестры. С детства проявил способность к рисованию. Карьеру художника начал случайно. Рисую где только можно мелом и углем,

397 Список подполковникам по старшинству. Составлен по 15.05.1913. СПб., 1913.

398 В настоящее время — Донецк (Украина).

И. П. Руденков

И. П. Руденков с женой

случайно оставил рисунок на кабине паровоза. Машинисту с большим трудом удалось найти юного автора. Узнав, что мальчишка — сирота, железнодорожник усыновил его.

Срочную армейскую службу проходил в Симферополе, в 51-м пехотном Литовском полку. Остался в городе после службы, женился на М. А. Курагиной. После военной службы учился в художественном училище в Санкт-Петербурге. Вернувшись в Симферополь, открыл на улице Пушкинской художественный магазин-мастерскую. Сделал фотографии видов Симферополя и издал их в Швеции как первый набор открыток с видами города.

После установления советской власти в Крыму в 1920 г. семью Руденковых выселили из собственного дома, но потом жилье вернули. В 1926 г. был избран депутатом городского совета. На этой должности занимался проблемами водоснабжения. По его предложению в Симферополе были установлены ручные водоразборные колонки, позволившие решить проблему водного дефицита. Открыл под городом охристые глины и наладил производство охристых красок высокого качества, которые были ярче обычных.

Удостоверение запасного солдата 51-го пехотного Литовского полка на имя И. П. Руденкова хранится в Музее города Симферополя, куда оно было передано его внуком, В. Н. Фонским.

Сахаров Александр Владимирович (1879–1916)

Общее образование получил в Киевском кадетском корпусе. В службу вступил в 1896 г. Окончил 3-е военное Александровское училище по первому разряду. Выпущен в 3-й мортирный артиллерийский полк. С 1897 г. — подпоручик. В 1902 г. был переведен в гвардию с чином поручика, тогда же переименован в штабс-капитаны.

Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Был ранен и контужен. В 1905 г. за боевые отличия был произведен в капитаны. По состоянию на ноябрь 1913 г. служил в 51-м пехотном Литовском полку. Участник Первой мировой войны. Командовал ротой и батальоном в Литовском полку. С 1915 г. — подполковник. С 1916 г. — полковник. В августе — декабре 1916 г. — командир 197-го пехотного Лесного полка. Был награжден орденами Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1905) и III ст. (1916), Св. Анны IV ст. (1905), Св. Станислава III ст. (1909), мечами и бантом к нему (1916), а также Георгиевским оружием (1915). Исключен из списков 28 декабря 1916 г. умершим³⁹⁹.

Марченко Гавриил Андреевич (1884–?)

Родился в Екатеринославской губернии. В 1906 г. был призван на военную службу и зачислен в 51-й пехотный Литовский полк, затем

Ополченский билет
на имя И. П. Руденкова

399 Список капитанам армейской пехоты на 01.11.1913. (испр. по 25.03.1914). СПб., 1914; Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. Пг., 1916.

переведен в 209-й резервный Николаевский полк. В 1907 г. окончил учебную команду. С 1908 г.— старший унтер-офицер. С 1909 г. — на сверхсрочной службе. В 1910 г. по случаю расформирования полка был зачислен в 133-й пехотный Симферопольский полк (приказ по 34-й пехотной дивизии № 80 от 25 июля 1910 г.). Окончил школу подпрапорщиков. С 1912 г. — подпрапорщик. Участник Первой мировой войны. В 1916 г. «за боевые отличия» был произведен в прапорщики⁴⁰⁰.

Яковлев Владимир Петрович (1891–1937)

Происходил из семьи военного (?). Окончил Ашхабадскую классическую гимназию. С июля по декабрь 1914 г. учился в Ташкентском военном училище. С февраля 1915 по декабрь 1917 гг. служил в 51-м пехотном Литовском полку. Участник Первой мировой войны. Штабс-капитан. В феврале 1915 г. был ранен в Карпатах. В октябре — декабре 1917 г. — начальник связи полка. В декабре 1917 — апреле 1918 гг. служил при штабе Румынского фронта, а затем демобилизован. В ноябре 1918 г. был мобилизован в Крымско-Азовскую добровольческую армию. В ноябре 1918 — октябре 1919 гг. — делопроизводитель конвойной. В октябре 1919 — ноябре 1920 гг. — делопроизводитель и казначей отдельного стрелкового дивизиона в Севастополе. В ноябре 1920 г. находился в госпитале больной тифом. По выздоровлении был арестован Севастопольским особым отделом за службу у белых и осужден на три года концлагеря. В мае 1922 г. был освобожден из Екатеринославского концлагеря как отбывший срок наказания и взят на учет в Екатеринославском губвоенкомате как бывший белый офицер. Расстрелян в декабря 1937 г. на Бутовском полигоне в Москве.

По состоянию на 1922 г. был холост. Сестры: Елена, в замужестве Болховитинова, учительница, проживала в Полторацке⁴⁰¹; Нина, в замужестве Бауман, проживала в Гатчине; Татьяна, служащая на железной дороге, проживала в Полторацке.

Был награжден орденами Св. Анны III ст. за боевые заслуги, Св. Станислава II ст., Св. Владимира IV ст., а также Георгиевским солдатским крестом.

400 ВП 15 июня 1905 г.; ВП 20 июля 1905 г.; ВП 15 марта 1906 г.; ВП 10 октября 1906 г.; ВП 23 мая 1910 г.; ВП 7 мая 1915 г.

401 В настоящее время — Ашхабад (Туркменистан).

Приложение 4

Списки чинов Литовского полка по старшинству (на 1 мая 1915 г.)⁴⁰²

Полковники:

- Ткаченко Алексей Алексеевич (командир полка)
- Моисеев Александр Александров

Подполковники:

- Морозов Василий Ильич
- Трифонов Михаил Луппов
- Иванов Сергей Александров
- Гошталък Иван Борисов

Капитаны:

- Сахаров Александр Владимиров
- Табенцкий Франц Францев
- Богданович Александр Апполонов
- Караянов Иван Христофонович
- Бородин Михаил Михайлович
- Луценко Данила Федоров
- Руднев Николай Михайлович
- Шипулин Павел Иванов
- Чекановский Витольд Казимирович
- Руцинский Иосиф Иосифов
- Снесарев Александр Иванович

Штабс-капитаны:

- Рымицан Виктор Августинов
- Нассонов Иван Николаевич
- Зеленгур Владимир Александров
- Александрович Ярослав Николаевич
- Костецкий Феоктист Иванович
- Налбандов Самсон Мартынович
- Любимов Владимир Виссарионов
- Дремин Митрофан Дмитриев

---

402 РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14913.

– Вишняков Борис Иванович

Поручики:

- Кейльман Фридрих Фридрихович
- Шпаков Владимир Георгиевич
- Кузьменко Борис Платонов
- Залесский Вячеслав Владимирович
- Ильинский Николай Николаевич
- Буяченко Александр Яковлевич
- Теплов Николай Сергеев
- Ермоленко Борис Дмитриев
- Слюсарь Михаил Давидович

Подпоручики:

- Гриневский Александр Иванович
- Белецкий Николай Емельянович
- Сергеев Андрей Иванович
- Зеленгур Виктор Александров
- Погребной Константин Александров
- Любимов Яков Яковлевич
- Вельчев Никита Федоров
- Чика Сергей Николаевич
- Свечников Валерий Вячеславович
- Радзиновский Николай Александров
- Моисеев Мстислав Александров
- Васильев Константин Дмитриев
- Суховерко Петр Михайлович
- Голубев Евгений Иванов
- Иванов Николай Сергеевич
- Дуб Георгий Петрович
- Пономарев Георгий Павлов
- Новиков Всеволод Константинович
- Цинамзгваров Константин Иванов
- Бояджиев Владимир Дмитриев
- Скаковский Генрих Ипполитов

Прапорщики:

- Нейковский Петр Иванов

Прапорщики запаса:

- Майковский Владимир Николаев
- Кубышкин Дорофей Иванов
- Молчанов Михаил Николаев
- Петров Степан Николаев
- Васильев Сергей Ильич
- Вышомирский Антон Михайлович
- Миняев Николай Александров
- Инихов Сергей Сергеевич
- Войшнис Людвиг Антонов
- Игельстром Андрей Андреевич
- Петергоф Генрих Генрихов
- Яковлев Владимир Петрович
- Бер Генрих Иванов
- Люц Евгений Эдуардов
- Орлов Владимир Иванов
- Мазаев Павел Григорьев
- Клопотович Павел Николаевич
- Гусаков Александр Федоров
- Гладун Артем Иванов
- Куцый Емельян Трифионов
- Орехов Илья Федоров
- Гончарук Евгений Максимов
- Савенко Михаил Иванов
- Комендант Иван Иванов
- Тарасевич Дмитрий Васильевич
- Покровский 1-й Александр Петрович
- Покровский 2-й Михаил Алексеевич
- Козлов Петр Алексеев
- Леснов Илья Иванович
- Смирнов Лев Алексеев
- Ромашкевич Генрих Антонов
- Хрусталеv Василий Семенов
- Кудрич Михаил Георгиев
- Кебабчиев Манук Григорьев
- Марков Анатолий Васильев
- Паркевич Алексей Игнатьевич
- Калинин Константин Михайлович

Титульный лист списка офицеров
51-го Литовского полка
по старшинству в чинах
на 1 января 1914 г.

- Гербов Осип Васильевич
- Агапов Иван Андреев
- Дубейковский Иосиф Францев
- Зайцев Павел Семенов
- Раждественский⁴⁰³ Петр Михайлович
- Гончарко Даниил Иосифов
- Дельцов Иван Васильевич
- Стражев Петр Иванов
- Морозов Николай Иванов
- Смирнский Николай Семенов
- Красавин Николай Александров
- Любарский Георгий Александров
- Деревщиков Николай Михайлов
- Дахневский Иван Евгеньев
- Бочаров Сергей Григорьевич
- Кузнецов...
- Лазарев...
- Смирнов 2-й...
- Гречухин...

Прикомандированы:

- подполковник 52-го пехотного Виленского полка Коваленко Петр Сергеевич — временно командующий полком с 26 марта 1915 г.

---

403 Именно так в документе.

Приложение 5

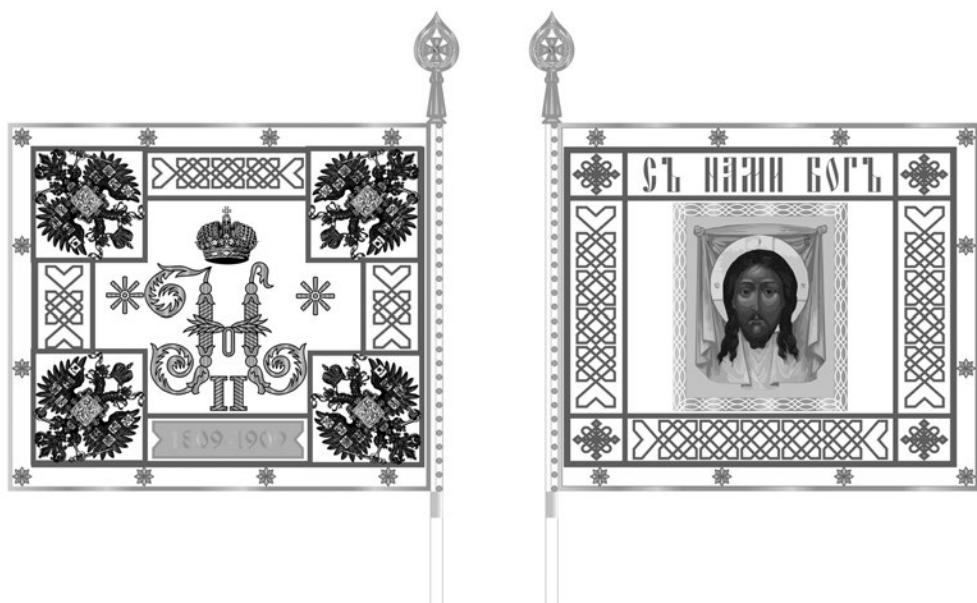
Знамя 51-го пехотного Литовского его императорского высочества наследника цесаревича Алексея полка (на 1 августа 1914 г.)

Пожалуй, наиболее уникальной находкой последнего времени можно считать обнаруженное в фондах Государственного Исторического музея последнее знамя 51-го пехотного Литовского полка. Нет более значимого для воинского подразделения предмета, чем его знамя. История знамен 51-го полка имеет славные и трагические страницы, но о последнем императорском знамени полка, с которым он ушел из Крыма на Первую мировую войну, стоит сказать отдельно.

22 октября 1909 г. (в день старшинства, то есть в дату создания) 51-му Литовскому полку было пожаловано Георгиевское юбилейное знамя образца 1900 г. Право полка на такое знамя было подтверждено приказом по Военному ведомству № 96от 18 марта 1884 г. С этого времени старшинство всех батальонов полка считается с 1809 г., от Свеаборгского полка. Было решено, что на полковом знамени будет надпись «За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года и за отличие в сражении против турок за рекою Чолоком 4 июня 1854 года», то есть будут перечислены отличия всех батальонов полка.

К 1909 году знамена были унифицированы, поэтому полк, как 3-й в дивизии, получил знамя с белым полотнищем, белой каймой и белым древком. Знамя представляло собой цельнотканое полотно размером 111,25 на 124,6 сантиметра с надписью «С нами Бог» и ликом Спаса Нерукотворного на лицевой стороне и орлами в углах на оборотной стороне, а также с алым орнаментом и вышитыми золотом вензелем Николая II и звездами разного типа. То есть это было стандартное армейское пехотное исполнение, утвержденное 21 апреля 1900 г. В нижней части знамени на оборотной стороне в ознаменование 100-летнего юбилея полка на голубой андреевской ленте были размещены цифры 1809–1909.

Кроме того, к годовщине полк получил юбилейную красную александровскую ленту (ширина — 10 сантиметров, длина — около 150 сантиметров), на которой были отмечены части, из которых полк был сформирован: «1809 г. Свеаборгский гарнизонный полк. 1811 г. Литовский пехотный полк», вензеля Александра I (при нем полк был создан) и Николая II (пожаловал знамя), а также был размещен государственный герб — двуглавый орел, на банте с надписью «1909 года». Допол-

Знамя 51-го пехотного Литовского полка образца 1909 г.

нительно была пожалована и такая же георгиевская лента с указанием отличий полка (см. выше). Крепились ленты к навершию знамени шнуром под бант александровской ленты через пуговицу, но подвязывались туда только по особо торжественным случаям, например к полковому празднику или высочайшему смотру. В остальное время ленты хранились в сейфе командира полка.

На медную вызолоченную скобу шириной 6,7 сантиметра под полотнищем были нанесены сведения о формировании и отличиях полка. Навершие знамени было Георгиевским, образца 1867 г.: копьё с Георгиевским крестом, покрытым финифтью, в полном венке.

11 июня 1912 г. было решеношивать на лицевой стороне Георгиевских знамен под иконой отрезок георгиевской ленты с надписью отличия части. Поэтому надпись «За поход вь Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года и за отличие в сражении против турок за рекой Чолоком 4 июня 1854 года» вместе с годом «1884» и вензелем императора Александра III (именно он окончательно определил старшинство полка и числящиеся за ним отличия) была вышита на отрезке георгиевской ленты, пришитой под ликом Спаса Нерукотворного и на оборотной стороне александровской юбилейной ленты. Георгиевская узкая лента на навершии шириной 4,45 сантиметра и длиной 213 сантиметров с ки-

стями на конце теперь была без надписей. Помимо этого над скобой крепился пехотный темляк на георгиевской ленте, которым связывался в походном положении чехол знамени.

Именно с таким знаменем полк ушел на Великую войну и сражался на полях Галиции, в Карпатах, на Румынском фронте.

Долгое время считалось, что знамя полка было спрятано офицерами воссозданного в годы Гражданской войны в Добровольческой армии Литовского полка при исходе из Крыма в ноябре 1920 г. в подвале здания офицерского собрания в Симферополе. Основанием для этого послужили пересказанные потомками воспоминания одного из офицеров. Иногда даже предпринимались попытки отыскать его, но безуспешно. И вот совсем недавно в госкаталоге Государственного Исторического музея были опубликованы фотографии полотнища полкового знамени именно в том состоянии, в котором оно должно было быть на начало Великой войны⁴⁰⁴.

После Февральской революции, в соответствии с приказом по Военному ведомству № 182 от 4 апреля 1917 г., воинские части должны были передавать знамена в технический комитет Главного инженерного управления для, скажем так, демонархизации: удалялся вензель и короны на орлах. А на некоторых знаменах прямо в частях вензеля и иконы спарывали или вообще зашивали красной тканью. Судя по всему, в отличавшемся дисциплиной 51-м пехотном Литовском полку подобное не нашло поддержки ни у командиров, ни у солдат. Поэтому знамя без подобных издевательств было передано после 22 сентября 1917 г. в комитет, но в революционной буре смены правительств и начальников срезать с него ничего не успели. Таким оно и попало в фонды музея.

А что касается легенды о спрятанном в офицерском собрании в Симферополе знамени Литовского полка, то тут тоже рано ставить точку. Полк был восстановлен в деникинской армии и, вполне возможно, получил там новое знамя. Так, может быть, его и спрятали покидавшие родину офицеры-литовцы?

---

404 Знамя 51-го пехотного Литовского полка // Госкаталог.рф. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35481162> (дата обращения: 30.09.2022).

ИСТОЧНИКИ

Дополнительная литература

1. Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920. Орел, 2005.
2. Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. К., 2005.
3. Армейская пехота. Справочные книжки императорской Главной квартиры. СПб., 2006.
4. Армия. Белград, 1924. С. 27.
5. Асанова У. К. Новые документы по истории музейного дела в Крымской АССР в 20-е годы XX века из фондов Государственного архива Российской Федерации // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 23 (62). № 1. Симферополь, 2010. С. 10–21.
6. Базанов С. Н. Алексей Алексеевич Брусилов. М., 2006.
7. Балуевский Ю. Н. Уроки Кавказских войн // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 3–9.
8. Барановский А. Военные реликвии возвращаются из небытия // Независимое военное обозрение. 2005. 20 мая.
9. Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856. С. 96–98.
10. Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году. М., 1979.
11. Богданович М. Дело при Дембе-Вальке // Исторический вестник. 1881. № 6. Т. 2. С. 279–282.
12. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974.
13. Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия: Биобиблиографический справочник. М., 2004.
14. Военный энциклопедический словарь. М., 1986.
15. Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России / Ред., сост. С. А. Волков. М., 2002.
16. Габаев Г. С. Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке // Журнал императорского Русского военно-исторического общества. 1911. №№ 4–6.
17. Гизетти А. Л. Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896.
18. Горякина В. С. Ленинская «Искра» в Крыму. Симферополь, 1990. С. 36–37.

19. Гражданская война на Украине. 1918–1920: Сборник документов и материалов. Т. 1. Кн. 2. К., 1967.
20. Гутор А. Е. Оборона корпуса на широком фронте. Действия 7-го русского корпуса с 3 по 6 сентября 1915 г. М., 1939.
21. Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918 гг.: (По материалам архивов французского военного министерства). Париж, 1933.
22. Даргинская трагедия. 1845 г. СПб., 2001.
23. Долгополов А. Добровольческие десанты в Азовском и Черном морях // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 214–225.
24. Егоров Н. Д. Русский генералитет накануне Гражданской войны (Материалы к биографическому справочнику). М., 2004.
25. Загородских Ф. С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь, 1940.
26. Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
27. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
28. Знамена и штандарты полков, батальонов российской армии. Пехотные полки №№ 51–55 // Вексиллография. URL: <http://www.vexillographia.ru/russia/rarmy020.htm> (дата обращения: 30.09.2022).
29. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками. / Под ред. А. В. Висковатова. СПб., 1841–1862. Т. 13.
30. Истрати Е. Н. Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 г. Кишинев, 1973. С. 79.
31. Карпов Н. Крым — Галлиполи — Балканы. М., 2002.
32. Колюбакин Б. М. Кавказская экспедиция в 1845 году // Военный сборник. 1907. № 1–3.
33. Корзун Л. Разведка русской армии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 1981. № 4. С. 60–65.
34. Королев В. И. Жандармы Крыма. Кто они? // Историческое наследие Крыма. 2007. № 17. С. 163–169.
35. Коротков И. В решающих боях против Врангеля (1920 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 10. С. 87–108.
36. Кручинин А. С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999.
37. Крымский конный ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полк. 1784–1922: Историческая памятка. Вайнленд, 1976.

38. Кулинский А. Н., Русское холодное оружие XVIII–XX вв. СПб., 2001.
39. Куропаткин А. Н. Ловча, Плевна, Шейново // Военный сборник. 1883. № 7. С. 29.
40. Кушер Ю. Л. Русская армия генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 44–48.
41. Лампе А. А. Орден Святителя Николая Чудотворца // Новый часовой. 1994. № 1. Приложение 1. С. 59.
42. Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская регулярная пехота 1801–1855. М., 1996.
43. Матасов в. Белое движение на Юге России 1917–1920. Монреаль, 1990.
44. Михайлов А. А. Руководство военным образованием в России во второй половине XIX — начале XX века. Псков, 1999.
45. Мурзакевич Н. Н. Великий князь Николай Николаевич // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 673.
46. Навершия русских флагов и знамен // Вексиллография. URL: <http://www.vexillographia.ru/russia/grotik.htm> (дата обращения: 30.09.2022).
47. Надикта В. М. «В качестве боевой награды...» // Новый град (Симферополь). 1995. С. 28–38.
48. Наймушин И. К истории бальных жетонов Морского инженерного училища императора Николая I // Петербургский коллекционер. 2000. № 1 (7). С. 9.
49. Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., 1940.
50. Олейников А. В. Из истории 7-го гусарского Белорусского полка. Несколько слов о трофеях русской конницы весной — летом 1916 г. // Битва гвардий. URL: <https://btgv.ru/history/troops-history/-russian-army/from-the-history-of-the-7th-belarusian-hussar-regiment-a-few-words-about-the-trophies-of-the-russian-cavalry-in-the-spring-and-summer-of-1916/> (дата обращения: 30.09.2022).
51. Онищенко Н. О чем вспоминается на «шагальне»? // Крымские известия. 2006. 23 декабря. № 240 (3714). С. 5.
52. Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004.
53. Офицеры российской гвардии в Белой борьбе / под. ред. С. В. Волкова. М., 2002.

54. Переключка: От редакции // Часовой. 1929. № 1–2. С. 13.
55. Погосянц Х. С. В рядах советских авиаторов. Ереван, 1969. С. 102.
56. Полчанинов Р. В. М. Байдалаков в Сараеве // Посев. 2009. № 6. С. 42–44.
57. Последние бои Вооруженных Сил Юга России. М., 2004.
58. Розинский В. Очерки истории Гражданской войны. Мельбурн, 1977. С. 110.
59. Роспись знамен, штандартов и особых знаков отличий в войсках состоящих / Изд. 2-е. СПб., 1853.
60. Руководители Санкт-Петербурга. СПб.; М., 2003.
61. Симферополю 200 лет. 1784–1984: Сб. документов и материалов. К., 1984. С. 62–63.
62. Слободянюк М. Гродненские гусары 1824–1830 // Однострій. 2009. № 9. С. 2–3.
63. Смирнов А. Имя полка // Родина. 1995. № 1.
64. Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993.
65. Список генералам по старшинству. Составлен по 10.07.1916. Пг., 1916.
66. Список генералам по старшинству. Составлен по 15.04.1914. Пг., 1914.
67. Список старшим войсковым начальникам, начальникам штабов: округов, корпусов и дивизий и командирам отдельных строевых частей. СПб., 1913.
68. Стогов П. Е. На старом «Память Меркурия». Воспоминания. 1905–1906 гг. // Морские записки. 1944. Т. II. № 4. С. 295–324.
69. Трутко И. Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 92–113.
70. Тутунов В. И. История военной музыки России. М., 2005.
71. Ушатая Р. И. История библиотек города Симферополя: конец XIX — первая половина XX века // Культура народов Причерноморья. 2006. № 98. Т. 2. С. 34.
72. Фролов Б. Развитие тактики наступательного боя в русской армии в Первую мировую войну // Военно-исторический журнал. 1981. № 6. С. 65–70.
73. Фуки А., Капяр В. Караимы — сыновья и дочери России: рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной войны. М., 1994. С. 48.

74. Ходаренок М. Неудачный поход в Чечню // Независимое военное обозрение. 2004. 22 мая.
75. Хохлов И. В. Полковая историография русской армии в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 161–162.
76. Цейхгауз. 2006. № 23.
77. Шевяков Т. Н., Пархаев О. К. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX — начала XX вв. М., 2002.

Архивные документы

ГА АРК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 195. Лл. 21, 53.

ГА РФ. Ф. 455. Оп. 1. Д. 8752.

ГА РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 11. Рукопись.

РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 63. Л. 304.

СОДЕРЖАНИЕ

Военно-историческая реконструкция	5
Исторический очерк военной службы 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка	7
К ЧИТАТЕЛЮ	9
НАЧАЛО	14
Почему «Литовский»?	14
Свеаборгский гарнизонный полк	20
Комплектование	31
СОЗДАНИЕ ЛИТОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА	36
Структура полка	36
Боевая учеба	43
В ОГНЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН	46
Крещение огнем	46
Поход в Европу	55
Пруссия. 1813 г.	58
В СОСТАВЕ ОСОБОГО ЛИТОВСКОГО КОРПУСА	67
Создание Литовского корпуса	67
На новом месте	72
История с Пушиным	78
Военная повседневность	83
ПЛАМЯ ПОЛЬСКОГО МЯТЕЖА	87
Гроховское сражение	87
Трагедия у Вавра	92
Доукомплектование	96
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮГ	101
Несостоявшийся Дунайский поход	101
Новое место службы — Крым	106
ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА КАВКАЗ	114
Начало кавказской эпопеи	114
Даргинская экспедиция	118
Сухарная экспедиция	124

ВЕНГЕРСКИЙ ПОХОД	129
На отдыхе.....	129
Сражение в Ойтузском ущелье.....	132
Короткое мирное время	136
КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ ЛИТОВЦЕВ: НАЧАЛО	138
Подготовка к экспедиции.....	138
Десант на Кавказ	144
Бой за Николаевское укрепление	147
В Гурийском отряде	152
Бой у реки Чолок	161
СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ БАСТИОНЫ ЛИТОВЦЕВ	167
Начало Крымской войны.....	167
Подвиг литовцев на 10-й и Александровской батареях Севастополя.....	172
Осада.....	183
КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ ЛИТОВЦЕВ: ПРОДОЛЖЕНИЕ	188
Пятьдесят первый	188
В составе Адагумского и Урупского отрядов.....	189
Прощай, Кавказ!	198
ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЫМ	200
В Северной Таврии	200
Строительство крепости Керчь.....	202
СИМФЕРОПОЛЬ — ПОЛКОВОЙ ДОМ НА МНОГИЕ ГОДЫ	213
На новом месте	213
Русско-турецкая война 1877–1878 гг.	218
После войны 1877–1878 гг.	232
ПОД ЗНАМЕНАМИ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА	255
Полковой храм	255
Жизнь и служба	260
Русско-японская война 1904–1905 гг.	264
Беспокойный век.....	266
Альбом для цесаревича	273
Накануне юбилея	277
Юбилей полка	281
Пасха у императора.....	294
Марш «Прощание славянки».....	298

Офицерское собрание Литовского полка.....	301
Полковая библиотека	308
Пионер российской авиации.....	310
НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ	317
Мобилизация.....	317
На фронт.....	319
Бой за Тарнополь	322
Сражение на Гнилой Липе	327
Карпатская операция	331
Литовцы в 1915 г.....	336
Оборонительные бои в Галиции.....	346
Бой у высот 354 и 358.....	348
Брусиловское наступление	357
В русском экспедиционном корпусе.....	360
Развал армии	366
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА:	
ПОСЛЕДНИЕ БОИ ЛИТОВЦЕВ В РОССИИ.....	371
Против новой власти	371
Второе рождение 13-й пехотной дивизии	380
Литовцы в Белой армии	385
Бои за Крым	389
Последние сражения.....	395
НА ВОЛНАХ ВЕЛИКОГО ИСХОДА.....	398
Судьбы ушедших.....	398
Судьбы оставшихся.....	402
Память	408
ПРИЛОЖЕНИЯ	414
Приложение 1	414
Приложение 2	419
Приложение 3	421
Приложение 4	425
Приложение 5	429
ИСТОЧНИКИ	432
Дополнительная литература	432
Архивные документы	436

Научно-популярное издание

ЧЕННЫК Сергей Викторович

**ИСТОРИЯ 51-ГО ЛИТОВСКОГО ПОЛКА:
ОТ ФИНСКИХ СКАЛ ДО БЕРЕГОВ ТАВРИДЫ**

Литературный редактор — А. Меснянко

Выпускающий редактор — М. Новиков

Корректор — М. Зима

Обложка — А. Жуков

Подписано в печать 20.10.2022

Формат 70x100/16

Усл. печ. л. 39,0

Издание подготовлено

Издательством «Альбатрос» (ИП Зима М. В.)

Для писем: 299028, г. Севастополь, а/я 34

E-mail: albatross-book@yandex.ru

Тел. +7 978 763-61-43

ISBN 978-5-907360-44-0

создано с
росмолодёжь
гранты

ISBN 978-5-907360-44-0

9 785907 360440